This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

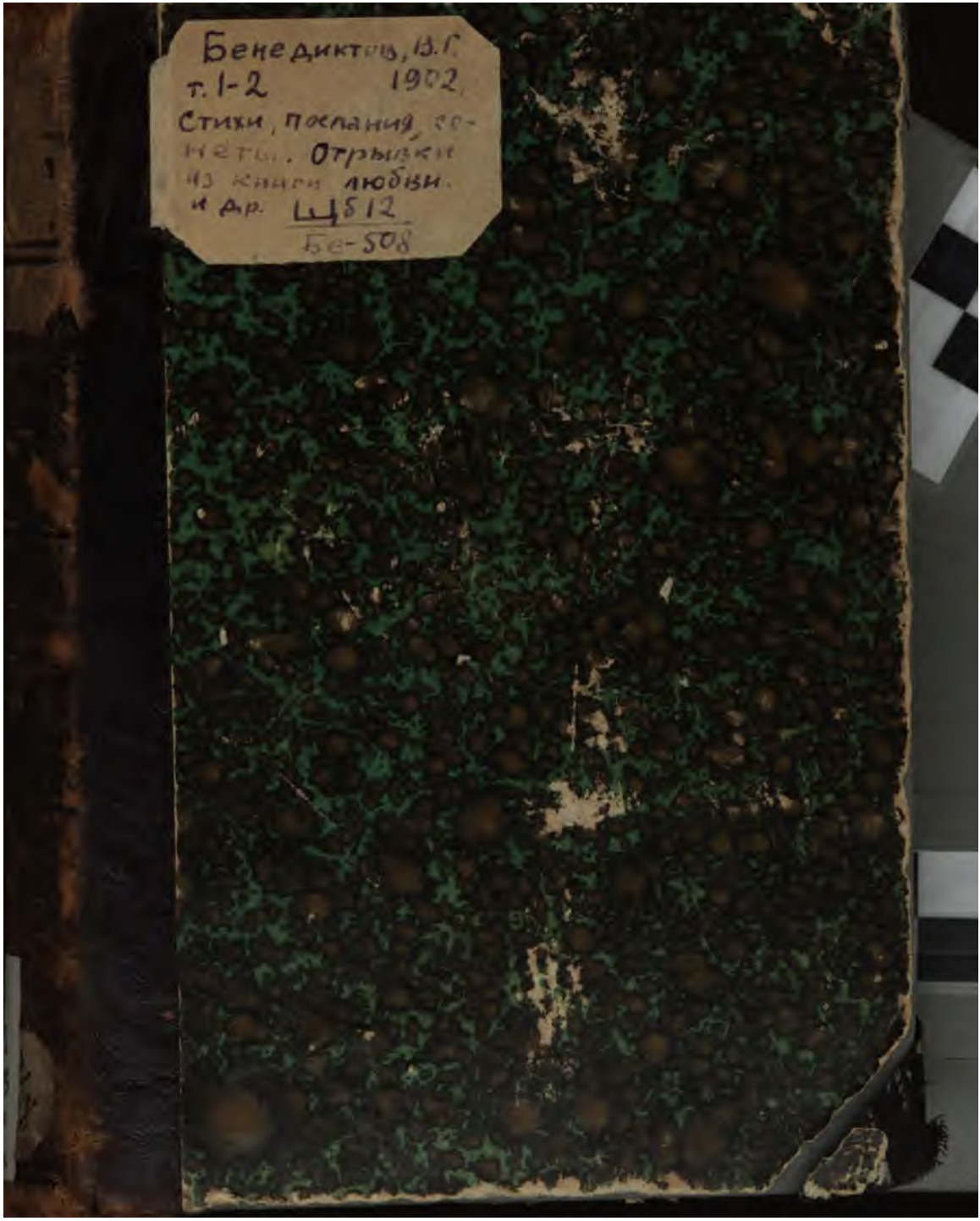
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`


Бенедиктов, В.Г.
т. 1-2 1902.
Стихи, послания, со-
неты. Отрывки
из книги любви.
и др. Щ512
Бе-508

II-7608

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES

T2 cm

١

Ф. 87.
129

СОЧИНЕНІЯ
В. Г. БЕНЕДИКТОВА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Я. П. ПОЛОНСКАГО

ВТОРОЕ ПОСМЕРТНОЕ ИЗДАНІЕ

съ біографіей и портретомъ автора

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ИЗДАНІЕ
поставщиковъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, *Гостиный дворъ*, 18 | МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 12
1902

СОЧИНЕНІЯ

В. Г. БЕНЕДИКТОВА

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ВСЕСОЮЗНАЯ
БИБЛ-КА
имени
В.И.Ленина

ПУБЛИЧ. и РУМЯНЦОВ. МУЗЕИ
БИБЛІО-
ТЕКА

Benediktov, V.G.

СОЧИНЕНІЯ

В. Г. БЕНЕДИКТОВА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Я. П. ПОЛОНСКАГО

ВТОРОЕ ПОСМЕРТНОЕ ИЗДАНІЕ

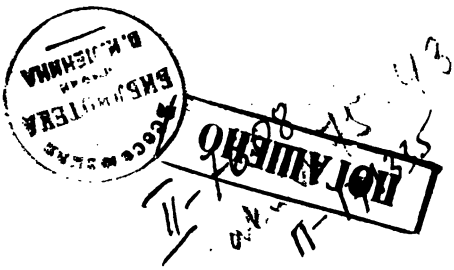
съ біографіей и портретомъ автора

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ПУБЛИЧ. и РУМЯНЦОВ. МУЗЕИ БИБЛІОТЕКА

ИЗДАНІЕ
поставщиковъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, 18 | МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 12
1902

PG3321
B435
1902



Дозволено цензурою. Спб. 21 декабря 1901 года.
Типографія Товарищества М. О Вольфъ Спб., В. О., 16 л., 5–7

БІОГРАФІЯ
В. Г. БЕНЕДИКТОВА
СОСТАВЛЕННАЯ
Я. П. ПОЛОНСКИМЪ

I.

В. Г. Бенедиктовъ родился въ 1807 году, 5 ноября, въ С.-Петербургѣ. Дѣтство его прошло въ Олонецкой губерніи, въ Петрозаводскѣ, гдѣ отецъ его получилъ мѣсто совѣтника губернскаго правленія, и куда привезъ семью свою.

Весьма возможно, что суровая природа: лѣса, камни, озера, поѣздки на Кивачъ, яркія вечернія краски и пасмурные, бурные дни, вліяли на впечатлительную душу ребенка,— будущаго поэта; но какъ вліяли? Это вопросъ трудный, и никто безъ натяжекъ не разрѣшитъ его. Не природа, для всѣхъ одинаковая, играетъ тутъ главную роль..... Бенедиктовъ же, какъ мальчикъ, конечно не высказывалъ, да и не могъ никому высказать, что происходило въ ребяческой душѣ его. Стихотворныхъ способностей онъ еще ничѣмъ не обнаруживалъ, находилъ писаніе стиховъ очень труднымъ, и не разъ наивно допрашивалъ своего родителя: „какъ это пишутъ стихи?!“ Эти вопросы, конечно, намекаютъ только на то, что *стихи рано начали* интересовать его. Въ 1817 году,

девяти лѣтъ, поступилъ онъ въ Олонецкую губернскую гимназію.

Гимназія была четырехклассная, и Бенедиктову не было еще 14 лѣтъ, какъ онъ уже кончилъ гимназическій курсъ: значитъ, зналъ уже грамматику Греча и риторику Кошанскаго.

Способности Бенедиктова были многосторонни; онъ могъ-бы сдѣлаться и замѣчательнымъ математикомъ, если-бы съ раннихъ лѣтъ встрѣтилъ въ одномъ изъ своихъ наставниковъ человѣка, способнаго заинтересовать или увлечь его математическими науками. Онъ жаждалъ истины, и чтобъ поддержать въ немъ эту жажду, нуженъ былъ наставникъ недюженный. Къ счастью, одинъ такой наставникъ нашелся и въ Олонецкой гимназіи. Это былъ нѣкто Яконовскій, учитель словесности,—единственный, который могъ заставить ученика полюбить предметъ свой, такъ какъ самъ не только искренно любилъ свою грамматику или риторику, не только любилъ поэзію и поэтовъ, но и самъ стихи писалъ. Стихи эти, по большей части, праздничные и именинные, хотя и канули въ вѣчность или въ такъ называемую Лету — рѣку забвенія, но не прошли безслѣдно. Они дали отроку Бенедиктову первый толчокъ къ стихотворнымъ упражненіямъ. Упражненія эти были неудачны и подвергались той-же участи, какъ и поздравительные куплеты его наставника.

Классическіе языки едва ли были въ то время изучаемы въ нашихъ гимназіяхъ въ такихъ предѣлахъ, чтобъ Овидій, Горацій, Виргилій и другіе классическіе поэты настолько понимались, чтобъ могли имѣть какое-нибудь эстетическое вліяніе на умъ или хотя на слогъ даровитыхъ мальчиковъ; по крайней мѣрѣ, даже въ лучшихъ стихотвореніяхъ Бенедиктова, даже въ переводахъ изъ Андрея Шенье мы ни на каплю не замѣчаемъ вліянія классической школы. Но, если и въ настоящее время чувствуется замѣтный недостатокъ въ преподавателяхъ латыни, способныхъ пріохотить учениковъ своихъ къ изученію духа и красотъ переводимыхъ ими подлинниковъ, —*то что же* было тогда?!!

Недаромъ Н. М. Гербель, въ своей краткой біографіи Бенедиктова (см. Русскіе поэты, стр. 419), говоритъ (и вѣроятно говоритъ со словъ самого Бенедиктова), что даже въ столицѣ, во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, куда поступилъ Бенедиктовъ въ 1821 году, преподаватели были такъ плохи, что служили только предметомъ насмѣшекъ для учениковъ своихъ. Въ этомъ корпусѣ, куда Бенедиктовъ, выдержавъ экзаменъ, поступилъ въ одинъ изъ среднихъ классовъ, не нашлось даже и такого преподавателя, какимъ былъ Яконовскій. Кадеты не смѣли и показывать учителямъ плоды своихъ юношескихъ поползновеній къ сочинительству, и только другъ другу, по-товарищески, сообщали ихъ, переписывали въ свои тетрадки, и пользовались взаимно одобрительными или насмѣшливыми замѣтками.

Бенедиктовъ и въ корпусѣ продолжалъ заниматься стихотворствомъ, что помѣшало ему хорошо учиться всѣмъ предметамъ, въ особенности математикѣ; впрочемъ, о кадетскихъ стихахъ его (по большей части смѣхотворныхъ) между его товарищами сохранилось очень смутное преданіе.

Жаль, что Бенедиктовъ не поступилъ въ университетъ, такъ какъ едва ли не въ однихъ нашихъ университетахъ, даже и въ то время, мелькали искорки кой-какихъ идей, — во всякомъ случаѣ взгляды на науку и жизнь были шире и требовательнѣе. Мы говоримъ жаль, потому что нельзя писателю имѣть вліяніе на своихъ современниковъ, если самъ онъ въ ранніе годы ни разу не подчинялся никакимъ вліяніямъ и не побѣждалъ ихъ собственнымъ умомъ своимъ. Что же можетъ быть благотворнѣе вліянія идей, разработываемыхъ умственными силами всего человѣчества? Мы говоримъ жаль, потому что Бенедиктовъ, какъ литературный дѣятель, не смотря на всѣ свои способности и поэтическій даръ, остался безъ всякаго замѣтнаго вліянія на развитіе нашего мыслящаго общества. Первымъ ученикомъ вышелъ онъ изъ корпуса, 25 іюня 1827 г. (т. е. двадцатилѣтнимъ юношей) и тотчасъ же, *въ чинѣ прапорщика, поступилъ* въ л.-гв. Измайловскій полкъ.

Черезъ три года произведенъ онъ въ поручики, и въ январѣ 1831 года выступилъ въ походъ противъ польскихъ мятежниковъ.

Остановимся на этомъ промежуткѣ времени. Что это было время страстей и увлеченій, свойственныхъ всякой здоровой юности, — это несомненно; но современный намъ юноша быть можетъ даже и не пойметъ того, что происходило въ кроткой душѣ молодаго Бенедиктова.

Онъ былъ влюбленъ въ сестру одного изъ своихъ полковыхъ товарищей — Козлова. Въ ту-же дѣвушку былъ влюбленъ и другой его товарищъ, нѣкто Колз—въ. Оба ухаживали; но Бенедиктовъ ухаживалъ безуспѣшно — и скоро догадался, что соперникъ его имѣетъ всѣ шансы на успѣхъ, такъ какъ сердце любимой имъ дѣвушки, очевидно, клонилось къ тому, чтобъ предпочесть красиваго молодаго человѣка, человѣку далеко не красивому, не ловкому, и вдобавокъ очень бѣдному, т. е. ему, В. Г. Бенедиктову. Какъ же онъ поступилъ въ этомъ случаѣ? Неужели презрѣлъ ее и возненавидѣлъ соперника или, въ минуты ревности, тоски и и отчаянья, сталъ проклинать судьбу свою? Нисколько. Доброта его и самообладаніе были такъ велики, что всѣ свои стихотворенія, вдохновляемые красотой и любовью, онъ приносилъ своему счастливому сопернику, прося его, чтобъ тотъ отъ своего имени, какъ собственные свои стихи, передавалъ ихъ той, которая отвергла любовь его. Страстный Бенедиктовъ, какъ человѣкъ, стоялъ выше страсти и въ этомъ находилъ, быть можетъ, свое единственное утѣшеніе... Дѣвушка жила на петербургской сторонѣ, и недаромъ, въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, *„Петербургская сторона“*, онъ говоритъ:

Зачѣмъ туда летѣли взгляды?
Зачѣмъ туда, чрезъ невскій токъ,
Убогій несъ меня челнокъ
Въ часъ тихій вечера прохлады?

. . . . . .

Зачѣмъ? Друзья мои, не скрою,
Тотъ край, любви моей страна
и т. д.

Другое чувство, это — побужденіе, общее многимъ юношамъ того времени, побужденіе поэтизировать трудности военной службы. Я родился позднѣе Бенедиктова, и помню еще до сихъ поръ одного изъ моихъ гимназическихъ товарищей, Сашу Красницкаго, который, поступивъ въ юнкера, жаждалъ смерти въ бою съ непріятелемъ, и какъ первые христіане мечтали о счастіи погибнуть за Христа, такъ и онъ мечталъ о погибели за отечество.

Не это-ли чувство заставляло Бенедиктова воспѣвать бивакъ и даже къ саблѣ своей относится, какъ къ существу дорогому и милому? — Какъ это смѣшно воспѣвать саблю! Но, какъ видно, для юноши Бенедиктова она имѣла особое, намъ уже непонятное, значеніе... Иначе трудно и объяснить себѣ нѣкоторыя изъ его молодыхъ стихотвореній.

Однажды на походѣ, кажется въ Ломжѣ, Бенедиктовъ зашелъ въ одну цукерню, и сидѣлъ въ толпѣ своихъ сотоварищей: вдругъ вламывлется къ нимъ какой-то офицеръ и спрашиваетъ; не тутъ ли поэтъ Бенедиктовъ, который въ корпусѣ былъ ему товарищемъ? И затѣмъ при всѣхъ наизусть декламируетъ какіе-то стихи его, писанные имъ еще въ кадетскомъ корпусѣ, по поводу наводненія 1824 г. Стихи, изъ которыхъ одинъ изъ присутствующихъ запомнилъ только два стиха, а именно:

Бревно стучитъ, стучитъ и тянетъ душу робку...
Такъ штопоръ изъ моей бутылки тянетъ пробку.

Сравненіе болѣе чѣмъ странное; но какъ въ этомъ сравненіи виденъ уже будущій Бенедиктовъ, какъ писатель! На мои разспросы, былъ ли Бенедиктовъ въ какомъ-нибудь сраженіи, — мнѣ сказали, что нѣтъ, но если Бенедиктовъ получилъ орденъ св. Анны 4-й степени *за храбрость*, то вѣроятно *и онъ участвовалъ въ* какой-нибудь стычкѣ съ не-

пріятелемъ. Впослѣдствіи онъ никогда не говорилъ о своемъ прошломъ. Что касается до службы Бенедиктова, то ни военная, ни гражданская служба не могла на талантъ его дѣйствовать подавляющимъ образомъ, ибо ни та, ни другая нисколько не противорѣчили ни его политическимъ убѣжденіямъ, ни его религіозному міросозерцанію. Бенедиктовъ былъ человѣкъ 30-хъ годовъ, и носилъ на себѣ печать этого, по преимуществу, бюрократическаго времени. Онъ не былъ тѣмъ геніемъ, который, по словамъ Лермонтова, прикованный къ канцелярскому столу, непремѣнно бы съ ума сошелъ. Обладая математическими способностями, памятью цифръ и вѣрностью счета, Бенедиктовъ не только могъ спокойно служить въ государственномъ банкѣ, но и быть однимъ изъ лучшихъ, цѣнимыхъ начальствомъ, чиновниковъ. На Бенедиктова мы смотримъ, какимъ онъ былъ, и не обязаны смотрѣть какъ на человѣка, какимъ онъ могъ бы быть при другихъ обстоятельствахъ или при иныхъ душевныхъ и тѣлесныхъ качествахъ.

II.

Съ выходомъ изъ военной службы, для Владиміра Григорьевича Бенедиктова не порвались прежнія, товарищескія связи съ офицерами измайловскаго полка, а прибавились новыя. Нельзя было не любить этого честнаго, добраго и въ высшей степени кроткаго человѣка.—Конечно, гулъ похвалъ и слава не могли не льстить поэту, и не могли его не радовать; но не сдѣлали его ни гордымъ, ни заносчивымъ. Если другіе и ставили на пьедесталъ поэта Бенедиктова, то самъ онъ никогда не лѣзъ на эту высоту. Падать ему было не съ чего, и стало-быть ему ничего не стоило сохранить въ себѣ то же человѣческое достоинство, ту же кротость и то же спокойствіе въ тѣ дни, когда эта слава отъ него отвернулась и охладѣла къ стихамъ его легкомысленная и измѣнчивая публика.

Но и мимолетная слава не дается даромъ, и не прохо-

дитъ безъ друзей лицемѣрныхъ и друзей искреннихъ: у Бенедиктова были и лицемѣрные друзья; но онъ едва ли замѣчалъ ихъ, постоянно вращаясь среди людей, дѣйствительно отъ всей души ему преданныхъ. До 1836 г. самый интимный кружокъ Бенедиктова составляли: П. П. Ершовъ, авторъ сказки „Конекъ-горбунокъ“, и нѣкто Бахтуринъ, неизвѣстный свѣту стихотворецъ (въ родѣ Соболевскаго), острякъ и кутила... Это дружеское тріо—Ершовъ (тогда еще только-что окончившій курсъ въ С.-П.-Б. университетѣ), Бахтуринъ и Бенедиктовъ, задумывали издать альманахъ, наполнить его своими произведеніями и, подъ заглавіемъ „Мы Вамъ“, выпустить въ свѣтъ съ виньеткой, изображающей несущуюся тройку, и съ эпиграфомъ:

„Вотъ мчится тройка; но какая?
Вдоль по дорогѣ; но какой?!“

Альманахъ не состоялся, и мы остаемся въ неизвѣстности на счетъ стихотвореній г. Бахтурина: одно только его четырестишіе сохранилось въ памяти одного изъ его пріятелей; вотъ оно:

Переплывъ чрезъ Ахеронъ,
Бахтуринъ выскочилъ изъ лодки:
—Гдѣ тутъ трактиръ, мой другъ Харонъ?
Нельзя ли выпить водки?

Затѣмъ пріятелями Бенедиктова были Желтухинъ, редакторъ *„Журнала земледѣльцевъ“*, Филимоновъ—авторъ поэмы: „Дурацкій колпакъ“, П. А. Коровкинъ—театралъ и авторъ нѣсколькихъ водевилей, И. П. Корниловъ, бывшій его полковой товарищъ, Д. С. Муравьевъ, офицеръ Измайловскаго полка, въ домѣ котораго была своя, домашняя сцена; А. К. Баумгартенъ, мастерской чтецъ трагическихъ ролей, и почти что всѣ тогдашнія знаменитости Александринскаго театра: братья Каратыгины, Дюръ, Сосницкій и Мартыновъ.

Судя же по литературнымъ воспоминаніямъ И. И. Па-

паева, Бенедиктовъ былъ всюду приглашаемъ, и былъ знакомъ почти что со всѣми тогдашними литераторами, начиная съ отживавшаго вѣкъ свой Воейкова, и кончая самимъ И. И. Панаевымъ. Конечно, всѣ эти свѣдѣнія не полны, но мы записываемъ ихъ въ надеждѣ, что, можетъ быть, нѣкоторые изъ современниковъ Бенедиктова, лично его знавшіе, пополнятъ или исправятъ ихъ. Скажемъ только, что то веселое, полное надеждъ и силъ, по своему любящее искусство, общество, было именно таково, что могло ненарушимо поддерживать въ Бенедиктовѣ и его идеальныя воззрѣнія на жизнь, и его оптимизмъ, и его вѣру въ Россію, въ *людей* и *жизнь иную*. Бенедиктовъ же и не былъ склоненъ къ анализу или отрицанію—духъ сомнѣнія, какъ увидимъ, очень поздно посѣтилъ его, уже среди иныхъ людей, среди инаго, подрастающаго поколѣнія.

III.

Обезпеченный дешевизною тогдашней жизни и небольшимъ жалованьемъ, Бенедиктовъ могъ еще кое-какъ существовать, но на свои средства не могъ напечатать и перваго выпуска своихъ стихотвореній. Кто же въ этомъ случаѣ помогъ ему? Отвѣтимъ на это выпиской изъ воспоминаній г-жи К—фъ, напечатавшей въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ интересныя записки свои, подъ заглавіемъ: „Жизнь прожить—не поле перейти“.

„По возвращеніи изъ Пензы въ Петербургъ“, пишетъ г-жа К—фъ:—„я познакомилась съ В. Г. Бенедиктовымъ, который былъ съ дѣтства пріятелемъ моего мужа. Знали, что онъ писалъ стихи, но онъ никому ихъ не показывалъ; наконецъ, мы упросили его прочесть и были въ восторгѣ. Мой мужъ, какъ и я, страстно любилъ поэзію и былъ увлеченъ стихами Бенедиктова: онъ носился съ ними, какъ съ неожиданно найденнымъ сокровищемъ, прочиталъ ихъ многимъ литераторамъ, которымъ они также чрезвычайно понравились, и всѣ радовались появленію въ русской литературѣ новаго

поэта съ такимъ выдающимся дарованіемъ. Не смотря на огромный успѣхъ, который имѣли въ гостиныхъ стихотворенія Бенедиктова, онъ не рѣшался печатать ихъ, тѣмъ болѣе, что находился тогда въ довольно стесненныхъ обстоятельствахъ и не имѣлъ на это средствъ. Мой мужъ взялся напечатать на свой счетъ. Точно такую же услугу онъ оказалъ Нестору Васильевичу Кукольнику, напечатавъ его „Торквато Тассо“. Авторъ, тогда еще неизвѣстный, не рѣшался истратить деньги, чтобы представить свое произведеніе на сомнительный судъ публики. Мой мужъ уговорилъ его, самъ напечаталъ и, такимъ образомъ, первый познакомилъ публику съ двумя замѣчательными поэтами. Печатаніе, потомъ появленіе стихотвореній Бенедиктова меня чрезвычайно занимали. Томикъ его стихотвореній скоро былъ раскупленъ, и они имѣли необыкновенный успѣхъ. О нихъ вездѣ говорили, и клали на музыку, учили наизустъ. Во всѣхъ журналахъ ихъ расхвалили, только въ Москвѣ Бѣлинскій ихъ отдѣлалъ, на что я очень негодовала. Всѣ желали познакомиться съ новымъ поэтомъ. Жуковскій, который жилъ тогда въ Зимнемъ дворцѣ и принималъ по субботамъ, написалъ мужу премилую записку, прося его привезти непремѣнно Бенедиктова. Успѣхи поэта чрезвычайно насъ радовали. Въ скоромъ времени Бенедиктовъ самъ уже приступилъ ко второму изданію, которое посвятилъ мнѣ со слѣдующими стихами.

Необиженный судьбами,
Награжденный за мечты,
Повергаю передъ вами
Вамъ знакомые цвѣты:
Вы ихъ, сирыхъ, обласкали,
Изъ безвѣстности нѣмой
Къ свѣту путь имъ указали
Благосклонной похвалой,
И теперь, чтобъ вышелъ краше
Скудный сборъ стиховъ моихъ,

Свѣтлый видъ улыбки вашей
Отпечатайте на нихъ.

„Бенедиктовъ самъ по себѣ не очень былъ интересенъ. Онъ былъ малъ ростомъ, имѣлъ круглое, красное одутловатое лицо, свѣтлые, блуждающіе глаза; по физіономіи онъ былъ не симпатиченъ, но онъ былъ умный, благородный человѣкъ, и съ большими способностями. Университетскаго образованія онъ не получилъ, но любилъ науки, особливо естественныя, занимался ими и написалъ пространную популярную астрономію, какъ говорили, замѣчательную; жаль что она осталась подъ спудомъ.

„Въ молодости Бенедиктовъ былъ очень влюбчивъ и не одна *„Незабвенная“* заставляла трепетать его сердце, не къ одной только писалъ онъ страстные стихи; но привязанности его были, какъ-то, неудачны: то ему измѣняли, то онъ самъ перемѣнялся. Наконецъ, его влюбила въ себя какая-то полька почтенныхъ лѣтъ и сомнительной репутаціи. Она жила съ мужемъ, Бенедиктовъ хлопоталъ о разводѣ, чтобы вступить съ нею въ законный бракъ; не знаю, почему это не удалось, и они всю жизнь провели въ незаконной связи, не удовлетворяющей, какъ это всегда бываетъ, ни ума, ни сердца. Онъ не представлялъ ей даже близкихъ друзей своихъ и никуда съ нею не показывался. Онъ имѣлъ хорошее мѣсто въ министерствѣ финансовъ, съ казенною квартирой, былъ совершенно обеспеченъ и могъ con amore заниматься стихотворствомъ.

„Бенедиктовъ имѣлъ огромный успѣхъ, но не продолжительный. Нѣкоторые писанные имъ впослѣдствіи не совсѣмъ удачные стихи были жестоко осмѣяны. Явились критики, которые отвергали въ немъ даже всякое дарованіе; въ числѣ ихъ былъ и Полевой, за что я вела съ нимъ жаркіе споры. Бездарность не могла бы пріобрѣсти столько почитателей, и не возбудила бы такого восторга посреди людей самыхъ образованныхъ и даровитыхъ. Жуковскій, Пушкинъ и Крыловъ

высоко ставили поэтическій даръ Бенедиктова, и находили, что онъ представляетъ собой отрадное явленіе въ нашей литературѣ. Бенедиктова упрекали въ изысканности, въ злоупотребленіи метафорой, но и у Виктора Гюго встрѣчаются смѣлыя метафоры, такія натянутыя, нелѣпыя выраженія, что деретъ по кожѣ, а онъ считается первымъ поэтомъ Франціи. Невозможно отвергать, чтобы Бенедиктовъ не имѣлъ самобытности, сильнаго стиха и поэтическаго вымысла. Нѣкоторыя изъ его стихотвореній глубоко западаютъ въ сердце. Можетъ быть стихи Бенедиктова потому произвели на меня такое сильное впечатлѣніе, что ихъ съ увлеченіемъ читалъ мой добрый мужъ. Онъ такъ любилъ поэзію, какъ любить теперь сочли бы смѣшнымъ.

„Бенедиктовъ прекрасно владѣлъ стихомъ; этого никто отнять у него не можетъ, даже когда писалъ наскоро.

„Вотъ стихи, которые, мы не успѣли оглянуться, какъ онъ написалъ мнѣ въ альбомъ.

„Вы новой жизнію дарили
Меня, въ тотъ памятный мнѣ часъ,
Когда стихи мои хвалили
Хвалой мнѣ лестной въ первый разъ.
Не дорожу я крикомъ свѣта;
Весь міръ мнѣ холоденъ и пустъ;
Но мило мнѣ изъ вашихъ устъ
Именованіе поэта.
Итакъ, да буду я пѣвецъ,
Да буду возвеличенъ вами,
И мой *сомнительный* вѣнецъ
Пусть блещетъ вашими лучами.“

(См. Собр. сочин. Бенед.).

VI.

О славѣ, прогремѣвшей по всему Питеру о поэтическомъ *талантѣ Бенедиктова*, пишетъ не одна г-жа Каргофъ,—

о томъ же свидѣтельствуетъ и И. Панаевъ въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ.

(См. Современность 1861 г.).

„Появленіе стихотвореній Бенедиктова", пишетъ онъ: „произвели страшный гвалтъ и шумъ не только въ литературномъ, но и въ чиновническомъ мірѣ... О статьяхъ Полевого и Бѣлинскаго отзывались съ негодованіемъ, и были очень довольны статьею профессора Шевырева, провозгласившаго Бенедиктова *поэтомъ мысли*. Жуковскій, говорятъ, до того былъ пораженъ, что нѣсколько дней сряду не разставался съ нею и, гуляя по Царскосельскому саду, оглашалъ воздухъ Бенедиктовскими звуками. Одинъ Пушкинъ остался хладнокровенъ. Прочитавъ Бенедиктова, на вопросы, какого онъ мнѣнія о новомъ поэтѣ, отвѣчалъ, что *у него есть превосходное сравеніе неба съ опрокинутой чашей....*"

Къ этому онъ ничего не прибавилъ. Но мы, мы прибавимъ, что не одинъ Петербургъ, вся читающая Россія упивалась стихами Бенедиктова. Онъ былъ въ модѣ — учителя гимназій въ классахъ читали стихи его ученикамъ своимъ, дѣвицы ихъ переписывали, пріѣзжіе изъ Петербурга, молодые франты, хвастались, что имъ удалось заучить наизусть, только что написанные, и еще нигдѣ не напечатанные стихи Бенедиктова. И эти восторги происходили именно въ то время, когда публика съ каждымъ годомъ холодѣла къ высокохудожественнымъ произведеніямъ Пушкина, находила, что онъ исписался, утратилъ звучность, —измѣнилъ рифмѣ, и все чаще и чаще пишетъ бѣлыми стихами.

Бѣлые стихи, безъ риѳмъ, въ особенности многимъ не нравились, даже Соболевскому, одному изъ близкихъ пріятелей Пушкина.

„Для меня", сказалъ онъ разъ на вечерѣ у Плетнева (въ С.-Петербургѣ) „для меня стихи безъ риѳмъ не существуютъ, я не понимаю ихъ.

Что же все это доказываетъ? Не доказываетъ ли это

страшнаго упадка литературнаго вкуса — и не значитъ ли это, что любители литературы о поэзіи имѣли самое поверхностное, и, быть можетъ, превратное понятіе: — не даромъ же въ то время каждая повѣсть Марлинскаго читалась нарасхватъ и съ жадностью, и весьма немногіе понимали красоту и значеніе Пушкинскихъ разсказовъ, изданныхъ имъ подъ заглавіемъ: „*Повѣсти Бѣлкина*“.—Пушкинъ, чѣмъ болѣе совершенствовался какъ художникъ, тѣмъ болѣе падалъ въ мнѣніи толпы, и имѣлъ полное право говорить:

Поэтъ, не дорожи любовію народной...
. . . . . .
Ты самъ свой высшій судъ.

Бенедиктовъ разсказывалъ въ одномъ домѣ, что, благоговѣя передъ Пушкинымъ, онъ послалъ ёму книжку своихъ стихотвореній, и затѣмъ хотѣлъ сдѣлать ему визитъ—но по пути къ нему встрѣтилъ его на улицѣ, и Пушкинъ, очень любезно поблагодаривъ его за стихи, сказалъ: „У васъ удивительныя риѳмы—ни у. кого нѣтъ такихъ риѳмъ!—Спасибо, спасибо!“

Бенедиктовъ, конечно, былъ настолько уменъ, что понялъ ироническій отзывъ Пушкина, и, быть можетъ, даже задумался.

Не даромъ-же, въ вышеприведенныхъ стихахъ его, написанныхъ имъ экспромптомъ въ альбомъ г-жѣ К., онъ говоритъ: и мой *сомнительный вѣнецъ*.

Весьма возможно, что онъ смутно сознавалъ недостатки своего творчества, невольно вѣрилъ Бѣлинскому, и предчувствовалъ, что слава не переживетъ его.

V.

Но хоть мы и упомянули объ упадкѣ литературнаго вкуса въ тѣ годы царствованія Николая I, когда появился Бенедиктовъ, мы все-таки должны сказать, что Бенедиктовъ *былъ явленіе необыкновенное*.

Онъ явился самородкомъ. Никого изъ прежнихъ поэтовъ не напоминалъ онъ звонкимъ, часто блестящимъ стихомъ своимъ, ни Батюшкова, ни Баратынскаго, ни Козлова, ни Жуковскаго, ни Пушкина.

Такая самобытность есть уже несомнѣнный признакъ таланта.

Это во-первыхъ.

Бенедиктовъ оказался вполнѣ по плечу тогдашней, значительно уже опошлившейся публикѣ. Онъ смѣло могъ быть пѣвцомъ для такого общества, гдѣ никто не занимался, даже не думалъ о политикѣ; гдѣ философія считалась чѣмъ-то въ родѣ запрещеннаго плода, и гдѣ не только признаться въ чтеніи знаменитыхъ европейскихъ мыслителей, даже имена ихъ произносить въ салонѣ—казалось преступленіемъ.—„Послушайте“, сказалъ тогда поэту Щербинѣ одинъ изъ тогдашнихъ государственныхъ сановниковъ: „будьте осторожнѣе и если хотите получить мѣсто, не говорите ни о Кантѣ, ни о Гегелѣ.—Этимъ вы можете только себя скомпрометтировать.“

Что же мудренаго, что вальсъ „Кудри дѣвы“ или „Альдеборанъ“, воспѣваемые неслыханно-звучными стихами, даже профессору Шевыреву показались преисполненными мыслями, и привели въ восторгъ всѣхъ, кромѣ эстетика Бѣлинскаго (который лучше всѣхъ показалъ великое значеніе Пушкина), чуткаго ко всему, Полевого, который самъ себя образовалъ и вышелъ въ литераторы, и нашего Пушкина, который сталъ гораздо требовательнѣе къ собственнымъ стихамъ своимъ и быстро приближался къ тому совершенству формы, къ той художественной простотѣ и стройности, которыя никогда не перестанутъ считаться образцовыми.

Это во вторыхъ.

Бенедиктовъ, не смотря на всѣ свои недостатки, обладалъ истиннымъ лиризмомъ, напоминающимъ Державина, и этотъ лиризмъ часто до такой степени выручалъ его, что и до сихъ поръ нѣкоторые изъ его куплетовъ поражаютъ огнемъ, *свѣжестью и красотой* своей.

Это въ третьихъ.

Стало быть, даже и та мимолетная, громкая слава, которая досталась на долю Бенедиктова, была имъ вполнѣ заслужена и весьма объяснима. Все хорошо въ свое время. Явился Лермонтовъ и—слава Бенедиктова поблекла. Это былъ уже воистину художникъ и поэтъ мысли... Словесникъ и профессоръ Шевыревъ отнесся къ нему не совсѣмъ одобрительно, но зато недоучка Бѣлинскій и всѣ тѣ, которые признали въ немъ настоящаго критика и пошли по слѣдамъ его, въ одномъ Лермонтовѣ видѣли поэта, достойнаго этого имени.

VI.

Бенедиктовъ, всю жизнь свою оставался вѣренъ своей неугомонной музѣ, постоянно развивался, постоянно стремился къ Пушкинской простотѣ стиха, постоянно старался совершенствоваться, и, повременамъ, достигалъ своихъ усилій; но въ общемъ, никакъ не могъ измѣнить своей *Бенедиктовщинѣ*.

Въ чемъ заключалась эта *Бенедиктовщина*, слово, которое въ нѣкоторыхъ литературныхъ кружкахъ, стало такимъ же типичнымъ, какъ и слово „обломовщина“, — объ этомъ мы скажемъ въ концѣ нашихъ біографическихъ отрывковъ.

Бенедиктовъ, не обладая древними языками, превосходно зналъ французскій языкъ, самъ выучился по-нѣмецки, и, быть можетъ, той связи съ полькой, о которой намекаетъ г-жа К., обязанъ былъ знаніемъ польскаго языка и любовію къ лучшимъ представителямъ польской поэтической литературы. Любовь этой,—по выраженію г-жи К.,—почтенныхъ лѣтъ польки, была, быть можетъ, единственнымъ, реальнымъ романомъ въ жизни Бенедиктова, — романомъ, который, вѣроятно кончился разрывомъ и разочарованіемъ, такъ какъ эта подруга его жизни едва-ли оставалась при немъ до конца дней его.

Бенедиктовъ умеръ на рукахъ родной сестры, которая жила съ нимъ, была его хозяйкой и берегла покой его.

Я впервые увидѣлъ Бенедиктова въ 1854 г., въ домѣ архитектора А. И. Штакеншнейдера, съ семействомъ котораго онъ былъ коротко знакомъ, гдѣ былъ принимаемъ дружески, и гдѣ былъ почти что еженедѣльно. И нечего мнѣ прибавлять къ описанію его наружности, такъ мастерски, немногими словами, очерченной въ выпискѣ, приведенной нами изъ записокъ К. Несчастная наружность Бенедиктова была поразительно не въ его пользу. Онъ казался чистенькимъ, скромнымъ, даже нѣсколько застѣнчивымъ чиновникомъ—гладѣлъ нѣсколько изподлобья, говорилъ мало, улыбался добродушно, и только изрѣдка въ глазахъ его мелькалъ огонекъ свѣтлаго ума, и только иногда, когда читалъ онъ стихи (свои или чужіе), голосъ его, густой и пѣвучій, возвышался и становился неузнаваемымъ.

Читалъ стихи Бенедиктовъ превосходно, и все, что ни читалъ, казалось хорошимъ и увлекательнымъ.

Въ этомъ же домѣ видѣлъ я его и на домашней сценѣ. Завернутый въ римскую тогу онъ игралъ роль Деція изъ „*Трехъ смертей*“. К. Н. Майкова.

Слушая его, забывалась его невзрачная, слишкомъ обыденная физіономія, и неинтересный Бенедиктовъ становился интереснѣе всѣхъ, его окружающихъ, интереснѣе, но не симпатичнѣе.—Лично для меня онъ не былъ симпатиченъ, чувствовалось, что онъ несообщителенъ, неоткровененъ и, быть можетъ, внутренно недоволенъ собой, и что, какъ улитка въ раковину, при постороннихъ уходитъ и прячется душа его.

Какъ заботливо, скрывалъ онъ отъ всѣхъ предметъ своей привязанности, такъ, казалось, скрывалъ онъ отъ всѣхъ и свое сердце, и свои завѣтныя думы. Чтобъ любить Бенедиктова, надо было такъ же коротко знать его, какъ знали его старые товарищи, — но едва ли и тѣ, въ послѣдніе годы жизни его, посѣщали домъ его, по крайней мѣрѣ при мнѣ никогда никого не приглашалъ онъ, и, если ходилъ часто

въ семейные дома, то не только по расположенію, но и по привычкѣ. Разъ онъ отъ кого-нибудь отвыкалъ, — не помогало и расположеніе:—онъ переставалъ ходить къ самимъ короткимъ людямъ, и только изрѣдка на улицѣ можно было встрѣтить его.

VII.

Бенедиктовъ былъ въ своемъ родѣ литературный фономенъ, рѣдко повторяющійся. Онъ соединялъ въ себѣ лиризмъ самый возвышенный, и самую пошлую прозу; чувство красоты, и отсутствіе вкуса; самый искренній патріотизмъ, и полнѣйшее невѣдѣніе русскаго народа; любовь къ природѣ, и желаніе украшать ее, какъ будто собственныхъ, ей вѣчно присущихъ красотъ, было ей недостаточно.

Читая стихи его, мѣстами изумляешься красотѣ стиха,— мѣстами хочется смѣяться или сожалѣть. Мало такихъ стихотвореній, которыя онъ бы не испортилъ какимъ-нибудь водевильнымъ стишкомъ, безобразной фразой, или тривіальнымъ словцомъ, въ родѣ „мужское мясо“, „тѣльцо“, „яичность“ „стервенить“ и т. п. Конечно, въ массѣ стихотвореній, имъ оставленныхъ, есть и безукоризненныя съ эстетической точки зрѣнія. Но вотъ что удивительно: ему не удавались самыя искреннія стихотворенія, вдохновляемыя современностью, освобожденіемъ крестьянъ, преданностью Государю Императору или какимъ-нибудь историческимъ русскимъ дѣятелямъ, въ родѣ Петра Великаго. Простонародный языкъ, къ которому онъ иногда прибѣгалъ, въ устахъ его музы казался неестественнымъ или даже приторнымъ, выходилъ какой-то фальшивый тонъ, не смотря на всю его искренность. Бенедиктовъ же былъ одинъ изъ числа тѣхъ немногихъ, которые, не смотря на отрицательное направленіе, охватившее наше тогдашнее общество, не боялись быть искренними.

Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что время, т. е. приливъ новыхъ впечатлѣній, все-таки замѣтно измѣнило въ немъ направленіе *прежнихъ кадетскихъ* идей его.—Вмѣсто воспѣ-

ванія меча-головосѣка и окровавленной стали — онъ уже воспѣвалъ ненависть къ войнѣ и стыдилъ христіанскіе народы за ихъ братоубійственную воинственность. Онъ уже пересталъ вѣрить въ *дѣву*-чародѣйку, и повременамъ къ прекрасному полу сталъ относиться не безъ ироніи. Онъ стоялъ уже за свободу мысли, за свободу совѣсти, за свободу слова, онъ вѣрилъ въ прогрессъ Россіи, хотя конечно вѣрилъ не такъ, какъ вѣрили въ него журналисты и молодые писатели. Онъ вѣрилъ въ мирный, безкровный прогрессъ и, быть можетъ, съ этою вѣрой ушелъ въ могилу.

Не смотря на то, что Бенедиктовъ былъ истиннымъ христіаниномъ, духъ скептицизма не могъ, наконецъ, не затронуть младенчески чистой души его — и что-же! этотъ скептицизмъ, слабо выраженный въ одномъ изъ его стихотвореній „Недоумѣніе“, до такой степени возмутилъ одного изъ его прежнихъ поклонниковъ, что тотъ написалъ и напечаталъ слѣдующее посланіе къ Бенедиктову:

Стихъ твой въ сердце проникаетъ,
Безпощадной острой сталью
Душу мучитъ онъ отравой
И глубокою печалью...

Ты ль, постигшій совершенно
Все значенье человѣка,
Вдругъ упалъ до примиренья
Съ духомъ суетнаго вѣка?

Ты ль, пѣвецъ всего что въ мірѣ
Есть высокаго, святаго,
Сомнѣваешься въ ученьѣ
Искупителя благаго?

Ты ль сердца отвлечь желаешь
Отъ небесныхъ упованій,
Отъ единственнаго блага
Въ часъ безвыходныхъ страданій?

За предѣломъ здѣшней славы
Вспомни, часъ суда настанетъ;
Вспомни, голосъ не отъ міра
Надъ тобою страшно грянетъ.

Скажетъ Онъ: „Былъ посланъ мною
Пѣсенъ даръ тебѣ въ отраду,
Даръ высокій; благодатный—
Что ты сдѣлалъ съ нимъ, о чадо?“

И въ слезахъ, передъ престоломъ
Славы вѣчной, лучезарной,
Скажешь ты: „Его на Бога
Я воздвигъ, неблагодарный...“

Нѣтъ, прости меня! Быть можетъ
Твой порывъ сужу я строго,
Но мнѣ больно видѣть падшимъ
Воспріявшаго такъ много!

Больно мнѣ, въ толпѣ безбожной
Легкомысленнаго свѣта,
Слышать голосъ дорогаго
Благороднаго поэта!

1-го апрѣля 1860 г.

На стихи безъимяннаго автора, Бенедиктовъ тотчасъ-же гвѣчалъ слѣдующими стихами:

Се—за стихъ мой нечестивой,
Въ Лету канувшій безъ спора,
Отъ одной души правдивой
Удостоенъ я укора.

Не въ краю же я пустынномъ,
Нѣтъ, не все на свѣтѣ глухо:
Есть же въ сердцѣ хоть единомъ
Искра жизни, свѣточъ Духа.

Сердце то не охладѣло,
Не одной землѣ послушно,
И за божеское дѣло
Возстаетъ неравнодушно.

И его укоръ мнѣ строгой
Крестной замкнутый печатью,
Надъ душой моей убогой
Вѣетъ горной благодатью.

Сознаюсь; въ семъ мірѣ бренномъ,
Средь прошедшаго развалинъ,
При движеньѣ современномъ
Я однимъ былъ опечаленъ.

Тѣмъ, что старой лжи оковы
Давятъ лучшія стремленья,
И для сердца нѣтъ обновы,
Нѣтъ для духа обновленья;

И съ неправдой неразлученъ,
Беззаботно, въ видѣ стада,
Грузомъ золъ своихъ навьюченъ,
Міръ идетъ путемъ обряда.

Всюду съ духомъ я встрѣчался
Фарисейства, лицемѣрья,
И въ отчаяньѣ склонялся
Надъ кромѣшной тьмой безвѣрья.

И хотѣлъ, въ часы боренья,
Чтобъ смѣнился для безвѣрца
Хоть бы сумракомъ сомнѣнья
Мракъ тоскующаго сердца.

Я просилъ, я жаждалъ чуда,
Я хотѣлъ разрыть могилу,

Гробъ растрогнуть и оттуда
Вызвать жизненную силу.

Богъ смиряетъ вольнодумца;
Чудо есть—изъ тайной сферы
Прилетѣлъ на кликъ безумца
Безъименный откликъ вѣры.

VIII.

Не потому, что стихъ Бенедоктова оригиналенъ, а потому, что онъ иногда слишкомъ уродливъ или хитеръ, въ родѣ стиховъ:

„Проще самой простоты!

или

„Сынъ громовъ—Орелъ-мужчина“

или,

„Поцѣлуемъ припекать“,

возникло характерное словцо *Бенедиктовщина*. Бенедиктовщина—это все то, что и побуждаетъ людей съ развитымъ литературнымъ вкусомъ не признавать въ немъ таланта и преслѣдовать его своими насмѣшками, словомъ,—то, что составляло главный недостатокъ стиховъ его.

Мы говорили про лиризмъ Бенедиктова, но, представьте себѣ лиризмъ безъ сильнаго воображенія — и вы получите нѣчто очень странное, получите натянутые, ничего ясно не обрисовывающіе эпитеты, получите фразы, которыя портятъ эффектъ картины, получите художника, владѣющаго колоритомъ или яркими красками и не умѣющаго рисовать. Мало того, что Бенедиктовъ прибѣгалъ къ самымъ изысканнымъ, натянутымъ эпитетамъ и дикимъ сравненіямъ,—онъ сочинялъ свои собственныя слова ради метра, ради риѳмы, ради особаго щегольства... Часто превосходныя стихотворенія портилъ онъ двумя-тремя стихами, отъ которыхъ становилось тошно, *которые мгновенно* нарушали всякое впечатлѣніе. У

Бенедиктова коротенькія стихотворенія рѣдки—онъ слишкомъ многословенъ, и часто не знаетъ на чемъ остановиться, гдѣ поставить послѣднюю точку.

Если вы пробѣжите при семъ прилагаемый списокъ словъ, имъ сочиненныхъ, искаженныхъ или рѣдко-употребляемыхъ, вы поймете, что слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ *Бенедиктовщины.*

Но не одинъ Бенедиктовъ отличался странностью выраженій. Въ 1837 году Соколовскій напечаталъ поэму подъ заглавіемъ „Хеверь“, и въ ней вы встрѣтите слѣдующій стихъ:

„Субботствовать въ объятіяхъ любви!

или хоть такія слова, какъ напримѣръ „благота“. Что же это такое, какъ не та же Бенедиктовщина? Только безъ таланта и блестящихъ стиховъ самого Бенедиктова.

И все-таки смѣемъ думать, что разборъ въ классѣ словесности нѣкоторыхъ его стихотвореній, въ устахъ умнаго и опытнаго учителя, не безполезенъ. Учить слѣдуетъ по всевозможнымъ образцамъ, и показывать недостатки писателя иногда такъ же полезно, какъ и выяснять выдающіяся его достоинства.

Вообще, на вопросъ: полезенъ ли Бенедиктовъ, иначе сказать, нужно или не нужно, чтобъ онъ стоялъ на полкахъ нашихъ библіотекъ, отвѣчаю: для многихъ онъ совершенно не нуженъ, для нѣкоторыхъ же полезенъ, въ особенности для начинающихъ писать стихи.

Многому могутъ отъ него поучиться тѣ молодые наши поэты, которые, безпрестанно появляясь въ нашихъ журналахъ, едва блеснутъ, какъ уже ихъ уноситъ вѣтеръ и нѣтъ слѣда отъ нихъ.

— Отчего?—Да оттого, что стихи ихъ не поютъ и не запоминаются. Публика прочитавши тотчасъ забываетъ ихъ, въ особенности же та публика, которая до сихъ поръ еще кое-что помнитъ и читаетъ напзусть кое-что изъ стихотвореній отжившаго Бенедиктова.

Въ особенности будущій геніальный поэтъ непремѣнно заглянетъ и въ Бенедиктова—такъ же, какъ заглядывалъ въ него и Лермонтовъ. Прислушайтесь къ стихамъ его: „Дары Терека“.

Воетъ Терекъ, дикъ и злобенъ,
Межъ утесистыхъ громадъ,
Бурѣ плачъ его подобенъ,
Слезы брызгами летятъ.

Не напоминаетъ ли это своими звуками хоть бы слѣдующіе стихи Бенедиктова:

Буйный вѣтеръ тучи двинулъ,
Зашатался ночи мракъ.
Тучи лопнули, и хлынулъ
Крупный ливень на бивакъ.

Я говорю о звукахъ, а не о достоинствѣ стиховъ. Лермонтовъ никогда не сказалъ бы, даже не могъ бы сказать: *Тучи лопнули*. Это *Бенедиктовщина*, это нѣчто такое, чего мы себѣ и представить не можемъ, такъ какъ знаемъ, что тучи — это не стеклянные сосуды и не пузыри, надуваемые газомъ или воздухомъ.

IX.

Мы сказали, что Бенедиктовъ совершенствовался на сколько могъ, и это тоже можетъ послужить небезполезнымъ урокомъ для начинающихъ, хотя мы должны пріѣтомъ сказать, что Бенедиктовъ, чѣмъ больше совершенствовался, тѣмъ меньше находилъ себѣ поклонниковъ.

Такіе переводы, какъ переводъ изъ Шиллера: *Боги Греціи* (хоть онъ по своему и измѣнилъ конецъ этого стихотворенія), или такое прелестное стихотвореніе, какъ... „*Посмотри*“, проходили совершенно незамѣченными нашими любителями поэзіи и тѣми, кто восторгался его стихами.

„Кудри дѣвы-чародѣйки,—
Кудри—блескъ и ароматъ...“

Но это едва ли не общая участь тѣхъ, которые, не имѣя мыслей и только удовлетворяя вкусу публики, забываютъ, что ея вкусы измѣнчивы, какъ и моды.—И къ Бенедиктову толпа охладѣла гораздо скорѣй, чѣмъ къ Пушкину.

Но между поэтическимъ усовершенствованіемъ Пушкина и Бенедиктова была великая разница. Первый, чѣмъ дальше шелъ впередъ, тѣмъ становился оригинальнѣе, второй, напротивъ, начиналъ подражать и утрачивалъ свою оригинальность. Первый учился у народа и у своего *генія*,—второй учился у другихъ, возымѣвшихъ успѣхъ, современныхъ ему писателей. За перваго, въ концѣ его поприща, стоялъ Бѣлинскій и все поколѣніе, которое на немъ воспитывалось; за втораго, въ началѣ его поприща, стоялъ Шевыревъ,—лекціи котораго были кимваломъ бряцающимъ,—отживающіе свой вѣкъ литераторы, свѣтская толпа и увлекающіеся всякой новизною школьники.

X.

Что касается до служебной карьеры Бенедиктова, то вотъ выписка изъ некролога Бенедиктова, помѣщеннаго въ № 230, „Всемірной Иллюстраціи“. Полагаемъ, что этой выписки будетъ слишкомъ достаточно, для того, чтобы образъ Бенедиктова сталъ еще яснѣе для тѣхъ, кто никогда не зналъ его.

„Принятый, вслѣдствіе литературной своей извѣстности, въ общество Жуковскаго, онъ познакомился тамъ съ графомъ Ланкринымъ, который, не смотря на свою, по преимуществу, финансовую дѣятельность, „любилъ царицъ Геликона и самъ не былъ позабыть ими“. Онъ перевелъ молодаго поэта изъ *военной службы въ гражданскую*, далъ ему сперва незначи-

тельное мѣсто въ своей канцеляріи, а потомъ вскорѣ сдѣлалъ его своимъ секретаремъ.

„На этой должности Бенедиктовъ составилъ себѣ служебную свою карьеру. Перенося неутомимо самые тяжелые труды, проводя за работой не только цѣлые дни, но зачастую и ночи (такъ какъ графъ Канкринъ, страдавшій болѣзнію глазъ, любилъ заниматься преимущественно по ночамъ, при искусственномъ свѣтѣ), пылкій и необузданный въ стихахъ поэтъ былъ самымъ терпѣливымъ и аккуратнѣйшимъ чиновникомъ. Казалось бы и самый родъ чиновничьей службы, имъ избранный, совершенно расходился съ его натурой; что общаго у цыфръ со стихами? Эти два элемента между собою не въ постоянной ли враждѣ.

„Такъ бываетъ дѣйствительно у большинства поэтовъ; но не такъ было у Бенедиктова. Въ немъ, на ряду съ поэтическими способностями, были развиты математическія, и математику—науку онъ любилъ не менѣе, чѣмъ поэзію—искусство. Кромѣ математическихъ занятій ex-officio онъ еще занимался высшей математикой по охотѣ, и одно время особенно пристрастился къ изученію астрономіи. Тогда онъ даже самъ построилъ, по изобрѣтенной имъ же самимъ системѣ, маленькій ручной глобусъ, съ наглядным изображеніемъ теченія планетъ. Впослѣдствіи, съ ослабленіемъ силъ и здоровья и накопленіемъ новыхъ занятій по службѣ, онъ оставилъ свои астрономическія занятія. Но все же онъ показалъ, до какой изумительной степени обладалъ терпѣніемъ и энергіей этотъ замѣчательный человѣкъ.

„Такія рѣдкія качества не остались незамѣченными и неоцѣненными на службѣ. Преемникъ графа Канкрина, Ѳ. П. Вронченко, не менѣе его любилъ и уважалъ Бенедиктова, много лѣтъ уже продолжавшаго служить въ званіи директора государственнаго заемнаго банка. Не ранѣе, какъ при министрѣ Княжевичѣ, Владиміръ Григорьевичъ оставилъ службу, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и съ полнымъ пенсіономъ, по *2,500 руб.* въ годъ.

„Говорятъ, что во время министерства Вронченко, Бенедиктову открывалась болѣе широкая, болѣе блестящая служебная карьера, но что на этомъ пути помѣшали ему нѣкоторыя обстоятельства его частной жизни, вовсе постороннія для службы...

„Безукоризненно-честный не только по службѣ, но и въ общественныхъ отношеніяхъ и въ домашнемъ быту, Бенедиктовъ не жертвовалъ никакимъ выгодамъ тѣмъ, что онъ почиталъ своимъ долгомъ.

„В. Г. Бенедиктовъ сталъ прежде всего печатать стихотворенія свои въ *„Библіотекѣ для чтенія“*, журналѣ, редактируемомъ Сенковскимъ и лучшемъ въ свое время, по крайней мѣрѣ самомъ популярномъ, до появленія „Отечественныхъ Записокъ“ и „Современника“.

Затѣмъ стихотворенія его стали, по большей части, появляться въ „Сынѣ Отечества“: попадались изрѣдка въ журналѣ „Шехеразада“, въ „Всемірной Иллюстраціи“, въ „Подснѣжникѣ“ и „Общеполезномъ Вѣстникѣ“. До 1860 года наши журналы, двинутые впередъ такими литературными силами, какими были В. Г. Бѣлинскій, Гоголь, Островскій, Тургеневъ, Гончаровъ, Лермонтовъ, Некрасовъ и Добролюбовъ, какъ видно не принимали или не приглашали къ своему сотрудничеству стихотворное перо уже выходящаго изъ моды В. Г. Бенедиктова.

Но съ 1860 года, когда начались публичныя лекціи, на которыхъ читалъ и Бенедиктовъ, нѣкоторыя изъ стихотвореній его, проникнутыя новыми вѣяньями, попали въ „Современникъ“ и даже въ „Искру“.

Если не ошибаемся, самое позднее изъ напечатанныхъ имъ стихотвореній появилось въ „Литературной Библіотекѣ“ 1860 г., въ № 2.

Въ этихъ изданіяхъ читатели наши найдутъ не мало и такихъ стихотвореній, оригинальныхъ и переводныхъ, которыя нигдѣ еще не были напечатаны, и между которыми попадаются *лучшія* изъ его произведеній. Полагаемъ, что В. Г.

въ послѣдніе годы своей жизни писалъ уже не столько для того, чтобы печатать стихи свои, сколько оттого, что, не могъ не писать. — Это стало его жизнію, его потребностью, его единственнымъ трудомъ и развлеченіемъ, когда онъ, бросивъ службу, уединился и жилъ такъ, что когда умеръ, то многіе, даже изъ его знакомыхъ, не знали, гдѣ его квартира, и весьма немногіе проводили на вѣчный покой...

Я. Полонскій.

1835—1842.

Она поэту подарила
Младыхъ восторговъ первый сонъ,
И мысль объ *ней* одушевила
Его цѣвницы первый стонъ.

А. Пушкинъ.

ГОРНЫЯ ВЫСИ.

Одѣты ризою тумановъ
И льдомъ заоблачной зимы,
Въ рядахъ, какъ войско великановъ,
Стоятъ державные холмы.
Привѣтъ мой вамъ, столпы созданья,
Нерукотворная краса,
Земли могучія возстанья,
Побѣги праха въ небеса!
Здѣсь—въ грустной цѣпи тяготѣнья
Земная масса сорвалась,
И, какъ въ порывѣ вдохновенья,
Съ кипящей думой отторженья
Въ отчизну молній унеслась; —
Рванулась выше... но открыла
Нѣмую вѣчность впереди:
Чело отъ ужаса застыло,
А пламя спряталось въ груди. —
И вотъ — на тучахъ отдыхая,
Виситъ громада вѣковая,
Чужая долу и звѣздамъ:
Она съ высотъ, гдѣ громъ рокочетъ,
Въ міръ дольній ринуться не хочетъ,
Не можетъ прянуть къ небесамъ.

О горы — первыя ступени
Къ широкой, вольной сторонѣ!
Съ челомъ открытымъ на колѣни
Предъ вами пасть отрадно мнѣ.
Какъ праха сынъ, клонюсь главою
Я къ вашимъ каменнымъ пятамъ
Съ невольной робостью,—а тамъ,
Какъ сынъ небесъ, пройду пятою
По вашимъ бурнымъ головамъ.

ЖАЛОБА ДНЯ.

На востокѣ засвѣтлѣло;
Отошла ночная тѣнь,
День взошелъ, какъ ангелъ бѣлой...
Отчегожъ ты грустенъ, день?

«Оттого порой грущу я,
Что возлюбленная ночь,
Только къ милой подхожу я, —
Отъ меня уходитъ прочь.
Вотъ и нынче — подъ востокомъ
Лишь со мной она сошлась,
Яркимъ пурпурнымъ потокомъ
Облилась и унеслась.
Вслѣдъ за ней туманы плыли,
Облаковъ катился станъ,
Тучки ложемъ ей служили,
Покрываломъ былъ туманъ.
Я горѣлъ мечтой огнистой:
Такъ мила и такъ легка!
Покрывало было чисто,

Не измяты облака.
Чудной таинства приманкой
Увлеченъ, я, какъ стрѣла,
Гналея, гнался за смуглянкой:
Стой! кричу я... Нѣтъ! ушла,
Грусть-тоска меня погубитъ,
Доля злая мнѣ дана.
Бѣлокураго не любитъ
Чернокудрая она.
Безъ нея — съ огнями Феба
Что лазурный мнѣ алтарь?
Я — въ роскошномъ царствѣ неба
Одинокій, бѣдный царь —
Съ той поры ищу царицы,
Какъ въ эѳирныя поля
Изъ зиждительной десницы
Вышла юная земля».

Не крушись, о день прелестный!
Ты найдешь ее, найдешь.
Съ чернотой ея чудесной
Блескъ свой огненный сольешь,
Какъ пройдетъ временъ тревога
И, окончивъ дольній пиръ,
Отдохнуть на перси Бога
Утомленный ляжетъ міръ.

КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ.

Небо полночное звѣздъ миріадами
Взорамъ безсоннымъ блеститъ,
Дивный вѣнецъ его свѣтитъ Плеядами,
Альдебараномъ горитъ.

Пышныхъ тѣхъ звѣздъ красоту лучезарную
Бѣгло мой взоръ миновалъ,
Всѣ облетѣлъ, — но, упавъ на полярную,
Вдругъ, какъ прикованный, сталъ.

Тихо горишь ты, дочь неба прелестная.
Послѣ докучнаго дня;
Кротко, таинственно, дѣва небесная,
Смотришь съ высотъ на меня.
Жителя сѣвера ночь необъятная
Вержетъ надолго во тьму:
Ты — безвосходная, ты — беззакатная —
Солнце ночное ему.

Въ длинную ночь селянинъ озабоченный,
Взоры стремя къ высотамъ,
Ждетъ — не пропуститъ поры обуроченной:
Онъ наглядитъ ее тамъ,
Гдѣ *Колесница* небесъ безотъѣздная
Искрой твоей зажжена;
Тамъ въ книгѣ звѣздной ему семи-звѣздная
Времени буква видна.

Плаватель по-морю бурному носится —
Гдѣ бы маякъ проблеснулъ?
У моря жаднаго дна не допросится, —
Берегъ — давно потонулъ.
Тамъ его берегъ, гдѣ ты зажигаешься,
Горній маякъ, для очесъ!
Тамъ его дно, гдѣ ты въ небо впиваешься,
Огненный якорь небесъ!

Вижу: свѣтилъ хороводъ обращается —
Тыжъ въ свою высь вкрѣплена;
Видъ неба звѣзднаго чудно мѣняется —
Ты неизмѣнна одна.

Не отъ того-ли сердцу мечтателя
Милъ твой серебряный лучъ?
Молви: не ты-ли въ десницѣ Создателя,
Звѣздочка, вѣчности ключъ?

РАЗВАЛИНЫ.

Обломки... прахъ... Все сумрачно и дико.
Въ кускахъ столбы — изгнанники высотъ;
Въ разсѣлины пробилась повилика
И, грустная, по мрамору ползетъ.
Тамъ — чуть висятъ полунагіе своды;
Здѣсь — дряхлая стоитъ еще стѣна; —
И все въ рубцахъ, и все изсѣкли годы
И вывели узоромъ письмена:
Прочли-ль вы ихъ? — Здѣсь лѣтопись природы
На зодчествѣ людей продолжена.
Здѣсь время быть художникомъ желало —
И, медленно огнемъ и влагой бурь,
Согнавъ долой и пурпуръ и лазурь,
Таинственныя краски набросало
И, наступивъ широкою пятой
На мрачныя, безмолвныя руины,
Любуется могильной красотой
Безъ кисти имъ написанной картины.
Тамъ башня спитъ, уныло преклонясь:
Стоявшая надменнымъ великаномъ,
Теперь своимъ полуистлѣвшимъ станомъ
На груды стѣнъ упавшихъ оперлась
И старчески лежитъ, облокотясь.
Дочь времени! Тебя изъѣло тлѣнье:
Исчезло все — и крѣпость, и краса;

Устала ты летѣть на небеса
И, бренная, легла въ изнеможеньѣ.

Вотъ ночь. — Луна глядитъ на ликъ земли:
Изъ-подъ ея серебрянаго взгляда,
Сквозь паръ ночной, на вышинѣ, вдали,
Является развалинъ тѣхъ громада
Безъ образа, какъ призракъ безъ лица,
И грудами колоннъ разбитыхъ звенья
Виднѣются — подъ желтой пылью тлѣнья
Разбросаны, какъ кости мертвеца,
Лишенныя святого погребенья.
Нѣмая тишь... Одинъ неровный шумъ
Своихъ шаговъ полночный путникъ слышитъ —
И возмущенъ въ ней рой неясныхъ думъ,
И все окрестъ глубокой тайной дышитъ.

У Т Е С Ъ.

Отвсюду объятый равниною моря
Утесъ гордо высится, — мраченъ, суровъ,
Незыблемъ стоитъ онъ, въ могуществѣ споря
Съ прибоями волнъ и съ напоромъ вѣковъ.
Валы только лижутъ могучаго пяты;
Отъ времени — только бразды вдоль чела;
Мохъ сѣрый ползетъ на широкіе скаты;
Сѣдая вершина — престолъ для орла.

Какъ въ плащъ, исполинъ весь во мглу завернулся,
Поникъ, будто въ думахъ, косматой главой,
Безстрашно надъ моремъ всѣмъ станомъ нагнулся
И грозно *нависнулъ* надъ бездной морской.

Вы ждете: падетъ онъ — не ждите паденья!
Наклонно онъ сталъ, чтобы сверху взирать
На слабыя волны съ усмѣшкой призрѣнья
И смертнаго взоры отвагой пугать.

Онъ хладенъ; — но жаръ въ немъ закованъ природный:
Во дни чудодѣйства зиждительныхъ силъ
Порывомъ огня — сынъ огня первородный —
Изъ сердца земли здѣсь онъ выдвинутъ былъ;
Взлетѣлъ — и застылъ онъ твердыней гранита;
Ему не живителенъ солнечный лучъ;
Для нѣгъ его грудь вѣковая закрыта,
И дикъ, и угрюмъ онъ: зато онъ могучъ!

Зато онъ неистовой радостью блещетъ,
Какъ вѣтры помчатся въ разгульный свой путь,
Когда въ него море бурунами хлещетъ
И прыгаетъ жадно гиганту на грудь. —
Вотъ молніи пламя надъ нимъ засверкало,
Перунъ свой ударъ ему въ темя нанесъ —
Чтожъ? — Огненный змѣй изломилъ свое жало
И, весь невредимый, хохочетъ утесъ.

ПОЖАРЪ.

Ночь. Сомкнувшіяся тучи
Лунный ликъ заволокли;
Легъ по вѣтру дымъ летучій;
Мигъ — и вспыхнуло вдали.
Встало пурпурное знамя,
Искоръ высыпала рать,
И пошелъ младенецъ-пламя
Вольнымъ юношей гулять.

Идетъ и растетъ онъ — красавецъ опасный!
Надъ зданья громадой онъ бурно возсталъ,
Къ ней жадною грудью прильнулъ сладострастно,
Червонныя кудри свои разметалъ,
И пышутъ объятья, дымятся лобзанья...
Могучій прельститель во мракѣ ночномъ,
На млѣющихъ грудахъ роскошнаго зданья
Сверкаетъ побѣднымъ любви торжествомъ.
Какіе извивы! Какіе изгибы!
Взгляните: вздымаясь въ эѳирный чертогъ,
Нахмуренныхъ тучъ разрумянилъ онъ глыбы;
Взгляните: онъ заревомъ небо зажегъ!

Царствуй, алчная стихія!
Раздирай покровы ночи!
Обнимай холодный міръ!
Вейтесь, кудри огневыя!
Упивайтесь ими, очи!
Длись, огня разгульный пиръ!
Вѣтеръ воетъ; пламя рвется;
Съ трескомъ рухнула громада;
Заклубился дымъ густой; —
Дикимъ грудь восторгомъ бьется:
Предо мной вся прелесть ада.
Демонъ! адъ прекрасенъ твой!

Вотъ — буря стихаетъ, и пламя слабѣетъ.
Не заревомъ небо — зарею алѣетъ;
То пламя померкло, а солнечный шаръ
Съ востока выводитъ свой вѣчный пожаръ.

Чтожъ? — На мѣстѣ, гдѣ картина
Такъ торжественна была —
Трупъ лишь зданья-исполина,
Хладный пепелъ и зола.

Рдѣла пурпуромъ сраженья
Ночь на праздникѣ огня;
Слѣдъ печальный разрушенья
Озаренъ лучами дня.
Въ ночь плѣнялся я красою,
Пламень, буйства твоего:
Днемъ я выкуплю слезою
Злость восторга моего.

Слеза сожалѣнья сбѣжала съ рѣсницы;
И взоръ мой стремится къ пожару денницы,
Къ пожару свѣтила — алмаза міровъ; —
Издавна слѣдимый очами вѣковъ,
Все полонъ обычной онъ пламенной силы;
Земля на могилахъ воздвигла могилы,
А онъ, то открытый, то въ облачной мглѣ,
Все пышетъ, пылаетъ и свѣтитъ землѣ.
Невольно порою мечтателю мнится:
Онъ на небѣ блещетъ послѣдней красой,
И вдругъ, истощенный, замретъ, задымится —
И сирую землю осыплетъ золой.

ЧЕРНЫЯ ОЧИ.

Какъ могущественна сила
Черныхъ глазъ твоихъ, Адель!
Въ нихъ — безстрастія могила
И блаженства колыбель.
Очи, очи — обольщенье!
Какъ чудесно вы могли
Дать небесное значенье
Цвѣту скорбному земли!

Прочь съ лазурными глазами —
Дѣва-ангелъ! — Ярче дня
Ты блестишь; но у меня
Ангелъ — съ черными очами.
Вы, кому любовь дано
Пить очей въ лазурной чашѣ, —
Пусть лазурно небо ваше:
У меня — (но) черно.
Вамъ — кудрей руно златое,
Други милые! Для васъ.
Блещетъ пламя голубое
Въ парѣ нѣжныхъ, томныхъ глазъ:
Я пирую — въ черномъ цвѣтѣ,
И во снѣ и на яву
Я витаю въ черномъ свѣтѣ,
Чернымъ пламенемъ живу.
Пусть васъ тѣшитъ жизни сладость
Въ яркихъ радужныхъ лучахъ:
Мнѣ мила, понятна радость
Только въ траурныхъ очахъ.
День ли катитъ волны свѣта —
Для другихъ всѣ мраки прочь.
Для меня-жъ все тьмой одѣта
Глазъ Адели черна ночь.

Вотъ смотрю, смотрю ей въ очи,
Проникаю въ глубину, —
Глубже, дальше... тамъ одну
Вижу искру въ безднѣ ночи:
О, какъ искра та чудна!
То трепещетъ, то затихнетъ,
То замретъ, то пуще вспыхнетъ,
Такъ и рѣзвится она.
Искра неба въ женскомъ тѣлѣ!
Я узналъ тебя, узналъ,

Таїный блескъ твой разгадалъ:
Ты — душа моей Адели!
Вотъ блестящая взвилась;
Задрожала, поднялась,
Подступила, подлетѣла
Къ рамамъ, къ прорѣзи очей,
И умильно посмотрѣла
Въ окна храмины своей,
Тихо влагой въ нихъ плеснула,
Тихо въ глубь опять порхнула, —
А на черные глаза
Навернулась и блеснула,
Какъ жемчужинка, слеза.

Вотъ и ночь. Средь этой ночи,
Черноты ея чернѣй,
Блещутъ черныя тѣ очи
Чернымъ пламенемъ страстей.
Вѣтеръ юга тепло-крылый
Двинулъ тучи; изъ-за тучъ
Лунный вырѣзался лучъ
И, упавъ на очи милой,
На окатѣ ихъ живомъ
Раздробился серебромъ.
Дѣвы грудь волнообразна...
Ночь глуха, полна соблазна...

Прочь, лукавая мечта!
Нѣтъ, Адель, живи — чиста!
Не довольно-ль любоваться
На тебя, звѣзда любви,
И очами погружаться
Въ очи черныя твои,
Проникать въ ихъ мглу густую
И высматривать втиши

Неба слезку золотую,
Эту искорку святую —
Блестку ангельской души?

КУДРИ.

Кудри дѣвы — чародѣйки,
Кудри — блескъ и ароматъ,
Кудри — кольца, струйки, змѣйки,
Кудри — шелковый каскадъ!
Вейтесь, лейтесь, сыпьтесь дружно,
Пышно, искристо, жемчужно!
Вамъ не надобенъ алмазъ:
Вашъ извивъ неуловимый
Блещетъ краше безъ прикрасъ,
Безъ перловой діадимы;
Пусть лишь роза — цвѣтъ любви —
Роза — нѣжности эмблема —
Краситъ прелестью эдема
Ваши мягкія струи!
Помню: въ сферѣ бальной ночи,
Убаюканныя вы,
Задремавъ, чрезъ ясны очи
Ниспадали съ головы;
Сотня глазъ васъ окружала,
И при трепетныхъ свѣчахъ
Чудно тѣнь отъ васъ дрожала
На груди и на плечахъ;
Ручка нѣжная бросала
Васъ небрежно за ушко:
Сердце юношей пылало
И металось высоко.

Жаднымъ взоромъ мы ловили
Этихъ локоновъ разбросъ,
Словъ уста не находили,
Но въ глазахъ горѣлъ вопросъ:
«Ктожъ владѣлецъ будетъ полный
Этой розсыпи златой?
Кто-то будетъ эти волны
Черпать жадною рукой?
Кто изъ насъ, друзья — страдальцы,
Будетъ амбру ихъ глотать,
Навивать ихъ шелкъ на пальцы,
Поцѣлуемъ прижигать,
Путать нѣгой, мять любовью,
И во тьмѣ по изголовью
Безъзавѣтно разсыпать?»
Кудри, кудри золотыя,
Кудри пышныя, густыя,
Дѣвы царственный вѣнецъ!
Вами юноши прельщались,
Къ вамъ мольбы ихъ выражались
Стукомъ пламенныхъ сердецъ;
Но снѣдаемыя взглядомъ
И доступны лишь ему,
Вы земнымъ, безцѣннымъ кладомъ
Не вручились никому:
Появились, порѣзвились, —
И, какъ въ море водъ хрусталь,
Ваши волны укатились
Въ неизвѣданную даль.

НЕЗАБВЕННАЯ.

Въ дни, когда въ груди моей чувство развивалося
Такъ *свѣжо* и молодо,

И мечтой согрѣтое сердце не сжималося
От земнаго холода, —
Въ сумракѣ безвѣстности за Невой широкою,
Небомъ сокровенная,
Мнѣ явилась милая, — дѣва свѣтлоокая,
Дѣва незабвенная.
Какъ она несла свою тихо и торжественно
Грудь полу-развитую!
Какъ глубоко принялъ я взоръ ея божественный
Въ душу ей, открытую!
На младомъ челѣ ея зрѣлось отпечатано
Надъ очей алмазами,
Какъ ея мысль тихая, словно птенчикъ, спрятана,
Развивалась въ разумѣ,
А потомъ изъ устъ ея, мысль та, оперенная
Рѣчью сладколепетной,
Вылетала чудная, въ краски облеченная,
Райской птичкой трепетной;
Еслижъ дѣва милая ласковымъ вниманіемъ
Юношу лелѣяла, —
Теплотой полуденной, южнымъ обаяніемъ
Отъ прелестной вѣяло.

Помните-ль, друзья мои? — Тамъ ее видали мы
Вѣчно-безмятежную,
Съ радостями темными, съ ясными печалями
И съ улыбкой нѣжною.
Съ ней неслись мечтатели въ области надзвѣздныя
Помыслами скрытными;
Чудная влекла къ себѣ и сердца желѣзныя
Персями магнитными.

Гдѣжъ ты, дѣва милая? Гдѣ ты, праздникъ сладостный,
Что зовется младостью?
Гдѣ все то, что смертные на землѣ безрадостной
Называютъ радостью?

Въ вѣчность укатились тѣ дни волнообразные;
Подъ судьбою строгою
Многое я пережилъ; были встрѣчи разныя,
Измѣнилось многое.

Передъ дѣвой новою сердца безпокойнаго
Тлѣло чувство новое,
Но ужъ было чувство то — послѣ лѣта знойнаго
Солнце сентябревое.
Предаю забвенію новую прелестницу,
Въ грудь, на вѣки плѣнную,
Заключивъ лишь первую счастья провозвѣстницу —
Дѣву незабвенную.

Всюду въ жизни суетной, въ буряхъ испытанія,
Бѣдность обнаружена;
Но, друзья, не бѣденъ я: въ терніяхъ страданія
Свѣтится жемчужина,
И по гранямъ памяти ходитъ перекатная,
Блещетъ многоцѣнная —
Это перлъ души моей — дѣва невозвратная —
Дѣва незабвенная!

ЧУДНЫЙ КОНЬ.

Конь мой, конь мой — удивленье!
Какъ порывистъ вольный бѣгъ!
Какъ онъ въ бѣшеномъ стремленьѣ
Мчитъ поэта — сына нѣгъ!
Нѣтъ путямъ его препоны,
Ни желѣза въ пѣнномъ ртѣ,
Ни хранительной попоны

На изнѣженномъ хребтѣ.
Мать-природа гладитъ, холитъ
Друга, полнаго огня, —
И безпечный не неволитъ
Всадникъ чуднаго коня,
И, не чуя острой шпоры,
Конь стремится черезъ горы,
Мчится вихремъ по степямъ,
Мчится бурей по морямъ.
Онъ свободно, безъ усилья,
Скачетъ выше облаковъ,
Гдѣ пернатый сынъ громовъ
Утомляетъ мощны крылья.
Онъ отважною стрѣлой
По слѣдамъ планетъ летаетъ,
Гдѣ изъ звѣздъ вѣнецъ златой
Всадникъ царственно хватаетъ
Съ тверди неба голубой.
Конь земной травы не щиплетъ
И не спитъ въ земной пыли:
Онъ все въ высь — и искры сыплетъ
На холодныхъ чадъ земли.
Такъ въ туманный часъ вечерній
Надъ челомъ холмовъ и горъ
Радость мудрыхъ — диво черни —
Мчится яркій метеоръ.

ОЗЕРО.

Я помню приволье широкихъ дубравъ;
Я помню край дикій. Тамъ, въ годы забавъ,
Ребяческой рѣзвости полный,

Я видѣлъ: синѣла, шумѣла вода, —
Далеко, далеко, не знаю куда,
Катились все волны да волны.

Я отрокомъ часто у брега стоялъ,
Безъ мысли, но съ чувствомъ на влагу взиралъ,
И всплески мнѣ ноги лобзали,
Въ дали безконечной виднѣлись лѣса;
Туда мнѣ хотѣлось: у нихъ небеса
На самыхъ вершинахъ лежали.

Забуду-ль вашъ вольный, стремительный бѣгъ,
О, полныя силы и полныя нѣгъ
Разгульныя, шумныя воды?
Забуду-ль тотъ берегъ, гдѣ, дикъ и суровъ,
Закинувши тоню, пѣвецъ-рыболовъ
Затягивалъ пѣсню свободы?

Нѣтъ, — врѣзалось, озеро, въ память ты мнѣ.
Въ твоей благодатной, святой тишинѣ,
Въ твоемъ бушеваньѣ угрюмомъ
Душа научилась кипѣть и любить,
И нынѣ хотѣла-бы ропотъ свой слить
Съ твоимъ упоительнымъ шумомъ!

ИСКРА.

Дикій камень при дорогѣ
Дремлетъ глыбою нѣмой.
Въ бурный день земля въ тревогѣ:
Онъ недвиженъ подъ грозой.
Дни-ль златые улыбнутся —

Всюду жизнь заговоритъ,
Всюду звуки отольются:
Глыба мертвая молчитъ;
Все одѣто ризой свѣта,
Все согрѣто, а она —
Сѣрымъ мхомъ полу-одѣта,
И мрачна и холодна.
Но у этой мертвой глыбы
Жизни чудное зерно
Въ сокровенные изгибы
До поры схоронено.
Вотъ — ударъ! Она проснулась,
Звукъ могучій издала,
И со звукомъ встрепенулась
Брызга свѣта и тепла:
Искра яркая вспрыгнула
Изъ темницы вѣковой,
Свѣжимъ воздухомъ дохнула,
Красной звѣздочкой блеснула,
Разгорѣлась красотой.
Мигъ еще — и дочь удара
Въ тонкомъ воздухѣ замретъ,
Иль живымъ зерномъ пожара
Вдругъ на вѣтку упадетъ,
И дремучій лѣсъ зажжетъ, —
Обратится искра въ пламень —
И лежавшій въ тяжкомъ снѣ
Самъ ее родившій камень
Разрушается въ огнѣ.

Долго духъ въ оцѣпенѣньѣ
Безотзывенъ и угрюмъ;
Долго въ хладномъ онѣмѣньѣ
Дремлетъ сердце, дремлетъ умъ;
Долго искра золотая

Въ безднѣ сумрачной души,
Въ Божій міръ не выступая,
Спитъ бездѣйственно въ тиши; —
Но ударъ нежданный грянетъ —
Искра прянетъ изъ оковъ
И блистательно проглянетъ
Изъ душевныхъ облаковъ,
И по міру пролагая
Всепалящей силой путь
И пожары развивая,
Разрушаетъ огневая
Огне-творческую грудь.

БИВАКЪ.

Темно. Ни звѣздочки на черномъ неба сводѣ.
Подъ проливнымъ дождемъ на длинномъ переходѣ
Промокнувъ до костей, до сердца, до души,
Пришли на мѣсто мы — и мигомъ шалаши
Возстали, выросли. Ну, слава Богу: дома!
И — роскошь! — вносится въ отрадный мой шалашъ
Сухая, свѣжая, упругая солома.
«А чайникъ что?» — Кипитъ. — О, чай — спаситель нашъ!
Онъ тутъ. Идетъ денщикъ — служитель ратныхъ становъ,
И слаще музыки привѣтный звонъ стакановъ
Вдали ужъ слышится; — и чайная струя
Спѣшитъ стакановъ рядъ наполнить по края.
Садишься и берешь — и съ сладострастной дрожью
Пьешь нектаръ, радость пьешь, глотаешь милость Божью...
Нѣтъ, — житель городской: какъ хочешь, величай
Напитокъ жалкій свой, а только онъ — не чай!
Нѣтъ, *люди мирные*, — *когда* вы не живали

Бивачной жизнію — вы чаю не пивали.
Глядишь: все движется, волнуется, кипитъ;
Огни разведены — и что за чудный видъ!
Такого и во снѣ вы вѣрно не видали:
На грунтѣ сумрачномъ необозримой дали
Фигуры воиновъ, какъ тѣни, то черны,
То алымъ пламенемъ красно освѣщены,
Картинно видятся въ различныхъ положеньяхъ,
Кругами, группами, въ раскидистыхъ движеньяхъ,
Облиты заревомъ, подъ искрами огней,
Со всею прелестью головъ ихъ посѣдѣлыхъ,
Мохнатыхъ ихъ усовъ, нависшихъ ихъ бровей
И глазъ сверкающихъ и лицъ перегорѣлыхъ.
Забавникъ-шутъ остритъ — и красное словцо
И добрый, звонкій смѣхъ готовы на-лицо.
Кругомъ и крикъ, и шумъ, и общій слитный говоръ.
Предъ нами вновь денщикъ: теперь ужъ онъ, какъ поваръ,
Явился; ужинъ нашъ готовъ уже совсѣмъ.
Спасибо, мой Ватель! Спасибо, мой Каремъ!
Прекрасно! — И дѣлимъ живой артелью братской,
Какъ вкусенъ безъ приправъ простой кусокъ солдатской!
Поѣли — на лобъ крестъ — и на солому бухъ!
И ужъ герой храпитъ во весь геройскій духъ.
О, богатырскій сонъ! — Едва-ль онъ перервется,
Хоть громъ изъ тучи грянь, обрушься неба твердь.
Великолѣпный сонъ! — Онъ глубже, мнѣ сдается,
Чѣмъ тотъ, которому дано названье: смерть.
Тамъ спишь, а душу все подталкиваетъ совѣсть,
И надъ ухомъ ея нашептываетъ повѣсть
Минувшихъ дней твоихъ; — а тутъ... но барабанъ
Вдругъ грянулъ — и возсталъ, воспрянулъ ратный станъ.

НОЧЬ БЛИЗЪ М. ЯКАЦЪ.

(5 мая 1831).

Какъ сонъ невинности, какъ ангеловъ молитва,
Спокойна ночи тѣнь;
А завтра грозная воспламенится битва,
Настанетъ бурный день.

Роскошно освѣщенъ бивачными огнями,
Здѣсь ружей нашихъ лѣсъ
Торжественно глядитъ трехгранными штыками
На звѣздный сводъ небесъ —

И воина очамъ къ звѣздамъ тѣмъ безпредѣльный
Указываетъ путь:
Намъ можно черезъ мигъ — черезъ ударъ смертельный
Туда перешагнуть.

Усталыхъ ратниковъ разсѣянныя тучи
На краткій сонъ легли,
Не вѣдая, кого съ зарей свинецъ летучій
Сорветъ съ лица земли.

При мысли о концѣ, душа моя не стонетъ,
Но рвусь отъ думы злой,
Что въ сумрачныхъ волнахъ забвенія потонетъ
Туманный жребій мой.

Кипящая душа въ нѣмую вѣчность ляжетъ
Безъ отблеска небесъ;
Лишь дѣва милая своей подругѣ скажетъ:
«Онъ былъ, любилъ, исчезъ».

БРАННАЯ КРАСАВИЦА.

Она чиста, она свѣтла
И убрана сребромъ и златомъ,
Герою-воину мила
И съ нимъ дружна, какъ съ милымъ братомъ,
Свои стальныя красоты
Одеждой тѣсной чинно кроя,
Во время мира и покоя
Она стыдится наготы; —
Но вспыхнетъ брань, настанетъ дѣло —
И вмигъ блеснетъ, обнажена,
И міру выкажетъ она
Красиво выгнутое тѣло;
Объята воина рукой,
Тогда, открыта, безъ наряда,
Она сверкаетъ остротой
Огнеубійственнаго взгляда,
И въ глубь сердецъ находитъ путь, —
И хоть лобзаетъ безъ сознанья,
Но далекó проходятъ въ грудь
Ея жестокія лобзанья,
И часто въ жаркія мѣста
Всѣкаясь съ дикою любовью,
Ея желѣзныя уста
Дымятся жертвенною кровью. —
Когда нага — она грозитъ,
Она свиститъ, она разитъ; —
Но громъ военный утихаетъ,
И утомленная рука
Ее покровомъ облекаетъ,
И вновь она, тиха, кротка,
Близъ друга, сбоку, отдыхаетъ.

СОСЛУЖИВЦУ

(послѣ кампаніи 183(г.)

Буря брани прекратилась;
Конченъ лютый пиръ войны,
И спокойно опустилась
Сабля вѣрная въ ножны.
Слава храбрымъ! Падшимъ тризна!
Воинъ! Шлемъ съ чела сорви!
Посмотри: тебѣ отчизна
Заплела вѣнокъ любви.

Дѣвы съ ясными очами
Ждутъ героя: приходи!
Изукрасится цвѣтами
Царскій орденъ на груди;
Къ сердцу счастіе привьется
У родимыхъ Невскихъ струй,
И вся жизнь твоя сольется
Въ безконечный поцѣлуй.

ПѢВЕЦЪ.

Бездомный скиталецъ — пустынный пѣвецъ,
Одинъ, съ непогодою въ споръ,
Онъ рѣетъ надъ бездной, пѣвучій пловецъ,
Безъякорный въ жизненномъ морѣ;
Все вдаль его манитъ невѣдомый свѣтъ,
Онъ къ берегу рвется, а берега нѣтъ.

Онъ страненъ; — исполненъ несбыточныхъ думъ,
Бываетъ онъ веселъ — ошибкой;
Онъ къ людямъ на праздникъ приходитъ — угрюмъ,
Къ гробамъ ихъ подходитъ — съ улыбкой;
Всеобщій кумиръ ихъ — ему не кумиръ:
Недаромъ безумцемъ зоветъ его міръ.

Онъ ищетъ страданій — и всюду найдетъ:
Онъ вызоветъ, вымыслитъ муки,
Взлелѣетъ ихъ въ сердцѣ, а тамъ перельетъ
Въ волшебные стройные звуки,
И самъ же, обманутый ложью своей,
Безумно ей вѣритъ и плачетъ надъ ней.

Міръ черный бранитъ онъ — и громы со струнъ
Срываетъ карательной дланью;
Міръ ловитъ безвредно сей пышный перунъ,
Доволенъ прекрасною бранью, —
Какъ будто въ забаву кидаетъ пѣвецъ
Потѣшное пламя на мраморъ сердецъ.

Предъ дѣвой застѣнчивъ; онъ къ милой своей
Не смѣетъ войти съ разговоромъ;
Онъ, робкій, боится приблизиться къ ней,
Коснуться къ ней пламеннымъ взоромъ;
Святое молчанье смыкаетъ уста;
Кипучая тайна въ груди заперта; —

И если признаньемъ языкъ задрожитъ —
Пѣвецъ не находитъ напѣва:
Изъ устъ его буря тогда излетитъ —
И вздрогнетъ небесная дѣва.
И трепетный ангелъ сквозь пламя и громъ
Умчится; взмахнувъ опаленнымъ крыломъ.

Захочетъ-ли дружбѣ тогда протянуть
Страдалецъ безбрачную руку —
На чью упадетъ онъ отверстую грудь?
Родной всему свѣту по звуку,
Онъ тонетъ въ печальномъ избыткѣ связей,
И нѣтъ ему друга, хоть много друзей.

Враги его — мелкихъ страстишекъ рабы,
Завистниковъ рой безпокойныхъ;
Для жаркихъ объятій кровавой борьбы
Враговъ ему нѣту достойныхъ:
Одинъ разрушитель всѣхъ собственныхъ благъ,
Онъ самъ себѣ въ мірѣ достойнѣйшій врагъ.

ПУЧИНА.

Взгляни: вотъ женщины прекрасной
Обворожительная грудь!
Ее ты можешь въ нѣгѣ страстной
Кольцомъ объятій обогнуть;
Но и орла не могутъ взоры
Сквозь эти жаркіе затворы
Пройти и въ сердце заглянуть.
О, тамъ — пучина; въ вѣчномъ спорѣ,
Съ волной тамъ борется волна,
И необъятно это море,
Неизмѣрима глубина.
Тамъ блещутъ искры золотыя,
И мракъ таится въ глубинѣ;
Тамъ есть и перлы дорогіе,
И *спятъ* чудовища на днѣ.
Тѣ искры — ангельскія чувства —

Даръ — слѣпо вѣровать, любить;
Тотъ мракъ — даръ женскаго искусства
Прельщать и мучить, и губить.
Тѣ перлы — верхъ земныхъ сокровищъ, —
Способность — все, что въ мірѣ есть,
Святому долгу въ жертву несть;
А пасти, зубы тѣхъ чудовищъ —
Коварство, зависть, злость и месть.
Тѣ перлы въ сумракѣ витаютъ
Никѣмъ незримы, — лишь порой,
То въ тихій часъ, то подъ грозой,
Они въ міръ свѣтлый выступаютъ,
Блестятъ въ очахъ и упадаютъ
Страданья чистою слезой.
Но самъ не пробуй, дерзновенный,
Ты море темное разсѣчь,
Чтобъ силой жемчугъ многоцѣнный
Изъ чудной бездны той извлечь.
О, не испытывай судьбины!
Страшись налетомъ буйныхъ силъ
Тревожить таинство пучины,
Гдѣ тихо дремлетъ крокодилъ.

Когдажъ, согрѣвъ мечту златую
И мысля сладко отдохнуть,
Ты склонишь голову младую
На эту женственную грудь,
И внемля волнъ ея движенье,
Закроешь очи жаркимъ сномъ,
То знай, что это — усыпленье
На зыбкомъ берегѣ морскомъ.
Уснешь: приливъ, быть можетъ, хлынетъ,
И вдругъ тебѣ, мой сонный челнъ,
Умчитъ порывъ нежданныхъ волнъ,
И захлеснетъ, и опрокинетъ.

МОЕЙ ЗВѢЗДОЧКѢ.

Путеводною звѣздою
Надъ пучиной бытія,
Ты сіяешь предо мною,
Дѣва свѣтлая моя.
О, свѣти мнѣ, другъ небесный!
Сердца звѣздочка, свѣти!
И ко мнѣ, въ мой міръ безвѣстный,
Тихимъ ангеломъ слети!

Нѣтъ! — Сіяешь ты безпечно
И не клонишься ко мнѣ.
О, сіяй, сіяй-же вѣчно
Въ недоступной вышинѣ!
Будь звѣздою неземною,
Непорочностью свѣтись,
И, катясь передо мною,
Въ чуждый міръ не закатись!

ОРЕЛЛАНА.

Взгляните, какъ льется, какъ вьется она —
Красивая, злая, крутая волна!
Это мчится Ореллана —
Широка и глубока, —
Шибче, шибче — и близка
Къ черной безднѣ океана.

Бурлитъ и реветъ океанъ-великанъ,
Гроза на хребтѣ, на плечахъ ураганъ.

Вздулся, сгорбился приливомъ,
Горы волнъ, шумя, крутитъ, —
Будетъ схватка: онъ сердитъ,
И рѣка полна порывомъ.

Летитъ въ океанъ Ореллана стрѣлой —
И вотъ налетѣла, рветъ волны волной.
Чуденъ водной битвы пламень,
Пѣна бьетъ до облаковъ,
На хребтахъ густыхъ валовъ
Сшиблись камни — съ камнемъ камень.

Съ рѣкой океанъ, какъ съ тигрицею левъ —
Двѣ арміи волнъ! — Далекò слышенъ ревъ.
Гдѣжъ побѣда? Гдѣ уклонка?
Ты нейдешь назадъ, рѣка;
Ты упряма, ты дика:
Бейся, бейся, Амазонка!

Свое взяла сила: рѣка не сдалась
И въ грудь океану, какъ жало, впилась.
Уязвленъ боецъ огромный
Захрипѣлъ и застоналъ, —
Тише, тише — и помчалъ
Волны съ жалобою томной.

МОЙ ВЫБОРЪ.

Я — вѣчный врагъ блистательной заразы —
Тщеславія, которымъ полонъ міръ —
Люблю не васъ, огнистые алмазы:
Люблю тебя, голубенькій сапфиръ!

Не розою, не лиліею томной
Любуюсь я въ быту своемъ простомъ:
Милъ ландышъ мнѣ таинственный и скромный
Подъ сумрачнымъ ракитовымъ кустомъ.

Прелестницы и жрицы буйной моды!
Вы, легкія! — Неси васъ прочь, зефиръ!
Люблю тебя, дочь кроткая природы,
Тебя, мой другъ, мой ландышъ, мой сапфиръ!

СМЕРТЬ ВЪ МЕССИНѢ.

Какое явленье? — Не рушится-ль міръ?
Разсѣлась земля, и растрекался камень!
Изъ щелей и трещинъ на гибельный пиръ
Взвивается люто неистовый пламень,
И стелется клубомъ удушливый паръ,
Колеблются зданья и рыщетъ пожаръ.

Не рушится міръ, но Мессина дрожитъ:
Подъ ней свирѣпѣютъ подземныя силы.
Владѣнія жизни природа громитъ,
Кругомъ расширяя владѣнья могилы.
Взгляните, какъ лавы струи потекли
Изъ челюстей ярыхъ дрожащей земли!

Тамъ люди, исторгшись изъ шаткихъ оградъ,
Отъ ужаса въ общемъ смятеньѣ нѣмѣютъ;
Тамъ матери, въ блескѣ горящихъ громадъ,
Съ безумной улыбкою держатъ, лелѣютъ,
Безпечныхъ младенцевъ у персей своихъ:
Потеряны мысли, но сердце при нихъ.

Взгляните: изъ этихъ несчастныхъ одна
Едва оживаетъ въ объятьяхъ супруга...
Вотъ дико очами блуждаетъ она...
Увидѣла... ринулась съ воплемъ испуга:
Малютка, ребенокъ — души ея часть —
Стоитъ на балконѣ, готовомъ упасть; —

Стоитъ — и на бурныя волны людей,
На лаву и пламя съ улыбкой взираетъ,
И къ жаламъ сверкающимъ огненныхъ змѣй.
Призывно рученки свои простираетъ.
Какъ счастливъ блаженнымъ невѣдѣньемъ онъ!
Какъ счастливъ! — Мгновенье — и рухнетъ балконъ.

Нѣтъ, — онъ не погибнетъ: жива его мать!
Напрасно супругъ всею силой объятій
Стремится порывъ ея сердца унять;
Безплодно усилье мольбы и заклятій.
Взгляните — толпа, какъ стрѣлой, пронзена:
То матерней грудью рванулась жена.

Она ужъ на лѣстницѣ... дымная мгла
Объемлетъ ее... осыпается камень...
Ужъ вотъ на балконѣ... вотъ сына взяла...
Ее пощадили и камень и пламень, —
Спасеніе близко... но — рушится домъ,..
Дымъ черный встаетъ погребальнымъ столбомъ.

ПРОСТИ.

Прости! — Какъ много въ этомъ звукѣ
Глубокихъ тайнъ заключено!
Святое слово! Въ мигъ разлуки

Граничитъ съ вѣчностью оно.
Разлука... Гдѣ ея начало?
Дождемся-ль мы ея конца?
Едва «да будетъ» прозвучало
Изъ устъ божественныхъ Творца —
Мгновенно бездна закипѣла,
Мгновенно творческій глаголъ
Черту великаго раздѣла
Въ хаосѣ дремлющемъ провелъ;
Творецъ расторгнулъ сочетанья,
Стихіи рознялъ, раздѣлилъ,
И въ самый первый мигъ созданья
Съ землею небо разлучилъ,
И мраку бездны довременной
Велѣлъ отъ свѣта отойти, —
И всюду въ первый день вселенной
Промчалось грустное «прости».
Съ тѣхъ поръ донынѣ эти звуки
Идутъ, летятъ изъ вѣка въ вѣкъ,
И брошенный въ юдоль разлуки
Повитъ страданьемъ человѣкъ.
Съ тѣхъ поръ, тоскуя, небо ночи
Наводитъ тамъ — въ нѣмой дали
Свои мерцающія очи
На лоно сумрачной земли,
И къ ней объятья простирая,
Въ свой свѣтлый край ее манитъ —
Напрасно: узница родная
Въ оковахъ тяжести скорбитъ.
Заря съ востока мечетъ розы,
Росою влажатся поля:
О, это слезы, скорби слезы,
Въ слезахъ купается земля.
Въ вѣка уходятъ дни и годы
И въ вѣчность катятся вѣка —

Все также льется слезъ природы
Неистощимая рѣка.
Прости! Прости! — Сей звукъ унылый
Дано намъ вторить каждый часъ,
И наконецъ — въ дверяхъ могилы
Его издать въ послѣдній разъ, —
И здѣсь, впервые полонъ-свѣта,
Исходитъ онъ, какъ ясный лучъ,
Какъ надъ челомъ разбитыхъ тучъ
Живая радуга завѣта,
И смерть спѣшитъ его умчать,
И этотъ звукъ съ одра кончины,
Здѣсь излетѣвъ до половины,
Уходитъ въ небо дозвучать,
И повторенъ эдемскимъ клиромъ,
И принятъ въ небѣ съ торжествомъ,
Святой глаголъ разлуки съ міромъ —
Глаголъ свиданья съ Божествомъ!

НАѢЗДНИЦА.

Люблю я Матильду, когда амазонкой
Она воцарится надъ дамскимъ сѣдломъ
И дергаетъ поводъ упрямой ученкой
И дѣйствуетъ буйно визгливымъ хлыстомъ.
Довольна усѣстомъ красивымъ и плотнымъ,
Аллеей съ конца пролетая въ конецъ,
Она — властелинка надъ статнымъ животнымъ,
И тяжко подъ нею храпитъ жеребецъ,
Скрежещетъ объ сталь сокрушительнымъ зубомъ,
И млечная пѣна свивается клубомъ,
И шея крутится упорнымъ кольцомъ, —

Подъ дѣвою дѣвственникъ топчется, пляшетъ,
И мордой мотаетъ, и гривою машетъ,
И ноги, какъ нехотя, мечетъ потомъ,
И скупо идетъ прихотливою рысью, —
И въ рѣзвыхъ подскокахъ на знойномъ сѣдлѣ,
Любуясь сама своей тряскою рысью,
Наѣздница въ пыльной рисуется мглѣ:
На губкахъ пунцовыхъ улыбка играетъ,
А ножка-малютка вся въ стремя впилась.
Матильда въ галопъ бѣгуна поднимаетъ
И зыблется, хитро на немъ избочась,
И носится вихремъ, пока въ утомленьи
На каріе глазки не ляжетъ туманъ...
Матильда спрыгнула въ роскошномъ волненьи
И кинулась бурно на мягкій диванъ.

ДВѢ РѢКИ.

Между свѣтлыми лугами,
Въ тихой дружбѣ съ берегами,
По разсыпчатому дну,
Въ глубину не нарастая,
Влага рѣзвая, блистая,
Раскатилась въ ширину:
Въ искры солнца лучъ дробится
О поверхность этихъ водъ,
И на струйкахъ золотится
Искры въ искру переходъ.
Здѣсь, дитя, тебѣ раздолье!
Здѣсь ты, въ дѣтскомъ своевольѣ,
Можешь кинуться въ рѣку,
И рученку лишь протянешь —

Ты со дна себѣ достанешь
Горсть блестящаго песку.
Путь по дебрямъ пролагая,
Тамъ течетъ рѣка другая.
Въ берегахъ она сперта,
Стелетъ воды не широко:
Въ глубину ушла далеко
Этой влаги полнота.
Стрѣлы солнца не пронзаютъ
Этой мощной глубины;
Взоры дна не достигаютъ;
Волны дики и черны.
Низвергайся, мужъ отваги!
Здѣсь подъ темнымъ слоемъ влаги
Перлы царственные есть; —
Но порывъ гигантскій нуженъ,
Чтобъ вѣнецъ изъ тѣхъ жемчужинъ
На чело себѣ вознесть!

СМЕРТЬ РОЗЫ.

Весна прилетѣла; раскинулся зеленью, кустъ, —
И ангелъ цвѣтовъ у куста, пробужденнаго снова,
Коснулся шипка молодаго
Дыханьемъ божественныхъ устъ —
И роза возникла, дохнула, раскрылась, прозрѣла,
Сладчайшій кругомъ ароматъ разлила и зарей заалѣла; —
И ангелъ цвѣтовъ отъ прекрасной нейдетъ,
И пестрое царство свое забывая,
И только надъ милою розой порхая,
Въ святомъ умиленьи поетъ:

«Рдѣй, царица дней прелестныхъ!
Вешней радостью дыша,
Льется слаще струй небесныхъ
Изъ листковъ полу-тѣлесныхъ
Ароматная душа.

Вѣкъ твой красенъ, хоть не дологъ;
Вся ты — прелесть, вся — любовь;
Сладкій сокъ твой — счастье пчелокъ,
Алый листъ твой — брачный по[illegible]
Золотистыхъ мотыльковъ.

Утро алую полоску
Только выведетъ — заря
На тебя роняетъ слезку,
Какъ со свѣчки каплю воску
Отъ святаго алтаря.

Сбылось предвѣщаніе: юноша розу сорвалъ
И дѣвѣ украсилъ чело этой пламенной жатвой.
И дѣвы привѣтъ съ обольстительной клятвой
Такъ сладко ему прозвучалъ.
И чтожъ? Не поблекъ еще цвѣтъ, отъ роднаго куста отдѣленной,
Какъ дѣвы вѣнчанное розой чело омрачилось измѣной,
И горестный юноша долго потомъ
Страдалъ въ воздаянье за пагубу розы; —
Но вотъ ужъ и онъ осушилъ свои слезы,
А плачущій ангелъ стоялъ, безутѣшный, надъ сирымъ кустомъ.

МОРЕ.

Въ вечернемъ утишьи покоятся воды,
Подернуты легкой паровъ пеленой;
Какъ вѣчное зеркало вѣчной природы,
Лазурное море лежитъ предо мной.
О море! Ты дремлешь, ты сладко уснуло
И сны навѣваешь на душу мою;
Свинцовая дума въ тебѣ потонула,
Мечтой я цѣлую поверхность твою,
Когда я смотрю на твою безконечность —
Въ тебѣ моимъ взорамъ является вѣчность.
Края твои въ синемъ туманѣ ушли
И скрылись отъ глаза въ дали безотвѣтной:
У вѣчности также есть край, но — завѣтный,
Далекій, незримый для сына земли.
На днѣ твоемъ много сокровищъ разлито,
Но намъ недоступно, безвѣстно оно:
И въ вѣчности также, быть можетъ, сокрыто
Подъ страшною глубью богатое дно;
Но не дано силы земли этой сыну
До дна просквозить роковую пучину;
Хоть мысль и стремится туда свысока,
Да грузъ ея легокъ и нить коротка.

Солнце къ морю ниспадаетъ,
Западъ пурпуромъ обвитъ,
Море солнца ожидаетъ,
Море золотомъ горитъ,
И отъ облачнаго края
Солнце, будто покидая
Пелену и колыбель,
Въ волны синія спустилось
И младенцемъ погрузилось

Въ необъятную купель, —
И съ волшебной полу-тьмою,
Разрумянены слегка,
Въ море пышной бахромою
Окунулись облака.

Настала ночь. Кругомъ она
Небрежно звѣзды разметала,
Иныя въ тучкахъ затеряла,
И нѣги тишь ея полна.
И небеса и море дремлютъ,
И ночь, одѣянную мглой,
Какъ дѣву смуглую, объемлютъ
И обнялись между собой.
Прекрасны братскія объятья:
Эѳиръ и море! Вы-ль не братья?
Не явны-ль очерки родства
Въ васъ, двѣ таинственныя бездны?
Здѣсь эти искры — проблескъ звѣздный;
Тамъ эти тучи — острова, —
И, кажется, въ ночномъ уборѣ
Волшебно опрокинутъ міръ:
Тамъ — горнее простерто море,
Здѣсь, долу — дольній нашъ эѳиръ.

Чу! — Ужъ вздохъ свой переводитъ
Утра свѣжій вѣтерокъ.
Глядь! Изъ моря солнце всходитъ
На раскрашенный востокъ,
Будто вышло изъ купальни
И, любовію горя,
Открываетъ двери спальни,
Гдѣ раскинулась заря, —
И, срывая дымку ночи,
Черезъ радужный туманъ

Міру въ дремлющія очи
Бьетъ лучей его фонтанъ.
Солнце въ безднѣ побывало,
Солнце въ морѣ ночевало,
Встало, по небу летитъ,
Съ неба на море глядитъ,
И, средь яркаго разбѣга,
За пріютъ, за сѣнь ночлега,
Отъ избытка своего
Другу-морю щедро платитъ,
Огневой монетой катитъ,
Брызжетъ золотомъ въ него.
Море платы не сбираетъ,
Отшибаетъ блескъ луча,
Море гордо презираетъ
Даръ тщеславный богача,
И хоть сверху влагой зыбкой
Улыбается, блеститъ,
Но подъ ясною улыбкой
Думу темную таитъ:

«Напрасно ты, солнце, блестящею пылью
Съ высотъ осыпаешь мой вольный просторъ!
Златая одежда отрадна безсилью,
Гиганту не нуженъ роскошный уборъ.
Напрасно, царь свѣта, накидкой жемчужной
И блестками перси мои ты покрылъ:
На что тому блестки и жемчугъ наружный,
Кто дивные перлы въ груди затаилъ?
Ты радуешь, грѣешь предѣлы земные, —
Но что мнѣ, что стрѣлы твои калены?
По мнѣ проскользая, лучи огневые
Не грѣютъ державной моей глубины».

Продумало море глубокую думу;
Смирна его влага: ни всплеска ни шуму!

Но тишь его чѣмъ-то грозящимъ полна;
Замѣтно — гиганта томитъ тишина;
Сонъ тяжкій его оковалъ — и тревожитъ,
Смутилъ, уязвилъ — и сдавилъ его грудь;
Онъ мучится сномъ — и проснуться не можетъ,
Готовъ заревѣть — и не въ силахъ дохнуть.
Взгляните: трепещетъ дневное свѣтило,
Предвидя его пробужденія мигъ,
И нѣтъ-ли гдѣ облака — смотритъ уныло,
Гдѣ-бъ спрятать подернутый блѣдностью ликъ...

Чу? Гремитъ... Гигантъ проснулся;
Всталъ изъ бездны страшный валъ,
Развернулся, расплеснулся,
Поскакалъ, заклокоталъ;
Какъ боецъ, онъ озираетъ
Поля битвеннаго ширь,
Рыщетъ, пѣнится, сверкаетъ —
Среброглавый богатырь!

Ктожъ идетъ на валъ гремучій
Черезъ молнію небесъ?
Это онъ — корабль могучій,
Бѣлопарусный, пловучій
Волноборецъ — водорѣзъ!
Онъ летитъ, собралъ всѣ силы,
Роетъ моря крутизны;
Верви мощныя, какъ жилы,
У него напряжены,
И средь волнъ, отваги полный,
Гнетъ и ломитъ онъ свой путь,
Давитъ волны, рѣжетъ волны,
Гордо вверхъ заноситъ грудь,
Споритъ съ влажными горами,
И средь свалки ихъ слѣпой

Онъ, какъ геній надъ толпой,
Торжествуетъ надъ волнами.
Тщетно бьютъ со всѣхъ сторонъ
Водныхъ массъ въ него громады:
Нѣтъ могучему преграды!
Не волнамъ уступитъ онъ —
Нѣтъ! Пусть прежде вихрь небесный,
Молній пламень перекрестный
Мачту, парусъ и канатъ
Изорвутъ, испепелятъ!
Лишь тогда, ставъ блѣдной тѣнью,
Остовъ, призракъ корабля,
Волнъ безумному стремленью
Покорится, безъ руля...

Свершилось... Конченъ бѣгъ свободный, —
И вотъ — при бѣшенствѣ пучинъ
Летитъ на грань скалы подводной
Пустыни влажной бедуинъ.
Ударъ — и схваченъ лютой бездной,
Разбитъ, измятъ полужелѣзный,
И волны съ плескомъ на хребтахъ
Разносятъ бренные обломки,
И съ новымъ плескомъ этотъ прахъ
Отъ волнъ пріемлютъ ихъ потомки.
О чемъ шумитъ мятежный рой
Сихъ чадъ строптивыхъ океана?
Они-ль пловучаго Титана
Разбили въ схваткѣ роковой?
Нѣтъ! Силы неба онъ извѣдалъ
И подъ грозой небесной палъ,
Волнамъ одинъ скелетъ свой предалъ,
А грузъ пучинамъ завѣщалъ,
И море въ безднѣ сокровенной
Тотъ грузъ на вѣки погребло,

И даръ богатый, многоцѣнный
Въ свои кораллы заплело.

Вотъ буря стихаетъ, а шумныя волны
Все мчатся, движенья и ропота полны;
Однѣ исчезаютъ, другимъ уступивъ
Широкое мѣсто на вѣчномъ просторѣ.
Не тотъ-же-ль безчисленныхъ волнъ переливъ
Въ тебѣ, человѣчества шумное море?
Не также-ль надъ зыбкой твоей шириной
Во слѣдъ за явленьемъ восходитъ явленье,
И время торопитъ волну за волной,
И волны мгновенны, а вѣчно — волненье?
Взгляните: вы видите эту волну?..
Исчезла! — Нѣтъ, влага ея раскатилась
И шире легла, иль ушла въ глубину,
Иль въ капляхъ на тысячи волнъ раздѣлилась.
Вотъ снова ликъ солнца надъ моремъ возникъ,
Его отраженье въ водахъ засверкало; —
А ты, море жизни, ты тоже зерцало,
Гдѣ Богъ отражаетъ свой огненный ликъ.

О море, широкое, вольное море!
Ты шумно, какъ радость, — глубоко, какъ горе.
Грозна твоя буря, свѣтла твоя тишь;
Ты сладко волненьемъ съ душой говоришь.

И тишь твою, полную нѣги, люблю я;
На ясное мирное лоно твое
Съ печальнаго берега часто смотрю я,
И бьется отраднѣе сердце мое; —
Но я не хотѣлъ-бы стекла голубаго
Въ тиши безпокойной ладьею мутить,
И слѣдъ человѣка — скитальца земнаго —
На дремлющей влагѣ напрасно чертить.

Когдажъ надъ тобою накатятся тучи
И вѣтеръ ударитъ по влагѣ крыломъ,
И валъ твой разгульный, твой витязь могучій,
Серебрянымъ гребнемъ заломитъ шеломъ,
И ты, въ красотѣ своей грозной бушуя,
Встаешь, и стихій роковая вражда
Кипитъ предо мною, — о море, тогда
Застѣнчиво прочь отъ тебя отхожу я;
Мнѣ совѣстно взбѣги валовъ твоихъ зрѣть
Съ недвижной границы земнаго покоя,
И стыдно на бурю твою мнѣ смотрѣть,
Лѣниво на твердомъ подножіи стоя.
Быть можетъ, съ улыбкой завистливой я
Тогда посмотрѣлъ-бы, какъ ты разметалось,
И взбитому страстью тебѣ-бъ показалась
Обидной насмѣшкой улыбка моя, —
И, занято съ небомъ торжественнымъ споромъ,
Подъ яркимъ вѣнцомъ громоваго огня,
Ты-бъ мнѣ простонало понятнымъ укоромъ,
Презрительно влагой плеснуло-бъ въ меня!

Откуда мнѣ слышится шумъ непрерывный?
Откуда?.. Не волны-ль играютъ вдали?
О море! Я слышу твой голосъ призывный —
И рвусь, и грызу я оковы земли.
О, какъ-бы я жадно окинулъ очами
Лазурную зыбь и лазурную твердь!
Какъ я и сроднился-бъ съ твоими волнами
И пламенно бился-бъ съ родными на смерть!
Я понялъ-бы музыку бури живую,
Съ тобою сдружилъ бы мой лирный напѣвъ,
Забылъ бы о дѣвахъ, и пѣснь громовую
Настроилъ подъ твой гармоническій ревъ!

НЕ ВѢРЮ.

Нѣтъ, красавица, напрасно
Твой языкъ лепечетъ мнѣ,
Что родилась ты въ ненастной
Нашей хладной сторонѣ;
Нѣтъ, — не вѣрю: издалека
Вѣтеръ къ намъ тебя завлекъ;
Ты — жемчужина Востока,
Поля жаркаго цвѣтокъ!
Черный глазъ и черный волосъ —
Все не нашихъ русыхъ дѣвъ,
И въ рѣчи кипитъ твой голосъ
А не тянется враспѣвъ;
Вольной зыбью океана
Грудь волнуется твоя,
И извивъ живаго стана —
Азіатская змѣя.
Ты глядишь, очей не жмуря,
И въ очахъ горитъ смола,
И тропическая буря
Дышитъ пламенемъ съ чела.
Фосфоръ — въ бѣшеномъ сверканьѣ —
Взгляды быстрые твои,
И сладчайшее дыханье
Вѣетъ мускусомъ любви; —
И какой-то силы скрытной
Ты, волшебница, полна,
Притягательно-магнитной
Сферой вся обведена;
Сынъ желѣза — сѣверянинъ,
Этой силой отуманенъ,
На тебя наводитъ взоръ —
И предъ этимъ обаяньемъ,

Ограждаясь разстояньемъ,
Еле держится въ упоръ.
Лишь нарушься только мѣра,
Полшага ступи впередъ:
Обаятельная сфера
Такъ и тянетъ, такъ и жжетъ!
Нѣтъ, не вѣрю: ты не близко
Рождена; — твои черты
Говорятъ: султанша ты,
Ты — Зюлейка, одалиска,
Верхъ восточной красоты!

ХОЛОДНОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ.

Когда-то я любилъ тебя. Тѣхъ дней
Могу-ль забыть я жаркую тревогу?
Тяжелъ, — тяжелъ былъ бредъ души моей,
И этотъ бредъ оконченъ, слава Богу.
Прошедшихъ мукъ не проклинаю я,
И нынѣ встрѣчъ съ тобой не избѣгаю,
И кажется, что нынѣ близъ тебя
Измученнымъ я сердцемъ отдыхаю.
Съ покорностью смотрю въ глаза судьбѣ,
Еще не старъ, но не безумно-молодъ,
И предъ тобой я чувствую въ себѣ
Одинъ святой, благоговѣйный холодъ.
На сердцѣ — снѣгъ; но то не снѣгъ долинъ,
Истоптанный средь мрака и тумана:
Нѣтъ, это снѣгъ заоблачныхъ вершинъ,
Льдяной вѣнецъ погасшаго вулкана,
И весь тебѣ, какъ солнцу, онъ открытъ;

Весь міръ въ тѣни, а онъ тебя встрѣчаетъ
И отблескомъ лучей твоихъ горитъ,
Но отъ огня лучей твоихъ не таетъ.

РОЗА И ДѢВА.

Послѣ бури мірозданья
Жизнью свѣжею блестя,
Міръ, въ вѣнкѣ очарованья,
Былъ прекрасенъ, какъ дитя,
Роза бѣлая являла
Чистоты верховный видъ;
Дѣва юная сіяла
Алой краскою ланитъ.
Давъ румянецъ дѣвѣ милой,
Небо розу убѣдило, —
И скрѣпило ихъ союзъ
Чародѣйствомъ тайныхъ узъ; —
И заря лишь выводила
Въ небо свѣтлыхъ дней царя —
Къ бѣлой розѣ приходила
Дѣва, рдѣя, какъ заря.

Но несчастнаго паденья
Мигъ нежданный налетѣлъ:
Подъ дыханьемъ обольщенья
Образъ дѣвы поблѣднѣлъ.
Молча, зеркало потока
Ей сказало: ты блѣдна! —
И груститъ она глубоко,
Цвѣта жизни лишена.
Вотъ свѣтило дня сорвало

Темной ночи покрывало —
Розѣ вѣрная спѣшитъ
Дѣва къ бѣлой розѣ въ поле...
Вотъ подходитъ... вотъ глядитъ:
Роза, бѣлая дотолѣ,
Алымъ пламенемъ горитъ;
Предъ пришелицею бѣдной
Струй зари она пышнѣй,
И киваетъ дѣвѣ блѣдной
Алой чашею своей.
Розы цвѣтъ преобразился:
Твой румянецъ, дѣва, здѣсь!
Не пропалъ онъ — сохранился,
Только розѣ отданъ весь.
Такъ впервые отлетѣло
Пламя съ юныхъ дѣвы щекъ,
А листочки розы бѣлой
Яркой жизни цвѣтъ облекъ.
Такъ на первомъ жизни пирѣ
Грѣхъ возникъ — всѣхъ золъ посѣвъ —
И досталось жить нама въ мірѣ
Алыхъ розъ и блѣдныхъ дѣвъ!

НОВОЕ ПРИЗНАНЬЕ.

Поэта сердце въ даръ примите!
Вотъ вамъ оно! Въ немъ пышетъ жаръ.
Молчите вы... Ужель хотите
Отринуть цѣнный этотъ даръ?
О, какъ лукаво вы взглянули!
Понятенъ мнѣ языкъ очей:
О прежней вы любви моей

Мнѣ превосходно намекнули.
Вы говорите: «Богъ съ тобой!
Ты передъ дѣвою другой
Все сердце сжегъ, поэтъ безпечный,
И хочешь искру предо мной
Теперь раздуть въ золѣ сердечной». —
Нѣтъ, — вы ошиблись, говорю,
Не прежнимъ сердцемъ я горю:
Оно давно испепелилось,
Изъ пепла новое родилось —
И я вамъ феникса дарю!

СТЕПЬ.

Мчись, мой конь! Мчись, мой конь, молодой, вороной!
Жизни вялой мы сбросили цѣпи.
Ты отъ дѣвъ городскихъ друга къ дѣвѣ степной
Выноси чрезъ родимыя степи!

Конь кипучій бѣжитъ; бѣгъ и ровенъ и скоръ;
Быстрота сѣдоку непримѣтна.
Тщетно хочетъ его опереться тамъ взоръ:
Степь нагая кругомъ безпредметна.

Тамъ надъ шапкой его только солнце горитъ,
Небо душной лежитъ пеленою,
А вокругъ — полный кругъ горизонта открытъ,
И цѣлуется небо съ землею.

Къ сходкѣ неба съ землей онъ изъ круга спѣшитъ,
Онъ торопитъ летучаго друга...
Другъ летитъ, онъ летитъ; — а межъ тѣмъ поглядитъ:
Все въ срединѣ онъ этого круга.

Краткій мигъ — ему часъ, длинный часъ — ему мигъ:
Нечѣмъ всаднику время замѣтить;
Изъ груди у него дикій вырвался кликъ,
Но и эхо не хочетъ отвѣтить.

Ты несешься-ль, мой конь, иль на мѣстѣ стоишь?
Конь молчитъ — и летитъ въ безконечность.
Безграничная даль, безотвѣтная тишь
Отражаютъ, какъ въ зеркалѣ, вѣчность.

«Тамъ *она* ждетъ меня; тамъ очей моихъ свѣтъ» —
Слово чувства въ груди прозвучало.
Онъ у сердца спросилъ; «я несусь или нѣтъ?» —
«Ты несешься» — оно отвѣчало.

Но и въ сердцѣ обманъ. «Я на срокъ прискачу,
Обниму тебя скоро, невѣста!»
Юный всадникъ мечталъ: «я скачу, я лечу!»
А скакунъ изнемогъ — и ни съ мѣста.

УСЛЫШАННАЯ МОЛИТВА.

При буйствѣ всѣхъ стихійныхъ силъ,
Средь грозной бури завыванья,
Съ любимой дѣвой сочетанья
Молясь у неба я просилъ —
И буря стихла, даль блеснула,
Мракъ рѣже, рѣже сталъ — и вотъ
Межъ тучъ отрадно проглянула
Эмаль заоблачныхъ высотъ,
И сталъ эѳиръ открытымъ сводомъ,
И тучъ не видно: быстрымъ ходомъ

Прошли служительницы бурь,
И полная дневнаго пыла
Весь ликъ природы обхватила
Одна чистѣйшая лазурь.
Мой другъ! Услышаны моленья:
Вотъ онъ — нашъ край соединенья!
И надо мной и надъ тобой —
Взгляни — одинъ безъ раздѣленья
Навѣсъ раскинутъ голубой!
Взгляни, прекрасная: надъ нами,
Какъ опрокинутый фіалъ,
Онъ, въ землю упершись краями,
Намъ общій домъ образовалъ.
Онъ проченъ, свѣтелъ, чистъ и миренъ...
Но жаль, мой другъ, моя краса,
Что этотъ домъ нашъ такъ обширенъ,
Что такъ просторны небеса!
Влачась по дольнимъ переходамъ,
Быть можетъ, здѣсь — подъ общимъ сводомъ —
Я не найду къ тебѣ слѣда,
И въ грустной жизненной тревогѣ
Въ одномъ лазуревомъ чертогѣ
Мы не сойдемся никогда,
И съ тьмой преградъ докучной битвѣ
Мелькнула мнѣ среди борьбы
И здѣсь — въ услышанной молитвѣ —
Насмѣшка новая судьбы.

РАДУГА.

За тучами солнце — не видно его,
Но тамъ оно капли нашло дождевыя,
Въ нихъ блескъ преломило луча своего
И по́ небу ленты пошли огневыя.

И ленты тѣ стали цвѣтистой дугой,
И эта дуга въ своемъ яркомъ уборѣ,
Къ зениту подъемля изгибъ свой крутой,
Концы погрузила въ безбрежное море.

И радугой ясной мой взоръ уясненъ,
И видъ ея сердцу отраденъ и сладокъ:
Онъ мнѣ обновляетъ минувшаго сонъ —
Тотъ сонъ, опоясанный лентами радугъ.

Мнѣ памятны сумракъ и тучи тѣхъ дней,
Но въ тучахъ тѣхъ крылось блаженства свѣтило;
Бывало, грустилъ я, но въ грусти моей
Все такъ многоцвѣтно, такъ радужно было.

Какъ въ капляхъ дождя — въ сихъ слезахъ облаковъ—
Рисуется пламя лучистаго Феба,
Въ слезахъ моей грусти сіяла любовь
Цвѣтными огнями сердечнаго неба.

СКОРБЬ ПОЭТА.

Нѣтъ, — разгадавъ удѣлъ пѣвца,
Не назовешь его блаженнымъ.
Порой и самый блескъ вѣнца
Тяжелъ бываетъ вдохновеннымъ.
Видали-ль вы, какъ въ скорбный часъ.
Подъ лютымъ бременемъ несчастья,
Тоской затворной истомясь,
Людскаго ищетъ онъ участья?
Движенья сердца своего
Онъ хочетъ раздѣлить съ сердцами —

И скорбь высокая его
Исходитъ звучными волнами,
И люди слушаютъ пѣвца,
Гремятъ ихъ крики одобренья,
Но пѣсни горестной значенья
Не принимаютъ ихъ сердца.
Онъ имъ поетъ свои утраты,
И пламенемъ сердечныхъ мукъ
Онъ, ихъ могуществомъ объятый,
Одушевляетъ каждый звукъ —
И слезъ ихъ, слезъ горячихъ проситъ;
Но этихъ слезъ онъ не исторгъ
А вотъ — толпа ему подноситъ
Свой замороженный восторгъ.

ЛЕСТНЫЙ ОТКАЗЪ.

Пока я разумомъ страстей не ограничилъ,
Несчастную любовь извѣдалъ я не разъ;
Но ктожъ, красавицы, изъ васъ,
Меня отвергнувъ, возвеличилъ?
Она — единая! — Я душу ей открылъ:
Любовь мечтателя для ней была не новость;
Но какъ ея отказъ поэту сладокъ былъ!
Какую лестную суровость
Мнѣ милый ликъ изобразилъ!
«Сноснѣй одинъ ударъ, чѣмъ долгое томленье, —
Она сказала мнѣ, — оставь меня, уйди!
Я не хочу напрасно длить волненье
Въ твоей пылающей груди.
Я не хочу, чтобъ въ чаяньѣ тревожномъ
Подъ тяжестію мной наложенныхъ оковъ

Въ толпѣ ненужныхъ мнѣ рабовъ
Стоялъ ты плѣнникомъ ничтожнымъ.
Другіе — пусть! — Довольно, коль порой,
Когда мнѣ не на чемъ остановить вниманье,
Я имъ, какъ нищимъ подаянье,
Улыбку, взглядъ кидаю мой —
Изъ милости, изъ состраданья.
Тебѣ-ль равняться съ ихъ судьбой?
Рожденному для думъ и жизни небезплодной,
Тебѣ-ли принимать богатою душой
Убогіе дары отъ женщины холодной?
Я не хочу обманомъ искушать
Поэта жаръ и стихъ покорной
И полу-нѣжностью притворной
Тебя коварно вдохновлять,
Внушать страдальцу пѣснопѣнья
И звукамъ, вырваннымъ изъ сердца глубины,
Разсѣянно внимать съ улыбкой одобренья
И спрашивать: кому они посвящены?
Завѣтныхъ для меня ты струнъ не потревожишь —
Нѣтъ! Для меня — къ чему таить? —
Необходимъ ты быть не можешь,
А лишній — ты не долженъ быть!» —
И я внималъ словамъ ласкательно-суровымъ;
Ловила ихъ душа плѣненная моя;
Я имъ внималъ — и съ каждымъ словомъ
И крѣпнулъ думою и мужественнѣлъ я; —
И послѣ видѣлъ я прозрѣвшими очами,
Какъ головы другихъ, покорности въ залогъ,
У ногъ красавицы простертыми кудрями
Сметали пыль съ прелестныхъ ногъ.
Пустой надеждою питался каждый данникъ,
А я стоялъ вдали — отвергнутый избранникъ.

О! НЕ ИГРАЙ!

О! не играй веселыхъ пѣсенъ мнѣ,
Мой бѣдный слухъ напрасно раздражая!
Мнѣ блескъ ихъ чуждъ; мнѣ живость ихъ — чужая;
Не для меня плѣнительны онѣ,
Гдѣ прыгаютъ, смѣются, пляшутъ звуки —
Они скользятъ по сердцу моему;
Лишь мощный вопль аккордовъ, полныхъ муки,
Вторгается въ объятія къ нему,

Такъ, — вотъ она — вотъ музыка родная!
Она, скорбя, рыдая и стеная,
Святымъ огнемъ всю душу мнѣ прожгла,
И тамъ — на днѣ — на язвахъ замерла.
Играй! Играй! Пусть эти тоны льются!
Пускай въ груди на этотъ внятный зовъ
Всѣ прошлыя страданья отзовутся,
Протекшаго всѣ тѣни встрепенутся,
И сонная пробудится любовь!
Божественно! — Дыханья нѣтъ... нѣтъ слова...
Божественно! — Лей эти звуки — лей!
Еще! еще! — О, дай ожить мнѣ снова!
Дай умереть подъ музыкой твоей!

Понятны мнѣ, понятны эти звуки:
Вотъ — вздохъ любви! вотъ — тяжкій стонъ разлуки!
Вотъ — тихая молитва... вотъ — слеза...
Вотъ — звонкое надежды лепетанье!
Вотъ — ревности глухое клокотанье!
Вотъ — дикаго отчаянья гроза,
И бѣшеныхъ проклятій скрежетанье,
И хохота безумнаго раскатъ,
И вотъ — сверкнулъ кинжалъ самоубійцы...

Чу! — Божій громъ!.. Конецъ! — Трещатъ гробницы...
Земля дрожитъ... Архангелы трубятъ.

Остановись!.. Струнами золотыми
Понятно все ты высказала мнѣ,
И звуками исполненъ неземными
Я весь горю въ торжественномъ огнѣ.
Я въ нихъ воскресъ; ихъ силой сталъ могучъ я,
И, слѣдуя внушенью твоему,
Когда-нибудь я лиру обойму
И брошу въ міръ ихъ полныя отзвучья!

ПѢСНЬ СОЛОВЬЯ.

Вотъ онъ свиснулъ... Снова свиснулъ!
Это онъ — знакомый всѣмъ!
Щелкнулъ, щелкнулъ, — дробью прыснулъ,
И пустился вслѣдъ за тѣмъ
Въ переливы, въ перекаты,
Въ перерывы, въ перехваты,
Бойко-звонко-голосистъ.
Что за трели! Что за грохотъ!
Вздохи, стоны, шопотъ, хохотъ —
И опять знакомый свистъ!

«О милая! Пѣвецъ въ воздушномъ кругѣ
Поетъ любовь и къ нѣгѣ насъ зоветъ».
Такъ юноша шепталъ своей подругѣ:
«Прислушайся! Не правда-ль? — Слышишь? — Вотъ
Онъ просвисталъ къ своей, конечно, милой:
Какъ счастливъ я! — Вотъ замираетъ онъ
Отъ счастія! Вотъ съ новой, свѣжей силой

Опять поетъ, блаженствомъ упоенъ!» —
И милая на юношу взглянула,
Къ его устамъ съ улыбкою прильнула
И съ трепетомъ, подъ краскою стыда,
Склонясь главой, ему шепнула: «да», —
И локоновъ съ чела ея скатился
Живой потокъ разливомъ темныхъ струй,
И соловья подъ складкой пѣснью длился
Томительный, протяжный поцѣлуй.

А тамъ — сидѣлъ, оставленъ и унылъ,
Уединенъ, страдалецъ злополучный.
Пѣснь соловья онъ слушалъ и ловилъ
Въ той пѣсни звукъ, съ тоской его созвучный, —
И грустному казалось: соловей,
Покинутый подругою своей,
Измученный, поетъ свое страданье.
«Вотъ, думалъ онъ, несчастнаго рыданье!
Вотъ горькаго раскаянія стонъ,
Зачѣмъ любви онъ поддавался плѣну?
Вотъ злобный свистъ! — Обманщицы измѣну
Въ отчаяньѣ освистываетъ онъ».

Пой, — садовъ, лѣсовъ глашатай!
Изъ конца греми въ конецъ!
Пой, единственный пѣвецъ!
Пѣснью чудной и богатой
Ты счастливому звучишь
Такъ роскошно, пылко, страстно,
А съ несчастнымъ такъ согласно,
Гармонически грустишь
Пой, греми, дитя свободы!
Этой пѣсни внемлю я —
И душа на кликъ природы
Откликается моя.

Въ часъ безмолвія ночнаго
Слуху жадному звучи
И въ глуши пѣвца земнаго
Пѣснямъ неба научи!

.....

Я НЕ ЛЮБЛЮ ТЕБЯ.

Я не люблю тебя. Любить уже не можетъ,
Кто выкупалъ въ холодномъ морѣ думъ
Свой сумрачный, тяжелый умъ,
Кого вездѣ, во всемъ сомнѣніе тревожитъ,
Кто въ школѣ опыта давно ужъ перешелъ
Сердечной музыки мучительную гамму
И въ жизни злую эпиграмму
На все прекрасное прочелъ.
Пусть юноша мечтамъ завѣтнымъ предается!
Я прожилъ ихъ и проклялъ ихъ давно;
Мой умъ давно ужъ тамъ смѣется,
Гдѣ сердцу плакать суждено.

Чтобъ ни сбылось съ душой моею,
Какой-бы ни пылалъ огонь въ моей крови —
Я не люблю тебя; я именемъ любви
Стремленья тайнаго обозначать не смѣю,
Но ты мила моимъ очамъ,
Очамъ души моей мила, какъ день блаженный,
И взора твоего къ божественнымъ лучамъ
Прикованъ взоръ мой упоенный.
Языкъ мой нѣмъ; на немъ звукъ праздный не горитъ,
И слова тщетнаго онъ на вѣтеръ не броситъ,
А сердце внятно говоритъ,
Чего языкъ не произноситъ.

Когда-то, жизни на зарѣ,
Съ душой, отвертою къ пріятію святыни
Я разводилъ огонь на алтарѣ
Минувшихъ дней моихъ богини,
И вѣрилъ я мечтамъ несбыточнымъ, и въ нихъ
Повсюду предо мной являлась безконечность,
И въ думахъ дѣвственныхъ своихъ
Я сочеталъ любовь и вѣчность;
Но вскорѣ далъ суровый рокъ
Мнѣ охладительный урокъ:
Открылось мнѣ, что и любовь хранится
Не долѣ милаго цвѣтка,
Что вѣчность цѣлая порой въ нее ложится,
Но эта вѣчность — коротка.
Теперь, открывъ глаза предъ истиной суровой,
Я вѣрить радъ, что грудь моя
На мигъ объята вспышкой новой —
Послѣднимъ взрывомъ бытія.
На строгій свой языкъ мнѣ разумъ переводитъ,
Что втайнѣ чувство создаетъ;
Оно растетъ, оно восходитъ,
А онъ твердитъ: оно пройдетъ.
Но чтожъ? На грудь мою взволнованную — тщетно
Онъ хочетъ наложить свинцовую печать:
Душѣ-ль насильственно изгнать
Что въ душу рвется такъ привѣтно?

Я не любля тебя... Но какъ-бы я желалъ
Всегда съ тобою быть, съ тобой душою слиться,
Съ тобою жизни пить фіалъ,
Съ тобой отъ міра отдѣлиться!
И между тѣмъ, какъ рыцарь нашихъ дней
Лепечетъ съ легкостью и рѣзвостью воздушной
Бездушное «люблю» красавицѣ бездушной,
Желалъ-*бы*, *къ головѣ* я преклонясь твоей

И руку сжавъ твою рукою дерзновенной
И взоръ твой обративъ отрадный на себя,
Тебѣ шептать: «Мой другъ безцѣнный!
Мой милый другъ! Я не люблю тебя.»

БУРЯ И ТИШЬ.

Надъ моремъ гроза — такъ брызжетъ огонь!
И валъ — то приляжетъ и пѣну раскатитъ
То вскинется, вспрянетъ, какъ бѣшеный конь,
И, кажется, гривой до неба дохватитъ; —
И вотъ опоясана молній мечемъ
Строптивая влага взлетѣла смерчемъ,
Но небо далеко — и столбъ тотъ сердитый
Упалъ въ дикимъ воплемъ громадой разбитой.

Конченъ ропотъ непогоды;
Улеглись морскія воды:
Гдѣ и слѣдъ минувшихъ бурь?
Зыбь блеститъ и дышитъ ровно —
И глядится въ ней любовно
Неба яснаго лазурь.

Такъ смертный, познаньемъ земли недовольный,
Изъ темнаго міра, изъ сѣни юдольной
Стремится всей бурей ума своего
Допрашивать Небо о тайнахъ его;
Но умъ, изнуривъ свои бурныя крылья,
Во прахъ ниспадаетъ: напрасны усилья!

Стихло гордыхъ думъ волненье;
Сердце въ тихомъ умиленьѣ

Избираетъ вѣры путь.
Смертный къ нему взоръ возводитъ,
И оно къ небу нисходитъ
Въ успокоенную грудь.

ЗАРЯ.

Утра-ль, вечера-ль порою
Лишь сойдется свѣтъ со тьмою —
Тьма свѣтлѣетъ, меркнетъ свѣтъ,
И по небу полосою
Пролегаетъ алый цвѣтъ.
Это — дня предосвѣщенье
Иль прощальная заря;
Это всходъ или склоненье
Свѣтоноснаго царя.

Вспыхнутъ ярче розы вешней
Щеки дѣвы молодой:
Это — блескъ дари другой,
Это — встрѣча мысли грѣшной
Съ дѣтскихъ мыслей чистотой.
Изъ-подъ мрака искушенья
Свѣтъ невинности сквозитъ;
На ланитахъ ихъ боренья
Отраженъ стыдливый видъ; —
И спросилъ бы я: дѣвица!
Этимъ пурпуромъ горя,
Ты — восточная денница
Иль закатная заря?

КАЗНИ МЕНЯ!

Когда чело твое покрыто
Раздумья тѣнью, красота, —
Тогда земное мной забыто,
Тогда любовь моя чиста.
Когдажъ въ веселомъ свѣтскомъ шумѣ
Ты бурно рѣзвишься, — и думѣ
Спокойной, строгой — мѣста нѣтъ,
И взоръ твой блещетъ упоеньемъ,
И перси пышутъ обольщеньемъ,
Тогда я — прахъ, а не поэтъ; —
Тогда въ душѣ моей смятенной
Я жажду грѣшную таю,
Смотрю, какъ демонъ воплощенный,
На рѣзвость пылкую твою.
Казнижь, карай меня, о дѣва,
Дыханьемъ ангельскаго гнѣва!
Твоихъ проклятій стою я...
Но — нѣтъ у ангела проклятій, —
Такъ, гнѣвная, сожги меня
Въ живомъ огнѣ своихъ объятій!
Палящій зной мнѣ въ очи вдуй,
И, обуздавъ мой страстный трепетъ,
Въ уста мои, сквозь жаркій лепетъ,
Вонзи смертельный поцѣлуй!

ЧЕРНЫЙ ЦВѢТЪ.

Въ златые дни весеннихъ лѣтъ,
Въ ладу съ судьбою, полный ласки,
Любилъ я радужныя краски:
Теперь люблю я черный цвѣтъ.

Есть дѣва — свѣтъ души моей,
О комъ всѣ пѣсни и разсказы:
Черны очей ея алмазы
И черенъ шелкъ ея кудрей,

Мнѣ музы сладостный привѣтъ
Волнуетъ грудь во мракѣ ночи,
И чудный свѣтъ мнѣ блещетъ въ очи —
И милъ мнѣ ночи черный цвѣтъ.

Темна мнѣ скучной жизни даль;
Печаль въ удѣлъ мнѣ боги дали —
Не радость. Черенъ цвѣтъ печали,
А я люблю мою печаль.

Иду туда, гдѣ скорби нѣтъ,
И скорбь несу душою сильной,
И милы мнѣ — пріютъ могильный
И цвѣтъ могильный — черный цвѣтъ.

ВОЗВРАТИСЬ.

Въ походъ мы рядились. Всѣ прихоти — въ пламень,
А сабли на отпускъ, коней на зерно; —
О, весело шаркать желѣзомъ о камень
И думать: вотъ скоро взыграетъ оно!
Вотъ скоро при взмахѣ блеснетъ и присвиснетъ!
Гдѣ жизнь твоя, ратникъ? Была такова!
Фонтанами влага багряная прыснетъ,
Росколото сердце, у ногъ — голова!
А кони — а кони — я помню лихаго:
Козацкая прелесть! — глаза — два огня;

Друзья любовались, и чаша Донскаго
Ходила во здравье Донскаго коня.
Онъ — ратный собратъ мой, я мыслилъ порою,
Во всемъ я его къ себѣ въ долю приму:
Полбремени вынесть онъ долженъ со мною,
А славу добуду — полславы ему!
И вотъ — мы несли, снаряженные къ брани,
Роднымъ и знакомымъ прощальный привѣтъ.
Гремучіе клики богатыхъ желаній
Летѣли, какъ буря, за нами во слѣдъ.
Друзья мнѣ сулили — въ чужбинѣ крамольной
За почестью почесть, кресты на кресты...
О други, простите! — Довольно! довольно!
А чтожъ не спросили: воротишься ль ты?

Мы дѣвъ оставляли, невѣстъ покидали —
Любимыхъ красавицъ родной стороны,
И рыцарскимъ жаромъ сердца трепетали,
Любовью и славой вдвойнѣ зажжены.
«Прости!» Я промолвилъ моей ненаглядной,
У ногъ ея брякнулъ предбитвенный мечъ:
Смутилась — и лепетъ волшебно-нескладный
Смѣнилъ ея ровную, плавную рѣчь.
Немного напутственныхъ словъ излетѣло
Изъ устъ моей милой, — ланиты зажглись,
И съ тихимъ привѣтомъ въ устахъ ея млѣло
Одно только слово, одно: «возвратись!»
Чу! Грянули трубы; колонны смѣнились;
Радушно-покорны священному зву,
Торжественно, дружно главы обнажились,
Ружье — на молитву, душа — къ Божеству!
Въ глазахъ просіяла; протеплилась вѣра,
Сердечною влагой намокли глаза,
По длиннымъ, по мшистымъ усамъ гренадера,
Сверкая, скатилась красотка-слеза.

Вломились въ чужбину незваные гости,
Желѣзо копытъ бороздило поля,
Обильнымъ посѣвомъ ложилися кости,
Потоками крови тучнѣла земля, —
И мира блеснули лучи золотые,
И снова мечи потонули въ ножнахъ,
И шумно промчались въ предѣлы родные
Орлы полуночи на рьяныхъ крылахъ.
Обратно летѣлъ я съ мечтою сердечной,
Съ кипучею думой: «тамъ дѣва твоя».
Друзья выходили толпою навстрѣчной: —
Здорово, товарищъ? — «Пустите, друзья!
Меня вы хотѣли зрѣть въ почести бранной,
А я только сердце домой воротилъ».
Сказалъ — и спѣша къ моей милой, желанной,
Впервые ударомъ коня оскорбилъ;
Но онъ, благородный, обиду прощая,
Примчалъ меня прямо въ тотъ памятный домъ.
Смотрю: все какъ было; пришельца встрѣчая,
Псы съ радостнымъ визгомъ метались кругомъ,
И кланялись гостю знакомые слуги,
И узнанный всѣми, и встрѣченъ, какъ свой,
Явленья безцѣнной, сердечной подруги
Я ждалъ съ нетерпѣньемъ души боевой.
И вотъ — она вышла — улыбкой свѣтлѣетъ...
Я кинулся къ милой — и слезы, какъ градъ...
Постой! Не кидайся! Здѣсь холодомъ вѣетъ.
Прочь, глупыя слезы! Вернитесь назадъ!
Все время умчало; душа отстрадалась;
О дѣвѣ-злодѣйкѣ мечты унеслись;
Но въ сумрачномъ сердцѣ донынѣ осталось
Одно ея слово, одно: «возвратись!»

ОБЛАКА.

Вѣтра прихотямъ послушный,
Разряженный какъ на пиръ,
Какъ богатъ въ странѣ воздушной
Облаковъ летучій міръ!
Тамъ — въ краяхъ недостижимыхъ,
Для мечтателя очей
Сколько формъ неуловимыхъ!
Сколько дымчатыхъ кудрей!
То прозрачны, — то угрюмы,
Какъ сомнительныя думы,
То съ готовою слезой,
То съ небесною грозой,
Эти груды, эти глыбы
Черезъ горній мчатся сводъ.
Мнится, тамъ простеръ изгибы
Дѣвъ туманныхъ хороводъ.
Тамъ — въ степи небесъ обширной
Виденъ арміи эѳирной
Боевой, громадный ходъ:
Растянулась эта сила —
И заря изъ-подъ руки
Словно кровью обкатила
Эти грозные полки;
Войско рѣже; — тамъ подъ тучей,
Какъ огни стрѣльбы летучей,
Солнца брызнули лучи —
И легли кругомъ въ обломкахъ,
Въ раззолоченныхъ каемкахъ,
Шлемы, латы и мечи.

Вотъ, отдѣлясь отъ области волнистой
Тѣхъ облаковъ, идетъ изъ нихъ одно

Могучее, — и съ высоты оно
Царемъ глядитъ: въ опушкѣ золотистой
Сіяетъ верхъ; увѣнчано чело,
А мракъ въ груди, а въ сердцѣ — тяжело;
И капли слезъ съ той вышины престольной,
Въ обитель слезъ — на міръ упали дольный,
А бѣлый паръ, какъ чистый ѳиміамъ,
Клубится въ высь, истаевая тамъ.
Все мрачное мраку, а Фебово — Фебу!
Все дольное — долу, небесное — небу!

Снова ясно; — вновь блистая
И являя вешній пиръ,
Чаша неба голубая
Опрокинута на міръ.
Разлетаюсь вольнымъ взглядомъ;
Облака! вашъ кругъ исчезъ;
Только тамъ вы мелкимъ стадомъ
Мчитесь къ темени небесъ.
Тѣхъ высотъ не сыщутъ бури:
Агнцамъ неба суждено
Тамъ разсыпать по лазури
Бѣлокудрое руно;
Тамъ роскошна пажить ваша;
Свѣта дивнаго полна,
Вамъ небесъ лазурныхъ чаша
Открывается до дна.
Тщетно васъ слѣжу очами,
Васъ ужъ нѣтъ въ моихъ очахъ...
Взлетомъ мысли вмѣстѣ съ вами
Я теряюсь въ небесахъ.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ.

Всѣ занявъ страны земныя,
Съ незапамятной поры
Въ мірѣ ходятъ двѣ родныя,
Но несходныя сестры.
Вся одна изъ нихъ цвѣтами,
Какъ невѣста, убрана,
И коварными сѣтями
Смертныхъ путаетъ она,
На устахъ любви приманка,
Огнь въ очахъ, а въ сердцѣ ледъ,
И, какъ бурная Вакханка,
Дѣва пляшетъ и поетъ.
Не блеститъ сестра другая;
Черенъ весь ея покровъ;
Взоръ недвижимо суровъ;
Перси — глыба ледяная,
Но въ груди у ней — любовь.
Мнится, вовсе незнакома
И чужда между людей,
Но лишь стукнетъ у дверей,
Но потребуетъ пріема —
И богачъ недужный дома
Долженъ сказываться ей;
Въ своей чередъ она приходитъ
Къ сыну горя и труда,
И безсонницу отводитъ
Отъ страдальца навсегда.
Та страстей опаснымъ хмѣлемъ
Шаткій разумъ закружитъ,
Обольститъ, обворожитъ,
И, сманивъ къ невѣрнымъ цѣлямъ,
Съ злобнымъ смѣхомъ убѣжитъ.

Эта — въ лютый часъ недуга,
Къ намъ, какъ вѣрная подруга,
Подойдетъ, навѣетъ сонъ,
Сникнетъ къ ложу съ состраданьемъ
И замкнетъ своимъ лобзаньемъ
Нашъ послѣдній, тяжкій стонъ.
Та напѣвами соблазна
Увлекаетъ жадный слухъ,
И для чувственности праздной
Стелетъ нѣги жаркій пухъ.
Эта — гаситъ пылъ тѣлесный,
Прахъ съ души, какъ цѣпи, рветъ,
И изъ мрака въ свѣтъ небесный
Вдохновенную зоветъ.
Рухнетъ грустная темница:
Прахъ во прахъ! Душа орлица
Снова родину узритъ.
И безъ шума, безъ усилья,
Вскинувъ пламенныя крылья,
Въ міръ надзвѣздный воспаритъ.

КАЛИФЪ И РАБЪ.

Умъ свой въ думы погрузивъ,
За столомъ сидѣлъ калифъ.
Предъ владыкой величавымъ
Рабъ трепещущій его,
Блюдо съ пышущимъ пилявомъ
Опрокинулъ на него.

Грозенъ, страшенъ, какъ судьба,
Посмотрѣлъ онъ раба:

Тотъ, готовъ разстаться съ свѣтомъ,
Прошепталъ полу-живой;
«Рай обѣщанъ Магометомъ
Тѣмъ, кто гнѣвъ смиряетъ свой».

— Не сержусь — сказалъ калифъ,
Укрощая свой порывъ. —
Ободряясь, отираетъ
Рабъ холодный потъ съ чела:
«Рай — и тѣмъ», — онъ продолжаетъ, —
«Кто не памятуетъ зла.» —

Забываю. — Веселѣй
Сталъ калифъ, а рабъ смѣлѣй:
«Надо въ свѣтлый рай для входа
И за зло платить добромъ.» —
Рабъ! Дарю тебя свободой
И осыплю серебромъ. —

Отъ восторга рабъ едва
Могъ опомниться сперва,
Пораженный этимъ чудомъ;
А калифъ смотрѣлъ, признавъ
Самымъ вкуснымъ сердцу блюдомъ
Опрокинутый пилавъ.

УСТАРѢЛОЙ КРАСАВИЦѢ.

Пережила, Аглая, ты
Младыя, розовыя лѣта,
Но и теперь цѣла примѣта
Твоей минувшей красоты,

Достойной звучнаго напѣва,
Сгубило время наконецъ
Твой прежній скипетръ и вѣнецъ,
Но и безъ нихъ ты — королева,
И, обходя цвѣтущихъ дѣвъ,
Красѣ ихъ легкой не во гнѣвъ,
Знатокъ изящнаго, глубоко
О дольней бренности скорбя,
Свое задумчивое око
Возводитъ часто на тебя.
Такъ храма славнаго руины
Нашъ останавливаютъ взоръ
Скорѣй, чѣмъ мелкія картины
И зданья легкаго узоръ.
Блескъ отнятъ; краски отлетѣли:
Всежъ этотъ мраморъ — Парѳенонъ,
Гдѣ слава спитъ былыхъ временъ,
Гнѣздясь въ кудрявой капители
Между дорическихъ колоннъ.

МОГИЛА.

Разсыпано много холмовъ полевыхъ
Изъ длани природы обильной;
Холмы тѣ люблю я, но болѣе ихъ
Мнѣ холмъ полюбился могильный.

Въ тоскѣ не утѣшусь я свѣтлымъ цвѣткомъ;
Мнѣ пышной гирлянды не надо,
Взгляну на могилу: свиваясь клубкомъ,
Прикатится къ сердцу отрада.

Любви ли сомнѣніе въ грудь залегло?
Къ той насыпи мысль обращу я, —
И чище мнѣ кажется милой чело,
И ярче огонь поцѣлуя.

Устану ли въ тягостной съ рокомъ борьбѣ,
Израненъ, избитъ исполиномъ?
Я вспомню могилу и въ очи судьбѣ
Взираю съ могуществомъ львинымъ.

Я въ мірѣ боецъ; да, я биться хочу.
Смотрите: я бросилъ ужъ лиру;
Я мечъ захватилъ и открыто лечу
Навстрѣчу нечистому міру.

И Богъ да поможетъ мнѣ зло поразить
И въ битвѣ глубоко, глубоко
Могучей рукою сталь правды вонзить
Въ шипящее сердце порока!

Не бойтесь, друзья! Не падетъ вашъ пѣвецъ!
Пусть грозно враговъ ополченье:
Какъ левъ, я дерусь; какъ разумный боецъ,
Упрочилъ себѣ отступленье.

Тотъ холмъ все за мною, какъ ангелъ, стоитъ,
Мою укрѣпляя отвагу:
Когда же боренье меня истомитъ, —
Туда — и въ могилѣ я лягу.

И пламенный духъ изъ темницы своей
Торжественнымъ крыльевъ размахомъ
Къ Отцу возлетитъ, а ползучихъ гостей
Земля угоститъ моимъ прахомъ.

Но съ міромъ не конченъ кровавый разсчетъ:
Нѣтъ, — въ бурныя силы природы
Вражда моя въ новой красѣ перейдетъ —
И въ воздухъ, и въ пламя, и въ воды.

На стужу сердецъ я вулканомъ дохну,
Кипящею лавой нахлыну,
Средь водной равнины волною плесну —
Злодѣя ладью опрокину.

Порой ураганомъ взлетѣвъ на просторъ,
Всѣ вихри пустынные скличу
И прахомъ засыплю грабителя взоръ,
У хищника вырву добычу.

И путь я свободный повсюду найду:
Сквозь стѣны, въ чертогъ безпредѣльный
Я къ злому сатрапу заразой войду
И язвою лягу смертельной.

Утихну — и къ ангелу-дѣвѣ потомъ
Легко полечу и, надъ нею
Въ день знойный прохладнымъ кружась вѣеркомъ,
Чело моей милой обвѣю.

И райскимъ довольствомъ и нѣгой полна,
Сіяя улыбкой умильной,
Узнаетъ ли въ этомъ привѣтѣ она,
Что это привѣтъ замогильный?

НОВАЯ ДРУЖБА.

Отвергнувъ страсть мою, ты мнѣ сказала внятно,
Что дружбу мнѣ даришь: благодарю стократно!
Отнынѣ мы — друзья. Освобожденъ отъ мукъ,
Я руку жму твою: благодарю, мой другъ!
Итакъ теперь съ тобой въ бесѣдѣ откровенной
Склониться я могу главою утомленной
На дружескую грудь... Но что я вижу? Ты
Краснѣешь; съ робостью стыдливой красоты
Оправить на плечахъ спѣшишь свою косынку.
Зачѣмъ же? — Я въ тебѣ уже не властелинку,
Но друга признаю. Робѣть тебѣ не слѣдъ,
Таиться не къ чему: для друга тайны нѣтъ.
Въ любви остерегись — для ней нужна ограда,
Не должно выходить тамъ изъ-подъ строгихъ мѣръ;
Но мы съ тобой — второй неслыханный примѣръ
Ореста вѣрнаго и милаго Пилада —
Должны быть запросто; условій свѣтскихъ грузъ
Не долженъ бременить нашъ искренній союзъ,
И, смѣло дѣйствуя и разсуждая здраво,
Должны любовникамъ мы предоставить право
Смущаться и краснѣть, блѣднѣть и трепетать.
А мы... Да осѣнитъ насъ дружбы благодать!
Намъ дозволительны — огонь рукопожатій
И крѣпкій сплавъ сердецъ и дружескихъ объятій,
И, какъ бы ни было, при солнцѣ иль лунѣ,
Бесѣды долгія, въ тиши, наединѣ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ КНИГИ ЛЮБВИ.

I.

Опять мятежная проснулась
Давно-ль затихнувшая страсть,
И вновь предъ бурною шатнулась
Разсудка царственная власть
Въ груди, какъ прежде, сердцу тѣсно,
Опять любовь бушуетъ въ немъ,
И, подъ грозой ея небесной,
Оно обхвачено огнемъ;
Но обаятельной надеждѣ
Уразумленное оно
Уже не вѣруетъ, какъ прежде,
Сомнѣній въ мракъ погружено.
Оно предчувствуетъ, предвидитъ
И въ злой тоскѣ предузнаетъ,
Что вновь судьба его обидитъ
И чашей нѣги обойдетъ.
Въ любви невстрѣченный любовью
Еще не разъ паду я вновь
Челомъ горящимъ къ изголовью,
Страдальца слезы брызнутъ кровью,
И въ сердце ядомъ хлынетъ кровь.

II.

Съ кипучей страстію въ томительной борьбѣ
Печалью тайною душа моя томима.
Зачѣмъ меня, друзья, зовете вы къ себѣ?

Зачѣмъ въ свой кругъ зовете нелюдима?
Мнѣ будетъ чуждъ вашъ легкій разговоръ,
Разнообразный и шутливый.
Я буду между васъ сидѣть, потупя взоръ,
Недвижный, мрачный, молчаливый,
Хотите-ль вы, чтобъ я въ день пира представлялъ
Собою скучный день похмѣлья
И краски вашего веселья
Своимъ унынемъ оттѣнялъ?
Хотите ли вы ту, кого назвать не смѣю,
Съ улыбкой шалости при мнѣ именовать
И дерзкой шуткою своею
Мнѣ сердце сжатое терзать?
Разгульный хохотъ вашъ, о вѣтреные други,
Усилитъ, растравитъ души моей недуги.
Вотще тогда бокалъ вы подадите мнѣ,
Гдѣ звѣзды прыгаютъ въ прозрачной глубинѣ:
На все — и на любезность вашу —
Тогда, обиженный, со злостью я взгляну,
И пирнымъ нектаромъ наполненную чашу
Отъ устъ изсохшихъ оттолкну:
Я не найду въ ней упоенья,
Сердечной жажды я виномъ не утолю
И чувства вѣчнаго въ себѣ не оскорблю
Призывомъ суетнымъ минутнаго забвенья.
Пируйте же, друзья! Мнѣ дорогъ вашъ поминъ,
Но чуждо мнѣ бывалое веселье.
Уйдите отъ меня! Пускай въ пустынной кельѣ
Останусь я одинъ!

Одинъ!.. одинъ!.. Мнѣ милый призракъ блещетъ,
И струны тайныя въ груди моей дрожатъ,
Рука беретъ перо, — перо скользитъ, трепещетъ —
И строки мѣрныя подъ нимъ уже горятъ.

III.

Когда настанетъ оный мигъ,
Когда нарушу я молчанье
И предъ тобою на признанье
Уполномочу мой языкъ,
И отъ тебя, предъ окомъ свѣта,
Я стану требовать отвѣта
На мой вопросъ, и въ словѣ «нѣтъ»
Явиться долженъ твой отвѣтъ —
Прошу тебя: безъ замедленья
Мои надежды разрушай
И грудь мою безъ сожалѣнья
Прямымъ ударомъ утвержденья
Съ возможной силой поражай!
Да разразится тяжкимъ громомъ
Твой приговоръ! Несчастья вѣсть
Я въ сердцѣ, съ бурями знакомомъ,
Найду способность перенесть,
И вновь надъ этимъ тщетной страстью
Измятымъ сердцемъ голова
Спокойно вступитъ съ гордой властью
Въ свои суровыя права.
Но если... если жизни слово
Я долженъ выслушать тогда,
И будетъ мнѣ въ тотъ мигъ готово
Въ твоихъ устахъ не «нѣтъ», но «да» —
О, пощади больнаго друга!
Не вдругъ открой блаженства дверь,
Но прежде жаръ его недуга
Отрадой легкою умѣрь!
Мнѣ счастье страшно: въ мигъ отвѣта
Не вдругъ, не разомъ ты облей
Лучами радостнаго свѣта

Туманный взглядъ души моей,
Да отъ всегдашняго ненастья
Себя къ живому блеску счастья
Я постепенно пріучу!
Съ судьбой враждебной вѣчно споря
Я умереть не могъ отъ горя,
А отъ блаженства — не хочу.

IV.

Пиши, поэтъ! Слагай для милой дѣвы
Симфоніи сердечныя свои!
Переливай въ гремучіе напѣвы
Несчастный жаръ страдальческой любви!
Чтобъ выразить отчаянныя муки,
Чтобъ весь твой огнь въ словахъ твоихъ изникъ —
Изобрѣтай неслыханные звуки,
Выдумывай невѣдомый языкъ!

И онъ поетъ. Любовью къ милой дышитъ
Откованный въ горнилѣ сердца стихъ.
Пѣвецъ поетъ: она его не слышитъ;
Онъ слезы льетъ: она не видитъ ихъ.
Когдажъ молва, всѣ тайны расторгая,
Пѣснь жаркую по свѣту разнесетъ,
И, можетъ быть, красавица другая
Прочувствуетъ ее, не понимая,
Она ее безчувственно пойметъ;
Она пройдетъ, измѣритъ безъ раздумья
Всю глубину поэта тяжкихъ думъ;
Ея живой быстро-летучій умъ
*Поймет*ъ языкъ сердечнаго безумья, —

И гордаго могущества полна
Передъ своимъ поклонникомъ она
На бурный стихъ порой ему укажетъ,
Гдѣ вся душа, вся жизнь его горитъ,
Съ улыбкою: «какъ это мило!» — скажетъ,
И, легкая, къ забавамъ улетитъ,
А ты ступай, мечтатель неизмѣнный,
Вновь расточать безплодныя мечты!
Иди опять красавицѣ надменной
Ковать вѣнецъ, работникъ вдохновенный,
Ремесленникъ во славу красоты!

ПОСЛАНІЯ.

I.

Къ М—РУ.

Еще свиданья краткій пиръ,
О другъ, дозволенъ намъ судьбою.
Товарищъ! Гдѣ нашъ дѣтскій міръ,
Гдѣ такъ сроднился я съ тобою?
Смотрю на храмъ учебный тотъ,
Гдѣ бурной жаждой эполета,
Въ живыя отрочества лѣта,
Кипѣлъ незрѣлый нашъ народъ —
И цѣлый рой воспоминаній
То грустно-сладкихъ, то смѣшныхъ,
Жужжитъ о дняхъ тѣхъ золотыхъ
Средь новыхъ жизненныхъ терзаній.
Тамъ *свѣтскихъ* чуждые цѣпей,

Мы знали только братства узы,
И наши маленькія Музы
Ласкали избранныхъ дѣтей;
Отъ прозаической науки
Бѣжали мы — въ мечты играть
И языка роднаго звуки
Игрѣ созвучій покорять.
Такъ въ упоительной тревогѣ
Мы обнимались на порогѣ
Межъ дѣтства запоздалымъ сномъ
И первымъ юности огнемъ,
И чувствомъ новымъ закипали,
И, слившъ въ безмолвіи сердца,
Еще чего-то отъ Творца
Какъ недосозданные ждали —
И жаркой струйкою въ крови
Текло предвкусіе любви,
И сколько плановъ жизни мнимой
Чертила дѣтская душа,
И тамъ — въ дали необозримой,
Какъ жизнь, казалось, хороша!
Ударилъ часъ: мы полетѣли
Вдоль разныхъ жизненныхъ дорогъ,
И скоро сердцемъ откипѣли,
И юный пылъ нашъ изнемогъ; —
И вотъ, мой другъ, поживъ немного,
Узнавъ людей, вкусивъ любовь,
Уже на міръ мы смотримъ строго,
Какъ пересозданные вновь,
Вздыхаемъ, шлёмъ упреки людямъ
И говоримъ, что жизнь плоха,
Что вся она, когда разсудимъ,
Не стоитъ звучнаго стиха,
Что все неправдой, злобой, вѣетъ,
Что въ общей стужѣ мерзнетъ кровь,

Что дружба нехотя нѣмѣетъ
Подъ гнетомъ рока, — а любовь?
Въ любви ль найдемъ еще отраду?
Увы! Напрасныя мечты!
Любовь земная — капля яду
На остромъ жалѣ красоты.
Товарищъ! Гдѣ же утѣшенье?
Чу! Громъ прошелъ по высотамъ.
Дай руку! Благо Провидѣнье;
Страданье здѣсь, блаженство — тамъ.

II.

Къ Н—МУ.

Не трать огня напрасныхъ убѣжденій
И не сули мнѣ брачнаго вѣнца!
Не обѣщай семейныхъ наслажденій
И радости, и счастья безъ конца!
Вѣнецъ тотъ былъ мечты моей кумиромъ,
И былъ готовъ я биться съ цѣлымъ міромъ
За ту мечту. Я въ книгѣ дней своихъ
Тогда читалъ горячую страницу
И пѣлъ ее — любви моей царицу,
Владычицу всѣхъ помысловъ моихъ.
Средь общаго житейскаго ненастья
Небесный свѣтъ ловилъ очами я,
И радостно змѣю-надежду счастья
Носилъ въ груди... прекрасная змѣя!
Но весь сосудъ волшебнаго обмана
Мной осушенъ; оконченъ этотъ путь;
Исцѣлена *мучительная* рана,

И гордостью запанцырилась грудь.
Не говори, что я не зрѣлъ, что молодъ —
Не говори, что время впереди:
Тамъ нѣтъ его — оно въ моей груди
И въ ней стоитъ, закованное въ холодъ.
И для меня не двинется впередъ:
Гдѣ мы нейдемъ, тамъ и оно нейдетъ.

Напрасно ты на милое созданье
Укажешь мнѣ, готовое любить
И прошлое души моей страданье
Своей души богатствомъ искупить.
Я не хочу при кликахъ «торжествуемъ»
Притворствовать у ангела въ очахъ
И класть клеймо бездушнымъ поцѣлуемъ
На жизнію трепещущихъ устахъ.
Скажи: моей протекшей жизни повѣсть
Я долженъ ли супругѣ разсказать?
Скрываться, лгать? — Меня измучитъ совѣсть,
А истина — должна бъ ее терзать.
Былыхъ страстей сказаніемъ блестящимъ,
Отчетами любви моей къ другой
Я угожу ль подругѣ молодой,
Желающей упиться настоящимъ?
Одинъ обрядъ — одинъ союзный торгъ —
Замѣнитъ ли утраченный восторгъ?
Вступивъ во храмъ, въ святую область Божью,
Ужель скажу я безъ любви «люблю»
И низкою богопротивной ложью
И этотъ храмъ, и Бога оскорблю?
Нѣтъ! Пусть живу и мыслю одиноко!
Пусть одного крушитъ судьбы гроза!
Зато я чистъ: ужаснаго упрёка
Меня не жжетъ кровавая слеза.
Пускай мой одръ не обогрѣтъ любовью,

Пусть голову холодную свою
Къ холодному клоню я изголовью
И нектара завѣтныхъ ласкъ не пью:
Зато мой сонъ порою такъ прекрасенъ,
Такъ сладостенъ, роскошенъ, живъ и ясенъ,
Что я своимъ то счастіе зову,
Котораго не вижу наяву.

III.

Къ Б—НУ.

Мнѣ были дороги мгновенья,
Когда, въ таинственной тиши,
Ты довѣрялъ мнѣ впечатлѣнья
Своей взволнованной души.
Однимъ лишь чувствомъ полнъ и мыслію одною,
Ты объ избранницѣ мнѣ говорилъ своей,
И, очарованный, со мною
Дѣлился жизнію твоихъ кипучихъ дней.
Отжившій сердцемъ, охладѣлый,
Я понималъ любви твоей языкъ;
Мнѣ въ глубину души осиротѣлой
Онъ чѣмъ-то родственнымъ проникъ;
Я этой рѣчи тріумфальной
Съ какой-то жадностью внималъ,
И пуще чувствовалъ тогда свой хладъ печальный
И бурный твой восторгъ въ душѣ благословлялъ.
Благое небо мнѣ судило
Увидѣть вмѣстѣ наконецъ
Тебя и дней твоихъ свѣтило —
Твою *владычицу, души твоей вѣнецъ*!

Въ холодномъ обществѣ сіялъ ты предъ собраньемъ
Въ какомъ-то очеркѣ святомъ
Не всѣми видимымъ сіяньемъ,
Не всѣмъ понятнымъ торжествомъ.

Твой видъ тогда издержанную силу
Въ моей груди пустынной обновлялъ,
И въ ней прошедшаго могилу
Съ его блаженствомъ раскрывалъ.
Я мыслилъ: кончены моленья;
Кумиръ мой палъ, разрушенъ храмъ;
Я не молюсь мнѣ чуждымъ божествамъ,
Но въ сердцѣ есть еще хоть тѣнь благоговѣнья, —
И я мой тяжкій рокъ за то благословилъ,
Что онъ меня цѣнить святыню научилъ,
И втайнѣ канули благодаренья слезы,
Что на челѣ моемъ хранятся до конца,
Хоть грустные слѣды, гдѣ прививались розы
Къ шипамъ терноваго вѣнца.

Не требуй отъ меня оцѣнки хладнокровной
Достоинства избранницы твоей!
Гдѣ чувство говоритъ и сердца судъ верховный,
Тамъ жалокъ судъ ума взыскательныхъ судей.
Не спрашивай: замѣтенъ ли во взорѣ
Ея души твоей душѣ отвѣтъ,
Иль взглядъ сей ласковый и нѣжность въ разговорѣ
Лишь навыкъ свѣтскости и общій всѣмъ привѣтъ?
Мнѣ ль разгадать? — Но вѣрь: не тщетно преданъ
Ты чувству пылкому. Мы этотъ чистый жаръ,
Который сердцу заповѣданъ,
Должны цѣнить, какъ высшій даръ,
Награду сладкую сулитъ намъ жаръ взаимный,
Но сердца пѣснь — любовь: покорствуя судьбѣ,

Когдажъ за искренніе гимны
Пѣвецъ награды ждетъ себѣ?
ѣдъ небомъ совершай служеніе святое!
ишь и не стыдись молитвенной слезы!
помни: въ небѣ есть и солнце золотое,
гучи, полныя крушительной грозы.
и дня блестящаго, но въ подвигѣ служенья
бойся, не страшись и молній отверженья!
екрасенъ видъ, когда мечтателя слезой
ъ солнца отраженъ торжественно и ясно,
Но и подъ бурею прекрасно
Его чело, обвитое грозой.

IV.

К—МУ.

Бодро выставь грудь младую,
Выдвинь крѣпость юныхъ плечъ!
Облекись въ броню стальную,
Прицѣпи булатный мечъ!
Сердцемъ, преданнымъ надеждѣ,
Въ даль грядущаго взгляни,
И о томъ, что было прежде,
Мнѣ собой напомяни!

Да вскипитъ фіалъ заздравный —
И привѣтъ странѣ родной,
Нашей Руси православной,
Бранноносицѣ стальной!
Широка она — родная,
Ростомъ — міру по плечо,

Вся одежда ледяная,
Только сердце горячо; —
Чуть зазнала пиръ кровавый —
И разсыпались враги,
Высоко шумитъ Двуглавый,
Землю давятъ русской славы
Семимильные шаги.
Новый ратникъ! Стань подъ знамя!
Вѣрность въ душу, сталь во длань!
Юной жизни жаръ и пламя
Сладко несть отчизнѣ въ дань.
Да послужитъ въ охраненье
Ей твой мечъ-головосѣкъ!
Ей — сердецъ кипучихъ рвенье
И небесъ благословенье
Нынѣ, присно и во вѣкъ!

СОНЕТЫ.

I.

ПРИРОДА.

Повсюду прелести, вездѣ живыя краски.
Для всѣхъ природы длань исполнена даровъ.
Зачѣмъ же, къ красотѣ безчувственно-суровъ,
Ты ищешь тайнъ ея и жаждешь ихъ огласки?

Любуйся дивною, пей дѣвственныя ласки,
Но цѣломудренно храни ея покровъ!
Смирись предъ ней! Не рви таинственныхъ узловъ
И не срывай съ нея застѣнчивой повязки!

Куда ни оглянись — вездѣ гіероглифъ.
На краски радуги лучъ свѣта раздробивъ,
Намъ — что такое свѣтъ? — не высказала призма.

Есть сердце у тебя: падн, благоговѣй,
И бойся исказить догадкою своей
Сокрытое во тьмѣ святаго мистицизма!

II.

КОМЕТА.

Взгляни на небеса! Тамъ стройность вѣковая,
Какъ упоительна созвѣздій тишина,
Какъ вся семья міровъ гармоніи полна
И какъ разсчетиста ихъ пляска круговая!

Но, между ними путь особый пролагая,
Комета яркая — системамъ не вѣрна,
И, кажется, грозитъ другимъ мірамъ она,
Блистательнымъ хвостомъ полнеба застилая.

Спокоенъ астрономъ: по небу гостья та —
Онъ видитъ — шествуетъ дорогой соразмѣрной,
Но страшенъ новый блескъ для черни суевѣрной.

Такъ мысль блестящая, высокая мечта —
Пугаетъ чернь земли во тьмѣ ея пещерной,
Но яснымъ разумомъ спокойно принята.

III.

ВУЛКАНЪ.

Нахмуреннымъ челомъ простерся онъ высоко;
Пятою онъ земли утробу придавилъ, —
Курится и молчитъ надменно, одиноко;
Мысль огнеметную онъ въ сердѣ затаилъ...

Созрѣла — онъ вздохнулъ такъ тяжко, такъ глубоко,
Что землю покачнулъ и небо помрачилъ.
И камни, прахъ и дымъ разметаны широко,
И лавы бурный токъ окрестность обкатилъ.

Онъ — геній естества, и слѣдъ опустошенья,
Который онъ простеръ, жизнь ярче оцвѣтитъ.
Смириось: ты не постигъ природы назначенья.

Такъ въ человѣчествѣ бичъ-геній зашумитъ —
Толпа его клянетъ средь дикаго смятенья,
А онъ, свирѣпствуя, землѣ благотворитъ.

IV.

ГРОЗА.

Въ тяжеломъ воздухѣ соткалась мгла густая;
Взмахнулъ крылами вѣтръ; зубчатой бороздой
Просѣклась молнія, завыла хлябь морская,
Лѣсъ ощетинился и стонетъ подъ грозой.

Какъ хохотъ сатаны, несется, замирая,
Громовъ глухой раскатъ, и снова надъ землей
Небесный пляшетъ огнь, по ребрамъ тучъ сверкая,
И грозно падаетъ изломанной чертой.

Толпа пугается и мчится подъ затворы...
Бѣгите! Этотъ блескъ лишь для очей орла.
Творенья робкія! Спѣшите въ ваши норы!

Ктожъ тамъ — на гребнѣ скалъ? — Стопа его смѣла;
Открыта грудь его; стремятся къ небу взоры, —
И молнія — вѣнецъ вокругъ его чела!

V.

ЦВѢТОКЪ.

«Какъ дивно вытканъ онъ изъ красокъ, изъ эѳира!
Откуда милый гость? Не прямо-ль съ неба онъ?
Златистою каймой онъ пышно обведенъ,
На немъ небесъ лазурь, на немъ зари порфира». —

Нѣтъ! Это—сынъ земли и гость земнаго пира;
Лугъ — родина ему; изъ праха онъ рожденъ. —
«Такъ вѣрно чудный перлъ былъ въ землю погруженъ,
Чтобъ произвесть его на украшенье міра? —

О нѣтъ! Чтобъ вознестись головкой золотой,
Изъ чернаго зерна онъ долженъ былъ родиться
И корень *свить въ грязи*, во мракѣ, подъ землей.

Такъ сѣмя горести во грудь пѣвцу ложится
И, въ сердцѣ водрузивъ тяжелый корень свой,
Цвѣтущей пѣснію изъ устъ его стремится.

VI.

СЛЕЗА И УЛЫБКА.

Когда укрытую, невидимую міромъ,
Красавицу томитъ завѣтная тоска, —
Слеза въ ея глазахъ—алмазъ въ игрѣ съ сапфиромъ,
Росинка Божія въ лазури василька.

Когдажъ ей весело — и за сердечнымъ пиромъ
Улыбка по устамъ продернута слегка, —
Сдается: тронуты два розовыхъ листка
Весеннимъ воздухомъ, чуть дышащимъ зефиромъ.

Порою вмѣстѣ — дождь — и ясны небеса.
Такъ на живомъ лицѣ ея, моей голубки,
Порой встрѣчаются улыбка и слеза.

Какъ тягостны тогда приличію уступки!
Лобзаньемъ хочется ей осушить глаза;
Лобзаньемъ хочется ей запечатать губки.

VII.

ЖЕМЧУЖИНА.

Летучая ладья надъ влагою мятежной
Неслась, окрылена могуществомъ вѣтрилъ,

И въ даль я уплывалъ, оставивъ край прибрежный,
Гдѣ золото надеждъ завѣтныхъ схоронилъ.

Измѣну испытавъ, съ любовью безнадежной
Надъ пѣной шумныхъ волнъ я голову склонилъ,
И съ горькой думою, глубокой, неизбѣжной,
Кипучую слезу я въ воду уронилъ.

Изъ сердца, полнаго тоскою безотрадной,
Та скрытная слеза невольно истекла
И жаркая влилась въ затворы влаги хладной —

И, раковиной тамъ проглоченная жадной,
Быть можетъ, свѣтлый перлъ она произвела
Къ вѣнцу для милаго измѣнницы чела.

ВАТЕРЛОО.

Видали-ль вы, какъ изъ валовъ тумана
Свѣтило дня — восторгъ очей —
Встаетъ надъ бездной океана
Въ кровавой ризѣ безъ лучей?
Недолго на небѣ хранится
Раздумья утренняго видъ!
Туманъ тотъ упадетъ, востокъ озолотится,
И огненный гигантъ высоко возлетитъ.

Такъ мужъ судебъ, недавно погруженный
Во мракъ безвластія на островѣ нѣмомъ,
Возникъ туманнымъ божествомъ
Передъ лицомъ Европы утомленной.
Прошли *уже тѣ дни*, какъ взмахъ его руки,

Одно движеніе нахмуренною бровью
Могло созвать, стянуть и разметать полки,
Измять вѣнцы царей и міръ забрызгать кровью,
Когда такъ пышно и свѣтло
Звѣзда судьбы его сіяла,
И слава жадно цѣловала
Его высокое чело.
Теперь, когда еще не сгладило забвенье
Въ умахъ нарѣзанной черты,
Что и гиганту съ высоты
Возможно страшное паденье, —
Теперь — невольное сомнѣнье
Вползало въ глубину сердецъ;
Не такъ блисталъ однажды сбитый
И свѣжимъ лавромъ неувитый
Изъ праха поднятый вѣнецъ,
Которымъ вновь, по волѣ рока,
Былъ до невѣдомаго срока
Увѣнчанъ царственный бѣглецъ.
Туманъ минувшаго отъ Эльбы поднимался
И на виновника всѣхъ памятныхъ утратъ
Духъ недовѣрчивыхъ палатъ
Враждебнымъ словомъ ополчался.
Но мигъ—и новый свѣтъ разсѣкъ пучину мглы:
Орлиный взоръ вождя сверкнулъ передъ полками —
И взоръ тотъ поняли орлы
И бурю двигнули крылами.
Свѣтило грозныхъ войнъ взлетѣло и паритъ,
Края земли вновь пламенемъ объяты:
Теперь пускай витійствуютъ палаты! —
Ихъ праздный шумъ побѣда заглушитъ.
Толкуйте о судьбѣ! — Ея властитель — геній,
Вковалась въ мысль его она,
И эта мысль ополчена
Огнемъ гремучихъ вдохновеній,

И движетъ массами полковъ,
И, опоясанная славой,
Отражена въ игрѣ кровавой
Живыми иглами штыковъ.

Какъ море, арміи разлиты;
Звучатъ шаги; звенятъ копыты;
Враги сошлись — и спыхнулъ бой —
Предтеча битвы роковой.
День гаснулъ, бой горѣлъ и длился,
И вотъ затихъ, — и надъ землей
Въ багряной ризѣ прокатился
По небу вечеръ золотой.

Уже томился воинъ каждый
Желаньемъ отдыха, а онъ —
Онъ весь сгаралъ сраженья жаждой,
Ему былъ чуждъ отрадный сонъ.
Какъ онъ желалъ по небу ночи
Провесть огонь, разлить пожаръ,
Обрызнуть молніями очи
И кончить роковой ударъ!
Но видъ героевъ, ихъ усталость...
Впервые тронутъ и унылъ,
Дотоль невѣдомую жалость
Онъ въ бурномъ сердцѣ ощутилъ
И, полный тайнаго волненья,
Впервые чувства умиленья
Въ себѣ не властенъ превозмочь,
Взглянулъ на ратниковъ съ любовью
И отдалъ имъ на отдыхъ съ кровью
Изъ сердца вырванную ночь.

И тучъ пелена небосклонъ оковала.
Взоръ *къ небу онъ вскинулъ*: подъ тяжкою мглой

Послѣдняя въ небѣ звѣзда померкала —
То было затмѣнье звѣзды роковой!
И долу безсонныя очи склоняя,
Съ спокойствіемъ страшнымъ на блѣдномъ челѣ,
Стоялъ онъ, съ улыбкою взоры вперяя
На ратниковъ, спящихъ на хладной землѣ.
«Покойтесь — онъ думалъ — до утра восхода!
Вамъ ночь безмятежная мною дана».
Но думѣ его посмѣялась природа
И свиснула по полю вихремъ она.

Бурный вѣтеръ тучи двинулъ;
Зашатался ночи мракъ;
Тучи лопнули, и хлынулъ
Грозный ливень на бивакъ
И ручьи холодной влаги
На уснувшихъ потекли,
И, дрожа, сыны отваги
Поднималися съ земли,
И суровою рукою
Отирали прахъ съ очей,
И осматривали къ бою
Грани ружей и мечей,
И въ порывахъ нетерпѣнья
Ждали вызова къ ружью,
Чтобъ согрѣть въ пылу сраженья
Грудь иззябшую свою.

Лишь утро настало — герои стояли,
И пламя струилось по грознымъ очамъ,
И воздухъ веселые клики взрывали,
И самъ, стопобѣдный, леталъ по строямъ.
Но взоръ къ востоку: тамъ денница
Глядитъ такъ смутно, несвѣтло.

Не всходитъ солнце Аустерлица
Надъ страшнымъ полемъ Ватерло.

Чу! Эхо вызвано ударомъ —
Взыгралъ неотвратимый бой;
Ряды осыпаны пальбой;
Окрестность вспыхнула пожаромъ;
И онъ — державный исполинъ —
Уже блеснулъ побѣдными лучами.
Онъ массы войскъ съ дымящихся вершинъ
Окидывалъ орлиными очами,
И мѣтко въ даль направленный имъ взоръ
Своимъ могуществомъ волшебнымъ,
Казалось, подкрѣплялъ полковъ его напоръ
И гибель силамъ несъ враждебнымъ —
И между тѣмъ, какъ вновь въ бореньи огневомъ
Махало счастіе сомнительнымъ вѣнкомъ
И на державнаго кидало взглядъ разлуки, —
Еще на счастіе надеждой онъ горѣлъ
И, на груди скрестивъ властительныя руки,
Еще довѣрчиво смотрѣлъ
На плотные ряды опоръ самодержавья —
На старыхъ воиновъ, готовыхъ подъ конецъ
Изъ самыхъ челюстей безславья
Исхитить славнаго властителя вѣнецъ.
Бой длится; утрата наводитъ утрату;
Смятенье, растройство — въ усталыхъ рядахъ;
Багровое солнце склонилось къ закату
И дыма и праха въ густыхъ облакахъ.

Взоръ вождя воспламенился,
И по голосу его,
Словно лѣсъ, зашевелился
Сонмъ отважныхъ вкругъ него,
И за нимъ, какъ за судьбою

Жаромъ гибельнымъ полна,
Грозно выдвинулась къ бою
Страшной гвардіи стѣна,
То сверкнетъ, то въ дымѣ тонетъ...
Тяжкій гулъ идетъ вдали...
Отъ пальбы дрожитъ и стонетъ,
Ходитъ моремъ грудь земли.
Ободрись, боецъ усталый!
Этотъ гулъ... друзья, впередъ!
Это — маршалъ запоздалый
Силы свѣжія ведетъ.
Рать туда валитъ каскадомъ,
Но шатнулась вдругъ она,
Крупнымъ встрѣченная градомъ
И свинца, и чугуна.
Маршъ! Впередъ — на смерть — въ могилы!
Бей! Ломи! Громи! Круши!
Это Блюхеровы силы,
А не маршала Груши. —
И послѣдній строй героевъ,
Помня славу прошлыхъ лѣтъ,
Легъ на лаврахъ прежнихъ боевъ,
На трофеяхъ ста побѣдъ.

Гдѣжъ онъ, гдѣ виновникъ губительной брани?
Чрезъ трупы убитыхъ, сквозь вопли и стонъ,
Сквозь сумракъ, сквозь ядра и громъ восклицаній
На бодромъ конѣ выбивается онъ,
Съ позорища рока, безмолвный, угрюмый,
Онъ ѣхалъ, зарытый въ полночную мглу.
Судьба измѣнила: однѣ только думы
Державному вѣрны остались челу.

И вотъ, утомленный, подъ скипетромъ ночи
Поникъ онъ, какъ данникъ, на ложе челомъ,

І сномъ небывалымъ задернулись очи —
Глубокимъ, желѣзнымъ, рѣшительнымъ сномъ.
Душа его долго со снами боролась,
І онъ отражалъ ихъ, какъ волны утесъ, —
Теперь покорился: невѣдомый голосъ
Святое «свершилось» надъ нимъ произнесъ.

Онъ палъ — помазанникъ судьбины,
И тамъ на лоскутѣ земли,
Среди безмѣрной водъ равнины,
Отъ милой Франціи вдали.
Влачилъ онъ плѣнъ, свой, созерцая
Лишь моря зыбь да небеса
И львомъ Европы угасая
Подъ стражей англійскаго пса.
Не могъ, неволею томимый,
Унять онъ бурныхъ думъ своихъ:
Не убаюкивали ихъ
Ни ночи миръ ненарушимый,
Ни томный шумъ волны, крушимой
Объ край утесовъ вѣковыхъ.
Не могъ смирить державной страсти
Онъ искусительныхъ тревогъ;
На дребезгахъ разбитой власти
Онъ успокоиться не могъ, —
И въ мигъ, когда въ могильной грани
Жизнь исполина перешла,
Въ послѣдній мигъ земныхъ страданій
Его душа съ мечтой о брани
Въ обитель мира потекла.

Порою тамъ — въ плѣну — развѣнчанный философъ
Пытался отмыкать мышленія ключемъ
Тяжелые замки глубокихъ тѣхъ вопросовъ,
Которыхъ *не успѣлъ онъ разрѣшить* мечемъ.

Судьбу свою обдумывая строго,
Порой онъ самъ себя судилъ:
«Да, я былъ деспотъ; силъ я много
И много жизни раздавилъ;
Но я былъ ураганъ; среди земныхъ твореній
Заразу видя, я былъ долженъ все крушить,
Чтобъ полный вредныхъ испареній
Европы воздухъ освѣжить.
Гніенье тайныхъ язвъ я видѣлъ въ нѣдрахъ націй:
Ихъ исцѣлить, глазамъ моимъ
Казалось, можно лишь однимъ
Путемъ кровавыхъ операцій —
И я надъ міромъ сталъ хирургомъ роковымъ,
И пусть меня въ семъ дѣлѣ судитъ
Потомство дальнее! Еще не близокъ срокъ,
Когда понятенъ людямъ будетъ
Мной людямъ заданный урокъ».

Оконченъ путь его. На немъ лежатъ всѣ виды
Природы разныхъ странъ съ обновами границъ,
Громады Альповъ, Рейнъ, Каиръ и пирамиды,
Маренго, Іена, Аустерлицъ,
Порабощенный Римъ и плѣнная тіара,
Покорныхъ королей склоненныя главы,
Фридландъ, Ваграмъ, Смоленскъ и въ пламени пожара
Твердыня пышущей Москвы.

Оконченъ этотъ путь — чрезъ горы, черезъ стѣны,
Черезъ моря, пески и скатерти снѣговъ,
Отъ Корсики до острова Елены,
Отъ береговъ тревожныхъ Сены
До Нѣмана и Нила береговъ,
Отъ первославнаго Тулона
До роковаго Ватерло,
Отъ школьничьей скамьи до трона,

Отъ трона до цѣпей и отъ цѣпей до склона
Къ свободной вѣчности: все было и прошло —
Отъ одного изъ дивныхъ въ мірѣ видовъ —
Гробницы генія средь моря на скалѣ
До гроба въ домѣ инвалидовъ
На этой вѣтреной землѣ.

ТУЧА.

Темна и громадна, грозна и могуча
По небу несется тяжелая туча.
Порывистый вѣтеръ ея кудри клубитъ,
Врывается въ грудь ей и, полный усилья,
Принявъ ея тяжесть на смѣлыя крылья,
Ее по пространству воздушному мчитъ.

Ничто не смущаетъ разгульнаго хода;
Кругомъ безпредѣльный просторъ и свобода;
Вселенная вся съ высоты ей видна;
Предъ нею открыты лазурныя бездны,
Сады херувимовъ и таинства звѣздны —
И что же? — Взгляните на тучу: черна, —

Сурова, угрюма, — съ нахмуреннымъ ликомъ,
На міръ она смотритъ въ молчаніи дикомъ,
И грустно, и душно ей въ небѣ родномъ,
И видъ ея гнѣвный исполненъ угрозы;
Въ свинцовыхъ глазахъ ея замкнуты слезы;
Межь ребрами пламя, подъ мышцами громъ.

Скитальца-поэта удѣлъ ей назначенъ:
Высокъ ея путь, и свободенъ, и мраченъ;

До срочной минуты все тихо кругомъ,
Но вдругъ — встрепенулись дозрѣвшія силы:
Браздами просѣклись огнистыя жилы,
И въ крупныхъ аккордахъ разсыпался громъ.

И послѣ уснувшей, утихнувшей бури
Живѣе сіянье бездонной лазури,
Свѣжѣе дубравы зеленая сѣнь,
Душистѣй дыханье и розъ, и ясминовъ,
И, радугу пышно съ плеча перекинувъ,
Нагнулся на западъ ликующій день.

А туча, изринувъ и громы, и пламя,
Уходитъ въ лоскутьяхъ, какъ ветхое знамя,
Какъ эти святыя хоругви войны,
Измятыя въ схваткѣ послѣдняго боя,
Какъ честное рубище мужа героя,
Изгнанника свѣтлой родной стороны.

И вотъ, остальнымъ разрѣшаясь ударомъ,
Подъемлется туча рѣдѣющимъ паромъ,
Прозрачна, чуть зрима для слабыхъ очей,
И, къ небу прильнувъ золотистымъ туманомъ,
Она исчезаетъ въ отливѣ багряномъ
При матовомъ свѣтѣ закатныхъ лучей.

ПИРЪ.

Крытъ лазурнымъ дивнымъ сводомъ,
Вѣковой чертогъ стоитъ,
И пирующимъ народомъ
Онъ семь тысячъ лѣтъ кипитъ.

Въ шесть великихъ днѣй построенъ
Онъ такъ прочно, а въ седьмой
Мощный Зодчій успокоенъ
Въ лонѣ вѣчности самой.
Пышно яркое убранство,
И негаснущимъ огнемъ
Необъятное пространство
Освѣщается кругомъ.
То, взносясь на сводъ хрустальный,
Блещетъ свѣточъ колоссальный;
То сверкаетъ вышина
Милліономъ люстръ алмазныхъ,
Моремъ брызгъ огнеобразныхъ,
И средь бездны ихъ одна,
Будто пастырь въ группѣ стада,
Величавая лампада
И елейна, и ясна,
Свѣтомъ матовымъ полна.

Въ блескѣ праздничной одежды
Здѣсь ликуетъ сибаритъ;
Тутъ и бѣдный, чуть прикрытъ
Ветхимъ лоскутомъ надежды, —
Мудрецы, глупцы, невѣжды —
Всѣмъ гостямъ мѣста даны;
Всѣ равно приглашены.
Но не всѣмъ удѣлъ веселья,
Угощенье не одно:
Тѣмъ — отрава злаго зелья,
Тѣмъ — кипящее вино;
Тотъ блестящими глазами
Смотритъ сверху; тотъ — внизу,
И подъ старыми слезами
Прячетъ новую слезу.
Братъ! Мгновенна доля наша:

Пей и пой, пока стоитъ
Предъ тобою жизни чаша! —

«Пью, да горько» — говоритъ.
Тѣ выносятъ для приличья
Грузъ улыбки на устахъ;
Терны грустнаго величья
Скрыты въ царственныхъ вѣнцахъ.
Много всякой тутъ забавы:
Тамъ — при дикомъ воплѣ славы
Окликъ избранныхъ именъ,
Удостоенныхъ огласки;
Тамъ — подъ музыкой временъ
Окровавленныя пляски
Поколѣній и племенъ, —
Крики, брань, привѣты, ласки,
Хоръ поэтовъ, нищихъ клиръ,
Арлекиновъ пестрый міръ
И безчисленныя маски:
Чудный пиръ! Великій пиръ!

Ежечасны перемѣны:
Тѣ уходятъ съ общей сцены,
Тѣ на смѣну имъ идутъ;
Послѣ праздничной тревоги
Гостя мирнаго на дроги
Съ должной почестью кладутъ.
Упоили, угостили,
Проводили, отпустили, —
И недвижный, и нѣмой,
Онъ отправился домой;
Чашу горькаго веселья
Онъ до капли осушилъ,
И до страстнаго похмѣлья
Сномъ глубокимъ опочилъ; —

И во дни чередовые
Вслѣдъ за нимъ пошли другіе:
Остаются отъ гостей
Груды тлѣющихъ костей.

Взглянешь, многіе постыдно
На пиру себя ведутъ,
А Хозяина не видно,
А Невидимый — онъ тутъ.
Часъ придетъ — Онъ бурей грянетъ
И отъ пира міръ предстанетъ
Передъ Нимъ на грозный судъ.

ИТАЛІЯ.

Есть дивный край: художникъ внемлетъ
Его призывъ и рвется въ путь.
Тамъ небо съ жадностью объемлетъ
Земли изнѣженную грудь.
Могучихъ силъ и блеска полны,
Нося по безднамъ корабли,
Кругомъ, дробясь, лобзаютъ волны
Брега роскошной сей земли,
Къ ней скачутъ въ бѣшеныхъ порывахъ;
Онажъ, въ вѣнцѣ красотъ стыдливыхъ,
Ихъ ласки тихо приняла,
И морю мѣсто въ двухъ заливахъ
У жаркихъ плечъ своихъ дала.
Съ одной руки — громадой стройной
Подъемлясь, Генуя спокойно
Глядитъ на зеркальный раздолъ;
Съ *другой — въ водахъ* своихъ сверкая

Лежитъ Венеція златая
И машетъ веслами гондолъ.
Страна завѣтныхъ идеаловъ!
Страна не слыханныхъ забавъ!
Страна любви! страна кинжаловъ!
Страна сонетовъ и октавъ!
Тамъ страсть кипитъ: тамъ дышитъ древность,
Блестятъ искусства образцы;
Тамъ рыщетъ месть, скрежещетъ ревность, —
И, взявъ у неба сладкопѣвность,
Поютъ пѣвицы и пѣвцы.

Красавица въ частяхъ и въ цѣломъ!
Страна, сіявшая вѣкамъ!
Съ водами моря по бокамъ,
На солнопекъ простершись тѣломъ,
Челомъ припала загорѣлымъ
Она къ альпійскимъ ледникамъ.
И какъ красуются изгибы
Ея потоковъ и озеръ
И къ небу вскинутыя глыбы
И огневыхъ, и снѣжныхъ горъ!
Красавица! — Вотъ волны Бренты:
У ней на персяхъ данъ имъ бѣгъ;
По этимъ персямъ вьются ленты
Игриво сыплющихся рѣкъ.
Волшебный станъ! — Змѣеобразнымъ
Онъ Тибра поясомъ обвитъ,
И вѣчный Римъ замкомъ алмазнымъ
На этомъ поясѣ горитъ; —
А здѣсь цвѣтущій и прекрасный,
Въ вѣнцѣ садовъ и гордыхъ стѣнъ,
Неаполь — близъ ея колѣнъ;
Здѣсь и Везувій сладострастный
То жаръ свой внутренній таитъ,

То рвется, пышетъ и бурлитъ.
А тутъ — у ногъ страны сей чудной —
Раскинутъ островъ изумрудный:
Обильныхъ нивъ дарами полнъ,
Предъ ней онъ блещетъ вѣчнымъ храмомъ
Съ куримымъ Этной ѳиміамомъ
Надъ зыбью средиземныхъ волнъ.

Чудесный край! Тобою дышитъ
Сынъ вдохновеннаго труда,
И сердце зовъ привѣтный слышитъ —
Небесный зовъ: туда! туда!

ПАДЕНІЕ.

Въ красотѣ, отъ праха взятой,
Благодатнымъ сномъ объятый,
У разбѣга райскихъ рѣкъ,
Почивалъ нашъ прародитель —
Странъ эдемскихъ юный житель —
Міра первый человѣкъ.
Спитъ; — а творческаго дѣла
Совершается добро:
Вынимается изъ тѣла
Къ сердцу близкое ребро;
Пламень, въ кости сокровенный,
Брызжетъ искрами въ эѳиръ,
И на свѣтъ изъ кости бренной
Рвется къ жизни новый міръ, —
И прекраснаго созданья
Образъ царственный возникъ,
Полный новаго сіянья

Дышетъ нѣгой женскій ликъ,
И власы текутъ и блещутъ,
Ясны очи взоры мещутъ,
Рѣчью движутся уста,
Перси жизнію трепещутъ,
Въ цѣломъ — свѣтъ и красота.

Пробудись, супругъ блаженный,
И прими сей даръ небесъ,
Свѣтлый, чистый, совершенный,
Этотъ перлъ въ вѣнцѣ чудесъ!
По предвѣчному уставу
Рай удвоенъ для тебя:
Встань и черпай Божью славу
Изъ двойнаго бытія!
Величай Творца хвалою!
Встань! Она передъ тобою! —
Безпокровная она —
Новосозданная дѣва,
Отъ губительнаго древа
Не вкусившая жена!

И возсталъ онъ, зритъ и внемлетъ...
И исполненъ торжества,
Онъ союзницу пріемлетъ
Изъ десницы Божества, —
И въ небесныхъ обаяньяхъ
И блаженна, и чиста —
Вся въ цвѣтахъ, и благоуханьяхъ
Погруженная чета.
Мужъ и все, что населяетъ
Рая свѣтлую страну,
Окомъ радостнымъ взираетъ
На прекрасную жену.
Къ ней потокъ сребро-волнистый

Струйкой плещущей бѣжитъ;
Плодъ румяно-золотистый
Съ вѣтки ей въ уста глядитъ;
Ей — привѣтъ семьи пернатой;
Ей, среди незлобныхъ игръ,
Лижетъ руки звѣрь косматый
И цѣлуетъ ноги тигръ,
И въ спокойномъ созерцаньѣ
Самъ владычественный левъ,
Видя новое созданье,
Умягчаетъ гордый ревъ,
И предъ этой красотою
Съ Божьимъ свѣтомъ на челѣ,
Онъ, поникнувъ головою,
Стелетъ гриву по землѣ...
Но, тайкомъ прижавшись къ древу,
Ядовитая змѣя
Смотритъ вкрадчиво на Еву,
Радость злобную тая, —
И вiясь кольцеобразно
Подползла... И прельщена
Сладкимъ яблокомъ соблазна,
Пала слабая жена.

И Виновникъ мірозданья,
Грянувъ гнѣвомъ съ высоты,
Возложилъ вѣнецъ страданья
На царицу красоты,
Чтобъ она за грѣхъ паденья,
За вкушенный ею плодъ,
Съ красотою всѣ мученья
Предала въ послѣдній родъ; —
И караются потомки:
Дверь небеснаго шатра
Заперта для васъ, обломки

Отъ Адамова ребра!
И за страшный плодъ познанья
Съ горькой участью изгнанья
Долю скорби и трудовъ
Богъ изрекъ въ громовыхъ звукахъ
Для рожденныхъ въ тяжкихъ мукахъ
Вашихъ бѣдственныхъ сыновъ.
Взмахъ руки своей заноситъ
Смерть надъ нивой нашихъ дней,
И серпомъ нещаднымъ коситъ
Родъ людской, какъ злакъ полей,
Мѣрнымъ ходомъ вѣкъ за вѣкомъ
Съ грузомъ горя и заботъ
Надъ страдальцемъ-человѣкомъ
Въ бездну вѣчности идетъ:
На землѣ ряды уступовъ
Прахъ усопшихъ намостилъ;
Сталъ весь міръ громадой труповъ;
Людямъ тѣсно отъ могилъ.
Но и здѣсь — въ краю изгнанья —
Не покинулъ смертныхъ Богъ:
Сердцу свѣточъ упованья
Въ краѣ скорби Онъ возжегъ,
И на поприщѣ суровомъ
Гдѣ повсюду рыщетъ зло,
Онъ святитъ вѣнкомъ терновымъ
Падшей женщины чело;
Казнью гнѣвъ свой обнаружа,
И смягчая строгій судъ,
Свѣтлый умъ и мышцы мужа
Укрѣпляетъ Онъ на трудъ,
И, любовью безконечной
Обновляя смертныхъ родъ,
Въ дольней смерти къ жизни вѣчной
Указалъ намъ переходъ.

Онъ открылъ намъ въ край небесный
Двери царственныя вновь:
Чей предъ нами образъ крестный
Въ язвахъ казни за любовь?
Это Богъ въ крови распятый
Прекращаетъ смерти пиръ,
Расторгаетъ цѣпь проклятья
И въ кровавыя объятья
Заключаетъ грѣшный міръ!

КОЗАКУ-ПОЭТУ.

Дни мромчались... много сгибло!
Тяжелѣе съ каждымъ днемъ;
Горе буйную зашибло
И тоска на ретивомъ.

Извели пѣвца невзгоды,
Извели и пѣсенъ даръ; —
Эхъ, когда бы прежни годы,
Да разгулъ, да юный жаръ —

Оживленъ пріязнью братской,
Можетъ быть, умѣлъ-бы я
Пѣснью съ удалью козацкой
Попривѣтствовать тебя.

Много зналъ я звуковъ дивныхъ,
Бойкихъ, звонкихъ, разливныхъ,
Молодецки-заунывныхъ,
Богатырски-удалыхъ.

Я изъ нихъ сковалъ бы слово
Пуще грому и огня —
Про наѣздника лихова
Да про бурнаго коня, —

Да про Днѣпръ, что сыплетъ воды
Валъ за валомъ вперевалъ,
Да про свѣтлый садъ природы.
Гдѣ недавно ты гулялъ, —

Гдѣ кругомъ зернистымъ хлѣбомъ
Разсолочены поля,
Гдѣ пируетъ съ яснымъ небомъ
Обрученная земля, —

Гдѣ сильнѣе солнце грѣетъ,
Гдѣ Маруся иногда
Въ часъ условный пышно рдѣетъ
Краски нѣги и стыда.

И любя тотъ край родимый,
Ты пріялъ вѣнецъ двойной:
Ты — и сынъ его любимый,
И пѣвецъ его родной.

Чтожъ? — Теперь, когда судьбою
Суждено мнѣ пѣть тайкомъ,
Мнѣ-ль бурлить передъ тобою,
Предъ залетнымъ козакомъ?

КЪ ЖЕНЩИНѢ.

Къ тебѣ пишу. — Прошло безумье:
Теперь, покорствуя судьбѣ,

Спокойно въ тихое раздумье
Я погружаюсь о тебѣ.

Неуловимое созданье —
Цвѣтъ міра — женщина — сліянье
Лучей и мрака, благъ и золъ!
Въ тебѣ явила намъ природа
Послѣднихъ тайнъ своихъ символъ;
Грань человѣческаго рода
Тобою перстъ ея провелъ.
Она, готовя жизнь мужчины,
Глубоко мыслила, творя,
Когда себѣ изъ горсти глины
Земнаго вызвала царя; —
Творя тебя, она мечтала,
Начальнымъ звукамъ устъ своихъ
Она созвучья лишь искала
И извлекла волшебный стихъ:
Живой, томительный и гибкой
Сей стихъ — вершина красоты —
Сей стихъ, съ слезою и съ улыбкой,
Съ душей и сердцемъ — это ты!

Въ душѣ ты носишь свѣтъ назвѣздный,
А въ сердцѣ огненную кровь —
Двѣ дивно сомкнутыя бездны,
Два моря слитыя въ любовь,
Земля и небо сжали руки
И снова дружно обнялись,
Когда, узнавъ тоску разлуки,
Они въ груди твоей сошлись, —
И снова демонъ расторгаетъ
Въ тебѣ ихъ родственную связь,
И прелесть чистую ввергаетъ
Въ нашъ дольній прахъ, въ земную грязь.

И тамъ, гдѣ тщетныя усилья
Стремишъ ты въ высь — къ родной звѣздѣ,
Я мыслю: бѣдный ангелъ! гдѣ
Твои оторванныя крылья?
Я ихъ найду, я ихъ отдамъ
Твоимъ лилейнымъ раменамъ,
Скажу: лети туда! — И, мнится,
Ихъ подаю... ты смотришь въ даль
Пустыхъ небесъ... твой взоръ слезится:
Тебѣ покинуть землю жаль,
И смотришь ты, нельзя-ль съ собою
Туда весь грузъ, каковъ онъ есть,
Тебѣ навязанный судьбою,
На нѣжныхъ персяхъ перенесть;
Ты пристрадалась къ этой цѣпи,
И, укрѣпясь въ быту земномъ,
Необозримыя лишь степи
Ты видишь въ небѣ голубомъ.

О небо, небо голубое,
Очаровательная степь!
Тамъ душъ ристалище святое,
Сорвавшихъ бренной жизни цѣпь.
Тамъ блещетъ утра багряница,
Тамъ свѣтъ полярный — исполинъ;
Тамъ мчится солнца колесница;
Тамъ бродитъ мѣсяцъ-бедуинъ;
Тамъ ходятъ звѣзды караваномъ;
Тамъ, кинувъ хвостъ черезъ зенитъ,
Порою вихремъ-ураганомъ
Комета бурная летитъ.
Тамъ, тамъ когда-то, въ хорѣ звѣздномъ,
Неукротимъ, разгульно-дикъ,
Мой юный взглядъ, скользя по безднамъ,
Встрѣчалъ блестящій женскій ликъ;

Тамъ образъ яркаго созданья
Сверкалъ мнѣ въ трепетную ночь;
Тамъ... Но къ чему воспоминанья?
Прочь, соблазнительныя, прочь!

Широко, ясно небо Божье; —
Но ты, повитая красой,
О женщина! Тебѣ порой
Милѣй земли твое подножье,
Чѣмъ этотъ сводъ надъ головой.
Упрека нѣтъ: такая доля
Тебѣ, быть можетъ, суждена;
Твоя младенческая воля
Чертой судебъ обведена.
Должна отъ свѣта ты зависѣть,
Склоняться, падать передъ нимъ,
Чтобъ, можетъ быть, его возвысить
Паденьемъ горестнымъ твоимъ;
Должна и мучиться, и мучить,
Сливаться съ бренностью вещей,
Чтобъ тяжесть міра улетучить
Эѳирной легкостью своей, —
Не постигая вдохновенья,
Его собой воспламенять
И строгій хладъ благоговенья
Слезой сердечной замѣнять, —
Порой, въ объятіяхъ безвѣрца,
Быть всѣмъ, быть вѣрой для него,
Порою тамъ, гдѣ нѣту сердца,
Его создать изъ ничего, —
Движеньемъ ока вдругъ заставить,
Чтобъ чувство выросло въ груди, —
Счастливца гордаго оставить,
Съ несчастнымъ въ каторгу итти, —
Порой смиреньемъ безконечнымъ

Смягчать звѣриныя сердца
И превышать чутьемъ сердечнымъ
Высокій разумъ мудреца, —
Бездарному быть Божьимъ даромъ, —
Уму надменному на зло,
Отринувъ умъ, съ безумнымъ жаромъ
Лобзать безумное чело, —
Порой быть жертвою обмана,
Моленья страсти отвергать,
Вѣнчать любовью истукана
И камень къ сердцу прижимать.

Ты любишь: нѣтъ тебѣ укора!
Въ насъ сердце, полное чудесъ, —
И нѣтъ земнаго приговора
Тебѣ — посланницѣ небесъ!
Не бѣглой прелестью улыбки
Ты искупать должна порой
Свои невольныя ошибки,
Но мукъ ужасныхъ глубиной,
Томленьемъ, скорбью безнадежной
Души, рожденной для забавъ
И небомъ вложенной такъ нѣжно
Въ тѣлесный, радужный составъ.
Жемчужина въ вѣнцѣ твореній!
Ты вся — любовь; всѣ дни твои —
Кругомъ извитыя ступени
Высокой лѣстницы любви.
Дитя: ты пьешь святое чувство
На персяхъ матери; оно
Тобой въ глубокое искусство
Нѣжнѣйшихъ ласкъ облечено.
Ты—дѣва юная: любовью,
Быть можетъ, новой ты полна;
Ты шепчешь имя изголовью,

Забывъ другія имена;
Таишь восторгъ и тайно плачешь,
Отъ свѣта зоркаго въ груди
Опасный пламень робко прячешь
И шепчешь сердцу: «погоди!»
Супруга ты; священнымъ клиромъ
Ты въ этотъ санъ возведена:
Твоя любовь предъ цѣлымъ міромъ
Уже открыта; ты — жена!
Передъ лицомъ друзей и братій
Теперь ты любишь — нѣтъ стыда!
Тебя супругъ кольцомъ объятій
Перепоясалъ навсегда;
Тебѣ дано его покоить,
Печаль и радость съ нимъ дѣлить,
Его всѣ радости удвоить,
Его печали раздвоить.
И вотъ — ты мать переселенца
Изъ мрачныхъ странъ небытія:
Весь міръ твой въ образѣ младенца
Теперь на персяхъ у тебя;
Теперь, какъ въ небѣ безпредѣльномъ,
Покоясь въ лонѣ колыбельномъ,
Лежитъ вселенная твоя;
Ребенка ты стенаньямъ внемлешь,
Летишь къ нему, и посреди
Полночной тьмы его подъемлешь
Къ своей питательной груди,
И въ этотъ часъ, когда все въ покоѣ,
Въ пучинѣ сновъ и темноты,
Не спятъ, не дремлютъ только двое:
Звѣзда небесная да ты!

И *я*, возникшій для волненій,
Среди смертей, среди рожденій,

За жизнь собратій и свою
Тебѣ вѣнецъ благословеній
Отъ всѣхъ рожденныхъ подаю.

МОРОЗЪ.

Чу! Съ двора стучится въ ставни:
Узнаю богатыря.
Здравствуй, другъ, пріятель давній!
Здравствуй, чадо декабря!
Дымъ изъ трубъ ползетъ лѣниво;
Снѣгъ подъ полозомъ визжитъ;
Солнце блѣдное спѣсиво
Сквозь туманъ на міръ глядитъ.

Я люблю сей благогатный
Острый холодъ зимнихъ дней.
Сани мчатся. Кучеръ статный,
Окрывливъ лихихъ коней,
Бодръ и красенъ; кровь играетъ,
И, окладисто-горда,
Серебрится и сверкаетъ
Въ снѣжныхъ искрахъ борода.
А лошадки? Сколько прыти!
Дымъ въ ноздряхъ, въ ногахъ мятель!
А Она-то? — Посмотрите:
Какъ мила теперь Адель!
Сколько блеску хладъ ей придалъ!
Други! Это ужъ не тотъ
Блѣдно-мраморный вашъ идолъ:
Въ этомъ ликѣ жизнь цвѣтетъ;
Членовъ трепетомъ и дрожью

Обличенъ завѣтный жаръ,
И изъ устъ, дышавшихъ ложью,
Бьетъ теперь чистѣйшій паръ;
Грудь въ движеніи волнистомъ;
Нѣги полное плечо,
Кроясь въ соболѣ пушистомъ,
Шевелится горячо;
Свѣтозарною денницей
Блещутъ, искрятся глаза;
Противъ вѣтра по рѣсницѣ
Такъ и катится слеза.

Ктожъ сей мраморъ на досугѣ
Оживилъ? — Таковъ вопросъ.
Это онъ — не льститесь, други! —
Это онъ — сѣдой морозъ!
Жадно лиліи онъ щиплетъ
И въ лицо, взамѣнъ ихъ, сыплетъ
Пламя свѣжихъ, алыхъ розъ.
Лишь его гигантской мочи
Эти гибельныя очи
Удалось пронять до слезъ.

РѢКИ.

Игриво поверхность земли разсѣкая,
Волнуясь и пѣнясь, кипя и сверкая,
Хрустальныя рѣки текутъ въ океанъ,
Бѣгутъ, ниспадаютъ по склону земному
Въ бездонную пасть къ великану сѣдому,
И ихъ поглащаетъ сѣдой великанъ.

О, какъ разновиденъ ихъ бѣгъ своенравный!
Та мчится угрюмо подъ тѣнью дубравной,
А эта — широкой жемчужной стѣной
Отважно слетѣла съ гранитной стремнины
И стелется легкой, веселой волной,
Какъ свѣтлая лента, по персямъ долины.

Здѣсь бурный потокъ, весь — лишь пѣна и прахъ,
Дрожитъ и вздуваетъ хребетъ серебристый,
Упорствуетъ въ схваткѣ съ оградой кремнистой,
И мучится, сжатый въ крутыхъ берегахъ.

Такъ катятся рѣки, и въ дольнемъ стремленьѣ
Не общій удѣлъ имъ природою данъ;
Но тамъ ихъ смыкаетъ одно назначенье:
Ихъ влагу пріемлетъ одинъ океанъ.

Такъ катятся жизни извивы и волны;
Не общая доля твореньямъ дана:
Тѣ — временной силы, тѣ — немощи полны,
Но дальше связуетъ ихъ вѣчность одна.

И чтожъ? — Океанъ испаряетъ могучій
Ту влагу, что взялъ онъ отъ вьющихся рѣкъ.
И, свѣжимъ дождемъ опрокинувъ изъ тучи,
Проточный опять возвращаетъ ей бѣгъ.

И суетной жизни земной волнотечность,
Ее очищая небеснымъ путемъ,
Землѣ возвращаетъ бездонная вѣчность
И жизненнымъ паромъ, и жизни дождемъ.

ЗЕМНАЯ ТЫ.

О нѣтъ, нельзя назвать небесной
Сей ощутимой красоты
И этой прелести тѣлесной:
Красавица! земная ты.

Такъ чтожъ? Лишь въ юности начальной
Мы ищемъ дѣвы идеальной;
Какъ беззакатный, вѣчный день,
Намъ блещутъ дѣйственныя очи;
Но вѣчно день да день... нѣтъ мочи!
И въ самый день давай намъ тѣнь!
Мы днемъ хотимъ хоть каплю ночи.

Земная ты... Но кто пойметъ
Небесъ далекихъ гласъ призывный,
Когда хоть лучъ одинъ блеснетъ
Твоей вещественности дивной?
Земная ты... Но небеса
Творитъ сама твоя краса:
Ея вседвижущая сила
Свои ворочаетъ свѣтила;
Твоя взволнованная грудь
Въ себѣ хранитъ свой млечный путь,
И, соразмѣривъ всѣ движенья
Покорныхъ спутниковъ своихъ,
Вокругъ себя ты водишь ихъ
По всѣмъ законамъ тяготѣнья.

Земная ты... Но небосклонъ
Единымъ солнцемъ озаренъ,
И то лишь днемъ; а въ лонѣ ночи
Ты, къ *изумленью* естества,

Едва откроешь ясны очи, —
Сейчасъ воспламеняешь два
И ихъ сіяньемъ превосходишь
Сіянье неба во сто кратъ,
И ихъ съ восхода на закатъ
Въ одно мгновенье переводишь.
Блаженъ, кто видитъ сихъ денницъ,
Любовью вспыхнувшихъ, явленье
И ихъ закатное томленье
Подъ шелкомъ спущенныхъ рѣсницъ,
Когда ланиты пламенѣютъ,
Уста дрожащія нѣмѣютъ,
И въ дерзкой прихоти своей,
Лобзая розы и лилеи,
Текутъ на грудь, вiясь вкругъ шеи,
Струи разсыпанныхъ кудрей
И косъ распущенныя змѣи.

ПОРЫВЪ.

Какъ въ кованой клѣткѣ дубравная птица,
Все жажду я въ узахъ свободнаго дня.
Напрасно мнѣ блещутъ привѣтныя лица
И добрыя люди ласкаютъ меня:
Мнѣ тяжко встрѣчаться съ улыбкою ясной;
Грущу я, на міръ суетливый смотря,
Нѣтъ, милые люди, напрасно, напрасно
Хотите вы сдѣлать ручнымъ дикаря!
Вы сами видали, какъ странно и тщетно,
Стараясь быть веселъ, притворствовалъ я.
Какъ въ обществѣ чинномъ и стройномъ замѣтна
Глухая, лѣсная природа моя.

Природа была мнѣ въ притворствѣ уликой:
Впиваясь въ ея вѣковую красу,
Я росъ на раздольѣ Карелiи дикой,
Надъ озеромъ шумнымъ, въ дремучемъ лѣсу.
Со мной вы разстались, деревья родныя!
Я помню, въ минуты прощальной поры
Какъ слезы катились у васъ смоляныя
Живымъ янтаремъ изъ-подъ темной коры, —
Какъ вы мнѣ уныло вѣтвями кивали,
Даря свой послѣдній, прощальный привѣтъ, —
Какъ листья мнѣ ваши по вѣтру шептали:
«Куда ты уходишь? — Тамъ счастія нѣтъ».

О, я разорвалъ бы печали завѣсу
Минувшею жизнью дохнулъ бы вполнѣ, —
Лишь дайте мнѣ лѣсу, дремучаго лѣсу,
Отдайте лишь волю широкую мнѣ,
Гдѣ-бъ могъ я по-своему горе размыкать,
Объятья природѣ опять развернуть
И праздно-бродящую радость закликать
На часъ перепутья въ отверзтую грудь!

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ И ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

(Въ Крыму).

I.

НА МОРѢ.

Ударилъ вѣтръ. Валы Евксина
Шумятъ и блещутъ подо мной,
И гордо вздулся парусъ мой
На гордыхъ персяхъ исполина.
Мой міръ, оторванъ отъ земли,
Летитъ. Отъ берега вдали
Теряетъ власть земная сила;
Здѣсь только небо шлетъ грозу;
Кругомъ лишь небо, а внизу —
Одна широкая могила.
И лежа я, раздумья полнъ,
Съ размашистой качели волнъ —
Отъ корня мачты — къ небу очи
Приподнималъ, и мнилось мнѣ:
Надъ зыбью моря звѣзды ночи
Качались въ темной вышинѣ;
Все небо мѣрно колыхалось,
И неподвижную досель
Перстъ Божій зыблетъ, мнѣ казалось,
Міровъ несмѣтныхъ колыбель. —
И тихо къ горизонту падалъ
Мой взоръ: тамъ валъ разгульный прядалъ
И изъ-за края корабля
Пучина грудь приподнимала

И глухо вздохъ свой разрѣшала,
Сѣдыя кудри шевеля.

2.

БЛИЗЪ БЕРЕГОВЪ.

Въ широкомъ пурпурѣ Авроры
Восходитъ солнце. Предо мной
Тавриды радужныя горы
Волшебной строятся стѣной.
Плывемъ. Все ближе берегъ чудный,
И рядъ заоблачныхъ вершинъ
Все ближе. У кормы дельфинъ
Волной играетъ изумрудной
И прыщетъ искрами вокругъ.
Вотъ пристань! — Зноемъ дышитъ югъ.

Здѣсь жарко-сладокъ воздухъ чистый,
Огнемъ и нѣгой разведенъ,
И какъ напитокъ золотистый
Изъ чаши неба пролитъ онъ. —
Тамъ — въ раззолоченномъ уборѣ
Границъ не знающее море
Съ небесной твердью сведено,
А тутъ — къ брегамъ прижаться радо,
И, только именемъ черно,
Слилось лазурное оно
Съ зеленымъ моремъ винограда.
Къ громадамъ скалъ приникъ заливъ,
И воды трепетныя млѣютъ,
И, рощи лавровъ отразивъ,
Густыя *волны* зеленѣютъ.

3.

НА ЮЖНОМЪ БЕРЕГУ.

Природа здѣшняя свѣтла,
Пышна, кудрява, лучезарна,
Какъ прелесть женская — мила,
И какъ прелестница — коварна;
Полна красотъ, со всѣхъ сторонъ
Блистаетъ и язвитъ — злодѣйка;
Въ руинахъ дремлетъ скорпіонъ;
Въ раскошныхъ злакахъ вьется змѣйка;
Въ зеленыхъ локанахъ кустовъ
Шипы таятся, иглы скрыты,
И между стеблями цвѣтовъ
Пропущенъ стебелъ ядовитый.
А знойный воздухъ сей, огнемъ
Въ уста втекающій, какъ лава...
Невидимо разлита въ немъ
Соблазна тайнаго отрава:
Вдыхая въ грудь его струи,
Я вспомнилъ сонъ моей любви —
Тяжелый сонъ! — Зачѣмъ любовью
Здѣсь дышитъ все? — Зайдетъ ли день:
Край неба весь нальется кровью,
И соблазнительная тѣнь
На хо́лмы ляжетъ; изъ-за Понта,
Округлена, раскалена,
Возставъ, огромная луна
Раздвинетъ обручъ гаризонта
И выплыветъ, и разомкнетъ
Свои прельстительныя очи...
Она, бывало, перечтетъ
Мнѣ всѣ недоспанныя ночи,

Напомнитъ старыя мечты,
Страстей изломанныхъ картину
И все, за что бы отдалъ ты,
Скиталецъ, жизни половину.
Какой томительный упрекъ,
Бывало, мнѣ на сердце ляжетъ,
Когда луна мнѣ томно скажетъ:
Страдай! Томись! Ты одинокъ.

4.

МЕЖДУ СКАЛЪ.

Бѣлѣло море млечной пѣной.
Татарскій конь по брегу мчалъ
Меня къ обрывамъ страшныхъ скалъ
Межъ Симеисомъ и Лименой, —
И вотъ — онѣ передо мной
Ужасной высятся преградой;
На камнѣ камень вѣковой;
Стѣна задвинута стѣной;
Громада стиснута громадой;
Скала задавлена скалой.
Нагромоздившіяся глыбы
Висятъ, спираясь надъ челомъ,
И дико брошены кругомъ
Куски, обломки и отшибы;
А время, ставъ на ихъ углы,
Ихъ медленно грызетъ и рѣжетъ.
Здѣсь слышенъ визгъ его пилы,
Его зубовъ здѣсь слышенъ скрежетъ.
Здѣсь Богъ, когда живую власть

Свою творенье Онъ прославилъ,
Хаоса дремлющаго часть
На память смертному оставилъ.
Зіяютъ челюсти громадъ;
Ихъ ребра высунулись дико,
А тамъ — подъ ними — вѣчный адъ,
Гдѣ мракъ — единственный владыка, —
И въ этой тьмѣ радъ-радъ ѣздокъ,
Коль чрезъ прорывъ между-утесный
Кой-гдѣ мелькаетъ свѣтоносный
Хоть скудный неба лоскутокъ.
А между тѣмъ растутъ преграды,
Все жмутся къ морю скалъ громады,
И поперекъ путь узкіи мой
Вдругъ перехваченъ: нѣтъ дороги!
Свернись, мой конь, ползи змѣей,
Стели раскидистыя ноги,
Иль въ камень ихъ вонзай! — Идетъ;
Подковы даромъ не иступитъ,
Опасный встрѣтивъ переходъ,
Онъ станетъ — окомъ поведетъ —
Подумаетъ — и переступитъ, —
И по осколкамъ роковымъ,
Въ скалахъ, чрезъ ихъ нависшій куполъ,
Копытомъ чуткимъ онъ своимъ
Дорогу вѣрную нащупалъ.
Уже я скалы миновалъ;
Съ конемъ разумнымъ мы летѣли;
Ревѣлъ Евксинъ, валы бѣлѣли,
И громъ надъ бездной рокоталъ.

Средь яркихъ прелестей созданья
Взгрустнулось сердцу моему:
Оно тамъ жаждетъ сочетанья:
Тамъ тяжко, больно одному.

Но, путникъ, ежели порою
Въ сей край обрывовъ и стремнинъ
Закинутъ будешь ты судьбою —
Здѣсь — прочь людей! Здѣсь будь одинъ!
Бѣги сопутствующихъ круга,
Оставь избранницу любви,
Оставь наперсника и друга,
Отъ сердца сердце оторви!
Съ священнымъ трепетомъ ты внидешь
Въ сей новый міръ, въ сей дивный свѣтъ:
Громады, бездны здѣсь увидишь,
Но нѣтъ земли и неба нѣтъ;
Благоговѣнье трисвятое
Въ тебя прольется съ высоты,
И коль тогда здѣсь будутъ двое,
То будутъ только — Богъ и ты.

5.

МОГИЛА ВЪ МАРСАНДѢ.

Я вижу рощу. Божій храмъ
Въ древесной чащѣ скрытъ глубоко...
Изъ моря зелени высоко
Крестъ яркій выдвинутъ; къ стѣнамъ
Кусты прижались; рдѣютъ розы;
Подъ алтаремъ кипятъ, журча.
Неизсякающія слезы
Животворящаго ключа.
Близи — могильный холмъ; два сумрачныя древа
Надъ ними сплели таинственный покровъ;
Подъ тѣмъ холмомъ почила дѣва —

Твоя, о юноша, любовь!
Твоей здѣсь милой прахъ. Въ цвѣтахъ ея могила,
Быть можетъ, стебли сихъ цвѣтовъ
Идутъ изъ сердца, гдѣ любовь
Святые корни сохранила.
Въ живыя чаши этихъ розъ,
Какъ въ ароматныя слезницы,
И на закатѣ дня, и съ выходомъ денницы,
Заря хоронитъ тайну слезъ.
Въ возглавьѣ стройный тополь выросъ
И въ небо врѣзался стрѣлой,
Какъ мысль. А тамъ, какъ звучный клиросъ
Великой храмины земной,
Заливъ въ одеждѣ свѣтоносной
Гремитъ волною подутесной;
Кадятъ душистые цвѣты, —
И предъ часовнею съ лампадой у иконы,
Деревья гибкія творятъ свои поклоны.
И ихъ сгущенные листы
Молитву шопотомъ читаютъ. — Здѣсь, мечтатель,
Почившей вдовый обожатель,
Дай волю полную слезамъ!
Припавъ на холмъ сей скорбной грудью,
Довѣрься этому безлюдью
И этимъ кроткимъ небесамъ:
Никто въ глуши сей не увидитъ
Твоихъ заплаканныхъ очей;
Никто насмѣшкой не обидитъ
Завѣтной горести твоей;
Никто холоднымъ утѣшеньемъ
Или бездушнымъ сожалѣньемъ
Твоей тоски не оскорбитъ,
И ересь мнимаго участья
На мѣстѣ семъ не осквернитъ
Святыню гордаго несчастья.

Здѣсь слезъ не прячь: тутъ нѣтъ людей.
Одинъ передъ лицомъ природы
Дай чувству весь разгулъ свободы!
Упейся горестью своей!

Несчастливъ ты, — но знай: судьбою
Иной безжалостнѣй убитъ,
И на печаль твою порою
Съ невольной завистью глядитъ.
Твою невѣсту, въ цвѣтѣ вѣка
Схвативъ, отъ міра увлекли
Объятья матери-земли,
Но не объятья человѣка.
Ее ты съ міромъ уступилъ
Священной области могилъ,
Землѣ ты предалъ персть земную.
Стократъ несчастливъ, кто живую
Подругу сердца схоронилъ,
Когда, на вѣкъ отъ взоровъ скрыта,
Она не въ грудь земли зарыта,
А на землѣ къ кому-нибудь
Случайно кинута на грудь.

6.

ДОМЪ ВЪ ЦВѢТАХЪ. — АЛУПКА.

Въ рощахъ ненаглядныхъ
Здѣсь чертогъ предъ вами.
Камень стѣнъ громадныхъ
Весь увитъ цвѣтами:
По столбамъ взбѣгаютъ,

По карнизамъ вьются,
Мраморъ обнимаютъ,
Къ позолотѣ жмутся;
Разстилаясь тканью,
Съединя всѣ краски,
Расточаютъ зданью
Женственныя ласки.
Ласки, павъ на камень,
Пропадаютъ даромъ:
Изъ него жаръ-пламень
Выбьешь лишь ударомъ.
Такъ-то и на свѣтѣ
Межъ людьми ведется:
Прелесть въ пышномъ цвѣтѣ
Чисто къ камню жмется;
Цвѣтъ, что всѣхъ милѣе,
Нѣженъ къ истукану;
Ластится лилея,
Къ пню или чурбану.
Тутъ хоть камень глаже
Щеголя причесанъ:
Тамъ — посмотришь — даже
Пень тотъ неотесанъ,

7.

ОРІАНДА.

Прелесть и прелесть! Вглядитесь:
Сколько ея на землѣ!
Шапку долой! Поклонитесь
Этой чудесной скалѣ!

Зеленью затканъ богатой
Что за роскошный утесъ,
Ставъ здѣсь твердыней зубчатой,
Плечи подъ небо занесъ!
Но извините: съ почтеньемъ
Сколько ни кланяйтесь вы —
Онъ не воздастъ вамъ склоненьемъ
Гордой своей головы —
Нѣтъ! — но услужитъ вамъ втрое
Пышнымъ въ подножьѣ ковромъ,
Тѣнью прохладной при зноѣ,
Водныхъ ключей серебромъ.
Гордая стать — не обида:
Пусть же, при благости твердъ,
Дивный утесъ твой, Таврида,
Кажется смертному гордъ!
Вспомнимъ: средь залъ благовонныхъ,
Въ свѣтѣ, надъ лоскомъ половъ,
Мало-ль пустыхъ, безпоклонныхъ,
Вздернутыхъ кверху головъ?
Тщетно бы тѣни и крова
Ближній отъ нихъ тутъ искалъ;
Блещутъ, но блещутъ сурово
Выси живыхъ этихъ скалъ.

8.

ПОТОКИ.

Не широки, не глубоки
Крыма водные потоки,
Но зато *ихъ дѣлый рой*

Сброшенъ горною стѣной.—
И бѣгутъ они въ долины,
И чрезъ камни и стремнины
Звонкой прыгаютъ волной,
Тамъ віясь въ живомъ узорѣ,
Тамъ теряясь между скалъ,
Или всасываясь въ море
Остріемъ змѣиныхъ жалъ.
Смотришь: вотъ — земля вогнулась
Въ глубину глухимъ котломъ,
И растительность кругомъ
Густо, пышно развернулась.
Чу! Ключи, ручьи кипятъ, —
И потоковъ быстрыхъ змѣйки
Сквозь подземныя лазейки
Пробираются, шипятъ;
Подъ кустарникомъ кудрями
То скрываются въ тѣни,
То блестящими снурами
Межъ зелеными коврами
Передернуты они,
И, открыты лишь частями,
Шелковистый рѣжутъ долъ,
И жемчужными кистями
Низвергаются въ котелъ.

И порой сѣдыхъ утесовъ
Расплываются глаза,
И изъ щелей ихъ съ откосовъ
Брызжетъ хладная слеза:
По уступамъ въ перехватку,
Въ пересыпку, въ перекатку,
Слезы тѣ бѣгутъ, летятъ,
И снопами водопадъ,
То въ припрыжку, то въ присядку.

Бьетъ съ раската на раскатъ;
То виситъ жемчужной нитью,
То, ударивъ съ новой прытью,
Въ перегибъ и въ переломъ
Онъ клубами млечной пѣны
Мылитъ скалъ крутыя стѣны,
Скачетъ въ воздухъ серебромъ,
На мгновенье въ безднахъ вязнетъ
И опять летитъ впередъ,
Пляшетъ, отпрысками бьетъ,
Небо радугами дразнитъ,
Самъ себя на части рветъ.

Вамъ случалось ли отъ жажды
Умирать? и шелестъ каждый
Шопотливаго листка,
Трепетанье мотылька,
Шумъ шаговъ своихъ тоскливыхъ
Принимать за шумъ въ извивахъ
Рудника иль ручейка?
Нѣтъ воды! Нѣтъ мѣръ страданью;
Смерть въ глазахъ, а ты иди
Съ пересохшею гортанью,
Съ адскимъ пламенемъ въ груди!
Пыльно, — душно, — зной, — усталость!
Мать-природа! Гдѣ же жалость?
Дай воды! Хоть каплю! — Нѣтъ!
Словно высохъ цѣлый свѣтъ.
Нѣтъ, повѣрьте, нетерпѣньемъ
Вы не мучились такимъ,
Ожидая, чтобъ явленьемъ
Васъ утѣшила своимъ
Ваша милая: какъ слабы
Тѣ *мученья!* - *И* когда бы

Въ мигъ подобный вамъ она
Вдругъ явилась, вся полна
Красоты и обаянья,
Нѣги, страсти и желанья,
Вся готовая любить, —
Вмигъ сей мыслью, можетъ быть,
Вы бъ исполнились единой:
О, когда бъ она Ундиной
Или нимфой водяной
Здѣсь явилась предо мной!
И ручьями бъ разбѣжалась
Шелковистая коса,
И на струйки бы распалась
Влажныхъ локоновъ краса.
И струи тѣ, пробѣгая
Чрезъ сводъ ея чела
Слоемъ воднаго стекла,
И чрезъ очи ниспадая,
Повлекли бъ и изъ очей
Охлажденныхъ слезъ ручей,
И потомъ двѣ водныхъ течи
Справа, слѣва и кругомъ
На окатистыя плечи
Ей низверглись, — и потомъ
Съ плечъ, гдѣ скрытъ огонь подъ снѣгомъ,
Тая съ каждаго плеча,
Снѣгъ тотъ вдругъ хрустальнымъ бѣгомъ
Покатился бы, журча,
Влагой чистаго ключа, —
И къ объятіямъ отверсты
Двѣ лилейныя руки
Стали сгибами рѣки;
Растеклись въ фонтанахъ персты, —
И — не съ жаркой глубиной,
Но съ святымъ безстрастья хладомъ —

Грудь разсыпалась каскадомъ
И разхлынулась волной!

9.

ОБВАЛЫ.

Что за громъ? — То грозные обвалы.
Тяготѣнья вервь напряжена,
Непрерывно тянетъ сверху скалы
Въ глубь долинъ и вàлитъ ихъ она.
Вотъ и здѣсь — кругомъ они нависли
И готовы, кажется, упасть.
Я подъ ними: роковая власть
Тяжести мои смущаетъ мысли.
Можетъ быть, сдается мнѣ, сейчасъ —
Въ этотъ мигъ — сорвется этихъ массъ
Надо мной висящая громада
Съ грохотомъ и скрежетаньемъ ада,
И моей вѣнчая жизни блажь
Здѣсь меня раздавитъ этотъ кряжъ,
И почетъ соединивъ съ обидой,
Надо мной онъ станетъ пирамидой,
Сложенной изъ каменныхъ пластовъ.
Лишь мелькнетъ послѣднее мгновенье —
Въ тотъ же мигъ свершится погребенье,
Въ тотъ же мигъ и памятникъ готовъ.
Похоронъ торжественныхъ расходы,
Памятникъ, — громаднѣе, чѣмъ своды
Всѣхъ гробницъ, — и залпъ громовъ, и треск
Пѣвчій — вѣтръ, а факелъ — солнца блескъ,
Слезы — дождь, все, все на счетъ природы,

Все отъ ней — и гдѣ? въ какомъ краю? —
За любовь къ ней страстную мою!

10.

ПЕЩЕРЫ — КИЗИЛЬ-КОБА.

Гдѣ я? — Въ какой-то мглѣ сырой;
Тяжелый сводъ надъ головой:
Я въ мрачной области пещеръ,
Которымъ нѣтъ числа и мѣръ;
Съ семьею спутниковъ моихъ
Погрязъ я въ пропастяхъ земныхъ.
Но вотъ — въ утробѣ мы земли
Свои свѣтильники зажгли —
И озаренъ подземный домъ.
Гляжу: сокровища кругомъ;
Въ роскошныхъ формахъ сталактитъ
Холодной накипью блеститъ;
Тамъ въ тяжкихъ массахъ вывелъ онъ
Рядъ фантастическихъ колоннъ;
Здѣсь облачный накинулъ сводъ;
Тутъ пышнымъ пологомъ идетъ,
И, забранъ въ складкахъ надо мной,
Виситъ широкой бахрамой,
И манитъ путника прилечь,
Заботы жизни сбросить съ плечъ,
Явленья грустныя забыть,
На камень голову склонить,
На камень сердце опереть,
И съ нимъ сліясь — окаменѣть.

То — узкій ходъ, то — цѣлый храмъ —
И перлы, перлы по стѣнамъ.
Волшебный блескъ! Вся глубина
Алмазами окроплена:
Коснитесь — влага! — Капли слезъ,
Скажите, кто сюда занесъ?
Не слезы ль то жильцовъ земли
Сюда съ лица ея втекли,
Въ сердцахъ глубоко рождены
И въ глубину изъ глубины
Со всѣхъ сторонъ проведены?

Идемъ впередъ—полземъ—скользимъ,
Подземный ходъ не истощимъ.
Сводъ каждый, каждая стѣна
Хранитъ здѣсь бывшихъ имена.
И силой хищной ихъ руки
Отъ стѣнъ отшибены куски;
Рубцы и язвы сихъ громадъ
Слѣдъ ихъ грабительства хранятъ, —
И сами собственной рукой
Они здѣсь чертятъ вензель свой,
И въ сихъ чертахъ заповѣдныхъ —
Печать подземной славы ихъ.
И кто здѣсь имя не вписалъ,
И кто отъ этихъ чудныхъ скалъ
Куска на память не отсѣкъ?
Таковъ тщеславный человѣкъ!
Созданьемъ, дѣломъ ли благимъ,
Иль разрушеньемъ роковымъ,
Бѣдой ли свой означивъ путь,
Чертой ли слабой — чѣмъ-нибудь —
Онъ любитъ слѣдъ оставить свой
И на землѣ и подъ землей.

II.

ЧАТЫРДАГЪ.

Онъ здѣсь!—Въ средину цѣпи горной
Вступилъ, и давъ ему просторъ,
Вокругъ почтительно, покорно
Раздвинулись громады горъ.
Своимъ величьемъ имъ не равный,
Онъ сталъ—одинъ, и въ небосклонъ
Вперя свой взоръ полу-державный,
Сановникъ горъ — изъ Крыма онъ,
Какъ изъ роскошнаго чертога,
Оставивъ міръ дремать въ пыли,
Приподнялся—и въ царство Бога
Пошелъ посланникомъ земли.
Подъ исполинскими пятами
Раскинувъ армію холмовъ,
Повитъ широкими крылами
Орловъ парящихъ, онъ съ орлами
Прошибъ затворы облаковъ, —
Зеленый плащъ вкругъ плечъ расправилъ,
И, выся темя на голо,
Подъ громъ и молнію подставилъ

Свое открытое чело,
И тамъ—воинственный могучій—
За Крымъ онъ ратуетъ грозой,
Подъ мышцы схватываетъ тучи
И блещетъ свѣтлой головой.

И вотъ—я стою на холодной вершинѣ.
Все тихо, и глухо, и темно въ долинѣ.
Лежитъ подо мною во мракѣ земля.

А солнцемъ давно перевѣдался я:
Мнѣ первому лучъ его утренній выпалъ,
И выказалъ пурпуръ и злато разсыпалъ.

Таврида-красавица вся предо мной,
Стыдливо къ ней крадется лучъ золотой
И гонитъ слегка ея сонъ чародѣйный;
Завѣсу тумана, какъ пологъ кисейный,
Отдернулъ, и перлы восточныя ей
Роняетъ на пряди зеленыхъ кудрей.

Вздохнула — проснулась прасавица міра,
Свой станъ опоясала лентой Салгира,
Цвѣтами украсилась, грудь подняла
И въ зеркало моря глядится: мила!
Прекрасна! — Полна ей ниспосланнымъ благомъ
И смотритъ невѣстой, а мы съ Чатырдагомъ
Глядимъ на нее изъ отчизны громовъ,
И держимъ надъ нею вѣнецъ облаковъ.

12.

ЧЕТЫРДАГСКІЕ ЛЕДНИКИ.

Разомъ здѣсь изъ жаркой сферы
Въ рѣзкій холодъ я вошелъ.
Здѣсь, на днѣ полу-пещеры —
Снѣга вѣчнаго престолъ;
А надъ нимъ нѣмыя стѣны,
Плотно затканныя мхомъ,
Вѣчной стражею безъ смѣны
Возвышаются *кругомъ*.

Чрезъ отверстый зѣвъ утесовъ
Съ верху въ сей заклепъ земной
Робко входитъ свѣтъ дневной,
Будто бъ онъ лишь для распросовъ:
Что творится подъ землей? —
Посланъ твердью свѣтовой.
Будто ринувшись съ разбѣга
По стѣнамъ на бездну снѣга,
Мохъ развѣсился надъ ней
Цѣлой рощей нисходящей,
Опрокинутою чащей
Нитей, прядей и кистей.
Чтожъ? До сердца ль здѣсь расколотъ
Чатырдагъ? — Сказать ли: вотъ
Это сердце — снѣгъ и ледъ?
Нѣтъ, безстрастный этотъ холодъ
Сдержанъ Крымскою горой
Подъ наружной лишь корой.
Но и здѣсь не безъ участья
Къ вамъ природа, и безстрастья
Въ ней законченнаго нѣтъ:
Здѣсь на тяжкій стонъ несчастья
Эхо стонетъ вамъ въ отвѣтъ,
Словно другомъ быть вамъ хочетъ,
Съ вашимъ смѣхомъ захохочетъ,
Съ вашимъ крикомъ закричитъ,
Вмѣстѣ съ вами замолчитъ,
Сердцу въ мукахъ злополучья
Шлетъ отзвучья и созвучья:
Вздохъ вашъ скажетъ, — охъ, бѣда! —
И оно вамъ скажетъ — да! —
Такъ глубоко, такъ сердечно!
Этотъ воздухъ лѣдяной
Прохладитъ такъ человѣчно
Жгучій жаръ въ груди больной;

Онъ дыханье ваше схватитъ
И надъ этимъ ледникомъ
Тихо, бережно покатитъ
Пара дымчатымъ клубкомъ.
Этотъ мохъ цвѣсти не станетъ, —
До цвѣтовъ ему куда?
Да зато онъ и не вянетъ
И не блекнетъ никогда.
А къ томужъ въ иные годы
Здѣсь, подъ солнечнымъ огнемъ,
Балъ Таврической природы
Слишкомъ жарокъ; чтобъ на немъ
Сладко грудь свѣжилась ваша,
Здѣсь мороженаго чаша
Для гостей припасена
И природой подана.
И запасъ другаго блага
Скрытъ здѣсь — въ ребрахъ Четырдага:
Тѣхъ ключей, потоковъ, рѣкъ
Не отсюда ль прыщетъ влага?
Пей во здравье, человѣкъ!
Въ этой грудѣ снѣжныхъ складовъ
Лишь до времени тверда
Тѣхъ клокочущихъ каскадовъ
Серебристая руда;
Но тепло ее затронетъ,
Перетретъ между тѣснинъ,
Умягчитъ, и со стремнинъ
Подтолкнетъ ее, уронитъ
И струистую погонитъ
Въ область дремлющихъ долинъ.

13.

КОСА—ДРЕВНОСТИ КЕРЧИ.

Я видѣлъ: бережно, за рамой и стекломъ
Хранились древности остатки дорогіе —
Вѣнцы блестящіе, запястья золотыя
И вазы чудныя, стоящія кругомъ,
И все, что отдали курганы и гробницы —
Амфоры пирные, и кольца, и слезницы,
И все была свѣжа ихъ древняя краса;
Но средь вѣнцовъ и чашъ, въ богатомъ ихъ собраньѣ,
Влекла къ себѣ мое несытое вниманье
Отъ женской головы отпавшая коса,
Достойная любви восторговъ и стенаній,
Густая, черная, сплетенная въ три грани,
Изъ вѣчной тьмы могилъ изшедшая на свѣтъ
И неизмятая подъ тысячами лѣтъ,
Межъ тѣмъ, какъ столько косъ съ ихъ царственной крас
Изсѣклось времени нещадною косою.
Нетлѣнный блескъ вѣнцовъ меня не удивлялъ;
Не дивно было мнѣ, что эти діадимы
Прошли ряды вѣковъ, все въ цѣлости хранимы:
Въ нихъ рдѣло золото — прельстительный металлъ!
Онъ время соблазнитъ, и вѣчность онъ подкупитъ —
И та ему удѣлъ безсмертія уступитъ; —
Но — эта прядь волосъ... ужели и она
Всевластной прелестью надъ временемъ сильна —
И око вѣчности на этотъ даръ прекрасный
Глядѣло издали — съ улыбкой сладострастной?
Гдѣжъ свѣтлые глаза той дивной головы,
Съ которой волосы остались намъ?.. Увы!
Глаза... они весь міръ, быть можетъ, сокрушали,
Диктаторовъ, царей и консуловъ смущали,

ии кровавыхъ войнъ вздувая и туша, —
за, гдѣ было все: свѣтъ, жизнь, любовь, душа,
лучъ небесъ сіялъ, безсмертье ликовало. —
дайте, говорю, мнѣ видѣть ихъ привѣтъ! —
мнится, вижу я, какъ выставилъ скелетъ
желтомъ черепѣ два страшные провала.

14.

ПРОСТИ.

Прости, волшебный край, прости!
На краткомъ жизненномъ пути
Едва-ль тебя я снова встрѣчу;
Да и зачѣмъ?.. Я не замѣчу
И не найду въ тебѣ тогда
Того, что нынѣ видѣлъ — да!
Ты будешь цвѣсть, ты вѣчно молодъ,
А мнѣ — вторично не цвѣсти:
Тогда въ тебя я внесъ бы холодъ...
Прости, волшебный край, прости!

ЮЖНАЯ НОЧЬ.

(Писано въ Одессѣ).

Легкій сумракъ. Сѣнь акацій.
Берегъ моря; плескъ волны,
И съ лазурной вышины
Свѣтъ лампады Музъ и Грацій —
Упоительной луны.

Тамъ, чернѣя надъ заливомъ,
Мачтъ подъемлются лѣса;
На землѣжъ — земли краса —
Тополь ростомъ горделивымъ
Измѣряетъ небеса.

Горячѣй дыханья дѣвы,
Межъ землей и небомъ сжатъ
Сладкій воздухъ; въ немъ дрожатъ
Итальянскіе напѣвы;
Въ немъ развѣянъ ароматъ.

А луна? — Луна здѣсь грѣетъ —
Хочетъ солнцемъ быть луна;
Соблазнительно-пышна
Нѣжитъ грудь и чары дѣетъ
Блескомъ сладостнымъ она.

Злая ночь златаго юга!
Блещешь лютой ты красой:
Ты смѣнила холодъ мой
Жаромъ страшнаго недуга —
Одиночества тоской.

Сердце, вспомнивъ сонъ завѣтный,
Жаждетъ вновь — кого-нибудь...
Тщетно! Не о комъ вздохнуть!
И любовью безпредметной
Высоко взметалась грудь.

Прочь, томительная нѣга!
Тамъ — цѣлебный сѣверъ мой
Возвратитъ душѣ больной
Въ лонѣ вьюгъ, на глыбахъ снѣга,
Силу мысли и покой.

КЪ А—Ѣ П—Ѣ Г—ГЪ.

(По возвращеніи изъ Крыма).

Въ странѣ, гдѣ ясными лучами
Живѣе блещутъ небеса,
Есть между моремъ и горами
Земли роскошной полоса.
Я тамъ бродилъ, и думъ порывы
Невольно къ вамъ я устремлялъ,
Когда подъ лавры и оливы
Главу тревожную склонялъ.
Тамъ часто я, въ разгулѣ дикомъ,
Широко плавая въ мечтахъ,
Васъ призывалъ безумнымъ кликомъ —
И эхо вторило въ горахъ.
О васъ я думалъ тамъ, гдѣ влага
Фонтановъ сладостныхъ шумитъ,
Тамъ, гдѣ гиганта-Чатырдага
Глава надъ тучами паритъ,
Тамъ, гдѣ по яхонту эѳира
Гуляютъ вольные орлы,
Гдѣ путь себѣ хрусталь Салгира
Прошибъ изъ мраморной скалы. —
Тамъ, средь природы колоссальной,
На высяхъ горъ, на ребрахъ скалъ,
Оставилъ я мой слѣдъ печальный
И ваше имя начерталъ, —
И послѣ — изъ долинъ метались
Мои глаза на высоты,
Гдѣ мною врѣзаны остались
Тѣ драгоцѣнныя черты:
Онѣ въ лазури утопали,
А я смотрѣлъ издалека,

Какъ солнца тамъ лучи играли
Или свивались облака.

Блеснетъ весна иного года,
И, можетъ быть, въ счастливый часъ,
Тавриды свѣтлая природа
Въ свои объятья приметъ васъ.
Привычный къ высямъ и оврагамъ
Надъ дольней бездной, въ свой чередъ,
Татарскій конь надежнымъ шагомъ
Васъ въ область молній вознесетъ, —
И вы найдете тѣ скрижали,
Гдѣ, проясняя свой удѣлъ
И сердца тайныя печали,
Я ваше имя впечатлѣлъ.
Быть можетъ — это начертанье —
Скаламъ мной ввѣренный залогъ —
Пробудитъ въ васъ воспоминанье
О томъ, кто васъ забыть не могъ...

Но я боюсь: тѣхъ высей темя
Обваломъ въ бездну упадетъ,
Или завистливое время
Черты завѣтныя сотретъ,
Иль, кроя мракомъ сводъ лазури
И раздирая облака,
Изгладитъ ихъ ревнивой бури
Неотразимая рука, —
И не избѣгну я забвенья,
И скрыта въ прахѣ разрушенья,
Завѣтной надписи лишась,
Порой подъ вашими стопами
Мелькнетъ неузнанная вами
Могила думъ моихъ объ васъ.

Е. Н. Ш—ВОЙ.

(При доставленіи гербаріума крымской Флоры).

Являясь къ вамъ изъ отдаленья,
Обѣтъ мой выполнить спѣшу,
И юга свѣтлаго растенья
Я вамъ усердно приношу.
Тамъ флора пышная предстала
Мнѣ въ блескѣ дивной красоты;
Я рвалъ цвѣты — рука дрожала
И ихъ застѣнчиво срывала:
Я не привыкъ срывать цвѣты.
Они предъ вами. Гдѣжъ привѣтный,
Чудесный запахъ южныхъ розъ?
Увы! Безжизненный, безцвѣтный
Я только прахъ ихъ вамъ привезъ:
Отрывъ отъ почвы имъ смертеленъ,
И вотъ — изъ флоры той даровъ
Лишь мохъ остался свѣжъ и зеленъ
Отъ Чатырдагскихъ ледниковъ —
За тѣмъ, что съ нимъ не зналась нѣга;
Гдѣ солнца лучъ не забѣгалъ
Онъ тамъ надъ бездной льдовъ и снѣга
Утесовъ ребра пеленалъ, —
Да моря темныя растенья,
Какъ вживѣ, странный образъ свой
Хранятъ — за тѣмъ, что съ дня рожденья
Они средь влаги волненья
Знакомы съ мрачной глубиной.

ВОТЪ КАКЪ ЭТО БЫЛО.

(Посвящено Майковымъ).

Лѣтомъ минувшимъ, при всходѣ румянаго солнца,
За городъ выѣхалъ я на прогулку. Селенье
Мирно, гляжу, почиваетъ надъ озеромъ яснымъ.
Дай, посѣщу рыбарей простодушныхъ обитель!
Глядь! анъ пуста ихъ смиренная хижина. — «Гдѣ же,
Добрые люди, жильцы этой хаты пустынной?» —
Тамъ, — отвѣчали мнѣ, — тамъ! — И рукой указали
Путь къ свѣтловодному озеру. Тихо спустился
Къ берегу злачному я, и узрѣлъ Николая —
Рыбаря мирнаго: въ мокрой одеждѣ у брега
Плотъ онъ сколачивалъ, тяжкія бревна ворочалъ;
Вѣтромъ власы его были разметаны; лѣсы,
Крючья и гибкія трости — орудія ловли —
Возлѣ покоились. Тутъ его юныя чада
Одаль недвижно стояли и удили рыбу,
Окомъ прилежнымъ слѣдя въ созерцаньѣ глубокомъ
Легкую дрожь поплавка и движеніе зыби.
Зналъ я ихъ: всѣ они въ прежнее время, бывало,
Съ высшимъ художествомъ знались, талантливы были,
Вѣдали книжное дѣло и всякую мудрость; —
Бросили все — и забавы, и жизнь городскую,
Утро и полдень и вечеръ проводятъ на ловлѣ.
Странное дѣло! — помыслилъ я — что за причина?
Только помыслилъ — челнокъ, погляжу, ужъ отчалилъ,
Влажнымъ лобзаньемъ цѣлуются съ озеромъ весла:
Самъ я не вѣдаю, какъ въ челнокѣ очутился.
Стали на якорѣ; дали мнѣ уду; закинулъ:
Бичъ власяной расхлеснулъ рябоватыя струйки,
Грузъ побѣжалъ въ глубину, поплавокъ закачался,
Словно малютка въ люлькѣ хрустальной; невольно

Я заглядѣлся на влагу струистую: сверху
Искры, а глубже — такъ мрачно, таинственно, чудно,
Точно какъ очи красавицы смотришь, и взору
Взоромъ любви глубина отвѣчаетъ, скрывая
Уды коварное жало въ загадочныхъ персяхъ.
Вдругъ — задрожала рука — поплавокъ окунулся,
Стукнуло сердце и замерло... Выдернулъ: окунь!
Бьется, трепещетъ на вѣрномъ крючкѣ и, сверкая,
Брызжетъ въ лицо мнѣ студеными перлами влаги.
Снова закинулъ... Ужъ солнце давно закатилось,
Лѣсъ потемнѣлъ, и затеплились Божьи лампады —
Звѣзды небесныя. Ловля еще продолжалась.
«Вашъ я отнынѣ, — сказалъ рыбакамъ я любезнымъ, —
Брошу невѣрную лиру и дѣву забуду —
Пѣтую мной темнокудрую, милую дѣву.
Богъ съ ней! скажу я, довольно страдалъ я напрасно, —
Или... быть можетъ... еще остается надежда:
Удой моей изловлю я измѣнницы сердце,
Если она изъ огня его бросила въ воду..,»

МАЛЕНЬКОЙ ЖЕННИ.

Вмѣсто куклы въ модномъ платьѣ,
Женни, вотъ тебѣ занятье:
Я принесъ мои стишки.
Ждать-ли мнѣ за это ласки?
Рада-ль ты? Горятъ-ли глазки?
Шевелятся-ли ушки?
Лепечи, пока малютка,
Риѳмы легкія шутя!
Скоро будешь институтка,
Скоро *выростешь*, дитя,

Разцвѣтешь, какъ цвѣтъ мохровый;
И къ тебѣ — не знаю кто —
Ужъ поэтъ напишетъ новый
И напишетъ ужъ не то.
Ты успѣешь въ той поэмѣ
Тайну милую постичь;
Вспомни, Женни, въ это время
Я ужъ буду старый хрычъ,
Иль косой саженью глубже
Буду тлѣть въ землѣ сырой.
Не забудь же — приголубь же
Хоть могильный камень мой!
Пусть надъ нимъ головку склонитъ
Женни рѣзвая слегка,
И привѣтная рука
Вѣтку зелени уронитъ
На могилу старика:

МОГИЛА ЛЮБВИ.

Въ груди у юноши есть гибельный вулканъ.
Онъ пышетъ. Міръ любви подъ пламенемъ построенъ.
Потомъ — прошли года: Везувій успокоенъ,
И въ пеплѣ погребенъ сердечный Геркуланъ;
Подъ грудой лавы спятъ мечты, любовь и ревность;
Кипѣвшій жизнью міръ теперь — сѣдая древность. —
И память, наконецъ, какъ хладный рудокопъ,
Врываясь въ глубину, средь тѣхъ развалинъ бродитъ,
Могилу шевелитъ, откапываетъ гробъ
И мумію любви нетлѣнную находитъ;
У мертвой на челѣ оттѣнки грезъ лежатъ,
Есть прелести еще въ чертахъ оцѣпенѣлыхъ,

Въ очахъ угаснувшихъ блестятъ
Остатки слезъ окаменѣлыхъ.
Изъ двухъ вѣнковъ, ей брошенныхъ въ удѣлъ,
одинъ давно исчезъ, другой все свѣжъ, какъ новый:
Вѣнокъ изъ розъ давно истлѣлъ,
И лишь одинъ вѣнокъ терновый
На вѣчныхъ язвахъ уцѣлѣлъ.

О ЕСЛИБЪ.

О, еслибъ зналъ я наперед,
Когда мой смертный часъ придетъ,
И зналъ, что тихо, безъ терзанья,
Я кончу путь существованья —
Я жилъ-бы легче и смѣлѣй,
Страдалъ и плакалъ веселѣй,
Не столькобъ жизнь мою злословилъ,
И постепенно бы готовилъ
Я душу слабую къ концу,
Какъ дѣву къ брачному вѣнцу, —
И каждый годъ, въ тотъ день извѣстный,
Собравъ кружокъ знакомства тѣсный
И пѣня дружескій бокалъ,
Себѣ я самъ-бы отправлялъ,
Среди отрадной вечеринки,
Въ зачетъ грядущаго поминки,
Чтобы потомъ не заставлять
Себя по смерти поминать, —
Въ послѣдній годъ, въ концѣ дороги,
Я свелъ бы всѣ свои итоги,
Провѣрилъ все: мои грѣхи,
Мою любовь, мои стихи,

Что я слагалъ въ тоскѣ по милой
(Прости мнѣ, Боже, и помилуй!)
И, можетъ быть, еще бы разъ,
Припомнивъ пару черныхъ глазъ,
Да злыя кудри дѣвы дальной,
Ей брякнулъ риѳмою прощальной.
Потомъ — всему и всѣмъ поклонъ!
И, осмотрясь со всѣхъ сторонъ,
Въ послѣдній разъ бы въ Божьемъ мірѣ
Раскланялся на всѣ четыре,
Окинулъ взоромъ неба синь.
Роднымъ, друзьямъ, въ раздумьѣ тихомъ
Сказалъ: не поминайте лихомъ!
Глаза сомкнулъ бы — и аминь!

НАПРАСНЫЯ ЖЕРТВЫ.

Степенныхъ мудрецовъ уроки затвердивъ,
Какъ вредны пламенныя страсти,
Съ усиліемъ я каждый ихъ порывъ
Старался покорить разсудка грозной власти;
Съ мечтой сердечною вступая въ тяжкій споръ,
Я чувству шелъ на перекоръ,
И, можетъ быть, порой чистѣйшее участье
Созданій, милыхъ мнѣ, враждебно отвергалъ,
И гдѣ меня искало счастье —
Я самъ отъ счастья убѣгалъ.

Разсудокъ хладный! — Долго, строго,
Я, не безъ горя, не безъ слезъ,
Тебѣ служилъ, и много много
Кровавыхъ жертвъ тебѣ принесъ;

Какъ въ тайну высшаго искусства,
Я вникъ въ ученіе твое —
И обокралъ святыню чувства,
Ограбилъ сердце я свое, —
И тамъ, гдѣ жизнь порывомъ сильнымъ
Изъ тѣсной рамы бытія
Стремилась видвинуться, я
Грозилъ ей заступомъ могильнымъ,
И, злой грозой поражена,
Стихала бѣдная она.

а жертвы трудныя, за горькія лишенья
ы чѣмъ мнѣ заплатилъ, холодный, жалкій умъ?
ажегъ ли мнѣ во тьмѣ свѣтильникъ утѣшенья
[много ли мнѣ далъ отрадныхъ, свѣтлыхъ думъ?
[съ рокомъ бился: что жъ? — Что вынесъ я изъ боя?
[жизнь ввѣрялъ тебѣ — и не жилъ я вполнѣ.
За жизнь мою ты далъ ли мнѣ
Хотя безжизненность покоя?
Нѣтъ, — дни туманные мои
Полны, при проблескахъ минутныхъ,
Печальныхъ грезъ, видѣній смутныхъ
И блѣдныхъ призраковъ любви.

ОТВѢТЪ

ia доставшійся автору въ игрѣ вопросъ, kakой цвѣтокъ желалъ бы онъ воспѣть?

Есть цвѣтокъ: его на лирѣ
Вѣчно бъ славить я готовъ.
Есть цвѣтокъ: онъ въ этомъ мірѣ

Краше всѣхъ другихъ цвѣтовъ.
То цвѣтокъ не однолѣтній:
Все милѣе, все привѣтнѣй
Онъ растетъ изъ году въ годъ,
И, плѣняя всю природу,
По восемьнадцатому году
Дивной прелестью цвѣтетъ.
Поднимается онъ статно,
Шейка гибкая бѣла,
А головка ароматна,
И кудрява, и свѣтла.
Онъ витаетъ въ свѣтѣ горнемъ,
И мечтательно живой
Онъ не связанъ грязнымъ корнемъ
Съ нашей бѣдною землей.
Не на стеблѣ при дорожкахъ
Неподвижно одинокъ —
Нѣтъ, на двухъ летучихъ ножкахъ
Вьется рѣзвый тотъ цвѣтокъ.
Отъ невзгодъ зимы упрямой
Жизнь его сохранена
За двойною плотной рамой
Осторожнаго окна —
И, безпечный, онъ не слышитъ
Бурь, свистящихъ въ хладной мглѣ:
Онъ въ свѣтлицѣ нѣгой дышитъ,
Рдѣетъ въ комнатномъ теплѣ.
Что за чудное растенье!
Тонокъ, хрупокъ каждый сгибъ,
Лишь одно прикосновенье —
И прекрасный цвѣтъ погибъ.
Увлекая ваши взоры,
Слабый, ищетъ онъ опоры...
Но — смотрите: онъ порой,
Нѣжный, розово-лилейный,

Дышитъ силой чародѣйной,
Колдовствомъ и ворожбой;
Полный прелестей, онъ разомъ
Сердце ядомъ напоитъ,
Отуманитъ бѣдный разумъ,
И прельститъ, и улетитъ.

СТАРОЙ ЗНАКОМКѢ.

Я васъ зналъ, когда мечтами
Вамъ окрылялся каждый часъ,
И жизнь волшебными цвѣтами,
Шутя, закидывала васъ.

Теперь, когда вы жизнь свою
Сдружили съ горемъ и бѣдами,
Я, вамъ не чуждый, передъ вами,
Какъ хладный памятникъ, стою.

Мой жребій съ вашимъ все несходенъ.
Донынѣ дороги вы мнѣ —
Я вамъ для памяти лишь годенъ:
Мы оба вѣрны старинѣ
Я, на плечахъ таская бремя
Моей все грустной головы,
Напоминаю вамъ то время,
Когда блаженствовали вы; —
А вы, въ отплату мнѣ, собою,
Движеньемъ взора своего,
Напоминаете порою
Всѣ муки сердца моего.

БЫТЬ МОЖЕТЪ.

Когда ты такъ мило лепечешъ: «люблю» —
Волшебное слово я жадно ловлю;
Оно мнѣ такъ ново, такъ странно, такъ чудно!
Не вѣрить — мнѣ страшно, а вѣрить мнѣ трудно.
Быть можетъ, ты сердца слѣдя моего
Одни безпредметно слѣпыя стремленья
И сжалясь надъ долей его запустѣнья,
Подумала; «дай, я наполню его!
Онъ милъ быть не можетъ, но тихо, безстрастно
Я буду питать его чувства порывъ;
Не болѣ, чѣмъ прежде, я буду несчастна,
А онъ... онъ, быть можетъ, и будетъ счастливъ!» —
И съ ангельской лаской, съ небеснымъ привѣтомъ
Ко мнѣ обратила ты дружескій взоръ —
И въ сердцѣ моемъ благодатно-согрѣтомъ
Всѣ радости жизни воскресли съ тѣхъ поръ.
О, ежели такъ — предъ судьбой безъ упорства
Смиряя заносчивыхъ думъ мятежи,
Готовъ я признать добродѣтель притворства,
Заслугу неправды, достоинство лжи,
Чрезъ добрую цѣль оправданіе средства,
Безгрѣшность коварства и благость кокетства.
Не зная, какъ сладить съ судьбой и людьми,
Я жилъ безотрадно, а ты, изъ участья
Несчастному кинувъ даяніе счастья,
Съ радушной улыбкой сказала: возьми!

О, ежели такъ — для меня ненавистенъ
Ядъ правды несносной и тягостныхъ истинъ,
Съ которыми свѣтъ мнѣ былъ мраченъ и пустъ,
Когда я, блаженства проникнутый дрожью,
До глупости счастливъ прелестною ложью
Твоихъ обаяньемъ помазанныхъ устъ.

МОСКВА.

Близко... Сердце встрепенулось;
Ближе... ближе... Вотъ видна!
Вотъ раскрылась, развернулась, —
Храмы блещутъ: вотъ она!
Такъ — она! — Давно-ль изъ пепла?
А взгляните: какова!
Встала, выросла, окрѣпла,
И по прежнему жива!
И кресты церквей далече,
Въ радость сердцу и очамъ,
Идутъ въ золотѣ на встрѣчу
Золотымъ небесъ лучамъ, —
И спокойный, величавый,
Бодрый сторожъ Русской славы —
Кремль — и красенъ, и великъ, —
И свѣтла, златовѣнчанна
Колокольня Іоанна
Движетъ звучный свой языкъ;
Только съ бурей поборолась —
Глядь! Опять въ лучахъ горитъ
И во весь свой мѣдный голосъ
Съ Бо́жьимъ небомъ говоритъ.

Городъ — досыта простору!
Городъ — есть на что взглянуть!
Городъ — подъ гору, да въ гору!
Такъ и этакъ повернуть!
Онъ не въ вытяжку, не стройно,
Но широко, но спокойно
На холмахъ по-барски легъ,
Далъ разгулъ своимъ палатамъ,
И разсыпался по скатамъ,

И раскинулся, какъ могъ.
Много прожилъ онъ на свѣтѣ,
Помнитъ предковъ времена,
И въ живомъ его привѣтѣ
На распашку Русь видна.

Русь... Блестящій въ чинномъ строѣ
Ей Петрополь — голова;
Ты ей — сердце ретивое,
Благодатная Москва!
Хладный, строгій, многодумный
Онъ воспитанникъ Петра,
Полнъ заботою разумной
О стяжаніи добра.
Онъ — питомецъ полуночи —
Къ морю Финскому проникъ;
У него Россіи очи,
Слухъ, и дума, и языкъ.
А она — Москва родная —
Въ грудь Россіи залегла
И въ себѣ роднаго края
Жилы жаркія сплела,
И богата Русской кровью,
И кипучею любовью
Къ славѣ Царской горяча,
Исполиновъ коронуетъ,
И трезвонитъ, и ликуетъ,
Бьетъ по всѣмъ струнамъ съ плеча;
Но когда ей угражаетъ
Силы вражеской напоръ,
Для себя сама слагаетъ
Славный жертвенный костеръ,
И враговъ завидя знамя,
Къ древней близкое стѣнѣ,
Повергается во пламя

И красуется въ огнѣ,
И, какъ Фениксъ, вылетая
Изъ трескучаго огня,
Снова блещетъ золотая,
Съ кликомъ: Русь: цѣлуй меня!

КІЕВЪ.

Въ ризѣ святости и славы,
Опоясанъ стариной,
Старецъ-кіевъ предо мной
Возблисталъ золотоглавый,
Здравствуй, старецъ величавый!
Здравствуй, труженникъ святой!

Здравствуй, Днѣпръ — поитель дивный
Незабвенной старины!
Чу! На звонъ моей струны
Сердце слышитъ плескъ отзывный
Удалой, многоразливной
Святославовской волны.

Здѣсь Владиміръ кругомъ тѣснымъ
Сыновей своихъ сомкнулъ,
И хоругви развернулъ,
И, наитьемъ полнъ небеснымъ,
Въ Днѣпръ, подъ знаменіемъ крестнымъ,
Русь-младенца окунулъ.

Днѣпръ — Перуна гробъ кровавый,
Путь нашъ къ Грекамъ! Не въ тебѣ-ль
Русской силы колыбель?

Ты — истокъ родной державы,
Водный поясъ нашей славы,
Наша крестная купель.

Ты спѣшишь въ порывѣ смѣломъ,
Краю сѣверному въ честь,
О дѣлахъ его дать вѣсть
Юга знойнаго предѣламъ,
И молву о царствѣ бѣломъ
Къ морю черному принесть.

Божьей милостью обильный
Кіевъ! Много тѣлъ святыхъ
Въ глубинѣ пещеръ твоихъ,
Полны жизни безмогильной,
И является Всесильный
Въ чудотворной силѣ ихъ.

Процвѣтай же, чуждъ гордынѣ,
Помня были и молясь!
Да въ вѣка переносясь
Не слабѣетъ, какъ донынѣ,
Русской славы со святыней
Небомъ скованная связь!

НАПРАСНО.

Напрасно, дѣва, бурю спрятать
Въ мятежномъ сердцѣ хочешь ты
И тайну пламенной мечты
Молчаньемъ вѣчнымъ запечатать:
Завѣтныхъ думъ твоихъ въ тайникъ

Давно взоръ опытный проникъ.
Признайся: мучима любовью
И въ ночь безсонницей томясь,
Младую голову не разъ
Метала ты по изголовью:
Не зная, гдѣ ее склонить,
Ты въ страстномъ трепетѣ хотѣла
Ее отъ огненнаго тѣла
Совсѣмъ отбросить, отдѣлить,
Себя отъ разума избавить
И только сердце лишь оставить
И только этимъ сердцемъ жить;
Слеза съ рѣсницъ твоихъ срывалась,
И ночь — наперсница любви —
Въ глаза лазурные твои
Своими черными впивалась,
Гордяся тѣмъ, что возрасло
Подъ темными ея крылами
Двумя лазурными звѣздами
Несмѣтныхъ звѣздъ ея число.
Едва уснувъ, ты пробуждалась,
Румянца заревомъ горя —
И ночь блѣднѣла и пугалась,
Спѣша къ отлету: ей казалось,
Что утра вспыхнула заря.

ВЪ АЛЬБОМЫ.

1.

(НАПИСАНО НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦѢ НЕПОЧАТАГО ЕЩЕ АЛЬБОМА).

Давно альбомъ уподобляютъ храму,
Куда текутъ поклонники толпой,
Гдѣ есть просторъ мольбамъ и ѳиміаму,
Зажженному усердною рукой,
Куда порой и хладное невѣрье
Вторгается въ обманчивой тиши...
Нѣтъ! Онъ не храмъ, — но, можетъ быть, преддверье
Къ завѣтной храминѣ души.

И первый я на чистыя ступени
Таинственной обители вхожу.
Я стану здѣсь. Довольно, что моленій
Допущенъ я къ святому рубежу!
Во слѣдъ за мной, по свѣтлому призванью,
Сюда придутъ съ обильной чувства данью
И перваго пришельца обойдутъ:
Избранники торжественно и прямо
Пройдутъ въ алтарь доступнаго имъ храма,
Гдѣ, можетъ быть, послѣдніе найдутъ
Ближайшій путь къ святынѣ сокровенной;
Откроется служенья стройный чинъ
И гимны раздадутся: я одинъ
На паперти останусь, оглашенный!

2.

(А. А. И—ОЙ).

Въ разлукѣ съ рѣзвыми мечтами
Давно часы я провожу,
И здѣсь — надъ свѣтлыми листами —
Я съ темной думою сижу.

Что жизнь?—я мыслю: листъ альбомный,
Который небо намъ даетъ;
Весь міръ — одинъ альбомъ огромный,
Гдѣ каждый впишетъ и уйдетъ.

Блаженъ кто несъ свою веригу,
Свой крестъ, — и, полный правоты,
Внесъ въ эту памятную книгу
Однѣ безгрѣшныя черты.

Блаженъ, кто, нисходя въ гробницу,
На память о своей судьбѣ
Безъ пятенъ легкую страницу
Умѣлъ оставить по себѣ.

Въ день оный книга разогнется
И станутъ надписи судить...
При этой мысли сердце бьется;
Я трепещу: мнѣ страшно жить.

И въ страхѣ бъ, съ трепетной душою
Входилъ я нынѣ въ вашъ альбомъ,
Когда бъ я зналъ, что надо мною
Вашъ грянетъ судъ и судный громъ.

Заранѣ впалъ бы я въ унылость...
Но — нѣтъ, — предчувствіе не лжетъ:
За грѣшный стихъ меня ждетъ милость,
Меня прощенье ваше ждетъ.

3.

(Л. Е. Ф.)

Есть два альбома. Предъ толпою
Всегда одинъ изъ нихъ открытъ,
И всякъ обычною тропою
Туда ползетъ, идетъ, летитъ.
Толпа несетъ туда дѣвицѣ —
Альбома свѣтлаго царицѣ —
Желаній нѣжные цвѣты,
И лести розовой водицей
Кропитъ альбомные листы,
Тамъ есть мечты, стихи, напѣвы
И всякій вздоръ... Но есть другой
Альбомъ у дѣвы молодой:
Альбомъ тотъ — сердце юной дѣвы.
Сперва онъ весь, какъ небо, чистъ;
Вы въ немъ ни строчки не найдете;
Не тронутъ ни единый листъ
Въ его багряномъ переплетѣ.
Онъ — тайна вѣчная для насъ;
Толпа сей книжки не коснется;
Для одного лишь въ нѣкій часъ
Она украдкой развернется, —
И счастливъ тотъ, кто вензель свой,
Угодный ангелу-дѣвицѣ,

Нарѣжетъ огненной чертой
На первой розовой страницѣ!

4.

(Е. Н. Ш—ОЙ.)

Тонетъ въ сумракѣ тумана
Утра Божьяго краса.
Тѣни облачныя! Рано
Вы мрачите небеса.

Рано въ утренніе годы.
Оградясь щитомъ мольбы,
Ты ужъ вѣдаешь невзгоды
Испытующей судьбы, —
И младенческія руки,
Пробѣгая по струнамъ,
Рвутъ съ нихъ огненные звуки, —
И, вѣщательница, намъ
Въ этихъ звукахъ, въ ихъ раскатахъ,
Не успѣвъ еще разцвѣсть,
Ты приносишь объ утратахъ
Сокрушительную вѣсть.

Пой, пѣвица! — Путь твой тѣсенъ,
Но просторна жизни даль.
Лейся въ звукахъ стройныхъ пѣсенъ,
Вдохновенная печаль!
Даръ не тщетный, не случайный,
Данъ душѣ твоей: она
Въ гармоническія тайны

Отъ небесъ посвящена, —
И вкушая пѣсенъ сладость
Полныхъ грустію твоей,
Позавидуетъ имъ радость:
Не пѣвать такъ сладко ей!
Вѣрь: страданью срокъ наступитъ.
Пой, лелѣй небесный даръ!
Вѣрь: судьба сама искупитъ
Свой ошибочный ударъ.
Небо утреннее рано
Для того одѣлось въ тѣнь,
Чтобъ изъ тѣни изъ тумана
Вывесть ярче красный день.

ВАЛЬСЪ.

Все блеститъ: цвѣты, кенкеты,
И алмазъ, и бирюза,
Люстры, звѣзды, эполеты,
Серги, перстни и браслеты,
Кудри, фразы и глаза.
Все въ движеньѣ: воздухъ, люди,
Ленты, блонды, плечи, груди,
И достойныя вѣнца
Ножки съ тайнымъ ихъ обѣтомъ,
И страстями и корсетомъ
Изнуренныя сердца.

Бурей вальса утомленный
Кругъ, рѣдѣя постепенно,
Много блеска своего
Уже утратилъ. Средь разгара

Откружась, за парой пара
Отпадаетъ отъ него.
Это — вихремъ относимый
Прахъ съ алмазнаго кольца.
Пыль съ жемчужной діадимы,
Осыпь съ царскаго вѣнца; —
Это — искры звѣздъ падучихъ,
Что порой въ кругахъ летучихъ
Просѣкая небеса,
Брызжутъ въ области земныя; —
Это — блестки отсыпныя
Переливчато-цвѣтныя
Съ огневаго колеса.

Вотъ осталась только пара,
Лишь *она* и *онъ*. На ней
Бѣлый глазъ — подобье пара;
Онъ — весь въ черномъ — тучъ чернѣй.
Геній тьмы и духъ эдема,
Мнится, рѣютъ въ облакахъ,
И Коперника система
Торжествуетъ въ ихъ глазахъ:
Очевидно міръ вертится,
Все вращается, кружится,
Все въ предѣлахъ естества —
Вѣчный вальсъ! — Смычки живѣе
Сыплютъ громъ; чета быстрѣе
Въ новомъ блескѣ торжества
Вьется рѣзвыми кругами,
И плотнѣй свились крылами
Два летучихъ существа.
Тщетно хочетъ чернокрылый
Удержать полетъ свой: силой
Непонятною влекомъ,
Какъ надъ бездной океана,

Онъ летитъ въ слояхъ тумана
Весь обхваченный огнемъ.
Въ сферѣ радужнаго свѣта,
Сквозь хаосъ и огнь и дымъ,
Онъ несется, какъ планета,
Съ яснымъ спутникомъ своим
Тщетно бѣлый херувимъ
Ищетъ силы иль заклятій
Разломить кольцо объятій;
Грудь томится, рвется рѣчь,
Мрутъ безплодныя усилья,
Надъ огнемъ открытыхъ плечъ
Вѣютъ блондовыя крылья,
Брызжетъ локоновъ рѣка,
Въ персяхъ мѣста нѣтъ дыханью.
Воспаленная рука
Крѣпко сжата адской дланью,
А другою — горячо
Ангелъ, въ ужасѣ паденья,
Держитъ демона круженья
За желѣзное плечо.

КАКЪ ХОРОША!

Передъ нею умиленьемъ
Свято теплилась душа,
И, проникнутъ упоеньемъ,
Я шепталъ съ благоговѣньемъ:
Боже мой! Какъ хороша!

Но чрезъ мигъ предъ милымъ ликомъ,
Страстнымъ пламенемъ дыша,
Трепеща въ восторгѣ дикомъ
Палъ я ницъ, съ безумнымъ крикомъ
Чортъ возьми! какъ хороша!

1842—1850.

Da lebte mir der Baum, die Rose,
Mir sang der Quellen Silberfall;
Es fühlte selbst das Seelenlose
Von meines Lebens Widerhall.

Schiller.

И ТЩЕТНО ВСЕ.

Казалось мнѣ: довольно я томился.
Довольно мнѣ, сказалъ я, милыхъ пѣть!
Мой день любви на вѣки закатился —
И — Богъ съ нимъ! Пусть! Чего о немъ жалѣть?

Пришла пора степеннаго раздумья;
Довольно мнѣ струной любви бренчать,
И титуломъ торжественнымъ безумья
Ребяческую глупость величать!

Завѣтныхъ ласкъ во вѣкъ неудостоенъ,
Я началъ жить безъ тайныхъ сердца смутъ,
Безстрастно-твердъ, безрадостно-спокоенъ...
Что счастье? — Вздоръ! — Безъ счастія живутъ.

Я забывалъ минувшія страданья, —
И молодость отправя въ темну даль,
Я ей сказалъ: прости — не до свиданья!
Нѣтъ, мнѣ тебя, напрасная, не жаль.

Я оцѣнилъ и тишь уединенья,
Отрадный сонъ и благодатный трудъ,
И въ тайный часъ, слезами вдохновенья
Я доливалъ мой жизненный сосудъ.

Безъ бурнаго, мучительнаго пылу
Я созерцалъ всѣ міра красоты,
И тихую высматривалъ могилу,
Вѣнокъ и крестъ... И вдругъ явилась ты!

И долго я упорствовалъ безмолвно,
Предъ чувствами разсудка ставилъ грань,
И къ сердцу я взывалъ: ну, полно, полно!
Не стыдно-ли? — Уймись-же! Перестань!

И холодомъ притворнаго безстрастья
Я отвѣчалъ вниманью твоему;
Замкнувъ глаза передъ улыбкой счастья,
Я все хотѣлъ не вѣрить ничему.

И тщетно все: я трепетнаго сердца
Угомонить, усовѣстить не могъ.
И тщетно все: подъ маскою безвѣрца
Лучъ вѣры тлѣлъ и сказывался Богъ.

УЖИНЪ У КАРДИНАЛА РИШЕЛЬЕ.

(Комната въ гостиницѣ, на дорогѣ изъ Парижа въ Рюэль, гдѣ находится загородный домъ кардинала-министра. Въ каминѣ разведенъ огонь. Пожилой человѣкъ сидитъ у камина и просушиваетъ измокшую свою одежду. Это — Гоше, незначительный парижскій ремесленникъ изъ улицы Сен-Дени. Отъ времени до времени видны проблески молніи и слышны раскаты грома).

ГОШЕ. *(одинъ).*

Какая буря! Чортъ возьми!
Досадно! Вотъ и остановка!
Вотъ такъ-то съ бѣдными людьми

Всегда бываетъ: все неловко.
Все не подъ стать, вездѣ бѣда.
Самъ Богъ немилостивъ къ нимъ — да!
Гдѣ нужно вёдро — шлетъ имъ бурю:
Знать не для бѣдныхъ созданъ свѣтъ!
(Молнія и громъ).
Ишь — какъ блеститъ, гремитъ. — Да нѣтъ!
Ужъ я глаза себѣ зажмурю
И уши наглухо заткну,
А до Рюэля донырну,
Хоть въ море обратись дорога!
Чай, мулъ мой отдохнулъ немного
Теперь въ конюшнѣ — свѣжихъ силъ
Себѣ подбавилъ. Въ самомъ дѣлѣ
Къ чему-жъ заранѣ я унылъ?
Вѣдь къ сроку будужъ я въ Рюэлѣ!
(Входитъ проѣзжій въ мокрой одеждѣ).

НЕЗНАКОМЕЦЪ *(не видя Гоше).*

Э! Время терпитъ. Отдохну
Въ гостиницѣ.
(Подойдя къ камину и увидя Гоше).
Ахъ, извините!
Я думалъ: я одинъ здѣсь...

ГОШЕ.

Ну,
Такъ чтожъ такое? — Стулъ берите,
И сядемъ вмѣстѣ у огня.
Вѣдь вы проѣзжіе здѣсь, я — то же.
Вы не помѣха для меня.
Притомъ, я тотчасъ ѣду...

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Боже!

Въ такую бурю?

(въ сторону).

Какъ онъ милъ
И простъ, и вѣжливъ въ обращеньѣ!

ГОШЕ.

Чтожъ дѣлать? Я-бы не спѣшилъ,
Когда-бъ не крайность. Приглашенье
Такое важное! Вовѣкъ
Не ожидалъ... да вотъ — поди-же!
Да придвигайте стулъ поближе!

НЕЗНАКОМЕЦЪ *(въ сторону).*

Уже-ли знатный человѣкъ?
Въ немъ вовсе нѣтъ дворянской спѣси.
Я думалъ — онъ изъ нашей смѣси
Простонародной.

ГОШЕ.

Я спѣшу
Въ Рюэль, — и васъ сказать прошу:
Куда вашъ путь?

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Да я — туда же —
Въ Рюэль. Притомъ скажу вамъ даже —
И я по крайности почти.

ГОШЕ.

Такъ вотъ — намъ вмѣстѣ-бъ по пути!
Я — человѣкъ нецеремонный, —
И если вы такъ благосклонны...

НЕЗНАКОМЕЦЪ *(въ сторону).*

Когда-бъ онъ зналъ кто я!

(въ слухъ).

Весьма
Пріятно ваше предложенье;
Но — этой бури кутерьма
Меня пугаетъ. Приглашенье,
Сказали вы, торопитъ васъ.
Меня-жъ въ Рюэль влечетъ приказъ.
Я тороплюсь по тяжкой службѣ,
Которой силъ нѣтъ выносить.
А вы?.. Могу-ли я спросить?..

ГОШЕ.

Да какъ сказать-то вамъ? — По дружбѣ
Недавней, новой для меня!
Въ Рюэлѣ, съ нынѣшняго дня,
Какимъ-то случаемъ, мнѣ темнымъ,
Попасть я долженъ въ знатный кругъ.

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Позвольте... Быть боюсь нескромнымъ
Черезъ такой вопросъ... Вашъ другъ...
Онъ кто такой?

ГОШЕ.

Не бойтесь! — Тайны
Тутъ нѣту. Это такъ — случайно
Все вышло. Переходъ мой быстръ.

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Такъ кто-же?..

ГОШЕ.

Кардиналъ-министръ,
Самъ Ришелье. Да.

НЕЗНАКОМЕЦЪ (*встаетъ*).

Извините!

А я такъ запросто...

ГОШЕ.

Сидите!

Все вздоръ! Не лѣзть-же мнѣ въ князья
Иль графы! — Выслушайте: я
Мѣщанъ лишь знаю, — нашу братью,
И не якшался вѣкъ со знатью.
Куда мнѣ? — Боже упаси!
У герцеговъ Монморанси
Служили, правда, поварами
Отецъ и дѣдъ мой: вотъ вся связь
Моя со знатными домами —
И та — злой казнью прервалась
Надъ герцогомъ. — Я просто — скудный
Ремесленникъ парижскій. Тутъ,
Я говорю вамъ, случай чудный —
И только. Вдругъ мнѣ подаютъ
Записку. Развернулъ: зовутъ
Меня... не знаю — видно нуженъ
Я кардиналу сталъ... на ужинъ
Къ нему сегодня. Боже мой!
Все закружилось въ околодкѣ;
Кричатъ, разинулись всѣ глотки:
«Смотрите! Экой вѣдь какой
Гоше — счастливецъ-то на свѣтѣ»!
Я одурѣлъ. Жена и дѣти
Засуетились, и сейчасъ
Давай мнѣ туалетъ мой ладить,
Скоблить и чистить, мыть и гладить;
Все приготовили какъ разъ.
Гляжу: ну просто — чародѣйство!
Вы понимаете? У васъ,

Быть можетъ, также есть семейство,
Которое васъ любитъ, ждетъ...

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Жена и дѣти есть.

ГОШЕ.

Ну вотъ —
Какъ насъ судьба во всемъ сближаетъ!
Такъ ваше сердце понимаетъ,
Что чувствуетъ теперь мое!
Да, — быть кому Господь назначилъ
Отцемъ... Позвольте — какъ я началъ
Разсказъ-то? — Да! Мой фракъ, бѣлье —
Все приготовлено, и стекла
Очковъ протерты — ну, взглянуть,
Такъ любо! — Снарядился въ путь —
И вотъ — извольте! — все промокло
Насквозь. Чай, бѣдная жена
И дочери теперь въ тревогѣ,
Но я не стану на дорогѣ —
Нѣтъ, я до цѣли доберусь,
Хоть мокрой курицей явлюсь
На приглашенье кардинала
Съ нимъ ужинать. Такая честь,
Вы согласитесь, вѣдь не мало
И пользы можетъ мнѣ принесть
Существенной: мои дѣлишки
Поправятся, теперь нужда
И недостатки, — а тогда,
Надѣюсь, будутъ и излишки.
Тогда и ближнимъ услужу,
Жену, дѣтей принаряжу;
Гордиться — *право*, я не буду,

И васъ, повѣрьте, не забуду
При случаѣ.
(подаетъ незнакомцу руку).
Коль у Двора
Упрочу я себѣ мѣстечко —
Въ виду имѣйте человѣчка!
Однако мнѣ пора, пора!
Прощайте! Продолжать бесѣду
Мнѣ больше нѣкогда. Я ѣду.
(Гоше надѣваетъ на себя верхнюю одежду, беретъ шляпу встряхивается и оправляется, а между тѣмъ незнакомец разсуждаетъ самъ съ собою).

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Мнѣ жаль его. Какой добрякъ!
За что погибнетъ онъ? — Конечно —
За вздоръ! И какъ безчеловѣчно
Смѣются! — Ужинать бѣднякъ
Готовится и ожидаетъ
Великихъ милостей; семья
Его съ восторгомъ провожаетъ
Въ дорогу... Боже мой! И я
Быть долженъ гибельнымъ орудьемъ
Подобныхъ дѣлъ! И правосудьемъ
Зовутъ ихъ! — Нѣтъ, — не потерплю!
Нѣтъ! Я его остановлю.
(громко къ уходящему Гоше)
Послушайте! эй, воротитесь!

ГОШЕ *(остановясь въ дверяхъ).*
Но... я спѣшу.

НЕЗНАКОМЕЦЪ.
Не торопитесь!
Два слова выслушайте!

ГОШЕ *(возвращаясь)*.

Я
Васъ слушаю.

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Душа моя
Полна невольнымъ къ вамъ участьемъ.
Не думайте, что васъ за счастьемъ
Зовутъ въ Рюэль! На ужинъ тамъ
Людскою кровью хлѣбы мѣсятъ.
Туда опасно ѣхать вамъ.

ГОШЕ.

Чтожъ мнѣ тамъ будетъ?

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Васъ — повѣсятъ.

ГОШЕ.

О, это слишкомъ ужъ... За что?

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Да такъ. Быть можетъ и за то,
Что вы Монморанси жалѣли
Казненнаго.

ГОШЕ.

О, слова нѣтъ!
Жалѣлъ. Вѣдь мой отецъ и дѣдъ
При кухнѣ герцоговъ имѣли
Мѣста и должность, и всегда
Превозносили ихъ. О, да!
Какъ не жалѣть? Притомъ казненный
Такой былъ добрый, благосклонный
Къ намъ — бѣднякамъ.

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Быть можетъ, вслухъ
Вы сожалѣли, хоть невольно?

ГОШЕ.

Да, помнится, — но лишь при двухъ
Иль трехъ пріятеляхъ.

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Довольно —
И даже слишкомъ.

ГОШЕ.

Неужель
Изъ этого весь случай вышелъ?
Я говорилъ тайкомъ.

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Онъ слышалъ.

ГОШЕ.

Издалека...

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Дошло въ Рюэль.

ГОШЕ.

Помилуйте! Вѣдь каждый дышитъ,
Вздыхаетъ...

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Кардиналъ все слышитъ.

ГОШЕ.

Да развѣ страшенъ я ему?

Что мой ему ничтожный говоръ?
Я говорилъ лишь потому,
Что мой отецъ — любимый поваръ
Былъ герцога. Поплакалъ я,
Ручей изъ глазъ невольно вытекъ,
А то мнѣ что? — Я не политикъ
И дѣлъ ихъ хитрыхъ не судья.
Что мнѣ политика? Да рухни
Она совсѣмъ!

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

А Иногда
У кардинала не чужда
Она ни поваровъ, ни кухни.
Онъ зорко смотритъ и туда,
И тамъ все чуетъ слышитъ, видитъ.
Вы плакали: онъ ненавидитъ
И смѣхъ, и слезы. Ни того,
Ни этого, и ничего —
Не нужно.

ГОШЕ.

Знаете его,
Какъ видно, вы весьма подробно.

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Да. Мнѣ разсматривать удобно
Его съ изрядной высоты
При зрѣлищахъ его любимыхъ.
Его трудовъ неутомимыхъ
Я вникнулъ въ красныя черты.

ГОШЕ.

Но ктожъ вы? Мнѣ понять васъ трудно;
Все это странно мнѣ и чудно.

Я столько вижу тутъ задачъ
Мудреныхъ. Боже мой! — Откройтесь!
Скажите: кто вы?

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Я — палачъ.

(*Гоше въ ужасѣ отступаетъ*).

Нѣтъ, это ничего, не бойтесь.
За откровенность вашу я
Вамъ заплачу теперь своею.
Дѣйствительно, судьба меня
Сближаетъ съ вами, Я имѣю,
Какъ вы, призваніе въ Рюэль.
Въ одну и ту же мѣтя цѣль,
Отъ общей бури мы укрылись
Въ одной гостиницѣ, — и вотъ —
Мы здѣсь сошлись, разговорились,
И — сердце сердцу вѣсть даетъ.
Скажу, откинувъ лицемѣрье,
Мнѣ кажется, я вамъ довѣрье
Къ себѣ внушилъ, и вы мнѣ то-жъ.
При первомъ взглядѣ узнаешь
Иного, и готовъ до гроба
Ему служить. Семейны оба
Мы съ вами, счастливы въ семьяхъ,
И въ небольшихъ живемъ кругахъ —
Въ простонародьѣ, — но со знатью
Подъ-часъ знакомятъ нашу братью.
Вотъ вы на ужинъ собрались
Блестящій, гдѣ межъ господами
Сидѣть предполагали сами;
Но — вы мечтою увлеклись,
И были-бъ жертвой вѣроломства;
Мои-жъ со знатными знакомства
Извѣстны всѣмъ. Кровавый путь

Назначенъ мнѣ судьбой моею:
Предъ ними всѣ сгибаютъ шею —
Я-жъ долженъ самъ имъ шеи гнуть
Моими рабскими руками.
Мы оба съ челядью въ смѣси:
Отецъ и дѣдъ вашъ поварами
У герцоговъ Монморанси
Служили; самъ я былъ въ работѣ
При герцогѣ, на эшафотѣ
Ему служа въ послѣдній разъ.
Теперь въ Рюэль — вы все сравните —
Вы быть повѣшеннымъ спѣшите:
Туда-жъ я призванъ вѣшать васъ.
Но — нѣтъ! Я лучше самъ въ удавку
Пойду! Ужъ я давно хотѣлъ
Проситься въ чистую отставку
Отъ множества нечистыхъ дѣлъ.
Злодѣевъ истинныхъ не мало:
Пусть ихъ-бы!.. Обществу служить
Вѣдь надо-жъ чѣмъ-нибудь — и жить
Съ семействомъ; но у кардинала
Такія прихоти порой,
Что я не въ силахъ... Онъ игрой
Считаетъ это!.. Поѣзжайте
Скорѣй въ Парижъ — въ обратный путь,
А тамъ и дальше какъ-нибудь,
И никому не открывайте,
Что здѣсь вы видѣлись со мной,
Ни даже искреннему другу, —
Иль я погибну за услугу.
Кадошъ-палачь.

ГОШЕ (*съ чувствомъ пожимая ему руку*)

Спаситель мой!
(*Поспѣшно удаляется*).

ДВА КЛАДА.

Старый Янъ имѣлъ два клада
Недоступныхъ никому,
И одна была отрада
Въ нихъ на старости ему.

Первый кладъ, что рыцарь въ латахъ,
Былъ — окованный сундукъ,
Гдѣ чистѣйшее въ дукатахъ
Береглось отъ хищныхъ рукъ.

Кладъ второй была младая
Свѣтлоликая жена,
Чистотою — ангелъ рая,
Обольщеньемъ — сатана.

Два голландскіе алмаза —
Глазки; глазки — у! — бѣда!
Грудь — фарфоровая ваза;
Зубы — перлы въ два ряда.

И цѣня такія блага,
И не вѣдая утратъ,
Посвятилъ имъ старый скряга
Хилыхъ дней своихъ закатъ.

Все сочтетъ — сундукъ завѣтный
Закрѣпитъ тройнымъ замкомъ,
Подрожитъ — и, непримѣтный,
Ускользаетъ вонъ тайкомъ.

Послѣ старческія ласки
Онъ женѣ своей даритъ,

Подойдетъ, ей взглянетъ въ глазки
И лукаво погрозитъ.

То, какъ цѣнный самородокъ.
Кудри взвѣситъ на рукѣ.
То возьметъ за подбородокъ,
Или погладитъ по щекѣ.

Кладъ и этотъ цѣль — онъ видитъ,
И старикъ безмѣрно радъ,
Подрожитъ, и скорчась выйдетъ,
Но замкнетъ и этотъ кладъ.

Между тѣмъ проходятъ годы,
Онъ дряхлѣетъ каждый мигъ,
И могильный зовъ природы
Слышитъ трепетный старикъ.

Жалко старому два клада
Бросить въ мірѣ, — пріунылъ.
Первый кладъ онъ въ уголъ сада
Ночью снесъ и тамъ зарылъ.

Не ходи въ людскую руку!
Спи тутъ! Дѣло рѣшено...
Но — куда другую штуку
Скроешь? — Вотъ что мудрено.

Какъ бы женку-то припрятать?
Какъ бы эту запереть
И замкнуть, и запечатать,
А потомъ ужъ умереть.

Вотъ, давай ее онъ кликать:
«Душка! Эй, поди сюда!

Жаль мнѣ — будешь горе мыкать:
Я умру — тебѣ бѣда!

«Ты слыхала-ль отъ сосѣдокъ?
Вѣдь другіе-то мужья
Женъ своихъ и такъ, и этакъ...
Ужъ совсѣмъ не то, что я!

«Ты была мнѣ, что невѣста,
Отъ вѣнца до этихъ поръ;
Я тебѣ и честь, и мѣсто,
Да и двери на запоръ.

«А умру: подобной чести
Не дождешься никогда.
Знаешь что? — Умремъ-ка вмѣстѣ!
Смерть вѣдь, право, не бѣда.

«Согласись, мой розанъ алый!
Средство мной ужъ найдено.» —
Та въ отвѣтъ ему: — пожалуй!
Хоть умремъ — мнѣ все равно. —

«Ну, такъ — завтра. Ты покайся
Прежде мнѣ, открой себя:
Вѣдь сосѣдъ-то нашъ, признайся,
Подговаривалъ тебя»?

— Что таить коль дѣло къ смерти?
Я не отопрусь никакъ. —
«Ишь сосѣди! Эки черти?
Я ужъ зналъ, что это такъ.

«Онъ хотѣлъ тебя, какъ видно,
Увезти: скажи, мой свѣтъ!»

— Да, но мнѣ казалось стыдно...
У него-жъ деньжонокъ нѣтъ;

Самъ раздумаетъ, бывало,
Да и скажетъ: подождемъ!
Вѣдь у скряги-то не мало
Кой-чего — мы все возьмемъ.

«Ахъ, бездѣльникъ голоперый!
Ишь — такъ вотъ онъ до чего!
Человѣкъ-то сталъ я хворый,
А не то — ужъ я-бъ его!»

— Успокойся-же, папаша! —
Яну молвила жена:
— Вспомни, завтра участь наша
Будетъ смертью рѣшена.

Ты и самъ, быть можетъ, грѣшенъ.
Какъ меня ты запиралъ
И замокъ тутъ былъ привѣшенъ —
Ты куда ходилъ? — «Въ подвалъ.»

— Можетъ, душенька какая
Тамъ была... признайся, хрычъ!
Тяжкій грѣхъ такой скрывая,
Адской муки не накличь!

Вѣдь изъ аду ужъ не выйдешь!
Чтожъ тамъ было? — «Ну... дитя»...
— Незаконное? — вотъ видишь!
Говори-ка не шутя!

Грѣшникъ! Богъ тебя накажетъ.
«Что ты, дурочка? — Мой сынъ

Мной не прижитъ былъ, а нажитъ —
Не отъ этакихъ причинъ.»

Призадумалась въ кручинѣ
Женка Яна; а супругъ
Продолжалъ ей рѣчь о сынѣ,
Разумѣя свой сундукъ.

«Мой сынокъ въ пыли валялся,
Былъ въ оковахъ, мерзъ зимой;
Часомъ звонко отзывался,
Желтоглазый былъ такой;

«Не гульбу имѣлъ въ предметѣ,
На подъемъ не легокъ былъ, —
И — ужъ нѣтъ его на свѣтѣ:
Я его похоронилъ.

Тутъ порывъ невольный взгляда,
При улыбкѣ старика,
Обратился въ уголъ сада
На могилу сундука.

— Что туда ты смотришь зорко? —
Подхватила вдругъ жена.
— Тамъ — въ углу какъ будто горка:
Не могилка-ль тамъ видна?

Не сынокъ-ли твой положенъ
Тамъ, куда ты такъ взглянулъ? —
Янъ замялся — и встревоженъ,
Помолчавъ, рукой махнулъ!

«Все земля возьметъ. — И сами
Вы съ нея въ нее пойдемъ.

Послѣ всѣ пойдутъ за нами;
Тѣ всѣ порознь, мы — вдвоемъ.

Завтра кончимъ!» — Но настало
Божье утро, Янъ глядитъ:
Женки словно не бывало,
Уголъ сада весь разрытъ.

Что-то хуже смерти хлада
Онъ почуялъ и дрожитъ.
Вдругъ пропали оба клада,
На столѣ письмо лежитъ.

Ужасъ кровь ему морозитъ...
То рука жены его:
«Твой сосѣдъ меня увозитъ
Съ прахомъ сына твоего».

КОКЕТКА.

Съ какой сноровкою искусной
Она, вздыхая тяжело,
Какъ-бы въ задумчивости грустной,
Склонила томное чело,
И прислонясь къ рукѣ уныло
Головкой хитрою своей,
Прозрачны персты пропустила
Сквозь волны дремлющихъ кудрей.

За чтожъ прелестницу злословью
Ты предаешь, о злобный свѣтъ?
Добытъ трудомъ и купленъ кровью

Вѣнокъ нелегкихъ ей побѣдъ.
Въ сей жизни горестной и скудной
Она свершаетъ подвигъ трудной.

Ей нѣтъ наградъ въ святынѣ чувства:
Ей предназначено въ удѣлъ —
Жить не для счастья — для искусства
И для художественныхъ дѣлъ:
Влюбленныхъ душъ восторгъ и муку
Прилежно разлагать въ науку,
Какъ книгу — зеркало читать,
Въ немъ терпѣливо изучать
Природы каждую ошибку,
Къ устамъ примѣривать улыбку,
И ясно видѣть надъ собой
Грабежъ годовъ, временъ разбой.

Чтожъ? — Погруженный въ созерцанье
Своихъ безжизненныхъ суетъ,
Ты понялъ-ли, холодный свѣтъ,
Кокетки тяжкое призванье
И оцѣнилъ-ли ты его,
Когда — страдалица — порою
Играла мерзлою корою
Пустаго сердца твоего,
И этотъ ледъ насквозь пронзала,
Его дробила какъ гроза,
И эти дребезги бросала
Тебѣ-жъ въ нечистые глаза?
И ты-ль дашь мѣсто укоризнѣ,
Что колдовствомъ коварныхъ силъ
Она хоть тѣнь, хоть призракъ жизни
Старалась вызвать изъ могилъ
Хоть чѣмъ-нибудь, — соблазновъ, ложью,
Поддѣльной въ этихъ персяхъ дрожью,

Притворнымъ пламенемъ въ крови,
Притравой жгучей сладострастья,
Личиной муки, маской счастья,
Каррикатурою любви?

ОБВИНЕНІЕ.

И твой мнѣ милый ликъ запечатленъ виной.
Неотразимое готово обвиненье.
Да, — ты виновна предо мной
Въ невольномъ, страшномъ похищеньѣ.
Однимъ сокровищемъ я въ мірѣ обладалъ,
Гордился имъ, надъ нимъ рыдалъ,
Его таилъ отъ взоровъ свѣта
Въ непроницаемой глуши,
Таилъ — подъ рубищемъ поэта
На днѣ измученной души.
Ты унесла его лукаво:
На лоно счастія мнѣ голову склоня,
Ты отняла на вѣки у меня
Мое великое, единственное право:
То право — нѣкогда, кончая жизни путь,
Съ усмѣшкой горькою на прошлое взглянуть,
На все, что рокъ мнѣ въ мірѣ заповѣдалъ,
На все, что зналъ и проклялъ я,
И съ торжествомъ сказалъ друзьямъ моимъ: друзья!
Вотъ жизнь моя! Я счастія не вѣдалъ.
Теперь — застѣнчиво я буду умирать.
Начавъ минувшаго черты перебирать,
Блаженства образъ я увижу
Среди моихъ предсмертныхъ грезъ,
И мой послѣдній часъ унижу

До сожалѣнья и до слезъ, —
И въ совѣсти упрекъ родится безпокойный:
Зачѣмъ я, счастья недостойный,
Сосудъ его къ устамъ горящимъ приближалъ?
Зачѣмъ не умеръ я, въ тоскѣ перегорая?
Зачѣмъ у неба похищалъ
Частицы божескаго рая?
И боязливо я взгляну на небеса,
И остывающей рукою
Съ послѣднимъ трепетомъ прикрою
Слезами полные глаза.

ЮНОЙ МЕЧТАТЕЛЬНИЦѢ.

Милое созданіе! Мечтая,
Вѣруешь ты въ счастье. Каждый шагъ
Для тебя — надежда золотая.
Думаешь: вотъ это будетъ такъ,
Это — этакъ; думаешь: природа
Заодно съ твоимъ желаньемъ; ждешь,
Что часы, гдѣ нужно, сбавятъ хода,
День помедлитъ, если онъ хорошъ;
Ну, куда спѣшить ему! Догонитъ
Срокъ свой послѣ! А ужъ онъ и прочь,
И глухая, сумрачная ночь,
Какъ могила, все въ себѣ хранитъ;
И смотря, какъ набѣгаетъ тѣнь
На твои слезящіяся очи,
Становлюсь я самъ темнѣе ночи,
И досадно мнѣ, что я — не день:
Я бы медлилъ какъ тебѣ угодно,
Или шелъ скорѣй ужъ заодно,

Для меня же это все равно:
И спѣшу и медлю я безплодно.
Не свожу я глазъ съ очей твоихъ,
Слушая твоихъ мечтаній сказки;
Кажется, съ устами вмѣстѣ, глазки
Мнѣ твои разсказываютъ ихъ;
Кажется, я слушаю глазами,
Понимая этотъ милый бредъ
Не умомъ, но сердцемъ прошлыхъ лѣтъ,
И подъ-часъ расхлынулся-бъ слезами.
Но — довольно! Ихъ давно ужъ нѣтъ.
Понимаю этотъ лепетъ странный;
Онъ проникнутъ нѣгой и огнемъ;
Понимаю — рѣчь идетъ о *немъ*...
Имени не нужно... безъ-имянный!
Онъ — да, *онъ*... кого твой ищетъ взоръ
Тамъ и здѣсь. Всѣ свойства неземныя
Ты ему приписываешь... Вздоръ!
Все пустое! — За мечты златыя,
Можетъ быть, заплатишь ты потомъ
Горькою существенностью... «Что же?
Не открыть-ли истину ей?» — Боже!
Нѣтъ! Мнѣ жаль. Пускай хоть райскимъ сномъ
Насладится! — Нѣтъ! — И между прочимъ
Думаю: храни ее, Творецъ!
Что же такое? — Не отецъ
Для нея, — однакожъ и не вотчимъ,
И не бичъ. — Въ развитьѣ этихъ лѣтъ
Надъ кипучимъ, жизненнымъ истокомъ
Ощипать очарованья цвѣтъ
Ледянымъ, убійственнымъ урокомъ!
И урокъ подѣйствуетъ ли? Нѣтъ!
Онъ ее напрасно лишь помучитъ.
Осени повѣритъ ли вёсна?
Мнѣ-ль учить? — Есть мачиха: она

Жизнію зовется — та научитъ; —
И кивая головой тогда,
Я разсказъ мечтательницы милой
Слушаю, и шопотомъ: да, да —
Говорю, — а та съ растущей силой
Продолжаетъ — дальше, дальше все...
Слышится, какъ сердце у нее
Разбиваетъ юныхъ персей крѣпость,
И изъ устъ разказчицы блажной
Чудная, прекрасная нелѣпость
Неудержной катится волной.

КЪ БЫВШИМЪ СО-УЧЕНИКАМЪ.

(По случаю пріѣзда стараго наставника).

Есть край, гдѣ природа свой ликъ величавый
Вѣнчаетъ суровымъ, сосновымъ вѣнцомъ,
И снѣгомъ напудривъ столѣтни дубравы,
Льдомъ землю скрѣпляетъ, а небо свинцомъ; —
Есть край, гдѣ, касаясь твореній начала,
Разсѣвшійся камень, прохваченный мхомъ,
Торчитъ надъ разинутой пастью провала
Оскаленнымъ зубомъ иль голымъ ребромъ, —
Гдѣ въ скудной оправѣ, во впадинѣ темной,
Средь камней сѣдыхъ и нахмуренныхъ горъ,
Сверкаетъ нашъ яхонтъ прозрачный, огромный —
Одно изъ великихъ, родимыхъ озеръ,
Гдѣ лирой Державинъ бряцалъ златострунной,
Гдѣ воетъ Кивача «алмазна гора»,
Гдѣ вызваны громы работы чугунной,
Какъ молотомъ Божьимъ, десницей Петра,

Гдѣ слѣдъ свой онъ врѣзалъ межъ дубомъ и сосной,
Когда онъ Россію плотилъ и ковалъ —
Державный нашъ плотникъ, кузнецъ вѣнценосный,
Что въ дѣлѣ творенья Творцу помогалъ.
Въ краю томъ, по волѣ святой Провидѣнья,
Намъ было блаженное дѣтство дано,
И въ душу намъ пало зерно просвѣщенья
И правды сердечной живое зерно.

Съ тѣхъ поръ не однажды весна распахнулась,
И снова зима пролегла на Руси;
Не разъ вокругъ солнца земля повернулась, —
А сколько вращалась кругомъ на оси! —
И много мы съ ней и на ней перемчались
Въ сугубомъ движеньѣ — по жизни — впередъ:
Иные ужъ съ пылкими днями разстались,
И къ осени дѣло, жатва идетъ.
Представимъ-же колосъ отъ нивы янтарной,
Который дороже весеннихъ цвѣтовъ!
Признательность, други, души благодарной —
Одинъ изъ прекрасныхъ, чистѣйшихъ плодовъ.
Предъ нами единый изъ сѣявшихъ сѣмя;
На мигъ предъ своими питомцами онъ:
Созрѣвшія дѣти! Захватимъ же время
Воздать ему вкупѣ усердный поклонъ,
И вмѣстѣ съ глубокимъ привѣтомъ разсудка
Ему нашъ сердечный привѣтъ принести,
Въ златую минуту сего промежутка,
Межъ радостнымъ «здравствуй» и тихимъ «прости»!
И родинѣ нашей поклонъ и почтенье,
Гдѣ нынѣ, по стройному ходу годовъ,
За нами другое встаетъ поколѣнье
И свѣжая спѣетъ семья земляковъ!
Да здравствуетъ сѣвера уголъ суровой,
Пока въ *немъ Онежскія* волны шумятъ,

Потомками вторится имя Петрово
И дивно воспѣтый реветъ водопадъ.

НЕТАЙНОЕ ПРИЗНАНІЕ.

Давно сроднивъ съ судьбой моей печальной
Поэзіи заносчивую блажь,
Всегда былъ радъ свой стихъ многострадальный
Вамъ посвящать усердный чтитель вашъ.

И признаюсь: я былъ небезкорыстенъ; —
Тутъ былъ разсчетъ: я этимъ украшалъ
Непышный складъ мной выраженныхъ истинъ,
И, славя васъ, себя я возвышалъ.

Что та, кого я славилъ, не уронитъ
Моей мечты — я въ томъ былъ убѣжденъ,
И какъ поэтъ — всегда былъ вами понятъ,
И тѣмъ всегда съ избыткомъ награжденъ.

Да! И на ту, кому самолюбиво
Часть лучшихъ думъ моихъ посвящена,
Всегда могу я указать нелживо
И съ гордостью воскликнуть: вотъ она!

Достоинство умѣлъ я безъ ошибки
Въ васъ оцѣнить, — къ тому-жъ — сказать ли? — д
Умѣлъ цѣнить и прелесть той улыбки,
Что съ вашихъ устъ слетала иногда.

И голосу сознанія послушенъ,
Я чту въ себѣ санъ вашего пѣвца.

Скажу при всѣхъ: я къ вамъ неравнодушенъ
И былъ, и есмь, и буду до конца.

Не льщу себѣ: могу-ль я тутъ не видѣть,
Что я стою со всѣми наравнѣ?
Васъ любятъ всѣ. Холодностью обидѣть
Васъ можно ли?.. Но нѣтъ... хотѣлось мнѣ

Но то сказать... Съ вниманьемъ постояннымъ
Вамъ преданный и нынѣ, такъ какъ встарь,
Проникнуть я къ вамъ чувствомъ безъимяннымъ.
И потому не вставленнымъ въ словарь.

О немъ смолчать я могъ-бы... Но къ чему же
То чувство мнѣ, какъ плодъ запретный, крыть,
Когда при всѣхъ, и при рѣвнивомъ мужѣ,
О немъ могу я смѣло говорить?

Оно не такъ безсмысленно, какъ служба
Поклонниковъ, ласкателей, рабовъ;
Оно не такъ безтрепетно, какъ дружба;
Оно не такъ опасно, какъ любовь.

Оно милѣй и братскаго сближенья,
И узъ родства, заложенныхъ въ крови;
Оно теплѣй, нѣжнѣе уваженья
И — можетъ быть — возвышеннѣй любви.

ТОСКА.

Порою внезапно темнѣетъ душа, —
Тоска! — А Богъ знаетъ — откуда?

Осмотришь кругомъ свою жизнь: — хороша;
А къ сердцу воротишься: худо!

Все хочется плакать. Слезами средь бѣдъ
Мы сердце недужное лѣчимъ!
Горючія, гдѣ вы? — Горючихъ ужъ нѣтъ!
И радъ-бы поплакать, да нечѣмъ.

Ужели пророческій сердца языкъ
Сулитъ мнѣ ударъ иль потерю?
Нѣтъ, я отъ мечты суевѣрной отвыкъ,
Предчувствіямъ темнымъ не вѣрю.

Нѣтъ! — Это — не будущихъ бѣдствій залогъ,
Не скорби грядущей задатокъ,
Не тайный на новое горе намекъ,
А старой печали остатокъ.

Причина ея позабыта давно:
Она лишь сама сохранилась,
Въ груди опустѣлой упала на дно,
И тамъ залегла, притаилась, —

Уснула, — и тихо въ потемкахъ лежитъ;
Никто ея, скрытой, не видитъ;
А отдыхомъ силы она освѣжитъ,
Проснется — и выглянетъ, выйдетъ —

И душу обниметъ. — Той мрачной поры
Пошелъ-бы разсѣять ненастье,
Съ людьми подѣлился-бъ... Они такъ добры!
У нихъ наготовѣ участье.

Ихъ много — и слишкомъ — къ утѣхѣ моей,
Творецъ мой! Кому не извѣстно,

Что міръ твой такъ полонъ прекрасныхъ людей,
Что прочимъ становится тѣсно?

Я думаю: пусть! Пусть же сердце мое
Хоть эта подруга голубитъ!
Она не мила мнѣ; но гнать ли ее
Тогда какъ она меня любитъ?

Ея ласка жестка, ея чаша горька,
Но есть въ ней и тайная сладость;
Ея схватка крѣпка и рука не легка!
Чтожъ дѣлать? Она вѣдь — не радость!

Останусь одинъ. Пусть никто изъ друзей
Ее не осудитъ, не видитъ,
И пусть не единый изъ добрыхъ людей
Насмѣшкой ее не обидитъ!

БЛАГОВѢЩЕНІЕ.

(Къ картинѣ Боровиковскаго).

Кто сей юный? — Въ ризѣ свѣта
Онъ небесно возблисталъ,
И сіяющій предсталъ
Кроткой дѣвѣ Назарета;
Дышитъ рядостью чело;
Вѣютъ благовѣстью рѣчи;
Кудри сыплются на плечи;
За плечомъ дрожитъ крыло.

Кто сія? — Покровъ лилейный
Осѣняетъ *ясный* ликъ,

Долу взоръ благоговѣйный
Подъ рѣсницами поникъ;
Скрещены на персяхъ руки;
Въ персяхъ сдержанъ тихій вздохъ;
Робкій слухъ пріемлетъ звуки:
«Дѣва! Сынъ твой будетъ Богъ!»
Этотъ юноша крылатый —
Искупленія глашатай,
Ангелъ, вѣстникъ торжества,
Вѣстникъ тайны воплощенья,
А предъ нимъ — полна смиренья —
Дѣва — матерь Божества!

БЕЗУМНАЯ.

(Послѣ пѣнія Віардо-Гарсіи).

Ты сердца моего и слезъ и крови просишь,
Пѣвица дивная! — О, пощади, молю.
Грудь разрывается, когда ты произносишь:
«Я все еще его, безумная, люблю.»

«Я все еще»... Едва лишь три ты эти слова
Взяла и вылила ихъ на душу мою —
Я все предугадалъ: душа моя готова
Уже заранѣе къ послѣднему: «люблю».

Еще не сказано: «люблю», — а ужъ стократно
Перегорѣлъ вопросъ въ груди моей: кого?
И ты отвѣтствуешь: «его». Тутъ все понятно;
Не нужно имени — о да, его, его!

«Я все еще его»... Кружится умъ раздумьемъ..;
Мутятся мысли... Я жду слова — и ловлю:
«Безумная» — да, да! — И я твоимъ безумьемъ
Подавленъ, потрясенъ... И наконецъ — «люблю».

«Люблю»... Съ тобой весь міръ, природа, область Бога
Слились въ глубокое, безумное «люблю».
О, повтори «люблю»!.. Нѣтъ, дай дохнуть немного!
Нѣтъ, не хочу дышать — лишь повтори, молю.

И вотъ «я все еще» — вновь началъ райскій голосъ.
И вотъ опять — «его» — я вздохъ въ груди давлю...
«Безумная» — дрожу... мнѣ страшно... дыбомъ волосъ...
«Люблю» — хоть умереть отъ этого «люблю».

КЪ ПОЭТУ

Поэтъ! Не вѣряйся сердечнымъ тревогамъ!
Не думай, что подвигъ твой — вздохи любви!
Ты призванъ на землю всезиждущимъ Богомъ,
Чтобъ пѣть и молиться, и пѣсни свои
Сливать съ безконечной гармоніей міра
И ржавыя въ прахѣ сердца потрясать,
И маску срывая съ земнаго кумира,
Вѣнчать добродѣтель, порокъ ужасать.

За истину бейся, страдай, подвизайся!
На торжищѣ міра будь мраченъ и дикъ,
И ежели хочешь быть чистъ и великъ —
До грязнаго счастья земли не касайся,
И если оно тебѣ просится въ грудь —
Найди *въ себѣ силу* его оттолкнуть!

Пой женъ свѣтлоокихъ и дѣвъ лѣпокудрыхъ,
Но помни, что призракъ — земли красота!
Люби ихъ, но слушай учителей мудрыхъ:
Верховное благо — любовь, да не та.
Когда же ты женщину выше поставилъ
Великой безмѣрной небесъ высоты,
И славой, Творцу подобающей, славилъ
Земное творенье — накажешься ты,
Накажешься тяжко святымъ правосудьемъ
Чрезъ женщину-жъ... Стой! Не ропщи на нее·
Ея назначенье — быть только орудьемъ
Сей казни, воздать за безумье твое.
Смирись же! Творецъ тебѣ милость даруетъ
И въ казни: блестя милосердья лучемъ,
Десница Господня тебя наказуетъ
Тобою же избраннымъ, свѣтлымъ бичемъ.

БОГАЧЪ.

Все никнетъ и трепещетъ
Передъ нимъ. Всесиленъ онъ.
Посмотрите, какъ онъ блещетъ —
Сей ходячій милліонъ! —
Лицезрѣнья удостоясь
Господина своего,
Люди кланяются въ поясъ,
Лижутъ прахъ пяты его;
Но не думайте, что люди
Золотой, бездушной грудѣ,
Въ тайномъ чаяньѣ наградъ,
Эти почести творятъ:
Люди знаютъ. что богатый

На даянья не горазд,
И не чают щедрой платы —
Им извѣстно: онъ не дастъ.
Нѣтъ; — усердно и охотно,
Безкорыстно, безрасчетно,
Злату рабствующій міръ
Чтитъ великій свой кумиръ.
Хладный идолъ смотритъ гровно,
Не кивая никому,
А рабы религіозно
Поклоняются ему.
Люди знаютъ: это — сила!
Свойство-жъ силы — мять и рвать,
Чтобъ она ихъ не крушила,
Не ломала, не душила —
Надо честь ей воздавать; —
И признательность развита
Въ бѣдномъ смертномъ до того,
Что коль Крезъ летитъ сердито,
Но не топчетъ въ прахъ его
Колесницей лучезарной —
Ужъ несчастный умиленъ,
И приноситъ, благодарный,
Нетоптателю поклонъ.

ГОРЕМЫЧНАЯ.

Жаль мнѣ тебя, моя пташечка бѣдная:
Цѣлую ночь ты не спишь,
Глазки въ слезахъ, — изнуренная, блѣдная,
Все ты въ раздумьѣ сидишь:

Жаль мнѣ; вѣдь даромъ средь горя бозплоднаго
Сердце твое изойдетъ.
Ждешь ты, голубушка, мужа негоднаго,
Третій ужъ за полночь бьетъ.
Думаешь ты, пригорюнясь, несчастная,
Лютой убита тоской:
Ночь такъ темна и погода ненастная —
Нѣтъ-ли бѣды съ нимъ какой? —
Ждешь ты напрасно: на ноченьку пирную
Принялъ онъ дружескій зовъ;
Тамъ онъ — съ друзьями схватясь въ безжозырную, —
Гнетъ королей, да тузовъ —
Бьютъ ихъ. — «Поставлю-жъ я карточку новую.
Думаетъ; — ну-ка, жена,
Ты помоги мнѣ!» — Вскрылъ даму бубновую,
Смотритъ: убита она.
«Охъ!» — И рука его, трепетно сжатая,
Карту завѣтную мнетъ.
«Помощи нѣтъ; — измѣнила, проклятая!
Полно!» — И, блѣдный, встаетъ,
Хочетъ итти онъ... — Какъ можно? Да кстати-ли,
Вспомни-ка рысь старины!
Тутъ лишь починъ, — восклицаютъ пріятели: —
Развѣ боишься жены?
Пусть онъ идетъ! Вѣдь не во-время явится —
Та ему страху задастъ!
Тутъ вѣдь не свой братъ! — Съ женою управиться,
Братцы, не каждый гораздъ.
Мы — люди вольные. Пусть его тащится!
Намъ-ли такой по плечу? —
Вотъ онъ: «да что мнѣ жена за указчица?
Вздоръ, — говоритъ: — не хочу!
Эхъ, раззадорили кровь молодецкую!
Что мнѣ жена?» — и пошелъ:
«Вотъ еще! Пусть убирается въ дѣтскую!

Я вѣдь дѣтей ей завелъ —
Долгъ свой исполнилъ я, даромъ что смолоду
Съ вами не мало кутилъ;
Ну, и забочусь: не мрутъ они съ голоду,
По міру ихъ не пустилъ;
Сыты, одѣты; покои приличные;
Что мнѣ тамъ женская блажь?
— Вотъ онъ! — Вскричали друзья закадычные:
Нашъ еще другъ-то все нашъ! —
Стали разгуливать по столу чарочки.
— Мало-ли женъ есть? — кричатъ: —
Мало-ли? Гей, вы — красотки-сударочки! —
Вотъ онъ гдѣ — твой сопостатъ,
Мужъ твой, губитель твой! Вотъ какъ заботится
Онъ о женѣ своей тамъ!
Можетъ быть, пьяный, онъ съ бранью воротится;
Можетъ, дастъ волю рукамъ. —
Тыжъ, ожидая такого сожителя,
Мнѣ отвѣчаешь, стеня:
«Такъ суждено: полюбила губителя —
Пусть-же онъ губитъ меня!»

ЗВѢЗДОЧЕТЪ.

(На островѣ Гюэнѣ, близъ Копенгагена, находилась обсерваторія Тихобраге, устроенная для него королемъ Фридрихомъ II. Здѣсь знаменитый астрономъ занимался наблюденіями въ теченіе двадцати лѣтъ. По смерти Фридриха, Тихобраге долженъ былъ искать другаго пристанища. Черезъ 50 лѣтъ и слѣдовъ огромнаго зданія обсерваторіи уже не было, но остался еще одинъ старецъ, который показывалъ любопытнымъ мѣсто, гдѣ то зданіе находилось, и разсказывалъ объ астрономѣ, котораго помнилъ).

Супротивъ столицы Датской
Есть неважный островокъ:
Жилъ тамъ въ хижинѣ рыбацкой

Сѣдовласый старичекъ —
Старъ, — престаръ. — Пріѣзжихъ двое,
Путешественники что-ль,
Кличутъ стараго: позволь
Слово молвить! — «Что такое?»
— Ты вѣдь здѣшній сторожилъ;
Объясни-жъ намъ: здѣсь — каменья —
Слѣдъ какого-то строенья.
Что тутъ было? Кто тутъ жилъ?
«Разсказать вамъ»? — Гмъ! — Пожалуй!
Человѣкъ я здѣсь бывалый.
Былъ тутъ, видите, дворецъ»,
Старецъ молвилъ наконецъ.
— Какъ? Дворецъ? — «Ну, да, чертоги
Съ башней. Было тутъ тревоги,
Было всякаго труда
При постройкѣ. Самъ тогда
Здѣсь король быть удостоилъ;
Фридрихъ нашъ второй и строилъ
Все своей казною». — Вотъ!
Кто-же жилъ тутъ? — «Звѣздочетъ,
Весь дворецъ съ огромной башней
Былъ ему что кровъ домашній;
Я прислуживалъ ему; —
Выросъ я въ простонародствѣ,
А ужъ тутъ и въ звѣздочетствѣ
Пріучился кой къ чему.
Служба все была средь ночи.
Часомъ спать хочу — нѣтъ мочи,
А нельзя; звѣзда идетъ!
Иногда, бывало, грезишь,
А за нимъ туда-же лѣзешь;
Ужъ на то и звѣздочетъ!
Только онъ ее завидитъ —
Дѣло кончено! Тогда

Просто наша та звѣзда;
Ужъ, сердечная, не выйдетъ
Изъ-подъ глазу — Нѣтъ! Куда?
Хоть съ другими вровень свѣтитъ,
А ужъ онъ ее замѣтитъ
И включитъ въ свой списокъ — да!
Намъ, бывало, съ нимъ въ привычку
Отъ поры и до поры
Поименно перекличку
Звѣздамъ дѣлать и смотры.
Былъ я, словно, какъ придверникъ
Неба Божьяго, а самъ
Что хозяинъ былъ онъ тамъ —
Ужъ не то, что какъ Коперникъ!
Тотъ, вишь, выложилъ на планъ,
Что земля вкругъ солнца ходитъ;
Нѣтъ, шалитъ онъ, колобродитъ —
Какъ не такъ! Держи карманъ!
Вотъ! Вѣдь можно упереться
Въ землю; какъ-же ей вертѣться,
Если человѣкъ не пьянъ?
Ну, вы сами посудите!
Приступалъ я и къ нему —
Звѣздочету своему;
Вотъ, молъ, батюшка, скажите!
Не попасться-бы въ просакъ!
Говорятъ и такъ и такъ;
Мой и темный разумъ смѣтилъ,
Что молва-то насъ мутитъ.
Вѣдь — стоитъ? И онъ отвѣтилъ
Утвердительно: стоитъ. —
У него вѣдь какъ въ карманѣ
Было небо, лишь спросить;
Онъ и самъ весь міръ на планѣ
Росписалъ: чему какъ быть.

Я своими самъ глазами
Видѣлъ планъ тотъ Эхъ, дружки!
Все круги, круги съ кружками,
А въ кружкахъ опять кружки!
Я кой-что — признаться стыдно —
Хоть и понялъ, да не вплоть;
Ну, да гдѣ-жъ намъ?.. Такъ ужъ, видно,
Умудрилъ его Господь!
Намъ спроста-то не въ примѣту,
Въ небѣ, чай, круговъ не счесть;
Смотришь такъ — кажись, и нѣту,
А вѣдь стало быть, что есть.
Да чего! Онъ зналъ на мили
Смѣрить весь до солнца путь
И до мѣсяца; смекнуть
Все умѣлъ. Мы вотъ какъ жили!
Да къ тому-же по звѣздамъ
Разсчитать судьбу всю намъ
Могъ онъ просто, какъ по пальцамъ,
На-вѣрнякъ. Не для того-ль
Здѣсь его и постояльцемъ
Во дворецъ пустилъ король?
Умеръ Фридрихъ — и прогнали
Звѣздочета; приказали
Изломать его дворецъ.
Я прощался съ нимъ: мудрецъ
Былъ спокоенъ. — Жаль, ей-богу, —
Снарядивъ его въ дорогу
Я сказалъ, — вамъ до конца
Жить-бы здѣсь! Теперь такого
Не добыть ужъ вамъ другаго
Видозвѣзднаго дворца!
Просто — храмъ былъ! — Онъ рукою
Тутъ махнулъ мнѣ и сказалъ:
Этотъ храмъ всегда со мною! —

И на небо указалъ.
Грустно было мнѣ. Остался
Я какъ будто сиротой.
Послѣ ночью просыпался,
Смотришь: нѣтъ ужъ башни той.
Гдѣ и сонъ клонилъ, бывало,
Тутъ — не спится; дашь глазамъ
Чуть лишь волю: тѣ — къ звѣздамъ!
Все знакомки вѣдь! Не мало
Я ихъ зналъ по именамъ,
Да забылъ теперь; — и входитъ
Дума въ голову: наводитъ,
Чай, теперь свой зоркій глазъ
Тамъ онъ, звѣздочки, на васъ!
На которую — не знаю...
Вотъ смотрю и выбираю, —
А узнать дай силу Богъ —
Такъ-бы вотъ и впился глазомъ,
Чтобъ смотрѣть съ нимъ вмѣстѣ; — разомъ;
Можетъ, я-бъ ему подмогъ
И отсюда!.. Глупой мысли
Не посмѣйтесь, господа!» —
И разскащикъ смолкъ тогда;
Двѣ слезы съ рѣсницъ нависли
И слились изподтишка
По морщинамъ старика.

ПЕРЕВОДЫ.

I.

СТИХИ

вырѣзанные на чашѣ, сдѣланной изъ черепа.

Не трепещи! Не помышляй,
Что отбылъ духъ, во мнѣ витавшій!
Виномъ сосудъ сей наполняй,
Сосудомъ скорби быть преставшій!
Теперь ужъ стоновъ никакихъ
Изъ этой кости не исходитъ,
И симъ единымъ не походитъ
Она на черепы живыхъ.

Какъ ты, я жилъ, любилъ и пилъ —
И умеръ я. Земля могилъ
Живится прочими костями;
А я... Вливай въ меня вино
И прикоснись ко мнѣ устами —
Я не обижусь: все равно!
Въ утробѣ ямы безотзывной
Гнить было-бъ участью моей:
Твои-жъ уста не такъ противны,
Какъ жала гробовыхъ червей.
Чѣмъ по обычному наслѣдью
Быть тварей ползающихъ снѣдью,
Не лучше-ли мнѣ чашей быть,
Янтарнымъ наполняться токомъ,
Кипѣть прозрачныхъ гроздій сокомъ,
Питьемъ боговъ тебя поить?

Бывало, средь бесѣды шумной,
Сей черепъ шуткой остроумной
Звенѣлъ. Теперь, какъ онъ утихъ,
Пусть, если самъ остротъ не вержетъ,
Тѣмъ, что въ немъ держится, поддержитъ
Духъ остроумія въ другихъ!
И что приличнѣй для замѣны
Силъ мозга въ черепѣ пустомъ —
Искрокипучей острой пѣны,
Клубимой пѣнистымъ виномъ?
Вкушай-же нектарь сей, покуда
Ты въ силахъ пить! Когдажъ отсюда
Уйдешь и ты, какъ всѣ уйдутъ,
Сыны другаго поколѣнья,
Быть можетъ, и твою изъ тлѣнья
Пустую голову возьмутъ.
И тѣмъ-же нектаромъ нальютъ.
И дѣльно! — Въ краткія мгновенья
Для насъ отсчитанныхъ годовъ,
Какъ скудно-жалки похожденья
Сихъ человѣческихъ головъ!
Пускай червей отъ хищной злости
Спастись дадутъ имъ этотъ путь,
И ихъ, хоть въ видѣ мертвой кости,
Употребятъ на что-нибудь.

II.

НЕ ОБВИНЯЙ ЕЕ.

ь! Падшей женщины не порицай открыто!
вѣдаетъ весь грузъ ея земнаго быта?
вѣдаетъ *число ея голодныхъ* дней?

Печальныхъ опытовъ кто небывалъ свидѣтель,
Какъ вихрь несчастія колеблетъ добродѣтель
И какъ несчастная вотще стремится къ ней?
На вѣткѣ дерева такъ капля дождевая
Блеститъ на ней: держась и небо отражая,
Но вѣтку покачнуть — и капля сорвалась,
И — до паденья — перлъ, она съ паденьемъ — грязь.

Виновенъ ты, богачъ, виновны мы и злато.
Та капля чистая, небесная когда-то,
Въ грязи сохранена, — и чтобъ явилась вновь,
Отъ праха отдѣлясь, принявъ свой видъ хрустальный,
Она, блестящая, въ красѣ первоначальный —
Тутъ нуженъ солнца лучъ, тамъ надобна — любовь.

III.

ПРОСЬБА.

Не мечи изъ-подъ рѣсницы
Стрѣлъ разящихъ на меня!
Подъ огнемъ твоей зеницы
Ужъ и такъ поверженъ я.
Ты красою всемогущей
Всѣхъ богаче въ сей странѣ —
Я-жъ — несчастный, неимущій:
Дай-же милостинку мнѣ!

IV.

ДВА ЗРѢЛИЩА.

Какъ въ дремлющемъ прудѣ подъ сѣнію древесной,
У смертнаго въ душѣ два зрѣлища совмѣстны:
Въ ней видимы — небесъ блистательный покровъ
Съ его свѣтилами и дымкой облаковъ, —
И тинистое дно, гдѣ зелья коренятся
И гады черные во мракѣ шевелятся.

V.

КОЛЫБЕЛЬ И МОГИЛА.

Младенца колыбель. Вокругъ покровъ кисейный.
На лонѣ матери качанье. Легкій сонъ.
Улыбка первая. Восторгъ благоговѣйный,
Которымъ свѣтлый ликъ младенца окруженъ.

Могила. Дернъ вокругъ. Надъ нею ива гнется.
Тутъ кустикъ бѣлыхъ розъ, лобзаемый пчелой.
Все тихо. Лишъ зефиръ съ листкомъ перешепнется,
Да птичка прозвенитъ залетная, порой.

Могила! Колыбель! Вы обѣ въ высь мечтанья
Возносите нашъ духъ отъ праха дальнихъ мѣстъ.
Вы обѣ полны сна, покоя, упованья,
Надъ этой — ангелъ-мать; надъ тою — Божій крестъ.

Вы обѣ блещете зарей и обновленьемъ;
Въ обѣихъ скрытъ залогъ невѣдомыхъ чудесъ.

Та вводитъ въ этотъ міръ младенца съ пробужденьемъ,
Та сонная беретъ и вводитъ въ дверь небесъ.

VI.

АНГЕЛЪ И МЛАДЕНЕЦЪ.

Надъ колыбелью ангелъ ясный
Съ главой поникшею стоялъ,
И, мнилось, онъ свой ликъ прекрасный
Въ чертахъ младенца созерцалъ.

«Пойдемъ со мной, мой двойникъ нѣжный?
Сказалъ онъ: «стоитъ-ли труда
Тебѣ вступать въ сей міръ мятежный?»
Пойдемъ со мной — туда! туда!

«Здѣсь горечъ вмѣшана и въ сладость;
Здѣсь рядомъ — вёдро и гроза,
Восторги стонутъ, плачетъ радость,
Къ улыбкѣ примкнута слеза.

«Здѣсь счастья очерки не полны,
Чуть свѣтъ мелькнетъ — ложится тѣнь, —
А тамъ — блаженства хлещутъ волны
И беззакатный блещетъ день.

«Тамъ не услышишь о могилахъ
И не увидишь лютыхъ бурь,
Не будешь плакать — глазокъ милыхъ
Не притуманится лазурь.

«Ты возлетишь со мной свободно:
Но нужно дѣлъ твоихъ судить;
Святому Промыслу угодно
Тебя отъ жизни пощадить.

«Пусть люди въ траурѣ не ходятъ!
Пускай изъ міра суеты
Тебя улыбкою проводятъ,
Какъ встрѣченъ былъ улыбкой ты.

«Другимъ при плачѣ безутѣшномъ
Пускай готовятъ гроба сѣнь!
Въ твоемъ-же возрастѣ безгрѣшномъ
Послѣдній день есть лучшій день.»

И ангелъ, бѣлыми крылами
Взмахнувъ, вознесся въ горній свѣтъ;
Надъ колыбелью-жъ со слезами
Склонилась мать... Младенца нѣтъ...

VII.

КЪ МИННѢ.

Странно мнѣ, непостижимо!
Минна-лъ то моя идетъ?
Какъ? — Она... проходитъ мимо?
И меня не узнаетъ?
Съ свитой франтовъ выступаетъ —
И, тщеславія полна;
Гордо вѣеромъ играетъ...
Нѣтъ! да это не она!

Съ лѣтней шляпки перья вѣютъ —
Подаренный мной нарядъ:
Эти ленты, что алѣютъ:
«Минна! Стыдно» — говорятъ.
И цвѣты на ней... Не я-ли
Эти выростилъ цвѣты?
Прежде чѣмъ они завяли,
Измѣнила, Минна, ты.

Съ этой вѣтреной толпою —
Позабудь меня — иди!
Въ этой бившейся тобою
Я найду еще груди
Благодарныхъ силъ довольно
Низкій твой обманъ стерпѣть,
И — хоть тягостно и больно —
Безразсудную презрѣть.

Сердце Минны исказилось
Милымъ личикомъ... о стыдъ! —
Но вѣдь прелесть — мигъ — и скрылась;
Ненадеженъ розы видъ.
Гнѣзды ласточками свиты
По веснѣ до первыхъ вьюгъ:
Разнесутся волокиты —
И отринутъ вѣрный другъ.

Красоты твоей развалинъ
Представляется мнѣ видъ.
Взоръ твой, сумраченъ, печаленъ,
На минувшее глядитъ:
Тѣ, которые такъ жадно
Поцѣлуй ловили твой, —
Глядь — хохочутъ безпощадно
Надъ отцвѣтшей красотой.

Сердце Минны исказилось
Этимъ личикомъ... о стыдъ!
Но вѣдь прелесть — мигъ — и скрылась;
Прелесть розы отлетитъ.
Какъ тогда я смѣхомъ гряну
Самъ въ глаза твоей судьбѣ!
Нѣтъ!.. О нѣтъ! — Я горько стану;
Минна, плакать о тебѣ.

VIII.

ПУСТЬ.

Пусть пташекъ трель призывная
Звучитъ въ кругу лѣсномъ!
Щебечетъ пташка дивная
Мнѣ въ горлышкѣ твоемъ.

Пусть звѣзды хладно-яркія
Сверкаютъ въ небесахъ!
Мнѣ двѣ звѣзды, — двѣ жаркія
Горятъ въ твоихъ глазахъ.

Пусть лилія, — пусть вешняя
Плѣнительно растетъ;
Мнѣ лилія не здѣшняя
Въ душѣ твоей цвѣтетъ.

И пѣсня та распѣвная,
Тѣ звѣзды, тѣ мечты,
И лилія душевная —
Любовь! Все это ты!

IX.

ВСЕГДА.

Когда въ моихъ объятіяхъ
Поешь ты пѣсню сладкую,
Ты слышишь-ли какъ мысль моя
Поетъ съ тобой украдкою.
Въ той пѣсни зажигается
Мнѣ счастія звѣзда.
О, пой, моя красавица, —
Всегда, всегда, всегда!

Смѣешся ты, — я радуюсь,
Дрожу отъ упоенія;
Съ души моей встревоженной
Слѣтаютъ подозрѣнія.
Подъ смѣхомъ не скрывается
Коварство никогда.
О, смѣйся-же, красавица,
Всегда, всегда, всегда.

Когда ты сномъ покоишься,
Раскинута въ небрежности—
Во твоемъ дыханьѣ трепетномъ
Я слышу шопотъ нѣжности.
Грудь жаркая вздымается,
И вскрыта иногда...
О, спи, моя красавица,
Всегда, всегда, всегда!

Промолвишь-ли: «люблю тебя» —
Мнѣ кажется, прелестная,
Тогда надъ головой моей

Отверзлась твердь небесная.
Твой взоръ воспламеняется
И жжетъ меня тогда:
Люби-жъ меня, красавица,
Всегда, всегда, всегда!

Вотъ все, чего мнѣ надобно
Для жизни и для счастія,
Для радостей души моей,
Для нѣги сладострастія.
Четыре лишь желанія
Ты выполни мои:
Пой пѣсни, смѣйся весело,
Спи сладко и люби!

X.

ДАНТЪ.

Дантъ! Старый Гибелинъ! Предъ этой маской, снятой.
Страдалецъ, съ твоего безсмертнаго лица.
Я робко прохожу, и, трепетомъ объятый,
Я, мнится, вижу всю судьбу и жизнь пѣвца:
Такъ сила генія и злая сила рока
Вожгла свою печать въ твой строгій ликъ глубоко.
Подъ узкой шапочкой, вдоль твоего чела,
Чертою рѣзкою морщина пролегла:
Зачѣмъ морщина та углублена такъ ѣдко?
Безсонницъ ли она иль времени отмѣтка?
Не въ униженьѣ-ли проклятій страшный гулъ,
Изгнанникъ, ты навѣкъ въ устахъ своихъ замкнулъ?
Не долженъ-*ли твоихъ* послѣднихъ мыслей ошибки

Въ улыбкѣ устъ твоихъ я видѣть и слѣдить?
Недаромъ къ симъ устамъ язвительность улыбки
Смерть собственной руки рѣшилась пригвоздить!
Иль это надъ людьми усмѣшка сожалѣнья?
О, смѣйся: гордый смѣхъ суроваго презрѣнья
Къ ничтожеству земли — тебѣ приличенъ, Дантъ.
Родился въ знойной ты Флоренціи, гигантъ,
Гдѣ острые кремни родной тебѣ дороги
Отъ самыхъ дѣтскихъ дней тебѣ язвили ноги;
Гдѣ часто видѣлъ ты, какъ при сіяньѣ дня
Разыгрывалась вдругъ свирѣпая рѣзня,
И въ схваткахъ партіи успѣхами мѣнялись —
Тѣ падали во прахъ, другіе поднимались.
Ты тридцать лѣтъ смотрѣлъ на адскіе костры,
Гдѣ тлѣло столько жертвъ той огненной поры, —
И было для твоихъ согражденъ жалкихъ слово
«Отечество» — лишь звукъ; его, взявъ съ вѣтра, снова
Бросали на вѣтеръ. — И въ наши дни вполнѣ
Твое страданіе, о Дантъ, понятно мнѣ;
Понятно, отчего столь злобными глазами,
Смотрѣлъ ты на людей, гнушаясь ихъ дѣлами,
И, ненависти злой нося въ душѣ ядро,
Такъ желчью пропиталъ ты сердце и перо:
По нравамъ ты своей Флоренціи родимой,
Художникъ, начерталъ рукой неумолимой
Картину страшную всей нечести земной
Съ такою вѣрностью и мощію такой,
Что дѣти малыя, когда скитальцемъ бѣднымъ
Ты мимо шелъ съ челомъ зеленовато-блѣднымъ,
Подавленный своей смертельною тоской,
Подъ гнетомъ твоего пронзительнаго взгляда
Шептали: «вотъ онъ! вотъ — вернувшійся изъ ада!»

1850—1856.

Et j'ajoute à ma lyre une corde d'airain.

V. Hugo.

КЪ МОЕЙ МУЗѢ.

Благодарю тебя: меня ты отрывала
Отъ пошлости земной, и отряхая прахъ,
Съ тобой моя душа все въ мірѣ забывала
И сладко мучилась въ таинственныхъ трудахъ.
Сначала озарятъ пиръ юности кипучей
Влетала ты ко мнѣ въ златые дни забавъ,
Гремя литаврами и бубнами созвучій,
Покровы размахнувъ и дико разметавъ
Густые волосы по обнаженной груди.
Тебя такъ видѣли и осуждали люди
Нескромность буйную. Порою твой уборъ
Былъ слишкомъ прихотливъ и оскорблялъ ихъ взоръ.
Сказали: онъ блестящъ не въ мѣру, онъ изысканъ,
И амврой черезчуръ и мускусомъ напрысканъ, —
И ты казалась имъ кокеткою пустой,
Продажной прелестью, бездушной красотой.
Міръ строгъ: онъ осудилъ твою младую шалость,
Твой бѣшеный порывъ; твоихъ проступковъ малость
Онъ въ преступленіе тяжелое вмѣнилъ;
Ты скрылась отъ него и онъ тебя забылъ.
Но въ тишинѣ, въ глуши меня ты не забыла,
И въ зрѣломъ возрастѣ мой уголъ посѣтила:
Благодарю тебя! — Уже не молода

Ты мнѣ являешься, не такъ какъ въ тѣ года —
Одѣта запросто, застегнута подъ шею,
Безъ колецъ, безъ серёгъ, — но съ прежнею своею
Улыбкой, лаской ты сидишь со мной въ тиши,
И сладко видѣть мнѣ, что ты не безъ души,
Что міръ тебя считалъ прелестницей минутной
Несправедливо... нѣтъ! Въ разгульности безпутной
Не промотала ты святыхъ даровъ Творца;
Ты не румянила и въ юности лица,
Ты отъ природы такъ красна была — и цѣльный
Кудрявый локонъ твой былъ локонъ неподдѣльный,
И не носила ты пришпиленной косы
Скрученной напрокатъ и взятой на часы.
О нѣтъ, ты не была кокеткою презрѣнной,
И, можетъ быть, ко мнѣ въ пріязни неизмѣнной,
Переживя меня, старушкой доброй ты
Положишь мнѣ на гробъ послѣдніе цвѣты.

ЧЕЛОВѢКЪ.

Много жизненныхъ вопросовъ
Тѣмъ рѣшивъ, что все пустякъ,
Жилъ когда-то грекъ-философъ —
Удивительный чудакъ.
Онъ ходилъ, какъ жалкій нищій,
Полу-нагъ и босикомъ,
И питался грубой пищей,
Сытъ былъ брошеннымъ кускомъ;
Въ бочкѣ жилъ; лучами солнца
Освѣщаемъ и согрѣтъ,
Онъ героя — Македонца,
Покорившаго весь свѣтъ,

И царя, и полу-бога
Гордой просьбой удивилъ:
«Отодвинься, братъ немного —
«Ты мнѣ солнце заслонилъ».

О, давно-минувши лѣта!
Незапамятная старь!
Днемъ, при полной силѣ свѣта,
Діогенъ зажегъ фонарь,
И въ толпѣ народа шумной
Онъ идетъ, кругомъ глядитъ:
— Ищешь ты кого, безумный? —
«Человѣка», — говоритъ.
Строгій циникъ видѣлъ грека
И въ хитонѣ, и въ плащѣ.
Но не видѣлъ человѣка
И искалъ его вотще.
Если-бъ шелъ въ вѣкъ изъ вѣка
Вплоть до нынѣшнихъ временъ —
И донынѣ человѣка
Все искалъ-бы Діогенъ!

Ходъ вѣковъ мы видимъ ясно;
Намъ исторіи скрижаль
Отрываетъ безпристрастно
Дней давно-протекшихъ даль.
Что̀жъ тамъ? — Нѣсколько сокровищъ,
Много хламу жизни сей,
Много тамъ людей-чудовищъ,
Лже-людей, полу-людей;
Всюду брани, козни, ковы;
Видны: римлянинъ суровый,
Грубый скиѳъ и хитрый грекъ;
Много смертныхъ полудикихъ,
Много малыхъ, горсть великихъ...
Гдѣ-же просто — человѣкъ?

Былъ одинъ. Онъ шелъ безъ грома,
Полонъ истины огнемъ.
Можно было: «ессе homo!».
Смѣло вымолвить о немъ.
Онъ на всѣхъ смотрѣлъ съ любовью,
Всѣхъ къ безсмертью, какъ на пиръ,
Призывалъ, и чистой кровью
Онъ своей опрыснулъ міръ.
Этотъ міръ былъ имъ испуганъ;
Онъ былъ схваченъ, былъ поруганъ;
Былъ оплеванъ, былъ казненъ
Отъ ватаги фарисейской
Смертью крестною, злодѣйской,
И въ вѣнкѣ терновомъ онъ
Одетъ пилъ средь смертной жажды...
«Человѣкъ однако могъ
Намъ явиться хоть однажды?» —
Нѣтъ, о люди, то былъ — Богъ!

ПЕРЕХОДЪ.

Видали-ль вы преображенный ликъ
Жильца земли въ священный мигъ кончины —
Въ сей пополамъ распредѣленный мигъ,
Гдѣ жизнь глядитъ на обѣ половины?

Ужъ краій небесъ душѣ полуоткрытъ;
Ея глаза туда ужъ устремились, —
А отражать ея безсмертный видъ
Черты лица еще не разучились, —

И неземной въ нихъ отразился-бъ день
Во всѣхъ лучахъ великаго сіянья,

Но тѣ лучи еще сжимаетъ тѣнь
Послѣдняго предсмертнаго страданья.

Но вотъ — конецъ! — Спокоенъ сталъ больной.
Спокоенъ врачъ. Сама прошла опасность —
Опасность жить. Рѣдѣетъ мракъ земной
И мертвый ликъ воспринимаетъ ясность.

Такъ надъ землей, глядишь, ни ночь, ни день;
Но холодомъ вдругъ утро засвѣжѣло,
Прорѣзалась разсвѣтная ступень —
И рѣшено сомнительное дѣло.

Всмотритесь въ ликъ отшедшаго туда
Въ извѣстный часъ: онъ ясностью своею
Торжественно вамъ, кажется, тогда
Готовъ сказать: «я понялъ! разумѣю!

Узналъ!» — Устамъ какъ будто нарушать
Не хочется святыню безглагольства,
А на челѣ оттиснута печать
Всезнанія и вѣчнаго довольства.

Здѣсь, кажется, душа, разоблачась,
Извнѣ глядитъ на это облаченье,
Чтобъ въ зеркалѣ своемъ въ послѣдній разъ
Послѣднихъ думъ провѣрить выраженье.

Но тлѣнье ждетъ добычи — и летитъ
Безсмертная, и бросивъ тѣло наше,
Она земнымъ стихіямъ говоритъ:
Голодныя! возьмите: это ваше!

ПОСЛѢ ПРАЗДНИКА.

Недавно былъ праздникъ, и было такъ весело, шумно,
И было такъ много прекрасныхъ тамъ дѣвъ свѣтло-
кудрыхъ,
Что радостью общей и я увлекался безумно,
Оставивъ бесѣду мужей и наставниковъ мудрыхъ.

Такъ часомъ вдаешься невольно въ чужое веселье,
И будто-бы счастливъ, и будто-бы сызнова молодъ;
Но послѣ мелькнувшаго пира мнѣ тяжко похмѣлье,
И въ душу врывается пуще язвительный холодъ!

И послѣ стыжусь я, зачѣмъ, измѣняя порядку,
Какъ школьникъ, не во время я такъ шалилъ и рѣзвился,
И совѣстно, будто-бы съ жизни взялъ грѣшную взятку,
Какъ будто неправо чужимъ я добромъ поживился.

И голосъ упрека въ душѣ такъ пронзительно звонокъ,
И такъ повторяется тайнымъ, насмѣшливымъ эхомъ,
Что если-бы слезы... заплакалъ-бы я, какъ ребенокъ! —
Нѣтъ! Снова смѣюсь я, но горькимъ, мучительнымъ смѣ-
хомъ

ВЫПУЩЕННАЯ ПТИЧКА.

Еще зеленѣющей вѣтки
Не видно, — а птичка летитъ.
«Откуда ты, птичка?» — Изъ клѣтки, —
Порхая она говоритъ.

«Пустили, какъ видно, на волю:
Ты рада?» Съ вопросомъ я къ ней:
«Чай, скучную, грустную долю
Терпѣла ты въ клѣткѣ своей?»

— Нимало, — щебечетъ мнѣ птичка: —
Тамъ было отрадно, тепло;
Меня спеленала привычка
И весело время текло.

Летучихъ подругъ было много
Въ той клѣткѣ; мы вмѣстѣ расли
Хоть насъ и держали тамъ строго,
Да строго за то берегли,

Учились мы пѣть тамъ согласно
И крылышкомъ ловко махать,
И можемъ теперь безопасно
По цѣлому свѣту порхать.

«Охъ, птичка, боюсь: съ непогодой
Тебѣ нелегко совладать,
Иль снова простишься съ свободой:
Ловецъ тебя можетъ поймать».

— Отъ бурь подъ привѣтною кровлей
Спасусь я, — летунья въ отвѣтъ: —
А буду застигнута ловлей,
Такъ въ этомъ бѣды еще нѣтъ.

Ловецъ меня вѣрно не сгубитъ,
Поймавъ меня въ сѣти свои:
Вѣдь ловитъ, такъ стало онъ любитъ,
А я создана для любви.

Ѳ. Н. ГЛИНКѢ.

Здравствуй, дѣятель и зритель
Многихъ чудныхъ жизни сценъ,
Музы доблестный служитель,
Нашъ поэтъ и представитель
Славныхъ дѣдовскихъ временъ!

Зналъ ты время, вѣдалъ лѣта,
Какъ людьми еще былъ данъ
Въ мірѣ уголъ для поэта,
И пѣвецъ предъ окомъ свѣта
Чтилъ въ себѣ свой честный санъ.

Въ лонѣ мира — пѣснью мирной
Онъ страдальцевъ утѣшалъ;
На пиры — несъ кликъ свой пирный;
Въ браняхъ — благовѣстью лирной
Доблесть храбрыхъ возвышалъ.

Несъ въ величьѣ онъ спокойномъ
Тяжесть дальняго креста; —
Пѣлъ-ли радость гимномъ стройнымъ —
Онъ глумленьемъ непристойнымъ
Не кривилъ свои уста;

И не мнилъ онъ обезпечить
Беззаконный произволъ —
Въ русскомъ словѣ чужерѣчить,
Рвать языкъ родной, увѣчить
Богомъ данный намъ глаголъ; —

И надъ этой рѣчью кровной,
Внятной призваннымъ душамъ,

Не былъ ввѣренъ судъ верховный
Дерзкой стаѣ суесловной —
Дѣлъ словесныхъ торгашамъ.

Грустныхъ новостей въ пучинѣ
Мы, поэтъ, погружены;
Но отъ прежнихъ лѣтъ донынѣ
Честно-вѣренъ ты святынѣ
Благородной старины.

И за то своимъ покровомъ
Сохранилъ въ тебѣ Господь
Эту силу — звучнымъ словомъ
Вѣчно юнымъ, вѣчно новымъ,
Оживлять намъ духъ и плоть.

Помню: я еще мальчишкой
Рылся въ книжкахъ, и межъ нихъ,
За подкраденною книжкой,
Поэтическою вспышкой
Зажигалъ меня твой стихъ;

Слухъ и сердце онъ лилѣялъ, —
И отъ слова твоего,
Отъ сѣменъ тѣхъ, что ты сѣялъ,
Ароматъ библейскій вѣялъ —
Отзывъ неба самого.

Ты Карелiи природу
Въ мѣткихъ ямбахъ очертилъ;
Ты двѣнадцатому году
Въ радость Русскому народу
Незабвеннымъ эхомъ былъ.

И теперь, на насъ лишь капулъ
Бранный дождь — твоя пора

Не ушла: ты вмигъ воспрянулъ,
И по-русски первый грянулъ
Православное «ура».

Средь болѣзненнаго вѣка
Живъ и здравъ ты: честь! хвала!
Пѣснь живаго человѣка
И до серба и до грека
Христіанская дошла.

Крестъ — намъ сила; крестъ — нашъ разумъ
Къ намъ, друзья! — Изъ-за креста
Мы весь міръ окинемъ глазомъ
И «на трехъ ударимъ разомъ
Со Христомъ и за Христа»!

ИЗВИНЕНІЕ.

Винюсь предъ ангеломъ-ребенкомъ:
Случайно назвалъ я, шутя,
Очаровательнымъ бѣсенкомъ
Игриво-бойкое дитя.
Она, ушко свое склоня,
Когда молва до ней домчалась
Про эту дерзость, зачуралась,
Воскликнувъ трижды: «чуръ меня»! —
И тѣмъ-же ангеломъ осталась.
О, если-бъ прежніе года
И прежній пылъ!.. Избави Боже!
Случись, что былъ бы я моложе
И съ нею встрѣтился-бъ, тогда
Отъ этихъ прелестей — бѣда! —

Страдать-бы крѣпко мнѣ досталось,
И сердце полное огня
Стократъ кричало-бъ «чуръ меня»! —
И все-бы адски бѣсновалось;
А нынѣ я, спокойно гордъ,
Дерзнулъ, любуясь тѣмъ ребенкомъ,
Назвать и ангела бѣсенкомъ,
Затѣмъ, что самъ я старый чортъ.

БАХУСЪ.

:окъ съ картины Рубенса, находящейся въ Императорскомъ Эрмитажѣ).

Ухъ! какъ мощенъ онъ! Такого
Не споишь, не свалишь съ ногъ:
Толстъ, а виду неземнаго
Не утратилъ; пьянъ, а строгъ.
Посмотрите, какъ онъ вержетъ
Взоромъ пламя изъ очей!
Какъ онъ гордо чашу держитъ, —
Самъ не смотритъ... Кто тамъ? — Лей! —
Льютъ ему — и наклонилась
Чаша на бокъ, и струя
Черезъ край перекатилась
И бѣжитъ. Внизу дитя —
Мальчикъ. Стой! Не гибни влага
Драгоцѣнная! Плутяга
Мигомъ голову свою
Черезъ плечи опрокинулъ,
Алый ротикъ свой разинулъ
И подставилъ подъ струю,
И хватаетъ, какъ въ просонкахъ.

Что-то лучше молока,
Искры бѣгаютъ въ глазенкахъ
И багровѣетъ щека.
Тутъ другой мальчишка: еле
На ногахъ; посоловѣли
У него глаза; нѣтъ силъ;
Ужъ и руки опустилъ;
Самъ себя не понимая,
Смотритъ мутно. Негодяя
Драть-бы, драть-бы за ушко!
Ишь — безъ мѣры натянулся!
Вотъ — къ сторонкѣ отвернулся,
Грудь назадъ, впередъ брюшко —
И... безстыдникъ! — Передъ вами
Тутъ же съ пьяными глазами
Тигръ на шаткихъ ужъ ногахъ;
Тамъ Вакханка взоръ свой жадный
Нѣжитъ кистью виноградной,
Съ дикой радостью въ очахъ.
Вотъ — взгляните на Силена:
Съ губъ отвислыхъ брызжетъ пѣна:
Словно чанъ раскрылъ онъ ротъ,
И цѣдя въ сей зѣвъ просторный
Изъ амфоры трехведерной
Гроздій сокъ, — безъ смыслу пьетъ,
Глупо пьетъ, — заранѣ бредитъ,
На ослѣ едваль доѣдетъ
Онъ домой... Лишь исполинъ
Пьетъ, какъ слѣдуетъ, одинъ —
Бахусъ Рубенса! — Избытокъ
Черезъ край разумно льетъ
И божественный напитокъ
Онъ божественно и пьетъ.

РАЗОБЛАЧЕНІЕ.

Когда, въ пылу воображенья,
Въ минуту сладкую поэтъ,
Дрожа, въ припадкѣ вдохновенья,
Творитъ красавицы портретъ —
Ему съ земли до небосвода
Открытъ орлиный произволъ;
Его палитра — вся природа,
Кисть — гармоническій глаголъ;
Душа кипитъ, созданье зрѣетъ,
И силой неба зажжено,
Подъ краской чувства пламенѣетъ
Широкой мысли полотно.

При блескѣ риѳмы искрометной
Пріймецъ выспреннихъ даровъ
Порою съ прелести завѣтной
Срываетъ трепетный покровъ,
Діаны перси обнажая
Иль станъ богини красоты,
И эти смѣлыя черты
Сіяютъ, небо отражая; —
А чернь во храмѣ естества
На этотъ свѣтъ, на эти тѣни
Глядитъ — и образъ божества
Маракетъ грязью помышленій, —
Межъ тѣмъ, какъ съ чистою душой
Друзья изящнаго искусства
Благоговѣютъ передъ той
Разоблаченной красотой
Въ восторгѣ дѣвственнаго чувства.
Не такъ-ли солнца свѣтлый шаръ
Въ *часы торжественнаго* взлета

Нечистый извлекаетъ паръ
Изъ зыби смраднаго болота?
Но то-же солнце облаковъ
Раздвинувъ пологъ, въ мигъ возстанья
Подъемлетъ паръ благоуханья
Изъ чаши утреннихъ цвѣтовъ.

ОСТРОВЪ.

Плывутъ мореходцы — и вдругъ озадаченъ
Ихъ взоръ выступающимъ краемъ земли;
Подъѣхали — островъ! — Но онъ не означенъ
На картѣ; они этотъ островъ нашли,
Открыли, — и въ ихъ онъ владѣнье по праву
Поступитъ, усилитъ страны ихъ державу.

Пристали; тамъ бездна природы красотъ,
Еще не страдавшихъ отъ силы воинской —
Жемчужныя горы! Лѣсами встаетъ
Изъ гротовъ коралловыхъ мохъ исполинскій.
Какія растенья! Какіе цвѣты!
Такихъ еще, смертный, не видывалъ ты.

Тамъ почва долинъ и цвѣтныхъ междугорій
Вся сшита изъ жизни, отжившей едва —
Изъ раковинъ чудныхъ, изъ массъ инфузорій;
Вглядишься въ пылинку: пылинка жива;
Къ цвѣту-ль — великану прохожій нагнулся:
Крылатый цвѣтокъ мотылькомъ встрепенулся

Иль рѣзвою птичкой, и птичка летитъ
И звонко несется къ небеснымъ преддверьямъ,

И лучъ всецалящаго солнца скользитъ
По радужнымъ крыльямъ, по огненнымъ перьямъ;
Пришлецъ вдругъ испуганъ извитой змѣей:
То стебель ползучій блеснулъ чешуей.

И видно, какъ входитъ — и слышно, какъ дышитъ
Тамъ каждая травка и каждый лѣсокъ;
Тамъ дерево жизни вѣтвями колышетъ
И каплетъ изъ трещинъ живительный сокъ,
И брызжетъ, — и тутъ же другое съ нимъ рядомъ:
То дерево смерти съ убійственнымъ ядомъ.

И радъ мореходецъ. «Хвала мнѣ и честь!»
Онъ мыслитъ. — «Вотъ новость для нашего вѣка —
Земля неизвѣстная! Все на ней есть
И — слава Всевышнему! — нѣтъ человѣка!
Еще здѣсь дороги себѣ не просѣкъ
Мой ближній» — такъ мыслитъ и радъ человѣкъ.

«А если тамъ, дальше, и водятся люди
На островѣ этомъ — прижмемъ дикарей!
Заспорятъ: желѣзо направимъ имъ въ груди
И сдвинемъ ихъ глубже — въ берлоги звѣрей,
И выстрѣлы будутъ на вопль ихъ отвѣтомъ;
Причемъ озаримъ ихъ евангельскимъ свѣтомъ.

«Встрѣчая здѣсь новыя тѣни и свѣтъ,
Потомъ пусть картины здѣсь пишетъ художникъ,
Грудится ученый, и тощій поэтъ,
Бѣснуясь, восходитъ на шаткій треножникъ!
Намъ надобно дѣло: все прочее — блажь.
Намъ надо во-первыхъ, чтобъ островъ былъ нашъ.

«Мы срѣжемъ мохнатыя лѣса опушки;
Здѣсь *будетъ дорога;* тутъ станетъ нашъ флотъ;

Тамъ выстроимъ крѣпость и выставимъ пушки, ——
И если отсюда сосѣдъ подойдетъ,
Какъ силы его ни явились-бы крѣпки,
Отъ вражьей армады останутся щепки,

«Какую торговлю мы тутъ заведемъ!
Давай потомъ ѣздить и въ даль и къ сосѣдямъ!
Какихъ имъ диковинъ съ собой навеземъ!
Съ какимъ небывалымъ товарцемъ подъѣдемъ!
Вотъ новая пряность Европѣ на пиръ!
Вотъ новые яды! Пусть кушаетъ міръ!» —

Земля подъ ногами гостей шевелится;
Кряхтитъ или охаетъ: тягостно ей
Подъ новымъ животнымъ, пришедшимъ селиться
Средь выросшихъ дико на персяхъ у ней
Животно-кристалловъ, животно-растеній,
Полу-минералловъ, полу-прозябеній.

А гости мечтаютъ: «хозяева мы.
Безъ насъ—тутъ дремала пустая природа,
И солнце безъ насъ не умалило-бъ тьмы,
Безъ пошлинъ сіяя, блестя безъ дохода,
Въ безплодномъ вѣнцѣ неразумныхъ лучей.
Что солнце, гдѣ нѣтъ человѣка очей?» —

Но прежде, чѣмъ здѣсь пришлецы утвердились,
Другаго народа плывутъ корабли.
Прибывшіе въ право владѣнья вступились.
У первыхъ съ послѣдними споры пошли.
«Сей берегъ впервые не нами-ли встрѣченъ?»
— Конечно, — да нами онъ прежде замѣченъ. —

И вотъ — забѣлѣли еще паруса,
И націи новой явились пришельцы:

«Постойте! — Пріѣзжихъ гудятъ голоса, —
По праву природы не мы-ль здѣсь владѣльцы?
Въ сосѣдствѣ тутъ наша земля-материкъ.
Оторванный лоскутъ ея здѣсь возникъ». —

Съ три царства пошли донесенья, какъ надо,
Объ островѣ чудномъ; проснулись Дворы;
Толкуютъ о найденномъ вновь Эльдорадо,
Гдѣ золото прыщетъ изъ каждой горы;
Волной краснорѣчья хлеснули Палаты,
И тонкіе скачутъ на съѣздъ дипломаты.

Съѣзжаются: сколько ума въ головахъ!
Какая премудрость у нихъ въ договорахъ!
А тамъ между тѣмъ въ ихъ родимыхъ земляхъ
Готовятся флоты, и пушки, и порохъ —
На случай. Все было средь тѣхъ уже дней,
Гдѣ эта премудрость казалась вѣрнѣй.

Лишь древность сѣдая, плѣняясь витійствомъ
Рѣчей плутоватыхъ, имъ вѣрить могла;
А впрочемъ и древле все тѣмъ-же убійствомъ,
Войной нареченнымъ, рѣшались дѣла,
И мѣсто давали губительнымъ сценамъ
Аѳины со Спартой и Римъ съ Карѳагеномъ.

И вотъ, за плѣнительный островъ борьба
Какъ разъ-бы кровавымъ котломъ закипѣла,
Но страшное зло отвратила судьба,
И лютая вспыхнуть война не успѣла:
Тотъ островъ плавучій, подъ бурный разгулъ,
Однажды средь яростныхъ волнъ потонулъ, —

Иль, сорванъ могучимъ крыломъ урагана
Съ *подводной, его* подпиравшей, скалы,

Умчался въ безвѣстную даль океана,
И скрылся навѣки за тучами мглы; —
А тамъ еще длились и толки, и споры,
Готовились пушки и шли договоры.

РАСПУТІЕ.

Мнѣ памятно: какъ былъ ребенкомъ я —
Любилъ я сказки; вечеркомъ поранѣ
И прыгъ въ постель, совсѣмъ не для спанья,
А разсказать чтобы успѣла няня
Мнѣ сказку. Та, бывало, и начнетъ
Мнѣ про Иванъ-царевича: «ну вотъ», —
Старушка говоритъ: — «путемъ дорогой
И ѣдетъ нашъ Иванъ-царевичъ; конь
Золотогривый и сереброногій —
Дымъ изъ ушей, а изъ ноздрей огонь —
Стремглавъ летитъ. Да вдругъ и раздвоилась
Дорожка-то: одна тропа пустилась
Направо, въ даль, черезъ гористый край;
Другая-же тропинка своротилась
Налѣво — въ лѣсъ дремучій: выбирай!
А тутъ и столбъ поставленъ, и написанъ
На немъ наказъ проѣзжему: пустись онъ
На лѣво — лошадь згинетъ, живъ ѣздокъ
Останется: на право — уцѣлѣетъ
Лихой золотогривъ, сереброногъ,
А ѣздоку смерть лютая приспѣетъ. —
Иванъ царевичъ крѣпко пріунылъ:
Смерть-жаль ему коня-то; ужъ такого
Вѣдь не добыть, онъ думаетъ, другаго,
А все-жъ себя жаль пуще: своротилъ

Налѣво» — и такъ далѣе: тутъ бреду
Конецъ не близко; много тутъ вранья:
Но иногда мнѣ кажется, что я
Вдоль жизни, какъ Иванъ-царевичъ, ѣду —
И, вдумавшись, въ той сказкѣ нахожу
Изрядный толкъ. Вотъ я вамъ разскажу,
Друзья мои, не сказку и не повѣсть,
А съ притчей быль. Извольте: я — ѣздокъ,
А конь золотогривъ, сереброногъ —
То правда Божья, истина, да совѣсть.
И тамъ и здѣсь пути раздвоены —
Налѣво и направо. Вотъ и станешь:
Которой-же держаться стороны?
На ту посмотришь, да на эту взглянешь.
Путь честный — вправо, вправо и свернешь,
Коль правоту нелицемѣрно любишь,
Да тутъ — бѣда! Тутъ самъ себя погубишь
И лишь коня безцѣннаго спасешь.
Такъ мнѣ гласитъ и надпись у распутья.
Живи-жъ, мой конь! — Готовъ ужъ повернуть я.
Направо — въ гору, въ гору — до небесъ...
Да думаешь: чтожъ за дуракъ я? Эво!
Себя сгубить? — Нѣтъ! — Повернулъ налѣво,
Да и давай валять въ дремучій лѣсъ!

ВОСПОМИНАНІЕ О КРЫМѢ.

Когда-то земли уголокъ золотой
Я видѣлъ на югѣ Россіи.
Казалось, отъ вѣка въ ладу межъ собой
Тамъ дольняго міра стихіи.

Тамъ яркое солнце отъ лика земли
Сверкающихъ глазъ не отводитъ;
Тамъ море лазурною нитью вдали
Подъ самое небо подходитъ,
Вблизи-же цѣлуетъ раскатъ береговъ
И жмется у скалъ непробудныхъ,
А горы стоятъ въ серебрѣ облаковъ
Надъ глубью долинъ изумрудныхъ.
Казалось, гармоніи вѣчной залогъ
Тамъ щедрой природы объятья;
Устами ея тамъ, казалось, самъ Богъ
Вѣщаетъ всѣмъ людямъ: вы — братья!
Тамъ голосъ любви подъ наитьемъ всѣхъ благъ
И въ сердце бъ злодѣя проникнулъ!
И будь предо мной тамъ озлобленный врагъ —
Къ нему бъ я невольно воскликнулъ:
«Прости! Ненавидѣть тебя не могу,
Тебя презирать не умѣю» —
И кинулся бъ я къ заклятому врагу
Съ любовію братской на шею!

И что же я вижу? — Плывутъ корабли,
Міръ стонетъ отъ бранныхъ походовъ,
И въ райскомъ уютѣ родимой земли
Устроилась бойня народовъ; —
И гдѣ умягчился бъ дикарь и злодѣй —
Свирѣпствуютъ добрые люди;
Гдѣ звѣрь укротился бъ, тамъ люди людей
Привѣтствуютъ ядрами въ груди,
Кровавой вражды возжигаютъ огни,
Свинцомъ оглушительно свищутъ,
И сердца въ груди другъ у друга они
Штыками и копьями ищутъ;
Наводятъ ружья или пушки жерло,
И глазъ человѣческій мѣтитъ

Не въ образъ ли Божій, коль мѣтитъ въ чело,
Гдѣ разумъ божественный свѣтитъ?
И это служители Богу креста!
На помощь убійству въ сраженьяхъ
Не всѣ ли они Миролюбца-Христа,
Слѣпцы, призываютъ въ моленьяхъ?
И тамъ, гдѣ взвиваются пламя и дымъ,
Когда разгарается битва,
Не горькой ли, страшной насмѣшкой надъ Нимъ
Звучитъ эта злая молитва?

ЕГО НЕ СТАЛО.

(Написано на смерть В. А. Каратыгина).

Его не стало... Нѣтъ свѣтила русской сцены —
Первослужителя скорбящей Мельпомены.
Плачь, Муза сирая: его ужъ въ мірѣ нѣтъ.
Фингалъ, Донской, Ермакъ, Людовикъ, Лиръ, Гамлетъ,
Цари, что изъ гробовъ имъ къ жизни вызывались,
Вторичной жизнію всѣ нынѣ въ немъ скончались. —
Здѣсь ревностный денщикъ великаго Петра,
Тамъ Бѣшеный игрокъ, ревнивый Мавръ вчера,
Сегодня онъ — Король, вождь ратный иль посланникъ,
А завтра — нищій, рабъ, безумецъ иль изгнанникъ,
Тамъ въ пышной мантіи, а тутъ въ лахмотьяхъ весь
Но истинный артистъ вездѣ — и тамъ, и здѣсь,
Съ челомъ, отмѣченнымъ печатію таланта;
Вездѣ въ немъ видѣлъ міръ глашатая-гиганта;
Въ игрѣ, исполненной и чувства, и ума,
Вездѣ онъ былъ нашъ Кинъ, нашъ Гаррикъ, нашъ Тальма.
Мнѣ *видится театръ. Всѣ* полны ожиданья.

Вдругъ — поднятъ занавѣсъ — и взрывъ рукоплесканья
Раздался: это ты, ты вышелъ, исполинъ!
Обдуманъ каждый шагъ; ряды живыхъ картинъ —
Его движенія и каждый взмахъ десницы;
Въ бровяхъ — густая мгла, гроза изъ-подъ рѣсницы.
Онъ страшенъ. На лицѣ великость адскихъ мукъ.
Въ его гортани мретъ глухихъ рыданій звукъ;
Волнуемая грудь, всѣмъ слышимо, клокочетъ,
И въ хохотѣ его отчаянье хохочетъ;
Онъ блѣденъ... онъ дрожитъ — и пѣна на устахъ,
И судорожно сжавъ въ трепещущихъ перстахъ
Сосудъ съ отравою, онъ пьетъ... Въ оцѣпененьѣ
Слѣдите вы его предсмертное томленье —
Изнемогаетъ... Палъ... Такъ ломитъ кедръ гроза.
Онъ палъ; съ его чела вамъ смотритъ смерть въ глаза
Спускаютъ занавѣсъ. Какъ бурные порывы,
Летятъ со всѣхъ сторонъ и клики, и призывы:
«Его! Его! Пусть намъ онъ явится! Сюда»!
Нѣтъ, люди, занавѣсъ опущенъ навсегда;
Кулисы вѣчности задвинулись. Не выйдетъ!
На этой сценѣ міръ его ужъ не увидитъ.
Нѣтъ! — Смерть, которую такъ вѣрно онъ не разъ
Во всемъ могуществѣ изображалъ для васъ,
Содѣлала его въ единый мигъ случайный
Адептомъ выспреннимъ своей послѣдней тайны.

Прости, собратъ-артистъ! Прости, со-человѣкъ!
Съ благословеніемъ нашъ просвѣщенный вѣкъ
На твой взираетъ прахъ несуевѣрнымъ окомъ,
И мыслитъ: ты служилъ на поприщѣ высокомъ,
Трудился, изучалъ языкъ живыхъ страстей,
Чтобъ намъ изображать природу и людей
И возбуждать въ сердцахъ возвышенныя чувства;
Ты жегъ свой ѳиміамъ на алтарѣ искуства,

путь свой проходилъ, при кликахъ торжества,
земли родимой въ честь и въ славу Божества.

БЛАГОДАРЮ ВАСЪ ЗА ЦВѢТЫ.

(Посв. М. Ѳ. Ш).

Устранивъ высокопарность
Поэтической мечты,
Проще самой простоты,
Приношу вамъ благодарность
За роскошные цвѣты,
Въ видѣ ноши ароматной,
Усладительной вполнѣ,
Съ вашей дачи благодатной
Прилетѣвшіе ко мнѣ.

Здѣсь, средь красокъ дивной смѣси,
Ярко блещетъ гори-цвѣтъ,
Подъ названьемъ барской «спѣси»
Намъ извѣстный съ давнихъ лѣтъ.
Вотъ вербена — цвѣтъ волшебный:
Онъ у древнихъ славенъ былъ;
Чудодѣйственно-цѣлебный
На пирахъ онъ ихъ живилъ,
Кипятилъ ихъ духъ весельемъ,
Дряхлыхъ старцевъ молодилъ,
И подчасъ любовнымъ зельемъ
Въ кровь онъ римскую входилъ
Чудный цвѣтъ! Въ немъ дышитъ древность;
Жгучъ какъ пламя, алъ какъ кровь,
Пламенѣетъ онъ, какъ ревность,

Вамъ предстать чертополохомъ
Иль негодною травой.

КИПАРИСЪ.

На югѣ, гдѣ и лавръ съ оливой разрослись,
Манилъ къ себѣ мое вниманье кипарисъ.
Одѣтый въ темную задумчивую зелень,
Молитвы шепчетъ онъ близъ келій и молелень.
Порою — близъ могилъ, спокойно-величавъ,
Онъ бросилъ долу тѣнь, а рамена подъявъ
И къ небу вознося свой станъ пирамидальный,
Связуетъ горній свѣтъ со тьмой земли печальной:
Нѣмая исповѣдь! Усопшихъ здѣсь лишь прахъ,
Земля даетъ имъ тѣнь, а свѣтъ ихъ въ небесахъ, —
Но тотъ же кипарисъ — тамъ вѣрный стражъ кладбища
Здѣсь входы украшалъ въ роскошныя жилища, —
Въ чертоги богачей, и тутъ онъ былъ хорошъ.
Бывало, длинную аллею переѣдешь
И вотъ — онъ съ розою махровою сталъ рядомъ,
На прелесть обратясь могущественнымъ взглядомъ, —
И гдѣ цвѣтокъ любви свой сладкій ароматъ
Такъ неразборчиво всѣмъ предлагать былъ радъ
Ликующимъ гостямъ межъ смѣхомъ и игрою,
Суровый кипарисъ подъ жесткою корою
Хранилъ свой ѳиміамъ, приличный Божеству;
Не дѣлая помѣхъ земному торжеству,
Онъ средь пирующихъ, какъ жрецъ, въ одеждѣ темной:
«Пируйте», говорилъ, «съ умѣренностью скромной».
На чаши пышныя недолговѣчныхъ розъ
Ронялъ изъ-подъ кудрей святые перлы слезъ,
И полный *таинствомъ* глубокаго раздумья

Порывы сдерживалъ онъ пирнаго безумья, —
И между тѣмъ, какъ паръ свѣтовъ со всѣхъ сторонъ
Лукаво дѣйствовалъ на нервы дѣвъ и женъ,
Онъ въ страстный запахъ розъ и ароматъ лилейный
Степенно вмѣшивалъ свой духъ благоговѣйный,
На краски жизни тѣнь накидывалъ слегка
И вновь напоминалъ, что въ жизни смерть близка,
Что все покорствуетъ предвѣчному условью,
И при цвѣтахъ любви леталъ онъ той любовью,
Которою дыша сомкнулъ свои уста
Распятый на тебѣ, о дерево Креста!

НЕОТВЯЗНАЯ МЫСЛЬ.

Какъ привяжется, какъ прилѣпится
Къ уму разуму думка праздная,
Мысль докучная въ мозгъ твой вцѣпится
И клюетъ его, неотвязная,
И подобная птицѣ-ворону
Такъ и каркаетъ въ самомъ темени.
Норовлю отъ ней какъ бы въ сторону,
Говорю: «пусти! Нѣту времени.
День работой мнѣ начинается
И кончается онъ заботою; —
А несносная упирается:
Я съ тобой дескать поработаю! —
И становится мнѣ помѣхою,
И съ помѣхою той досадною,
Что ни сдѣлано — все съ прорѣхою
Иль съ заплаткою неприглядною.
Вспомнишь прошлое; были случаи —
Сердце юное поразнѣжится,

Забурлятъ въ умѣ мысли жгучія,
И одна изъ нихъ въ душу врѣжется
И займетъ она всю головушку —
Мысль про тайную ласку дружнюю,
Аль про дѣвушку, аль про вдовушку,
Аль — на грѣхъ бѣду — про замужнюю, —
Да какъ жаркое сердце свяжется
Съ этой думкою полюбовною —
Вся вселенная тебѣ кажется
Софьей Павловной, Ольгой Львовною;
Всюду прелести совершенныя,
Всюду милыя, да прекрасныя,
Ненаглядныя, незабвенныя!
Въ небѣ Лидіи очи ясныя
Во звѣздахъ тебѣ зажигаются,
Вѣтерокъ звенитъ Маши голосомъ:
Вѣтки дерева завиваются
Насти локоновъ мягкимъ волосомъ;
Стихъ горитъ въ умѣ съ риѳмой бѣшеной —
Стихъ, окованный сердца молотомъ:
На людей глядишь, какъ помѣшанный;
Мишуру даютъ — платишь золотомъ,
Дѣло прошлое! Дѣло древности!
Сколько дѣлъ моихъ ты разстроило!
Сколько было тамъ глупой ревности!..
Да съ любовью-то хоть ужъ стоило
Побезумствовать, покуражиться;
А теперь-то что? — Словно старая
Баба хилая, мысль привяжется
Худощавая, сухопарая:
Съ тѣми-ль встрѣтишься, съ кѣмъ ты водишься—
Рѣчь ихъ сладкая — медъ малиновый,
Тыжъ словцо сказать не находишься?
Какъ чурбанъ какой, пень осиновый,
Съ *головой своей* безталанною

Дуракомъ стоишь, занимаешься,
И на мысль свою окаянную
Всѣми силами ополчаешься;
Гонишь прочь ея рѣчью грубою:
«Вонъ изъ Питера! Въ подмосковную!
Не сравню-жъ тебя я, беззубую,
Съ Софьей Павловной, съ Ольгой Львовною.
Отцѣпись же ты, сухопарая,
Неотвязная, безотходная!
Убирайся прочь, баба старая!
Ѳекла Савишна ты негодная!» —
Я гоню ее съ крикомъ, топотомъ,
Не стихомъ кричу — прозой рубленной,
А она въ отвѣтъ полушопотомъ:
«Не узналъ меня мой возлюбленный!
А все та же я, только смолоду
Я жила съ тобой въ женской прелести,
Но прибавилось къ жизни холоду —
И осунулись бабьи челюсти;
Цѣловать меня не потянешься,
Счастья дать тебѣ не могущую,
Да за то во мнѣ не обманешься,
Говорю тебѣ правду сущую,
И служу тебѣ вѣрной парою,
И угрюмая и суровая,
За тобой хожу бабой старою,
А за мной идетъ баба новая:
Въ бѣлизнѣ она появляется,
И суха, суха — однѣ косточки,
А идетъ она — ухмыляется,
А коса у ней вмѣсто тросточки.
То не та коса благовонная,
Что обвитая лентой тонкою!
И тройнымъ жгутомъ заплетенная
Гордо держится подъ гребенкою,

Что сушитъ, крушитъ сердце юноши,
Что — корона днемъ самопышная
А разсыплется ко полуночи —
Покрывало сбрось: вещь излишняя!
Для двоихъ тутъ есть чѣмъ закутаться.
Да останется — сердцу ярому
Чѣмъ на вѣкъ еще перепутаться
И веревку свить мужу старому.
То не та коса! — Какъ свистящая
Сабля острая, круто-гнутая,
То коса всѣхъ косъ всеносящая:
Съ той косой идетъ баба лютая.
Нѣтъ кудрей у ней — нечѣмъ встряхивать,
Голова у ней безволосая,
Лишь косой вертѣть, да помахивать,
Любитъ бабушка та курносая».

ПРѢЖДЕ И ТЕПЕРЬ.

Я не люблю воспоминаній, — нѣтъ!
О, если бъ все, все сердце позабыло!
Пересмотрѣвъ ряды минувшихъ лѣтъ,
Я думаю: зачѣмъ все это было?

Прошедшее за мною, какъ змѣя,
Шипя, ползетъ. Его я проклинаю.
Все что узналъ, ношу какъ бремя я
И говорю: зачѣмъ я это знаю?

Подъ разума критической лозой
Вся *жизнь моя* мнѣ кажется ошибкой.

На что смотрѣлъ я прежде со слезой,
Теперь смотрю съ насмѣшливой улыбкой.

Предъ чѣмъ горѣлъ я пламенемъ груднымъ,
Предъ тѣмъ стою съ безчувственностью трупа;
О томъ, что мнѣ казалось неземнымъ,
Готовъ сказать: какъ это было глупо!

А для чего желалъ бы я забыть
Минувшее? — Чтобъ сердцемъ стать моложе
И въ будущемъ возобновить все тоже,
Всѣ глупости былыя повторить; —

Растратить вновь святыя упованья,
И, опытовъ хватая барыши,
За нихъ продать и дѣвственность незнанья,
И свѣтлое ребячество души.

Какъ весело пока живешь и любишь
И губишь все, что думалъ вѣкъ любить!
Нехорошо все это погубить,
А хорошо пока все это губишь.

Н. Б. ВЕЛЕЖЕВУ.

(При посылкѣ собранія стихотвореній).

Блюститель перваго условья
Всѣхъ наслажденій жизни сей,
Вы — докторъ нашъ, вы — стражъ здоровья,
И святъ вашъ подвигъ средь людей.
Я — стихотворецъ, и на лирѣ
Дано играть мнѣ въ этомъ мірѣ —

Въ сей скудной сферѣ бытія,
Гдѣ мы живемъ, томимся, тужимъ: —
Но не гармоніи-ль мы служимъ,
Почтенный докторъ, вы и я?
Вникаетъ въ тайны механизма
Тѣлесныхъ силъ вашъ зоркій взглядъ,
Чтобъ наши струны организма
Порой настроивать на ладъ,
Чтобъ вновь онѣ, въ ихъ полномъ ходѣ,
Пристроясь къ жизни торжеству,
Звучали пѣснію природѣ
И громкимъ гимномъ Божеству;
По строгимъ правиламъ науки
Соразмѣряете вы ихъ, —
А я ввожу въ размѣры звуки
И ихъ слагаю въ мѣрный стихъ, —
И счастливъ, ежели хоть слово,
Хоть звукъ обдуманный въ тиши,
Встаетъ и живо и здорово
Со дна болѣзненной души.
И такъ, — мы сходными тропами
Идемъ, и — вашъ слуга по гробъ —
Кладу предъ вашими стопами
Мое собранье риѳмъ и стопъ,
Да служатъ вамъ порой, хоть рѣдко,
Въ забаву легкую онѣ,
Какъ всѣ рецепты ваши мѣтко
Всегда служили въ пользу мнѣ.

РАШЕЛЬ.

Написано послѣ появленій ея въ роляхъ Федры и Герміоны).

Отъ береговъ тревожныхъ Сены
Предвозвѣщенная молвой,

Верховной жрицей Мельпомены
Она явилась надъ Невой.
Старикъ-Расинъ взрываетъ нѣдра
Своей могилы и глядитъ:
Его истерзанная Федра
Въ вѣнцѣ безсмертія стоитъ,
Гнетома грузомъ украшеній,
Преступной страстью сожжена,
И средь неистовыхъ движеній
Античной прелести полна.
То, мнится, мраморъ въ изваяньѣ
Пигмаліоновски-живой
Томится въ страстномъ истязаньѣ
Предъ изумленною толпой.
Изъ жаркихъ устъ волной пѣвучей
Течетъ рѣчей волшебный складъ,
То металлически-гремучій
Онъ, раздробленный въ прахъ летучій,
Кипитъ и бьетъ, какъ водопадъ, —
То, просѣкаясь знойнымъ крикомъ,
Клокочетъ онъ въ избыткѣ силъ, —
То замираетъ въ гулѣ дикомъ
И вѣетъ таинствомъ могилъ.

Вотъ дивный образъ Герміоны!
Какъ отголоски бурь въ глуши,
Широкозвучны эти стоны
Пронзенной ревностью души.
Одинъ лишь разъ, и то ошибкой,
Надежда вспыхнула на мигъ,
И гордой греческой улыбкой
Прекрасный озарился ликъ, —
И вновь ударомъ тяжкой вѣсти
Елены дщерь поражена —
Вся пламенѣетъ жаждой мести:

Троянка ей предпочтена.
Какъ видъ подрытаго утеса,
Что въ бездну моря смотритъ косо,
Чело громадное склоня,
Спокойно-страшенъ звукъ вопроса:
«Орестъ! Ты любишь-ли меня?»
Подъ скорбнымъ сердцемъ сжаты слезы:
«Отмсти! Возстань за свой кумиръ!
Лети! Рази! Разрушь весь міръ!»
Взоръ блещетъ молніей угрозы —
Дрожи, дрожи, несчастный Пирръ!
Въ глухихъ раскатахъ голосъ гнѣва
Мретъ, адской гибелью гудя;
Ужасна царственная дѣва,
Какъ Эвменида... Уходя,
Она, въ послѣднемъ вихрѣ муки,
Исполнясь мощи роковой,
Змѣисто взброшенныя руки
Взвила надъ гнѣвной головой —
И мчится — съ полотна текущей
Картиной, — статуей бѣгущей —
Богиней кары громовой.

И при захваченныхъ дыханьяхъ
Театра, полнаго огнемъ,
При громовыхъ рукоплесканьяхъ
Всего, что жизнью дышитъ въ немъ,
Зашевелился міръ могильный,
Отверзлась гробовая сѣнь...
Рашель! Твоей игрой всесильной
Мнѣ зрится вызванная тѣнь:
Нашъ трагикъ, раннею кончиной
Отъ насъ оторванный, возсталъ,
И устремивъ свой взоръ орлиный
На *твой тріумфъ*, возтрепеталъ.

Онъ близъ тебя замѣтилъ мѣсто,
Гдѣ-бъ ты могла узрѣть его
Въ лицѣ Тезея, иль Ореста,
Иль Ипполита твоего.

ВЬЮЩЕЕСЯ РАСТЕНІЕ.

Собственною слабостью въ дольній прахъ повержено,
Зѣлье пресмыкается,
Но могучимъ деревомъ на пути поддержано —
На него взбирается.
Глядь! Растенье гибкое вервью переплётною
Крѣпкій стволъ опутало,
Прицѣпилось къ мощному, листьевъ тканью плотною
Всю кору закутало;
Жмется зѣлье хилое къ дереву суровому,
Хилому здоровится:
Выше съ утра къ вечеру, съ ночи къ утру новому
Гуще все становится, —
И потомъ, отъ мощнаго будто-бъ не зависѣло,
Съ прихотью раскинулось,
Высь чела древеснаго, взвившись, перевысило,
Да потомъ какъ ринулось
Внизъ каскадомъ лиственнымъ: въ воздухѣ разбросанны
Стеблей кисть богатая,
Какъ волосъ всклокоченныхъ, гребнемъ непричесанныхъ,
Густота косматая,
Свѣсилась, касается; — дерево-жъ, навьючено
Этой тяжкой ношею,
Наклонилось, сгорбилось; кажется, измучено
Долей нехорошею.

льно, грустно дереву, къ небу вмѣстѣ съ братьями
Нѣкогда подъятому,
теперь согбенному, душными объятьями
Безпокойно сжатому.
вѣдь съ лаской, кажется, съ дружбою, съ любовію
То растенье стелется
стволу древесному, словно плотью-кровію
Съ нимъ радушно дѣлится:
его-жъ здѣсь видима участь невеселая,
Съ горемъ неразлучная?
ь, — есть ласки горькія, есть любовь тяжелая
И пріязнь докучная.

ТРИ ВЛАСТИ РИМА.

Городъ вѣчный! Городъ славный!
Представитель всѣхъ властей!
Вождь когда-то своенравный,
Мощный царь самоуправный
Всѣхъ подлунныхъ областей!
Римъ — отчизна Сципіоновъ;
Римъ — метатель легіоновъ,
Римъ — величья образецъ,
Въ дивной кузницѣ законовъ
Съ страшнымъ молотомъ кузнецъ?
Полонъ силой исполинской,
Ты рубилъ весь міръ съ плеча
И являлъ въ рукѣ воинской
Всемогушество меча.
Что-же? Съ властію толикой
Какъ судьба тебя вела?
Не *твоимъ-ли*, Римъ великій,

Лошадь консуломъ была?
Не средь этого-ль Сената —
Въ семъ чертогѣ высшихъ дѣлъ —
Кругъ распутницъ, жрицъ разврата
Межъ сенаторовъ сидѣлъ?
И не твой-ли вѣнценосный
Царь-пѣвунъ звонко-голосный
Щеки красилъ и бѣлилъ,
И, рядясь женообразно,
Средь всеобщаго соблазна
Гордо за-мужъ выходилъ,
Хохоталъ, и пѣлъ, и пилъ,
И при пѣсняхъ, и при смѣхѣ
Жегъ тебя, и для потѣхи,
Въ Тибрѣ твой смиряя пылъ,
Недожженнаго топилъ,
И стрѣляя въ ускользнувшихъ,
Добивалъ недотонувшихъ,
Недострѣленныхъ травилъ? —
Страшенъ былъ ты, Римъ великій,
Но не спасся, сынъ временъ,
Ты отъ силы полудикой
Грозныхъ сѣвера племенъ.
Изъ лѣсовъ въ твои границы
Гость косматый забѣжалъ —
И воскормленникъ волчицы
Подъ мечомъ медвѣжьимъ палъ.

Городъ вѣчный! Городъ славный!
Крѣпкій мечъ твой, мечъ державный —
Не успѣлъ гиганта спасть:
Мечъ разсыпался на части, —
Но взамѣнъ стальной сей власти
Ты явилъ другую власть.
Невещественная сила —

Силса Римскаго Двора
Ключъ отъ рая захватила
У Апостола Петра.
Новый Римъ сталъ съ небомъ рядомъ,
Сталъ онъ пастыремъ земли,
Цѣлый міръ ему былъ стадомъ,
И паслись съ поникшимъ взглядомъ
Въ этой паствѣ короли,
И клонясь челомъ къ подножью
Властелина своего,
Съ праха туфли у него
Принимали милость Божью,
Иль тряслись морозной дрожью
Подъ анаѳемой его.
Гробъ Господень указуя,
И гремя, и торжествуя,
Онъ сказалъ Европѣ: встань!
Крестъ на плечи! мечъ во длань! —
И Европа шла на брань
Въ Азію, подобно стаду,
Гибнуть съ вѣрою нѣмой
Подъ мечомъ и подъ чумой.
Мнится, Папа, взявъ громаду
Всей Европы въ перегибъ,
Эту ношу къ небу вскинулъ,
И на Азію изринулъ
И объ гробъ Христовъ расшибъ;
Но расшибенное тѣло,
Изцѣляясь, закипѣло
Новой жизнію, — а онъ
Самъ собой былъ изнуренъ —
Этотъ Римъ. — Съ грозой знакомый
Міръ узрѣлъ твой тщетный страхъ:
Неумѣстны Божьи громы
Въ человѣческихъ рукахъ.

Предъ очами свѣта, явно,
Римскихъ Папъ въ тройномъ вѣнцѣ —
Пировалъ развратъ державный
Въ грязномъ Борджіа лицѣ.
Долго въ пасть любостяжаній
Римъ хваталъ земныя дани
И тучнѣлъ отъ дольнихъ благъ,
За даянья отпирая
Для дающихъ двери рая. —
Все молчало: всталъ монахъ,
Слабый ратникъ Августинскій,
Противъ силы исполинской,
И сильнѣй была, чѣмъ мечъ,
Ополчившагося рѣчь, —
И, ревнуя къ Божьей славѣ,
Рекъ онъ: «Божью благодать
Пастырь душъ людскихъ не въ правѣ
Грѣшнымъ людямъ продавать».
Полный гнѣва, полный страха
Римъ заслышалъ рѣчь монаха,
И проклятьемъ громовымъ
Грозно грянулъ онъ надъ нимъ;
Но неправды обличитель
Вновь возсталъ, чтобы сказать:
«Намъ Божественный Учитель
Не далъ права проклинать».

Городъ вѣчный! — Чѣмъ-же нынѣ —
Новой властію какой —
Ты мечемъ иль все-святыней
Покоряешь міръ людской? —
Нѣтъ! плѣнять нашъ умъ и чувства
Призванъ къ мирной ты судьбѣ:
Возсіяла мощь искуства,
Власть изящнаго въ тебѣ.

Въ Капитолій свой всечтимый
На рукахъ ты Тасса мчалъ,
И безсмертья діадимой
Полу-мертваго вѣнчалъ.
Твой гидантъ — Микель-Анджело
Куполъ неба вдвинулъ смѣло
Въ куполъ храма — въ твой вѣнецъ.
Бралъ онъ творческій рѣзецъ —
И пріемля всѣ изгибы
И величія печать,
Бѣло-мраморныя глыбы
Начинали вдругъ дышать;
Кисть хваталъ — и въ дивномъ блескѣ
Гласъ: «да будетъ!» — эта кисть
Превращала черезъ фрески
Въ изумительное «бысть».
Здѣсь твоій вѣчный трудъ хранится,
Перуджино ученикъ,
Что писалъ не кистью, мнится,
Но молитвой Божій ликъ;
Мнится, ангелъ, вѣя лаской,
Съ растворенной небомъ краской,
Съ высоты къ нему спорхнулъ —
И художникъ зачерпнулъ
Смѣсь изъ радугъ и тумана,
И на стѣны Ватикана,
Посвященный въ чудеса,
Взялъ и бросилъ небеса.

Римъ! Ты много крови пролилъ
И проклятій расточилъ;
Но творецъ тебѣ дозволилъ,
Чтобъ, безсмертный, ты почилъ
На изящномъ, на прекрасномъ,
Въ сферѣ творческихъ чудесъ.

Отдыхай подъ этимъ яснымъ,
Чуднымъ куполомъ небесъ!
И показывай вселенной,
Какъ непрочны всѣ мечи,
Какъ опасенъ духъ надменный, —
И учи ее, учи!
Покажи ей съ умиленьемъ
Santo padre своего,
Какъ святымъ благословеньемъ
Поднята рука его!
Прахъ развалинъ Колизея
Чужеземцу укажи:
Вотъ онъ — прахъ теперь! — скажи:
Слава Богу! — Мирно тлѣя,
Бойня дикая молчитъ.
Какъ прекрасенъ этотъ видъ,
Потому, что онъ печаленъ
И безжизненъ, — потому,
Что безмолвный видъ развалинъ
Такъ приличенъ здѣсь всему,
Въ чемъ, не въ честь былаго вѣка,
Видно звѣрство человѣка.
Пылью древности своей,
Римъ, о прошломъ проповѣдуй,
И о смерти тѣхъ людей
Наставительной бесѣдой
Жить насъ въ мірѣ научи,
Покажи свои три власти,
И, смиривъ намъ злыя страсти,
Наше сердце умягчи!
Чтобъ открыть намъ благость Божью,
Дать намъ видѣть Божество, —
Покажи надъ бурной ложью
Кроткихъ истинъ торжество!

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ.

Есть муки непрерывныя: не видно,
Не слышно ихъ; о нихъ не говорятъ.
Скрывать ихъ трудно, открывать ихъ стыдно;
Ихъ люди терпятъ, жмутся и молчатъ.

Зарыты въ мракъ душевнаго ненастья,
Онѣ не входятъ въ пѣснь твою, пѣвецъ.
Ихъ благороднымъ именемъ несчастья
Назвать нельзя: несчастіе — вѣнецъ —

Вѣнецъ святой, надѣтый подъ грозою,
По приговору Божьяго суда.
Несчастье — тернъ, обрызнутый слезою
Иль кровію, но грязью — никогда.

Оно идетъ, какъ буря — въ тучахъ грозныхъ
Съ величьемъ; — тутъ его и тѣни нѣтъ.
Тутъ — пошлость золъ и бѣдъ мелко-занозныхъ
Вседневныхъ золъ и ежечасныхъ бѣдъ.

Житейскій соръ! — Едва лишь пережиты —
Одни ушли, тѣ сыплютъ пылью вновь, —
А на душѣ осадокъ ядовитый
Отъ нихъ растетъ и проникаетъ въ кровь; —

Они язвятъ подобно насѣкомымъ,
И съ ними тщетна всякая борьба:
Лишь вихремъ бурнымъ, молніей и громомъ
Разноситъ ихъ могучая судьба.

ЧТО-ТО БУДЕТЪ?

Я предразсудковъ врагъ; но я не чуждъ гаданья
Надъ тайной участью цвѣтущаго созданья,
Вступающаго въ свѣтъ съ чувствительной душой
И сердцемъ трепетнымъ. Что будетъ? — Боже мой!
Что дѣву юную ждетъ въ этомъ мірѣ строгомъ,
Богатомъ въ горестяхъ, а въ радостяхъ убогомъ?
Какой ей въ жизни путь судьбой опредѣленъ?
Кто будетъ спутникъ ей? Кто будетъ этотъ *онъ?*
И мнѣ хотѣлось-бы не пошлые привѣты
Ей дать въ приданое, но добрые совѣты,
И на далекій путь снабдить ее притомъ
Дорожной граматой, хранительнымъ листомъ.
«О рокъ земной! Смягчись: рукою всемогущей
Созданью нѣжному дай свѣтлый день грядущій!» —
Такъ съ теплой просьбою взываю я къ судьбѣ:
«Не изомни цвѣтка, врученнаго тебѣ!
«Злой бурей не обидь едва разцвѣтшей розы!» —
А тамъ, отъ тихихъ просьбъ переходя въ угрозы,
Я повелительно судьбѣ въ глаза смотрю,
И пальцемъ ей грожу: такъ помни-жъ! — говорю,
Какъ будто-бы она должна быть мнѣ послушна,
А та на все глядитъ спокойно, равнодушно.

ИСХОДЪ.

Се — Моисей повелъ народъ:
За нимъ — Египетскіе кони,
Громъ колесницъ и шумъ погони;
Предъ нимъ лежитъ равнина водъ; —

И осуждая на разлуку
Волну съ волною, надъ челомъ
Великій Вождь подъемлетъ руку
Съ ея властительнымъ жезломъ:
И море, вспѣнясь и отхлынувъ,
Сребромъ чешуйчатымъ звуча,
Какъ звѣрь взметалось, пасть разинувъ,
Щетиня гриву и рыча,
И грудь волнистую натужа,
Не зря, отколь идетъ гроза.
Вдругъ на невѣдомаго мужа
Вперило мутные глаза —
И видитъ: цѣпь съ народа сбросивъ,
Притекъ онъ, свѣтелъ, къ берегамъ,
Могущъ, блистающъ, какъ Іосифъ,
И Бога полнъ, какъ Авраамъ;
Ликъ осіянъ вѣнцомъ надежды;
Величье дивное въ очахъ;
Не зыблетъ вѣтръ его одежды;
Подъ бурей тихо на плечахъ
Лежатъ власы его льняные,
И чудотворною рукой
Подъятъ надъ бездною морской
Жезлъ, обращавшійся во змія,
И въ спорѣ пламени и мглы
Ревутъ у ногъ его валы.

И се — небесной мощи полный
Надъ бездной окомъ онъ блеснулъ,
И моря трепетныя волны
Жезломъ разящимъ расхлеснулъ. —
И вся пучина содрогнулась,
И въ смертномъ ужасѣ она,
Привставъ съ дымящагося дна
И возстенавъ, перевернулась,

И южный вѣтеръ, въ двѣ стѣны
И съ той и съ этой стороны
Валы ревущіе спирая,
Сдержалъ ихъ крѣпкою уздой,
Проникъ до дна, и въ край изъ края
Пучину моря раздирая,
Широкой взрылъ ее браздой,
И волны, въ трепетѣ испуга,
Свой тяжкій подавляя стонъ,
Взираютъ дико съ двухъ сторонъ,
Отодвигаясь другъ отъ друга,
И средь разверстой хляби водъ
Во слѣдъ Вождю грядетъ народъ, —
Грядетъ! — Суха его дорога;
Стихія стала вдругъ рабой:
Она узрѣла предъ собой
Того, который видѣлъ Бога.

Погоня вслѣдъ; но туча мглы
Легла на вражескія силы;
Отверзлись влажныя могилы;
Освобожденные валы,
Не видя надъ собой угрозы,
Могущей вспять ихъ обратить,
Стремглавъ спѣшатъ совокупить
Свои бушующія слезы.
И съ дикимъ ревомъ торжества
Вступя въ стихійныя права —
Взаимно-узнанные братья —
Другъ другу кинулись въ объятья,
И жадно сдвинувъ съ грудью грудь,
Пріяли свой обычный путь.

И прешедъ чрезъ хлябь морскую,
И погибель зря враговъ,

Пѣснь возноситъ таковую
Сонмъ Израиля сыновъ:
«Воспоемъ къ Предвѣчному:
Словно-бо прославися!
Ввергъ онъ въ море бурное
И коня и всадника.
Бысть мнѣ во спасеніе
Богъ мой — и избавися.
Пойте Безконечному;
Славно-бо прославися:

«Кто тебѣ равнымъ, Боже, поставленъ?
Хощешь — и бурей дохнутъ небеса,
Море изсохнетъ: буди прославленъ!
Дивенъ во славѣ творяй чудеса!

«Онъ дохнетъ — и смерть готова.
Кто на споръ съ нимъ стать возмогъ?
Онъ могущенъ; онъ брани Богъ;
Имя Вѣчному — Егова.
Онъ карающъ, святъ и благъ;
Жнетъ враговъ его десница:
Въ безднѣ моря гибнетъ врагъ,
Тонутъ конь и колесница;
Онъ восхощетъ — и средь водъ
Невредимъ его народъ.

«Громъ въ Его длани; ликъ Его ясенъ,
Солнце и звѣзды — Его словеса;
Кротокъ и грозенъ, благъ и ужасенъ:
Дивенъ во славѣ творяй чудеса!»

И въ веселіи великомъ
Со женами Маріамъ,
Оглашая воздухъ кликомъ,

Ударяетъ по струнамъ,
Въ силу Божьяго закона
Вѣщимъ разумомъ хитра,
Мужа правды — Аарона
Вдохновенная сестра.
Хоръ гремитъ, текутъ напѣвы,
Раздается звонкій кликъ:
«Богъ Израиля великъ!»
Вторятъ жены, вторятъ дѣвы,
Вторятъ сердце и языкъ:
«Онъ великъ!»

А исполненный святыни,
Внемля звукамъ пѣсни сей,
Въ предлежащія пустыни
Тихо смотритъ Моисей.

ЛЕБЕДЬ.

Вѣтерокъ едва колышетъ
Воду въ сонныхъ берегахъ.
Статный лебедь тихо дышитъ
Въ шопотливыхъ камышахъ.
Грудь, какъ парусъ, пышно вздута,
Бѣлоснѣжна и чиста;
Шея, загнутая круто,
Гордо къ небу поднята, —
И проникнутъ упоеньемъ
Онъ, въ спокойной красотѣ,
Надъ своимъ изображеньемъ,
Опрокинутымъ въ водѣ.

Что такъ важно, лебедь бѣлый,
Ты глядишь по сторонамъ?
Иль свершилъ ты подвигъ смѣлый?
Иль доставилъ пользу намъ?
«Нѣтъ, — я праздно, говоритъ онъ,
Нѣжусь въ одномъ хрусталѣ,
Но не даромъ я упитанъ
Духомъ гордымъ на землѣ.
Жизнь мою переплывая,
Вѣчно вымытъ до бѣла,
Я плыву — и грязь земная
Не пятнаетъ мнѣ крыла.
Отряхнусь — и сухъ я стану,
Встрепенусь — и серебристъ,
Запылюсь — я въ волны пряну,
Окунусь — и снова чистъ.
На брегу пустынно-дикомъ
Человѣка я встрѣчалъ
Иль нестройнымъ, гнѣвнымъ крикомъ,
Иль таился и молчалъ, —
И какъ голосъ мой чудесенъ —
Не узнаетъ онъ во вѣкъ:
Онъ не стоитъ сладкихъ пѣсенъ —
Злобный, жалкій человѣкъ.
Но — въ мигъ смертный, въ сладкой мукѣ,
Я, прильнувъ къ моимъ водамъ,
Вдохновенной пѣсни звуки
Прямо небу передамъ.
Завѣщаю, въ память свѣту,
Я не злато, не сребро,
Но изъ крылій дамъ поэту
Чудотворное перо, —
Отъ груди моей остылой,
Гдѣ виталъ летучій духъ,
Въ изголовье дѣвѣ милой

Я оставлю мягкій пухъ, —
И когда любовь отгонитъ
Сонъ отъ дѣвственныхъ очей,
На него слезу уронитъ
Дѣва въ сумракѣ ночей,
Косъ вiющихся змѣями
Этотъ пухъ переплететъ,
Обовьетъ его руками,
И прильнетъ къ нему устами
И къ груди его прижметъ.
Я исчезну, — и средь и влаги,
Гдѣ нырялъ я, полнъ отваги,
Не увидитъ міръ слѣда;
Но на мѣстѣ, гдѣ плескаться
Такъ любилъ я иногда,
Будетъ тихо отражаться
Ночи мирная звѣзда».

ГРУСТНАЯ ПѢСНЯ.

Плохо! Чѣмъ живется долѣ,
Тѣмъ живется хуже.
Пріютился-бъ въ горькой долѣ
Сердцемъ, — да къ кому-же?

Бродишь старымъ сиротою;
Всѣ мнѣ какъ-то чужды;
Какъ живу и что со мною —
Никому нѣтъ нужды.

Есть у Божьей церкви, съ краю,
Тихая могила;

Тамъ лежитъ одна — я знаю:
Та меня любила.

Не зато, чтобъ точно было
Все во мнѣ такъ мило,
А за то меня любила,
Что меня родила.

Изнуренная, больная,
Дряхлая, бывало,
Тужишь, ищешь ты, родная:
«Гдѣ дитя пропало?»

Чу! звонятъ; гляжу: могила!
И мой жребій понятъ,
Лишь одна меня любила,
Да и ту хоронятъ.

И замкнулася тоскою
Жизнь моя блажная,
Ты зовешь меня къ покою:
Подожди, родная!

ЧУВСТВО.

Подумаешь: къ чему всѣ эти бури —
Гроза страстей? — Мнѣ такъ легко съ тѣхъ поръ,
Какъ на тебя упалъ мой бѣдный взоръ
И плавать сталъ очей твоихъ въ лазури.
Мнѣ кажется — я такъ тебя люблю,
Такъ хорошо мнѣ было-бы съ тобою,
Такъ *по себѣ, что я* съ моей судьбою

Поладилъ-бы, и на душу мою
Сошла-бы та спокойная отрада,
То тихое довольство добрыхъ душъ,
Котораго не трогай, не нарушь —
И ничего ужъ болѣе не надо!

Я ЗНАЮ.

Я знаю: томлюсь я напрасно;
Я знаю: люблю я безплодно;
Ея равнодушье мнѣ ясно,
Ей сердце мое — неугодно.

Я нѣжныя пѣсни слагаю,
А ей и внимать недосужно;
Ей, всѣми любимой, я знаю,
Мое поклоненье не нужно.

Рѣшенье судьбы неизмѣнно,
Не также-ль средь жизненной битвы
Мы молимся небу смиренно, —
А нужны ли небу молитвы?

Такъ нашею бренностью гибкой,
Клонящейся долу послушно,
Стоитъ оно съ вѣчной улыбкой
И смотритъ на насъ равнодушно, —

И видя, какъ смертный склоняетъ
Главу свою, трепетный, блѣдный,
Оно неподвижно сіяетъ,
И смотритъ, и думаетъ: «бѣдный»!

И мыслю я, пронять глубоко
Сознаньемъ, что небо безстрастно:
Не тѣмъ-ли оно и высоко?
Не тѣмъ-ли оно и прекрасно?

СМѢЙТЕСЬ!

Еще недавно мы знакомы,
Но я ужъ долженъ вамъ сказать,
Что вы усвоили пріемы,
Чѣмъ можно сердце потерзать;
Вы вникли въ милое искусство
Пощекотать больное чувство,
Что-бъ послѣ, подъ его огнемъ,
Свои фантазіи на немъ
Съ прегармоническимъ разсчетомъ
Такъ ловко, вѣрно, какъ по нотамъ,
Слегка разыгрывать, смѣясь:
Вездѣ вамъ музыка далась!
Вы проходили эту гамму, —
И съ страшной злостью васъ любя,
Въ угоду вамъ, я самъ себя
Готовъ поднять на эпиграмму.
Сквозь грани радужныя призмъ
Смотрѣть ужъ поздно мнѣ, конечно;
Да, — сознаюсь чистосердечно:
Мои мечты — анахронизмъ.
О, смѣйтесь, смѣйтесь смѣхомъ явнымъ!
Не правда ль — чувство такъ смѣшно?
Ему всегда иль быть забавнымъ,
Иль жалкимъ въ мірѣ суждено.
Простите! *Я вернусь* къ разсудку...

Когда-жъ мы встрѣтимся опять, —
Мы обратимъ все это въ шутку
И будемъ вмѣстѣ хохотать.

ВОСПОМИНАНІЕ.

(Посвящено памяти Жуковскаго и Пушкина).

И Жуковскій отлетѣлъ отъ міра;
Кончена молитва этой жизни;
Пережитъ онъ нами — чудный старецъ,
Вѣчно юный. — Онъ былъ представитель
Чистаго стремленія души
Къ неземной, божественной отчизнѣ:
Взоръ его сіялъ тѣмъ кроткимъ свѣтомъ,
При которомъ такъ просторно мыслямъ,
Такъ отрадно сердцу, такъ тепло;
На челѣ задумчивость святая
Тихо почивала; райской гостьей
Прилетала на уста поэта
Мирная улыбка, чтобъ на нихъ
Отдохнуть подъ свѣжей тѣнью грусти —
Вѣстницы другаго назначенья,
На лицѣ его напечатлѣнной.
Рѣчь его таинственно текла
Изъ душевной глубины, подъемлясь
Легкимъ паромъ мощнаго вулкана,
Въ думу погруженнаго, который
Скрылъ свой пламень въ потаенныхъ нѣдрахъ
Чтобъ земли напрасно не колебля,
Лишь слегка дымящимся дыханьемъ
Возвѣщать ей о великой силѣ,

Самовластно сжавшей свой порывъ, —
Тихимъ звукомъ намекать о громѣ,
Намъ неслышномъ. — Помню я собранья
Подъ его гостепріимнымъ кровомъ —
Вечера субботніе: рѣкою
Наплывали гости и являлся
Онъ — чернокудрявый, огнеокій,
Пламенный Онѣгина создатель,
И его веселый, громкій хохотъ
Часто былъ шаговъ его предтечей;
Мѣткій умъ сверкалъ въ его разсказѣ:
Быстродвижныя черты лица
Измѣнялись непрерывно; губы,
И въ молчаньѣ, жизненнымъ движеньемъ
Обличали вѣчную кипучесть
Зоркой мысли. Часто ѣдкой злостью
Остріе играющаго слова
Оправлялъ онъ; но и этой злости
Было прямодушіе основой —
Благородство творческой души,
Мучимой, тревожимой, язвимой
Низкими явленьями сей жизни.

Какъ теперь гляжу на нихъ обоихъ —
На того и этого. *Одинъ*
Весь проникнутъ таинствомъ мечтанья,
Не легко могъ ладить съ этой жизнью,
Съ этою существенностью, гдѣ
Иногда вмѣняютъ въ преступленье
И мечту святую. Оторваться
Трудно было жертвоносцу Музы
Отъ завѣтной думы, отъ приманки
Тайной мысли — даже и тогда,
Какъ бывалъ онъ въ чинной раммѣ свѣта,
Гдѣ *поэту надо спрятать* душу,

Чтобъ спастись порою отъ насмѣшки
Жалкой и тупой, но ядовитой.
Въ мірѣ, гдѣ и добродѣтель даже
Не всегда терпима и умѣстна,
Въ этомъ мірѣ, гдѣ она должна
Время знать и появляться кстати,
Неизбѣжны тяжкія боренья
Для души, прекраснымъ увлеченной.
Но пѣвецъ Ундины могъ за то
Ладить самъ съ собою: въ глубинѣ
Теплой вѣры, съ глазу на глазъ съ сердцем[illegible]
Будучи земли сей милымъ гостемъ,
Онъ умѣлъ и здѣсь, въ гостяхъ, быть дома,
И сгущенный мракъ земной невзгоды
Въ мощной ширинѣ души поэта
Долженъ былъ рѣдѣть и уясняться,
Разрѣшаяся въ туманъ прозрачный,
Озаренный радугой фантазій.
Страсть его въ молитву обращалась,
Въ гимніамъ и жертву Божеству.

А другой — стать властелиномъ жизни
Былъ способенъ, силой крѣпкой воли
Отрѣшиться отъ мечты порою
И взглянуть на вещи мѣткимъ взоромъ,
Проницающимъ и самый камень,
Свѣтомъ называемый: за то
Совладать съ собою было трудно
Этому гиганту; — съ бурнымъ чувствомъ —
Съ этимъ Африканскимъ ураганомъ —
Онъ себя не могъ преодолѣть.

Но земное рѣзкое несходство
Двухъ поэтовъ — ихъ не удаляло
Другъ отъ друга: общій признакъ Бога —

Вдохновенье *) — ставило ихъ рядомъ
Подъ одно Божественное знамя,
Братской дружбой руки ихъ смыкая. —
Отчего-жъ, я думаю порою,
Межъ людьми горятъ вражда и злоба?
Ратники несходныхъ вѣръ и мнѣній,
Разныхъ силъ, въ вооруженьяхъ разныхъ —
Развѣ не должны они, какъ братья,
Узнавать другъ друга по призванью,
Ясному въ значеньѣ человѣка?
Не одно ль надъ ними вѣетъ знамя —
Божье знамя? не къ одной ли битвѣ
Противъ зла — единаго врага —
Ополчилъ ихъ вѣчный Вождь небесный?

Помню: уѣзжая въ край далекій,
Гдѣ ждала невѣста молодая
Нашего Жуковскаго, онъ молвилъ:
«Вотъ — нашелъ я музу на землѣ.
«Ѣду къ ней подъ золотое небо,
«Тамъ я кончу поприще земное.
«Вспоминайте обо мнѣ! Простите!»
Онъ уѣхалъ. Много дней промчалось.
Тамъ — въ Германіи — полу-родной
Нашему мечтателю, въ отчизнѣ
Шиллера, котораго намъ, Русскимъ,
Возсоздалъ онъ, чью живую душу
Изъ своей всеемлющей души
Перелилъ въ доступное намъ слово, —
Тамъ — въ бесѣдѣ съ мудрецомъ-Гомеромъ
Жилъ онъ, и божественнаго старца
Воспріемля вѣщіе разсказы,
Отражалъ ихъ намъ въ волшебныхъ звукахъ

*) *Выраженіе Пушкина* въ разговорѣ книгопродавца съ поэтомъ.

Русскаго гекзаметра и вѣялъ
Въ сердцѣ наше греческою жизнью.
Такъ себя онъ продолжалъ и кончилъ.

Тотъ — кипучій, прежде отлетѣвшій
Въ лучшій міръ безвременною смертью
Сорванъ былъ, когда поэта геній
Лишь вполнѣ развилъ свою могучесть.
Онъ широкимъ львинымъ перескокомъ
Въ вѣчность перенесся, до конца
Вѣрный быстротѣ своихъ движеній.
Вдругъ сказалъ онъ: «кончено», — и бросивъ
Намъ свой прахъ, душой воспрянулъ къ небу.
Этотъ — отъ своихъ единоземцевъ
Въ удаленьѣ — долго испарялся,
Чистымъ воздымаясь ѳиміамомъ.
Онъ, вдали, какъ призракъ свѣтоносный,
Болѣе и болѣе терялся
Въ глубинѣ безоблачнаго неба,
И какъ звукъ, Эоловою арфой
Изнесенный, замирая сладко,
Утихалъ онъ, — и — конца не слышно:
Онъ, и исчезая, продолжился.

Тотъ хотѣлъ какъ будто-бъ — самой смертью
Вдругъ расторгнуть вѣчную преграду,
Что живыхъ отъ мертвыхъ отдѣляетъ, —
Распахнуть намъ настежь эти двери
И открыть надъ міромъ въ полномъ блескѣ
Неба свѣтозарнаго пучину.
Этотъ, мнится, возносясь хотѣлъ лишь
Отодвинуть только край завѣсы,
Между небомъ и землей простертой,
Чтобъ не вдругъ сіяніемъ безмѣрнымъ

Поразить намъ немощныя очи,
Къ сумраку привыкшіе земному.

И его не стало... Нѣтъ обоихъ!
Ихъ не стало; но святые звуки
Міръ ихъ сладострунныхъ вѣчно живы.
Тотъ намъ въ душу пламенные ямбы
Мечетъ, и упругой сталью слова
Проводя глубокія бразды
По сердцамъ, оледенѣть готовымъ,
Вспахиваетъ почву, обжигая
Корни закоснѣлые, и зерна
Вбрасываетъ мысли плодотворной
И живаго трепетнаго чувства
Въ этотъ прахъ, побѣги вызывая
Чудной жизни въ юдольной грязи.
Этотъ — льется звучными слезами,
Жаркими, истекшими изъ сердца,
Гдѣ горитъ огонь неугасимый,
Но въ земной прохладной атмосферѣ
Освѣжаясь, падаютъ онѣ,
Какъ роса, на грудь земли несчастной,
Чтобъ ее, изсохшую, увлажить,
Умягчить и утолить ей жажду,
А потомъ онѣ восходятъ снова
Легкимъ паромъ, смѣшаннымъ съ дыханьемъ
Ими орошенныхъ злаковъ дольнихъ
И цвѣтовъ, въ свое родное небо —
Къ вѣчному истоку своему.

СНОВИДѢНІЕ.

(Написано послѣ посѣщенія Гостилицъ).

Мнѣ видѣлся сонъ — упоительный сонъ.
Мнѣ снилось: изъ пыли враждебной
Чрезъ море и сушу я былъ унесенъ,
И замокъ предсталъ мнѣ волшебный.
Красиво смотрѣлъ онъ съ своей высоты
На прелесть природы окрестной;
Лаская его обнимали цвѣты
При блескѣ лазури небесной.
Въ фонтанахъ, въ каскадахъ, подъ солнца лучем
Вода говорливо рѣзвилась,
То била изъ грота студенымъ ключемъ,
То озеромъ свѣтлымъ ложилась, —
И птичка, взлетая, веселую трель
Въ пространствѣ небесъ выводила,
А въ водномъ потокѣ играла форель
И стерлядь степенно ходила. —
Роскошные виды со всѣхъ тамъ сторонъ
Являлись несытому зрѣнью;
Привѣтно кивали и ясень и кленъ
Вѣтвями съ отрадною тѣнью.
Разумный владѣлецъ все самъ насадилъ,
Самъ доброй рукою посѣялъ,
И каждый изсохшій сучекъ отдѣлилъ,
И свѣжую вѣтку взлелѣялъ, —
И съ нѣжной заботой ходилъ онъ окрестъ,
Призыву хозяйства послушно, —
И чудные виды плѣнительныхъ мѣстъ
Указывалъ гостю радушно.
Все было прекрасно! Но лучше всего,
Что тамъ озаряла денница,

И лучше всѣхъ видовъ, и замка того,
Была того замка царица.
Живой, христіанской, святой теплоты
Являлось въ очахъ ея много,
И кроткаго лика сіяли черты
Глубокою вѣрою въ Бога,
И ясно ея выражало чело
Дѣлъ добрыхъ прекрасную повѣсть,
И сердцу при ней становилось тепло,
Цѣлилась молитвою совѣсть.
Исчезнулъ мелькнувшій мнѣ сладостный сонъ,
Но сердце его сохранило, —
И думаю: Боже! какъ ясенъ былъ онъ!
Да полно, во снѣ-ль это было?

ПОСЛѢ ПОХОРОНЪ А. А. К.

Онъ отошелъ отъ нашей кутерьмы.
Вчера его похоронили мы.
Онъ былъ, онъ жилъ... Но жить нужна снаровка,
А онъ и жилъ и дѣйствовалъ неловко,
Съ неправдами боролся цѣлый вѣкъ —
И свѣтъ рѣшилъ: тяжелый человѣкъ!
Онъ обо всемъ своеобразно мыслилъ:
За то его свѣтъ къ чудакамъ причислилъ.
Онъ ближнему не мало и добра
Творилъ гдѣ могъ — сознаться въ томъ пора! —
Но онъ его творилъ рукой негибкой,
Не приправлялъ пріятною улыбкой,
А дополнялъ совѣтомъ, хоть благимъ
И истиннымъ, но жесткимъ и тугимъ:
Послѣднее казалось и не нужно!

Выслушивать мораль намъ недосужно;
Иной его за это осудилъ, —
Такъ и добромъ онъ намъ не угодилъ.

Онъ честенъ былъ; читалъ, любилъ науку,
Поэзію; — себѣ не грѣлъ онъ руку
Чужимъ добромъ, когда и случай былъ —
Такой чудакъ! — Бывало, говорилъ,
Что ежели на это покуситься,
То надобно ему тѣхъ благъ лишиться,
Которыми онъ осчастливленъ такъ,
Когда сидитъ за книгою: чудакъ!
Поэтому, средь книгъ ему утѣшныхъ,
Доходовъ онъ, подъ именемъ безгрѣшныхъ
Извѣстныхъ намъ, какъ язвы избѣгалъ,
И, странностями полный, полагалъ,
Что эдакъ на житейскую удобность
Продашь души священную способность
Высокимъ наслаждаться. — Противъ зла
Его душа въ борьбѣ изнемогла,
И въ немъ еще задолго до могилы
Разстроились всѣ жизненныя силы,
И мысли свѣтъ померкнулъ. Умеръ онъ:
Немного лицъ къ обряду похоронъ
Пріѣхало: — забыли иль не знали,
И, можетъ быть, съ ужимкою сказали,
Узнавъ потомъ, что онъ свой кончилъ вѣкъ:
«Ну чтожъ? Онъ былъ вѣдь странный человѣ

Подумаешь — и какъ-то грустно, больно!
Да, точно, онъ былъ страненъ и довольно
Порой тяжелъ, но — человѣкъ! Нельзя
По совѣсти намъ не сказать, друзья,
Что многое въ немъ было такъ сердечно
И многое — глубоко человѣчно.

ПРОМЕТЕЙ.

Стянутъ цѣпію желѣзной
Кто, съ безсмертьемъ на челѣ,
Надъ разинутою бездной
Пригвожденъ къ крутой скалѣ?
То Юпитеромъ казнимый
Съ похитительнаго дня —
Прометей неукротимый,
Тать небеснаго огня!
Цѣпь изъ кузницы Вулкана
Въ члены мощнаго Титана
Вгрызлась; рѣзкое кольцо
Сводитъ выгнутыя руки;
Съ выраженьемъ гордой муки
Опрокинуто лицо;
Тѣло сдавленное ноетъ
Подъ желѣзной полосой;
Горный вѣтеръ дерзко роетъ
Кудри, взмытыя росой; —
И Страдальца видъ ужасенъ,
Онъ въ томленьѣ изнемогъ,
Но и въ мукѣ онъ прекрасенъ,
И въ оковахъ — все онъ богъ!
Все онъ твердо къ небу взводитъ
Силу взора своего,
И стенанья не исходитъ
Изъ поблеклыхъ устъ его.

Вдругъ — откуда такъ привѣтно
Что-то вѣетъ? — Чуть замѣтно
Крылъ движенье; — легкій шумъ,
Устъ незримыхъ легкій шопотъ
Прерываетъ тайный ропотъ

Прометей мрачныхъ думъ:
Это — группа нимфъ воздушныхъ,
Сердца голосу послушныхъ
Дѣвъ лазурной стороны,
Изъ предѣловъ жизни сладкой
Въ область дольнихъ мукъ украдкой
Низлетѣла съ вышины, —
И страдалецъ легче дышитъ,
Взоръ отрадою горитъ.
«Успокойся!» — вдругъ онъ слышитъ —
Точно воздухъ говоритъ, —
«Успокойся — и смиреньемъ
Гнѣвъ Юпитера смири!
Бѣдный узникъ! Говори,
Подѣлись твоимъ мученьемъ
Съ нами вольными: за что
Ты наказанъ, какъ никто
Изъ безсмертныхъ не наказанъ!
Ты узломъ желѣзнымъ связанъ
И прикованъ на землѣ
Къ этой сумрачной скалѣ.»

— Вамъ доступно состраданье, —
Началъ онъ: — внимайте жъ мнѣ,
И мое повѣствованье
Скройте сердца въ глубинѣ!
Межъ богами, въ ихъ совѣтѣ,
Разъ Юпитеръ объявилъ,
Что весь родъ людской на свѣтѣ
Истребить онъ разсудилъ.
«Родъ, подобный насѣкомымъ!
Люди! — рекъ онъ: — жалкій родъ!
Я васъ молніей и громомъ
Разражу съ моихъ высотъ.
Недостойныя творенья!

Незамѣтно въ васъ стремленья
Къ свѣтлой области небесъ;
Нѣтъ въ васъ выспреннаго чувства;
Васъ не двигаютъ искусства;
Весь вашъ міръ — дремучій лѣсъ.» —
Молча, сонмъ боговъ безгласныхъ.
Громоносному подвластныхъ,
Симъ словамъ его внималъ;
Всѣ склонились — я возсталъ.
О, какъ гнѣвно, какъ сурово
Онъ взглянулъ на мой порывъ!
Онъ умолкъ, я началъ слово:
Грозный! ты несправедливъ.
Страшный замыслъ твой — обида
Правосудью твоему:
Ты-ли будешь врагъ ему?
Грозный! Мать моя — Ѳомида —
Мнѣ вложила въ плоть и кровь
Къ правосудію любовь.
Гдѣ-же жить оно посмѣетъ,
Гдѣ-же мѣсто для него,
Если правда онѣмѣетъ
У престола твоего? —
Насѣкомому подобенъ
Смертный въ свой короткій вѣкъ,
Но и къ творчеству способенъ
Этотъ бренный человѣкъ.
Вспомни міра малолѣтство!
Силы спятъ еще въ зернѣ,
Погоди! Найдется средство —
И воздѣйствуютъ онѣ. —

Я сказалъ. Онъ сталъ ворочать
Стрѣлы рдяныя въ рукахъ!
Гнѣвъ *висѣлъ* въ его бровяхъ:

«Я готовъ мой громъ отсрочить!»
Возгласилъ онъ — и возсталъ.
Громъ отсроченъ. Льется время.
Какъ спасти людское племя?
Непрерывно я искалъ.
Чѣмъ въ суровй ихъ отчизнѣ
Двигнуть смертныхъ къ высшей жизни?
И загадка для меня
Разрѣшилась: дать огня!
Дать огня имъ — крошку свѣта —
Искру въ пеплѣ и золѣ —
И воспрянетъ разогрѣта
Жизнь иная на землѣ.
Въ дольнемъ прахѣ, въ дольнемъ хламѣ
Искра та горѣть пойдетъ,
И торжественное пламя
Небо заревомъ зальетъ.
Я размыслилъ — и насытилъ
Горней пищей дольній міръ:
Искру съ неба я похитилъ
И промчалъ черезъ эфиръ,
Скрывъ ее въ корѣ древесной,
И на землю опустилъ,
И раздувъ огонь небесный,
Смертныхъ небомъ угостилъ.
Я достигъ желанной цѣли:
Искра міромъ принята —
И искусства закипѣли,
Застучали молота;
Застоналъ металлъ упорный
И, оставивъ мракъ затворный,
Гдѣ отъ вѣка онъ лежалъ,
Чуя огнь, изъ жилы горной
Рдяной кровью побѣжалъ.
Какъ на тайну чародѣя,

Смертный кинулся смотрѣть,
Какъ желѣзо гнется рдѣя,
И волнами хлещетъ мѣдь.
Взвыли горны кузницъ міра;
Плугъ поля просѣкъ браздой;
Въ дикій лѣсъ пошла сѣкира;
Взвизгнулъ камень подъ пилой;
Камень въ храмы сгромоздился;
Мраморъ съ бронзой обручился,
И паря надъ темнымъ дномъ,
Въ море вдался волнорѣзомъ
Лѣсъ, прохваченный желѣзомъ,
Окрыленный полотномъ.
Лиръ серебряныя струны
Гимнъ воспѣли небесамъ,
И въ восторгѣ стали юны
Старцы, внявъ ихъ голосамъ.
Вотъ за что я на терзанье
Пригвожденъ къ скалѣ земной!
Эти цѣпи — наказанье
За высокій подвигъ мой.
Мнѣ предвѣдѣнье внушало,
Что меня постигнетъ казнь,
Но меня не удержала
Мукъ предвидѣнныхъ боязнь,
И съ Юпитерова свода
Жребій мой меня послалъ,
Чтобъ для блага смертныхъ рода
Я, безсмертный, пострадалъ. —

Полный муки непрерывной
Такъ вѣщалъ страдалецъ дивный,
И внимая рѣчи той,
Нимфы легкія на волѣ
Объ его злосчастной долѣ

Нѣжной плакали душой,
И на язвы Прометея,
Какъ прохладнымъ вѣткомъ,
Свѣжихъ устъ дыханьемъ вѣя,
Цѣловали ихъ тайкомъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О КРЫЛОВѢ

(при воздвигнутомъ ему памятникѣ).

Довольно и бѣглаго взгляда:
Возсѣлъ — вы узнали безъ словъ —
Средь зелени Лѣтняго сада
Отлитый изъ бронзы Крыловъ, —
И видимо въ думѣ глубокъ онъ,
И что-бъ то за дума была —
Подслушать навѣсился локонъ
На умную складку чела.
Разогнута книга; страницу
Открылъ себѣ дѣдушка нашъ,
И ловко на льва иль лисицу
Намѣченъ его карандашъ. —
У ногъ баснописца во славѣ
Разсыпанъ звѣрей его міръ:
Квартетъ въ его полномъ составѣ,
Ворона добывшая сыръ,
И львы, и болотныя твари,
Пѣтухъ надъ жемчужнымъ зерномъ,
Мартышекъ лукавыя хари,
Барашки съ пушистымъ руномъ.
Не вся-ль тутъ животность предстала,
Металломъ себя облила

И группами вкругъ пьедестала
Къ ногамъ чародѣя легла?

Вы помните, люди: межъ вами
Жилъ этотъ маститый старикъ,
Правдивыхъ уроковъ словами
И жизненнымъ смысломъ великъ.
Какъ мѣткій былъ взглядъ его ясенъ!
Какія вамъ истины онъ
Развертывалъ въ образахъ басенъ,
На притчи Творцемъ умудренъ!
Умѣлъ-же онъ истины эти
Въ такую одежду облечь,
Что разомъ смекали и дѣти,
О чемъ ведетъ дѣдушка рѣчь.
Представилъ онъ матушкѣ-Руси
Разсказъ про гусиныхъ дѣтей,
И слушали глупые гуси —
Потомки великихъ гусей.
При баснѣ его о сосѣдѣ —
Сосѣдъ на сосѣда кивалъ,
А притчу о Мишкѣ-медвѣдѣ
Съ улыбкой самъ Мишка читалъ.
Пріятно и всѣмъ безобидно
Жилъ дѣдушка, правду рубя.
Иной... да вѣдь было-же стыдно
Узнать въ побасенкѣ себя!
И кто предъявилъ-бы, что колки,
Намеки его на волковъ,
Тотъ самъ напросился-бы въ волки,
Признался-бъ, что самъ онъ таковъ.
Онъ создалъ особое царство,
Гдѣ умнаго дѣда перо
Карало и злость и коварство,
Вѣнчая святое добро.

То царство звѣринаго рода:
Все левъ иль орелъ его царь,
Какой-нибудь слонъ — воевода,
Плутовка-лиса — секретарь;
Тамъ жадная щука — исправникъ,
А съ парой предлинныхъ ушей
Всеобщій знакомецъ — наставникъ,
И набранъ совѣтъ изъ мышей.
Вѣдь, кажется, все небылицы:
Съ котломъ тамъ дружится горшокъ
И сшитый изъ старой тряпицы
Въ великомъ почетѣ мѣшокъ;
Тамъ есть говорящія рѣки
И въ спорѣ съ ручьемъ водопадъ,
И словно какъ мы — человѣки —
Тамъ камни, пруды говорятъ.
Кажись, баснописецъ усвоилъ
Чего въ нашемъ мірѣ и нѣтъ;
Подумаешь — старецъ построилъ
Какой фантастическій свѣтъ,
А послѣ, когда оглядишься
Въ дѣйствительномъ мірѣ кругомъ —
Всей мѣткости правды дивишься,
Захваченной дѣда стихомъ,
И бездну житейскаго толка
Найдешь въ его складныхъ рѣчахъ:
Увидишь двуногаго волка
Съ ягненкомъ на двухъ-же ногахъ;
Тамъ въ перьяхъ павлиньихъ по модѣ
Воронья распущена спѣсь,
А вотъ и оселъ въ огородѣ:
«Здорово, пріятель, ты здѣсь»,
Увидишь тѣхъ въ горькихъ утѣхахъ,
А эту въ почетной тоскѣ:
Беззубую бѣлку въ орѣхахъ

И пляшущихъ рыбъ на пескѣ, —
И взоръ наблюдательный встрѣтитъ
Тамъ — рыльце въ пушку, тамъ — судью,
Что, дѣлъ ни касаяся, мѣтитъ
На первое мѣсто въ раю.
Мы всѣ въ этихъ басняхъ; намъ больно
Признаться, но взявъ хоть въ займы
Крыловскую правду, невольно,
Какъ волъ, здѣсь мычу я: «и мы»!
Самъ грѣшенъ я, всѣмъ возвѣщаю:
Нерѣдко читая стихи,
Друзей я котломъ угощаю
Демьяновой страшной ухи.

Довольно и бѣглаго взгляда:
Возсѣлъ — вы узнали безъ словъ —
Средь зелени Лѣтняго сада
Отлитый изъ бронзы Крыловъ. —
И станутъ мелькать мимоходомъ
Предъ ликомъ пѣвца своего
Съ текущимъ въ аллеѣ народомъ
Ходячія басни его:
Пойдутъ въ человѣческихъ лицахъ
Козлы, обезьяны въ очкахъ;
Подъѣдутъ и львы въ колесницахъ
На скачущихъ бурно коняхъ;
Примчатся въ каретахъ кукушки,
Рогатые звѣри придутъ,
На памятникъ дѣда лягушки,
Вздуваясь, лорнетъ наведутъ, —
И въ Клодта живыхъ изваяньяхъ
Увидятъ подобья свои,
И въ сладостныхъ дамъ замѣчаньяхъ
Раздастся: «mais oui, c'est joli».
Порой подойдетъ къ великану

И сѣрый кафтанъ съ бородой,
И скажетъ другому кафтану:
«Митюха! сынишко-то мой
Читаетъ про Мишку, Мартышку
Давно ужъ, — понятливъ, хоть малъ:
На память всю вызубрилъ книжку,
Что этотъ старикъ написалъ». —
О, если-бъ былъ въ силахъ нагнуться
Безсмертный народу въ привѣтъ!
О, если-бъ хоть могъ улыбнуться
Задумчивый бронзовый дѣдъ!
Нѣтъ! — тою-жъ все думою полный
Надъ группой звѣриныхъ головъ
Зримъ будетъ недвижный, безмолвный
Изъ бронзы отлитый Крыловъ.

ДІОНИСІЙ И ФИЛОКСЕНЪ.

Вступаетъ — на диво и смѣхъ Сиракузамъ —
Тиранъ-Діонисій въ служители Музамъ:
Онъ лиру хватаетъ, онъ пишетъ стихи; —
Но Музы не любятъ тирановъ холодныхъ:
Творитъ онъ лишь груды рапсодій негодныхъ,
Исполненныхъ вялой, сухой чепухи.

Читаетъ. Въ собраньѣ всѣ внемлютъ съ боязнью.
Зѣвать запретилъ онъ подъ смертною казнью,
Лишь плакать дозволилъ, а тѣ наконецъ
Зѣвоту съ такимъ напряженьемъ глотаютъ,
Что крупныя слезы изъ глазъ выступаютъ,
И видя тѣ слезы, доволенъ пѣвецъ.

Вотъ, думаетъ, тронулъ! — Окончилось чтенье.
Кругомъ восклицанья, хвалы, одобренье —
«Прекрасно!» — И новый служитель Каменъ,
Чтобъ выслушать судъ знатока просвѣщенный,
Зоветъ — и приходитъ къ нему вдохновенный
Творецъ диѳирамбовъ, поэтъ — Филоксенъ.

«Я снова взлетѣлъ на Парнасскія выси
И создалъ поэму», сказалъ Діонисій.
«Прослушай — и мнѣнья не скрой своего!» —
И вотъ — онъ читаетъ. Тотъ выслушалъ строго.
«Что? много-ль красотъ и достоинствъ? — Немного. —
«А! Ты недоволенъ. Въ темницу его!»

Сказалъ. Отвели Филоксена въ темницу;
Отъ взоровъ поэта сокрыли денницу,
И долго томился несчастный. Но вотъ
Свободу ему возвращаютъ, и снова
Зовутъ къ Діонисію. «Слушай! Готова
Другая поэма: тутъ бездна красотъ».

И новой поэмы, достоинствомъ бѣдной,
Онъ слушаетъ чтенье, измученный, блѣдный;
Мутятся глаза его, хочется спать.
Тотъ кончилъ. «Ну что? Хорошо-ли?» — Ни слова
Ему Филоксенъ, — отвернулся сурово
И крикнулъ: «Эй! Стража! Въ темницу опять!»

ВЕЧЕРЪ ВЪ САДУ.

Солнце будто-бъ съ неохотой
Свой прощальный мечетъ взглядъ,

И червонной позолотой
Обливаетъ темный садъ.

На скамейкѣ я у стѣнки
Въ созерцаніи сижу,
И игривыя оттѣнки
Пышной зелени слѣжу:

Тамъ — виситъ густымъ развивомъ,
Тамъ — такъ женственно-нѣжна,
Тамъ — оранжевымъ отливомъ
Отзывается она.

Ароматъ разлитъ сиренью,
И межъ дремлющихъ вѣтвей
Свѣтъ заигрываетъ съ тѣнью,
Уступая мѣсто ей.

Что-то тамъ — въ дали — сквозь вѣтки
Мнѣ мелькнуло, и потомъ
Притаилось у бѣседки,
Въ липахъ, въ сумракѣ густомъ.

Чтобъ такое это было —
Я не знаю, но оно
Такъ легко, воздушно, мило
И какъ снѣгъ убѣлено.

Пронизавъ летучей струйкой
Темный зелени покровъ,
Стало тамъ оно статуйкой,
Изваянной изъ паровъ.

Напрягаю взоръ нескромный
(Любопытство — спутникъ нашъ):

Вотъ какой-то образъ темный
Быстро движется туда-жъ.

Сумракъ гуще. Твердь одѣта
Сѣрыхъ тучекъ въ бахромы.
То былъ, мнится, ангелъ свѣта,
А за нимъ шелъ ангелъ тьмы, —

И гдѣ плотно листьевъ сѣтка
Прижимается къ стѣнѣ,
Скрыла встрѣчу ихъ бесѣдка
Въ ароматной глубинѣ.

И стемнѣло все. Всѣ виды
Въ смуглыхъ очеркахъ дрожатъ,
И внесла звѣзда Киприды
Яркій лучъ свой въ тихій садъ.

Все какой-то вѣетъ тайной,
И, какъ дѣва изъ окна,
Въ прорѣзь тучки бѣлокрайной
Смотритъ робкая луна, —

И какъ будто что ей видно,
Что въ соблазнъ облечено,
Вдругъ прижмурилась... ей стыдно —
И задернула окно.

Чу! Тамъ шорохъ, шопотъ, лепетъ...
То колышутся листки.
Чу! Какой-то слышный трепетъ...
То ночные мотыльки.

Чу! *Вздыхаютъ*... Вновь ошибка:
Вѣтерокъ сквозитъ въ саду.

Чу! Лобзанье... Это рыбка
Звонко плещется въ пруду.

Все какъ будто что играетъ
Въ этомъ мракѣ и потомъ
Замираетъ, замираетъ
Въ обаяніи ночномъ, —

И потомъ — ни листъ, ни вѣтка
Не качнется; ночь тиха;
Садъ спокоенъ — и бесѣдка
Тамъ — въ дали — темна, глуха.

ПОЭЗІЯ.

Поэзія! — Нѣтъ, — ты не чадо міра;
Нашъ дольній міръ родитъ тебя не могъ:
Среди пучинъ предвѣчнаго эѳира
Въ день творчества въ тебя облекся Богъ.

Возникла ты до нашего начала,
Ты въ сѣменахъ хаоса началась,
Въ великомъ ты «да будетъ» прозвучала
И въ дивномъ «бысть» всемірно разлилась, —

И взятому подъ Божію опеку
Средь райскихъ грёзъ и первыхъ дней весны,
Ты первому явилась человѣку
Въ лицѣ небесъ, природы и жены.

Отъ звѣзднаго нисшедшая чертога
Къ жильцу земли, въ младенческой тиши,

Прямымъ была ты отраженьемъ Бога
Въ его очахъ и въ зеркалѣ души.

Готовую нашли тебя народы.
Ты — лучшій даръ — алмазъ въ вѣнцѣ даровъ,
Сладчайшій звукъ въ симфоніи природы,
Разыгранный оркестромъ всѣхъ міровъ.

Палъ человѣкъ, но и въ его паденьѣ
Все съ небомъ ты стоишь лицомъ къ лицу:
Созданья ты къ Создателю стремленье,
Живой порывъ творенія къ Творцу.

Собою полнъ, смотря на міръ плачевный,
На этотъ міръ, подавленный грѣхомъ,
Поетъ и царь державно-псалмо-пѣвный
Ремѣлъ Давидъ пророческимъ стихомъ, —

Таинствомъ любви и искупленья
Казалась ты всѣмъ земнороднымъ вновь,
Когда омыть вину грѣхопаденья
Должна была святаго Агнца кровь.

Внушала ты Евангелистамъ строфы,
Достойныя учениковъ Христа,
Когда на міръ отъ высоты Голгоѳы
Повѣяло дыханіе Креста.

И въ наши дни, Адама бѣдныхъ внуковъ
Будя сердца, чаруя взоръ и слухъ,
Ты, водворясь въ міръ красокъ, формъ и звуковъ,
Изъ дольней тьмы ихъ исторгаешь духъ, —

И служишь имъ замѣтной съ небомъ связью:
Въ *твоемъ огнѣ художнику* дано

Ликъ Божества писать цвѣтною грязью
И молніи кидать на полотно.

Скульпторъ, къ твоей допущенный святынѣ,
Вдругъ возстаетъ, могуществомъ дыша —
И въ земляной бездушной глыбѣ, въ глинѣ
И мраморѣ горитъ его душа.

Ты въ зодчествѣ возносишь камень свода
Подъ звѣздный сводъ — къ Властителю стихій —
И въ свѣтлый храмъ грядутъ толпы народа,
Фронтонъ гласитъ: «благословенъ грядый!»

Изъ устъ пѣвца течетъ, благовѣствуя,
Какъ колоколъ гудящій твой глаголъ —
И царственно ты блещешь, торжествуя,
Твой скипетръ — мысль, а сердце — твой престолъ.

Порою ты безмолвствуешь въ раздумьи,
Когда кругомъ всемірный поднятъ шумъ;
Порой въ своемъ пиѳическомъ безумьи
Ты видишь то, чего не видитъ умъ.

На истину ты взоромъ неподкупнымъ
Устремлена, но блескъ ея лучей,
Чтобъ умягчить и намъ явить доступнымъ
Для заспанныхъ, болѣзненныхъ очей —

Его дробишь въ своей ты чудной призмѣ,
И радуги кидая съ высоты,
Въ своихъ мечтахъ, въ бреду, въ сонамбулизмѣ
Возносишься до провоззрѣнья ты.

Магнитный сонъ пройдетъ — и пробужденье
Твое, поэтъ, печально и темно.

зидишь ты свое произведенье,
помня, какъ оно совершено.

ВСТРѢЧНОЕ СЛОВО

(собранію выпускныхъ дѣвицъ).

На праздникъ жизни вдругъ такъ много
Прекрасныхъ, юныхъ дѣвъ идетъ.
На встрѣчу имъ моя дорога
Меня ужъ съ праздника ведетъ.
Я имъ спѣшу сказать, покуда
Не разошлись мы: добрый путь!
Вы всѣ туда, а я оттуда;
Пора домой мнѣ — отдохнуть.
Привѣтъ мой вамъ! Повеселитесь
И за меня въ удобный часъ,
А тамъ, когда и утомитесь,
На отдыхъ вы не торопитесь:
Я буду отдыхать за васъ.

ПИСЬМО АБДЕЛЬ-КАДЕРА.

плѣну у Французовъ — свѣтило Алжира —
арь знаменитый. Содержатъ Эмира
и въ Амбуазѣ, гдѣ замка стѣна
ѣпка и надежна, — и плѣнникъ, донынѣ
авшій на бурномъ конѣ по пустынѣ,
ило глядитъ въ амбразуру окна.

И вдругъ, подъ окномъ, какъ другая денница,
Блестящая юной красою дѣвица
Несется на бѣломъ арабскомъ конѣ,
И взоръ — *коя-нуръ* — этотъ пламенникъ міра
Дѣвицею брошенъ въ окно на Эмира: —
И вспыхнула дѣва, и рдѣетъ въ огнѣ.

И завтра опять проѣзжаетъ, и снова
Взглянула, краснѣетъ. Не надобно слова:
Тутъ сердце открыто — смотри и читай!
Упрямится конь, но съ отвагою ловкой
Наѣздница съ поднятой гордо головкой —
Его укрощаетъ: Эмиръ, замѣчай!

И смотритъ онъ, смотритъ, съ улыбкой любуясь,
Какъ милая скачетъ, картинно рисуясь;
Блеснулъ въ его взорѣ невольный привѣтъ,
Замѣченный ею... Какъ быстро и круто
Она повернула! — Такая минута
И въ сумракѣ плѣна для плѣнника — свѣтъ.

Онъ самъ уже ждетъ ее завтра, и взгляды
Кидаетъ въ окно, въ ожиданьи отрады,
И свѣтлымъ явленьемъ утѣшенъ опять;
Но ревностью зоркой подмѣчена скоро
Цѣль выѣздовъ дѣвы, — и строгость надзора
Спѣшила нѣмыя свиданья прервать.

Эмиръ съ этихъ поръ въ заключеньи два года
Не могъ ее видѣть. Когда же свобода
Ему возвратилась узналъ онъ потомъ,
Кто та; кѣмъ бывалъ онъ такъ радуемъ, плѣнный,
И въ память ей перстень прислалъ драгоцѣнный
Съ исполненнымъ кроткаго чувства письмомъ.

«Хвала тебѣ, — пишетъ онъ, — ангелъ прелестный!
Аллахъ да хранитъ въ тебѣ даръ свой небесный —
Святую невинность! — О ангелъ любви!
Прими безъ смущенья привѣтъ иновѣрца!
Въ очахъ твоихъ небо, ночь — въ области сердца:
О, будь осторожна, въ молитвѣ живи!

«О бѣлая горлица! Бѣлъ, какъ лилея,
Твой конь аравійскій, но ликъ твой бѣлѣе.
Врага берегись: онъ и вкрадчивъ и тихъ,
Но хищенъ и лютъ, хоть прикрашенъ любовью;
Неопытной дѣвы ползя къ изголовью,
Онъ дѣвственныхъ прелестей жаждетъ твоихъ.

«Змій хочетъ подкрасться и перси младыя
Твои опозорить: отталкивай змія,
Доколѣ Аллахъ не пошлетъ, какъ жену,
Тебя съ благодатью къ супружеской сѣни!
Прими этотъ перстень на память мгновеній,
Блеснувшихъ мнѣ радостью чистой въ плѣну.

«Предъ хитрымъ соблазномъ, предъ низкимъ обманомъ—
Сей перстень да будетъ тебѣ талисманомъ!
Сама-ль поколеблешься ты — и тогда
Скажи себѣ: нѣтъ! Быть хочу непреклонной.
Нѣтъ, сердце, ты лжешь: пылъ любви незаконной —
Напитокъ позора и праздникъ стыда.

«И буди — свѣтило домашняго круга!
Хранящая вѣрность супругу супруга!
Будь добрая матерь и чадамъ упрочь
И радость, и счастье! — Когда не забудешь
Священнаго долга — жить въ вѣчности будешь,
Младая, Аллаха прекрасная дочь!»

И. А. ГОНЧАРОВУ.

(Передъ кругосвѣтнымъ его путешествіемъ).

И оснащенъ, и замыслами полный,
Уже готовъ фрегатъ твой растолкнуть
Сѣдыхъ морей дымящіяся волны
И шаръ земной теченьемъ обогнуть.

Подъ бурями возмужествуй упрямо!
Пусть валъ визжитъ у мощнаго руля!
Вотъ Азія — міръ праотца Адама!
Вотъ юная Колумбова земля!

И ты свершишь пловучіе заѣзды
Въ тѣ древнія и новыя мѣста,
Гдѣ въ небесахъ другія блещутъ звѣзды,
Гдѣ свѣтъ лietъ созданіе Креста.

Поклонъ ему! Взгляни, какъ тріумфаторъ,
На сей трофей въ хоругвяхъ облаковъ,
Пересѣки и тропикъ и экваторъ —
И отпируй сей праздникъ моряковъ!

И если-бы тебѣ подъ небесами
Невѣдомыхъ антиподовъ пришлось
Переверстаться съ здѣшними друзьями
Ногами въ ноги, головами врозь, —

То не роняй отрады помышленья,
Что и вдали сердечный слышенъ гласъ,
Что не однѣ лишь узы тяготѣнья
Всемірнаго соединяютъ насъ.

Лети! — И что внушитъ тебѣ природа
Тѣхъ чудныхъ, странъ, — на пользу и добро
Пусть передастъ, въ честь Русскаго народа,
Намъ твой разсказъ и славное перо!

Прости! — Вернись и живо и здорово
Въ суровые при-невскіе края,
И радостно обнимутъ Гончарова
И Мы — вы, и всѣ его друзья.

МОЛИТВА

«Спаси, Господи, люди твоя».

Спаси, о Господи, людей — твое созданье!
Благослови твое, о Боже, достоянье!
Къ подножью твоего святаго алтаря
Склоняясь, молимся за нашего Царя:
Благослови Его въ Его дѣяньяхъ дивныхъ,
Побѣды даруя Ему на сопротивныхъ!
Престолъ Его твоимъ покровомъ осѣни
И жительство твое крестомъ твоимъ храни!

СОЗНАНІЕ СИЛЫ.

На искушенье глядя строго,
Еще я могъ итти съ нимъ въ бой!
Еще не одряхлѣлъ я: много
Во мнѣ есть силъ владѣть собой.

Тебя, о дивное созданье,
Я видѣлъ, слышалъ — и стоялъ,
И въ тотъ-же мигъ въ очарованьѣ
Къ твоимъ ногамъ я не упалъ!

Ты пѣла: я ловилъ твой голосъ,
Глоталъ послѣдній звукъ его,
И — сколько чувствъ во мнѣ боролось! —
А я какъ будто ничего.

«Я — твой» — мнѣ такъ хотѣлось это
Тебѣ сказать, рвалась душа,
А я твердилъ, что вотъ ужъ лѣто
И что погода хороша, —

И отзывался я отвѣтно
Другимъ на спросы кой-о-чемъ...
Не правда-ль? Не было замѣтно
Безумья въ лепетѣ моемъ?

Я не былъ дерзокъ, вольнодуменъ?
Со всѣми въ общей полосѣ —
Не правда-ль — Не былъ я безуменъ,
Но такъ же жалокъ, глупъ, какъ всѣ?

О, если-бъ съ дерзостью моею
Тогда себѣ я волю далъ —
Къ тебѣ-бъ я бросился на шею
И какъ ребенокъ зарыдалъ!

РЕБЕНКУ.

Дитя! Твой милый, дѣтскій лепетъ
И сладость взгляда твоего

Меня кидаютъ въ жаръ и трепетъ —
Я самъ не знаю — отчего.
Зачѣмъ порывомъ нѣжной ласки
Къ земному ангелу влекомъ,
Твои заплаканные глазки
Цѣлую жадно я тайкомъ?
Не знаю... Такъ-ли? — Нѣтъ; я знаю:
Сквозь ласку грѣшную мою
Порой, мнѣ кажется ласкаю
Въ тебѣ я маменьку твою;
Я, наклонясь къ малюткѣ — дочкѣ,
Хочу схватить межъ слезныхъ струй
На этой пухлой, дѣтской щечкѣ
Другой тутъ бывшій поцѣлуй,
Еще быть можетъ неостылый...
То поцѣлуй святой любви
Той жизнедательницы милой,
Чья кровь, чья жизнь — въ твоей крови; —
И вотъ, какъ Божія росинка
На листьяхъ блѣдныхъ и сухихъ,
Твоя невинная слезинка
Осталась на губахъ моихъ.
Дитя! Прости мнѣ святотатство!
Прости мнѣ это воровство!
Чужое краду я богатство,
Чуже граблю торжество.

ЛЮБИТЕЛЬНИЦѢ СПОКОЙСТВІЯ.

Ты говоришь — спокойствіе дороже
Тебѣ всего, всей прелести мірской, —
И *радъ-бы я быть вѣчно* на сторожѣ,

Чтобъ охранять твой женственный покой,
Чтобы неслись тревоги жизни мимо,
А ты на нихъ смотрѣла-бы, шутя,
Межъ сладкихъ грезъ, легко, невозмутимо,
Какъ милое, безпечное дитя.

Когда толпа рушителей покоя
Со всѣхъ сторонъ несносная шумитъ,
Я надъ твоимъ успокоеньемъ стоя,
Мигалъ-бы имъ: тсъ! Не шумите: спитъ.
Но иногда, чтобъ цѣну лишь умножить
Спокойствія въ глазахъ твоихъ, — тебя
Порой я самъ желалъ-бы потревожить,
Хотя-бъ навлекъ и гнѣвъ твой на себя.

Скажу: «проснись! Мнѣ хочется лазури:
Дай мнѣ на мигъ взглянуть тебѣ въ глаза!
Какъ ты спала? Не видѣлось-ли бури
Тебѣ въ мечтахъ? Не снилась-ли гроза?
И не было-ль неловко, душно, знойно
Тебѣ во снѣ?» — И молвлю, мигъ спустя:
«Ну, Богъ съ тобой, мой ангелъ, спи спокойно!
Усни опять, прелестное дитя!»

DAHIN.

Была пора: я былъ безумно-молодъ,
И пылъ страстей мнѣ сердце разжигалъ;
Когда-жъ подчасъ суровый зимній холодъ
Отъ сѣвера мнѣ въ душу проникалъ —
Я думалъ: есть блаженный югъ на свѣтѣ,

Край свѣтлыхъ горъ и золотыхъ долинъ,
И радостно твердилъ я вмѣстѣ съ Гете:
Dahin! — dahin!

Бывало, я близъ дѣвы-чародѣйки
Горѣлъ, нѣмѣлъ, не находя рѣчей,
И между тѣмъ, какъ ниже бѣлой шейки
Не смѣлъ склонить застѣнчивыхъ очей —
Фантазіи невольнымъ увлеченьемъ
Смиренія нарушивъ строгій чинъ,
Я залеталъ живымъ воображеньемъ
Dahin — dahin.

Моя мечта всѣхъ благъ житейскихъ выше
Казалась мнѣ въ бреду минувшихъ дней;
Я громко пѣлъ, а тамъ — все тише, тише,
Я жилъ тепло, а тамъ — все холоднѣй, —
И наконецъ все въ вѣчность укатилось,
Упало въ прахъ съ заоблачныхъ вершинъ,
И наконецъ — все это провалилось
Dahin — dahin.

Исчезло все; не стало прежней прыти.
Вокругъ меня за счастьемъ всѣ бѣгутъ,
Стремятся въ даль; я говорю: идите!
А я ужъ радъ хоть-бы остаться тутъ —
Страдать, но жить... А тутъ ужъ надъ страдальцемъ
Съ косой скелетъ — всемірный властелинъ —
Костлявымъ мнѣ указываетъ пальцемъ
Dahin — dahin.

ДЕНЬ И ДВѢ НОЧИ.

Днемъ небо такъ ярко: смотрѣлъ-бы, да больн
Поднимешь ликъ къ солнцу взоръ грѣшныхъ
Слезятся и слѣпнутъ глаза, и невольно
Склоняешь зѣницы на землю скорѣй,
Къ окрашеннымъ легкимъ разсѣяннымъ свѣтом
И дольнею тѣнью облитымъ предметамъ.
Вещественность жизни предъ нами тогда
Вполнѣ выступаетъ; — ея череда!
Кипятъ прозаическихъ дѣлъ обороты;
Тутъ счеты, разсчеты, заботы, работы;
Отъ яснаго неба нашъ взоръ отвращенъ,
И день нашъ труду и землѣ посвященъ.

Когда-же корона дневнаго убранства
Съ чела утомленнаго неба снята,
И ночь наступаетъ, и чаша пространства
Лишь матовымъ свѣтомъ луны налита, —
Тогда, блѣдно-палевой дымкой одѣты,
Намъ въ мягкихъ оттѣнкахъ земные предметы
Рисуются легче; — намъ глазъ не губя,
Луна позволяетъ смотрѣть на себя,
И небо, сронивъ огневые уборы,
Для взоровъ доступно, — и мечутся взоры
И плаваютъ въ нѣгѣ межъ свѣтомъ и мглой,
Межъ дремлющимъ небомъ и сонной землей,
И небо и землю кругомъ облетая,
Сопутствуетъ взорамъ мечта золотая —
Фантазіи легкой крылатая дочь:
Ей пища — прозрачная, лунная ночь.

Порою-же ночи безлунная бездна
Надъ міромъ простерта и густо-темна.

Вдругъ на небо взглянешь: оно много-звѣздно,
А взоры преклонишь: земля чуть видна,
Долъ тонетъ во мракѣ; — невольно вниманье
Стремится туда лишь, откуда сіянье
Исходитъ, — туда — въ лучезарную даль...
Съ землей я разстался — и, право, не жаль:
Мой міръ, ставъ пятномъ въ звѣздо-пламенной рамѣ,
Блестящими мнѣ замѣнился мірами;
Со мною глазъ на глазъ вселенная здѣсь,
И, мнится, съ землею тутъ въ небѣ я весь,
И самъ себѣ вижусь лишь черною тѣнью,
Сталъ мыслью единой, — и жадному зрѣнью
Насквозь отверзается этотъ чертогъ,
Гдѣ въ огненныхъ буквахъ начертано: Богъ.

РАЗДУМЬЕ.

Когда читаю я съ улыбкой старика
Написанное мной въ то время золотое,
Когда я молодъ былъ, — и строгая рука
Готова измѣнить и вычеркнуть иное, —
Себя остановивъ, вдругъ спрашиваю я:
Черты тѣ исправлять имѣю-ли я право?
Порой мнѣ кажется, что это не моя
Теперь ужъ собственность, и, *мудрствуя лукаво*,
Не долженъ истреблять я юнаго грѣха
Въ размахѣ удаломъ залетнаго стиха,
И надъ его огнемъ и риѳмой сладострастной
Не долженъ допускать управы самовластной.
Порой съ сомнѣніемъ глядишь со всѣхъ сторонъ
И ищешь автора: да это полно я-ли?
Нѣтъ! Это онъ писалъ. Пусть и отвѣтитъ онъ

Изъ прошлыхъ тѣхъ временъ, изъ той туманной дали!
Чужаго-ли коснусь я дерзкою рукой?
Нѣтъ! — Даже думаю въ невольномъ содроганьѣ;
Зачѣмъ подъ давнею, забытою строкой
Подписываю я свое именованье?

ХРИСТІАНСКІЯ МЫСЛИ

ПЕРЕДЪ БИТВАМИ.

(Въ дни св. пасхи 1855 г.).

Готовясь въ бой съ врагомъ и ополчась на битву,
Произнесемъ, друзья, смиренную молитву
Къ Отцу и Богу силъ! Не станемъ возглашать,
Что мы идемъ дѣла святыя совершать!
Не будемъ называть святыней пиръ кровавый,
И славу Божію съ земною нашей славой
Безумно смѣшивать! — подъ сѣнію Креста,
Во имя кроткое Спасителя-Христа,
Не могутъ рѣзаться и грызться люди-братья,
Не обновляя язвъ честнѣйшаго Распятья, —
И, можетъ быть, Тому, кто со креста поникъ,
Главою мирною, нашъ предпобѣдный кликъ —
Кликъ, съ именемъ Его, воинственно-разгульный,
Подъ небомъ слышится насмѣшкой богохульной:
Зачѣмъ-же оскорблять Учителя любви,
Взывая къ Кроткому: «се ножъ! — Благослови,
Да въ честь твою его поднимемъ на убійство»!
Уймемъ такихъ молитвъ кощунственныхъ витійство
И на враговъ возставъ, къ Владыкѣ воззовемъ:
«*Прости*, о Господи, мы много ихъ побьемъ!
Своимъ небеснымъ правосудьемъ,

Всевышній, ихъ и насъ! Мы служимъ лишь орудьемъ
Къ явленію Твоихъ таинственныхъ судебъ.
Ты правду зришь одинъ, а бѣдный смертный слѣпъ.
Дай миръ намъ! Изжени духъ злобы и коварства,
Волнующій враждой земныя наши царства!
Въ нихъ братство водвори! Да съ именемъ Христа
Не мечъ подъемлется на злыя состязанья,
Но умиренныя смыкаются уста
Божественнымъ ключемъ пасхальнаго лобзанья»!

КЪ РОССІИ.

Не унывай! Всѣ жребіи земные
Измѣнчивы, — о дивная въ земляхъ!
Твоихъ враговъ успѣхи временные
Пройдутъ, какъ дымъ, — исчезнутъ, яко прахъ,
Все выноси, какъ древле выносила,
И сознавай, что въ Божьей правдѣ сила,
А не въ слѣпомъ движеніи страстей;
Не въ золотѣ, не въ праздничныхъ гремушкахъ,
Не въ штуцерахъ, не въ дальнометныхъ пушкахъ
И не въ стѣнахъ могучихъ крѣпостей.

Да, тяжело... Но тяжелѣй бывало,
А вышла ты, какъ Божій день, изъ тьмы:
Терпѣла ты и въ старину не мало
Различныхъ бурь и всякой кутерьмы.
Отъ юныхъ дней знакомая съ бѣдами,
И встарь ты шла колючими путями,
Грядущаго зародыши тая,
И долгаго *терпѣнія* уроки

Внесла въ свои таинственныя строки
Суровая Исторіи твоя.
. . . . . .

Пусть насъ зовутъ врагами просвѣщенья!
Со всѣхъ трибунъ пускай крпчатъ, что мы
Противники всемірнаго движенья,
Поклонники невѣжественной тьмы!
Неправда! Ложь! — Къ врагамъ готовы руку
Мы протянуть: давайте намъ науку!
Уймите свой несправедливый шумъ!
Учите насъ: мы вамъ «спасибо» скажемъ;
Отстали мы? Догонимъ — и докажемъ,
Что хоть лѣнивъ, но смѣтливъ русскій умъ.

И крѣпкіе въ любви благоговѣйной
Мы предъ Царемъ сомкнемся въ кругъ семейны
И всякъ сознай, и всякъ изъ насъ почуй
Свой честный долгъ! — Царя сыны и слуги —
Ему свои откроемъ мы недуги
И скажемъ: вотъ! Родимый нашъ! Врачуй!

И кто изъ насъ или несчастный воинъ,
Иль гражданинъ, но не закона стражъ,
Мы скажемъ: «Царь! Онъ Руси недостоинъ,
Изринь его изъ круга: онъ не нашъ».
Твоя казна да будетъ намъ святыня!
Се наша грудь — Отечества твердыня,
За тѣмъ, что въ ней живутъ и Богъ и Царь,
Любовь къ добру и пламенная вѣра!
И долгъ и честь да будутъ наша сфера!
Монархъ — Отецъ, Отечество — алтарь!

И закипятъ гигантскія работы,
И выростетъ богатство изъ земли,

И явятся невиданные флоты,
Неслыханныхъ размѣровъ корабли,
И милліоны всяческихъ орудій,
И явятся — на диво міру — люди, —
И скажетъ Царь: откройся свѣтъ во мглѣ
И мысли будь широкая дорога,
Затѣмъ, что мысль есть проявленье Бога
И лучшая часть неба на землѣ!

Мы на Тебя глядимъ, о Царь, — и тягость
Съ унылыхъ душъ снимаетъ этотъ взглядъ.
Надъ Русью Ты — увѣнчанная благость,
И за Тебя погибнуть каждый радъ.
Не унывай, земля моя родная,
И прошлое съ любовью вспоминая,
Смотри впередъ на предлежащій вѣкъ!
И вѣрь: твой врагъ вражду свою оплачетъ
И замолчитъ, уразумѣвъ, что значитъ
И Русскій Богъ, и Русскій человѣкъ.

ПОСЛѢДНІЙ ПИРЪ.

«Великолѣпные чертоги
На столько разстоятъ локтяхъ,
Что гласъ въ трубы, въ ловецки роги,
Едва въ ихъ слышится концахъ.
Надъ возвышенными стѣнами,
Какъ небо, наклонился сводъ;
Между огромными столпами
Отворенъ въ нихъ къ утѣхамъ входъ».

Державинъ.

Зачѣмъ такъ озаренъ Таврическій дворецъ
Огнями яркими? — Въ немъ дивный князь Тавриды,
Великолѣпный князь, какъ Вавилонскій жрецъ,
Разставилъ чудеса *и ждетъ* Семирамиды. —

И самъ весь въ золотѣ, въ каменьяхъ дорогихъ —
Въ алмазахъ, яхонтахъ, рубинахъ, изумрудахъ,
Стоитъ въ преддверіи. Вся роскошь благъ земныхъ
Въ чертогѣ у него. Не въ чашахъ, не въ сосудахъ
Кипитъ и пѣнится янтарное вино,
Но бьетъ живымъ ключемъ, клокочущимъ каскадомъ,
И падаетъ въ бассейнъ на мраморное дно.
Чертогъ его глядитъ Армиды пышнымъ садомъ.
Прозрачныхъ скалъ хребты воздвигнулись кругомъ;
Въ кристаллахъ радужныхъ висятъ утесовъ глыбы,
И пущены плясать въ стекляннный водоемъ
Золотоперыя, серебряныя рыбы.
Тамъ живописный гротъ. Тамъ въ робкой полумглѣ
Алѣетъ лучъ зари. Фонтаны, водопады
Играютъ. Тамъ, дробясь въ граненомъ хрусталѣ,
Сверкаютъ Божьихъ звѣздъ и солнцевъ міріады.
Ясминовъ, розъ кусты, тюльпанъ и гіацинтъ
Свились. Дорожекъ сѣть ведетъ васъ въ лабиринтъ;
Тамъ — изваянный ликъ: то ликъ Ея — безсмертной
Земле-владычицы; въ подножіи порфиръ
Своею надписью гласитъ на цѣлый міръ:
«Отчизны матери и мнѣ премилосердой». —
И се — величія и благости полна,
Грядетъ въ сіяніи Державная — Она:
Музыка грянула — и баловень судьбины,
Встрѣчая Гостью, палъ къ стопамъ Екатерины.

Предъ нимъ — Она, которой взоръ —
Сей свѣточъ власти безусловной —
Ему сіяетъ съ давнихъ поръ
Лампадой милости верховной; —
Она — источникъ всѣхъ щедротъ;
Она, которой весь народъ —
Тѣлохранительная стража;
Она — Хозяйка эрмитажа.

Которой бойкое перо,
Въ строкахъ, гдѣ дышатъ умъ и вѣра,
Плѣняло колкаго Дидро
И злаго демона — Вольтера; —
На долгомъ царственномъ пути
Она — сей ангелъ во плоти —
Богоподобная Фелица,
Съ орлинымъ окомъ голубица,
Чьей громкой славой полонъ свѣтъ,
Орловыхъ, Паниныхъ царица,
Душа Румянцовскихъ побѣдъ,
Душа той школы исполинской,
Гдѣ, крыльямъ давъ размахъ воинскій
Средь грома, пламени и мглы,
Взвились Кутузовъ и Суворовъ —
Сіи питомцы бранныхъ споровъ
Событій будущихъ орлы,
Къ Москво-Очаковскимъ работамъ
Уже готовые бойцы,
Съ Смоленско-Рымникскимъ полетомъ
Гнѣзда Дунайскаго птенцы;
Она, кого отъ стѣнъ столицы
До отдаленнѣйшей границы,
На всѣ концы, отъ всѣхъ началъ,
Прозваньемъ Матушки-Царицы
Народъ любовно увѣнчалъ; —
Она, чье царственное око
Живило міръ лучемъ добра, —
Она, постигшая глубоко
И продолжившая Петра,
Чьи благосклонные указы —
Бесѣда матери съ дѣтьми, —
Чьи наилучшіе алмазы
Въ дѣлахъ блистали предъ людьми; —
Во *дни миѳическаго вѣка*

Изъ-подъ короны золотой
Она, смотрѣвшая душой
Такъ зорко въ душу человѣка,
И — благодать возблагодать —
Всегда умѣвшая воздать
Врагу добромъ и дружбой другу,
Низвергнуть зло, вознесть заслугу,
Избрать достойныхъ, умягчить
Законъ, — и съ скипетромъ въ десницѣ,
На тронѣ, отъ услугъ Царицѣ
Услуги Царству отличить,
Порокъ подъ маской обнаружить,
Смиренье, кротость ввесть въ обрядъ
И злость молвы обезоружить
Словами: «пусть ихъ говорятъ!
«Пожалуй — я молчать заставлю
«Ихъ злоязычье... но къ чему?
«Я злости къ мыслямъ ихъ прибавлю,
«А скрытой мысли не уйму.
«Подъ молчаливыхъ думъ покровомъ
«Гнѣздится глубже тайный ядъ,
«А мыслей, вывѣтренныхъ словомъ,
«Проходитъ скоро легкій чадъ.»
Предъ Нею — онъ, тотъ воинъ нѣкій,
Чей конь заржалъ и полнъ огнемъ
Сталъ плотно въ рядъ съ ея конемъ,
Какъ будто сросся съ нимъ на вѣки,
Когда тотъ всадникъ, тотъ смельчакъ,
Ловя державной ласки знакъ,
На всемъ скаку, во всю отвагу,
Такъ ловко подалъ Ей на шпагу
Кавалергардскій свой темлякъ; —
Онъ — то послушникъ монастырскій,
Перепоясанный ремнемъ,
То вдругъ — съ отвагой богатырской

ель въ полѣ подъ огнемъ;
знурившійся въ суровомъ
ѣ, трудахъ, полу-чернецъ,
стольскихъ дѣяній чтецъ,
и въ преньѣ съ богословомъ,
крамномъ клиросѣ пѣвецъ,
плецъ изъ сферы деревенской,
такъ безвѣстно онъ возникъ,
— семинаріи Смоленокой
аменитый ученикъ,
духъ честолюбиво-хитрый
ъ лишь замыселъ таилъ:
а-нибудь въ дыму кадилъ
нуть епископскою митрой,
а сквозь весь московскій звонъ,
въ ризахъ выйдетъ на амвонъ,
дѣть тихо надъ соборомъ
ди и крестъ свой возносить,
иросъ — пѣть громаднымъ хоромъ
лаву деспоту гласить; —
другъ — уклончивый придворный,
авецъ — баловень Харитъ,
віадъ, страстямъ покорный, —
мъ — заносчиво-упорный, —
ывшій нѣгой сибаритъ,
тольныхъ милостей придверникъ,
й хандры несчастный рабъ,
мъ — Румянцова соперникъ,
лководецъ, и сатрапъ; —
разомъ выдвинувшій виды
льства, счастья, торжества
ути земнаго божества
Петертурга до Тавриды,
а повсюду свѣтлый рай
вопхъ *владѣньяхъ* созерцая,

Свѣтило сѣвернаго края
Текло туда — въ тотъ южный край,
Гдѣ князь Тавриды веси, грады
Движеньемъ ока созидалъ,
Гдѣ онъ Великую встрѣчалъ
И крымскихъ скалъ, и горъ громады
Смолой и нефтью обливалъ,
И тѣша царственныя очи,
По берегамъ, во весь разгаръ,
Воспламенялъ во мракѣ ночи
Увеселительный пожаръ —
Пожаръ, что въ блескѣ съ солнцемъ споря,
Весь юный край тотъ обнималъ,
И въ небесахъ и въ зыби моря
Всесвѣтнымъ заревомъ сіялъ.

Тотъ путь былъ путь очарованья.
Съ Невы къ Днѣпру вдоль полотна
Дороги, полной ликованья,
Неслась Державная Жена —
Средь свѣжихъ рощъ благоуханныхъ
И жизнью вѣющихъ полей,
Въ собраньѣ Принцевъ и Князей,
И было — двѣ главы вѣнчанныхъ
Средь лицъ, сопутствовавшихъ Ей.
Вездѣ волшебныхъ станцій нѣга;
Средь этой сказочной ѣзды
Встаютъ для отдыха сады,
Дворцы родятся для ночлега;
На сотни верстъ военный станъ
Раскинутъ; — пѣсни поселянъ
Гремятъ въ селеньяхъ, хороводы
Справляютъ вешній пиръ природы,
А въ ночь, лишь смеркнутъ небеса,
Для освѣщенья, съ трескомъ, свистомъ,

Дымясь куреніемъ смолистымъ,
Горятъ дремучіе лѣса.
Предъ нею — Кіевъ, — и отъ оныхъ
Священныхъ мѣстъ вручась Днѣпру,
Вдругъ сотни яхтъ раззолоченныхъ
Пошли плясать по серебру.
Вездѣ мольба, пальба и клики,
И громъ напутственной музыки,
И мощный звонъ колоколовъ,
И бой сердецъ подъ звономъ, громомъ, —
А тамъ — одно изъ встрѣчныхъ словъ
Гласитъ: «оставимъ астрономамъ
Твердить, что, путь свой округля,
Вкругъ солнца движется земля:
Вкругъ насъ ты ходишь, Солнце наше!»
И слаще радостнѣй и краше
И паче горняго свѣтло
Земное солнце то текло.

тъ — въ своемъ дворцѣ, средь сферы лучезарной,
й Монархинѣ вельможа благодарный
оилъ пиршество! Нѣтъ мѣры чудесамъ.
ѣздья люстръ горятъ на зависть небесамъ.
истый персикъ здѣсь подернулся румянцемъ
еревѣ родномъ. Съ оливой, померанцемъ
ь лавръ и тысячи тропическихъ деревъ
уются въ плодахъ, цвѣтахъ благоухаютъ,
ихъ зелени звенитъ царя пѣвцовъ напѣвъ,
ицы райскія по вѣткамъ ихъ порхаютъ.
ертогѣ шаръ земной сосредоточенъ весь:
деждахъ пламенныхъ, въ смѣшеньи пестромъ, здѣсь—
ыкъ, Якутъ, Киргизъ и разныхъ странъ народы.
уство стало здѣсь пятой на грудь природы
ырвало на мигъ державу у судьбы.
солнце *съ вензелемъ* Владычицы! — Всемірны

Ряды живыхъ картинъ. Вотъ черные рабы
И азіятскій торгъ невольниками Смирны!
Вотъ группы юныхъ дѣвъ, прекрасны и легки,
Къ стопамъ Монархини кладутъ свои вѣнки
Изъ свѣжихъ васильковъ и ландышей. Съ плафона
Слетаютъ Геніи и Нимфы Геликона,
Амуры, Граціи — и неземной балетъ
Несетъ богинѣ душъ эѳирный свой привѣтъ.
Все блещетъ, движется, — и въ хорѣ дружелюбномъ
Разносятся слова, сліянны съ звукомъ трубнымъ,
Слова, которымъ Русь досель должна внимать
Отъ Невскихъ береговъ до бурныхъ волнъ Евксина

«Славься симъ Екатерина!
«Славься, нѣжная къ намъ мать!»

Пиръ конченъ. Палъ къ ногамъ растроганной царицы
Хозяинъ, и въ слезахъ къ перстамъ Ея десницы
Прижалъ свои уста, колѣно-преклоненъ.
За все Великую благодарилъ здѣсь онъ,
За всѣ Ея дары, за путь свой тріумфальный.
За блага жизни всей, за этотъ пиръ прощальный,
За все... Онъ чувствовалъ, что дни къ концу летятъ,
Что есть звѣздамъ предѣлъ и солнцу есть закатъ.

ПОСЛАНІЕ О ВИЗИТАХЪ.

(Къ М. Ѳ. Ш.)

Вы правы. Радъ я былъ сердечно
Отъ васъ улышаннымъ словамъ!
Визиты — варварство, конечно!
Итакъ — не ѣду нынче къ вамъ, —

И, кстати, одержу побѣду
Надъ предразсудкомъ: ни къ ному
Въ сей свѣтлый праздникъ не поѣду,
И самъ визитовъ не приму;
Святаго дня не поковеркавъ,
Схожу я утромъ только въ церковь,
Смиренно Богу помолюсь,
Потомъ, съ почтеньемъ къ генеральству,
Какъ должно, съѣзжу по начальству,
И крѣпко дома затворюсь.
Обычай истинно-безумный!
Китайскихъ нравовъ образецъ!
День цѣлый по столицѣ шумной
Таскайся изъ конца въ конецъ!
Составивъ списокъ презатѣйный
Своимъ визитамъ, всюду будь —
На Острову и на Литейной,
Изволь въ Коломну заглянуть,
И на Пескахъ — и тамъ быть надо,
Будь у Таврическаго сада,
На Петербургской сторонѣ,
Будь моря Финскаго на днѣ,
Въ предѣлахъ рая, въ безднахъ ада,
На всѣхъ планетахъ, на лунѣ!

Блаженъ, коль слышишь: «нѣту дома,»
«Не принимаютъ.» — Какъ огня,
Какъ страшной молніи и грома,
Боишься длиннаго пріема:
Изочтены минуты дня —
Нельзя терять ихъ; — полтораста
Еще осталось разныхъ мѣстъ,
Гдѣ надо быть, тогда какъ часто
Несносно-длиненъ переѣздъ.
Радъ просто никого не видѣть

И всѣхъ проклясть до одного,
Лишь только-бъ въ праздникъ никого
Своимъ забвеньемъ не обидѣть, —
Лишь только-бъ кинуть въ каждый домъ,
Билетецъ съ загнутымъ угломъ,
Не видѣть лицъ — сихъ адскихъ пугалъ...
Что лица? — Дѣло тутъ не въ томъ,
А вотъ въ чемъ: карточка и уголъ!
Лишь только-бъ карточку шырнуть,
Ее гдѣ слѣдуетъ удвоить,
И тутъ загнуть, и тамъ загнуть,
И совѣсть, совѣсть успокоить!
Ярлыкъ свой бросилъ, хлопъ дверьми:
Вотъ — на! — и чортъ тебя возьми!

Порою вѣтеръ, дождь и слякоть,
А тутъ визиты предстоятъ;
Бѣднякъ и празднику не радъ —
Чего? Приходится хоть плакать.
Вотъ онъ выходитъ на крыльцо,
Зоветъ возницъ, въ карманахъ шаритъ...
Лицомъ хоть въ грязь онъ не ударитъ,
Да грязь-то бьетъ ему въ лицо,
Дорога — адъ, чернѣе ваксы;
Извозчикъ за уголъ скорѣй
На клячѣ тощенькой своей
Свернулъ — отъ столь-же тощей таксы,
Прочтенной имъ въ чертахъ лица.
Къ нему ревущаго съ крыльца.
Забрызганъ съ перваго-же шага
Пѣшкомъ пускается бѣднята,
И очень радъ уже потомъ,
Когда съ товарищемъ онъ въ парѣ
Хоть какъ-нибудь, тычкомъ, бочкомъ,
На тряской держится шторѣ.

Такъ называютъ инструментъ,
Хоть звучный, но не музыкальный,
Который въ жизни сей печальной
Старинный получилъ патентъ
На громкій чинъ и титулъ «дрожекъ»,
И поглядишь — дрожитъ, какъ листъ,
Возсѣвъ на этотъ острый ножикъ
Поэтъ убогій иль артистъ.
Я самъ... Но сколь намъ ни привычно,
Всежъ трогать личность — неприлично,
Свою тѣмъ болѣе... Именъ
Не нужно здѣсь; — и такъ — N. N,
Визитныхъ карточекъ навьюченъ
Колодой цѣлою, плыветъ,
И, тяжкимъ странствіемъ измученъ,
Къ дверямъ по лѣстницѣ ползетъ,
Стучится съ робостью плебейской
Или торжественно звонитъ:
Дверь отперлась; привѣтъ лакейскій
Какъ-разъ въ ушахъ его гремитъ:
«Имѣемъ честь, дескать, поздравить
Васъ, сударь, съ праздникомъ»; молчитъ
Пришлецъ, иль глухо — м-мъ — мычитъ,
Да карточку спѣшитъ оставить
Иль росписаться, а рука
Лакея, вслѣдъ за тѣмъ привѣтомъ,
И какъ-то тянется слегка,
И шевелясь изподтишка
Престранно дѣйствуетъ при этомъ,
Какъ будто ловитъ что-нибудь
Перстами въ области воздушной,
А гость тупой и равнодушной
Радъ поскорѣе ускользнуть,
Чтобъ продолжать свой трудный путь;
Онъ защититъ, покуда въ силахъ,

Отъ наступательныхъ невзгодъ
Кармана узкаго проходъ,
Какъ Леонидъ при Θермопилахъ.
О, мой герой! Впередъ! Впередъ!
Вкругъ свѣта вдаль по океану
Плыви сквозь бурю, хладъ и тьму,
Подобно Куку, Магеллану
Или Колумбу самому,
И въ этой сферѣ безграничной
Для географіи столичной
Трудись! — Ты можешь подъ шумокъ
Открыть среди такихъ прогулокъ
Иль неизвѣстный закоулокъ,
Иль безъимянный островокъ, —
Полузнакомаго припомня,
Что тамъ — у Покрова — живетъ,
Узнать, что самая Коломна
Есть островъ средь канавныхъ водъ, —
Открыть полярныхъ странъ границы,
Забраться въ Индію столицы,
Сто разъ проѣхать вверхъ и внизъ
Черезъ Надежды Доброй мысъ.
Тутъ филологъ для корнесловья
Отыщетъ новыя условья,
Найдетъ, что Русскій корень есть
И слову чуждому *визиты,*
Успѣвъ стократно перенесть
Извозчику: да ну-жъ! вези-ты!
Языкъ нашъ — ключъ заморскихъ словъ:
Возстань, возрадуйся, Ш—овъ!
Не такъ твои потомки глупы;
Въ нихъ руссицизмъ твоей души,
Твои родныя «мокроступы»
И для визитовъ хороши.
Зачѣмъ-же все въ чужой кумирнѣ

Молиться намъ? — Ш—овъ! Ты правъ,
Хотя — увы! — въ твоей «ходырнѣ»
Звукъ русскій нѣсколько дыравъ.
Тебя-ль не чтить намъ сердца вздохомъ,
Въ проѣздъ визитный бросивъ взглядъ
И зря, какъ грозно-бородатъ
Маркеръ трактирный съ «шаропехомъ»
Стоитъ, склонясь на «шарокатъ»?
Но — я отвлекся отъ предмета,
И кончить, кажется, пора.
А чѣмъ-же кончится все это?
Да тѣмъ, что нынче со двора
Не ѣду я: останусь дома.
Пускай весь міръ меня винитъ!
Пусть все, что родственно, знакомо
И близко мнѣ, меня бранитъ!
Я остаюсь. Прямымъ безумцемъ
Довольно рыскалъ прежде я;
Пускай считаютъ вольнодумцемъ
Меня почтенные друзья,
А я подъ старость начинаю
Съ благословеннаго «аминь»;
Да только вотъ бѣда: я знаю —
Чуть день настанетъ — динь, динь, динь —
Мой колокольчикъ, — и покою
Мнѣ не дадутъ; одинъ, другой,
И тотъ, и тотъ, и нѣтъ отбою —
Держись, Иванъ — служитель мой!
Ну, онъ не впуститъ, предположимъ;
А все-же буду я тревожимъ
Несноснымъ звономъ цѣлый день;
Заняться дѣломъ какъ-то лѣнь —
И все помѣха! — Съ уголками
Иванъ обѣими руками
Начнетъ *мнѣ* карточки сдавать,

А тамъ еще, а тамъ опять.
Какъ нескончаемая повѣсть,
Все это скучно; изорвешь
Всѣ эти листики, а все-жъ
Ворчитъ визитная-то совѣсть,
Ее не вдругъ угомонишь:
«Вотъ — вотъ — тебѣ; а ты сидишь?»
Неловко какъ-то, неспокойно.
Ужъ развѣ такъ мнѣ поступить,
Какъ нѣкто — мужъ весьма достойный?
Онъ въ праздникъ на-глухо забитъ
Придумалъ дверь, и въ полной мѣрѣ
Чтобъ обезпечить свой покой,
Своею-жъ собственной рукой
Онъ начерталъ и надпись къ двери:
«Такой-то-де, склонивъ чело,
Визитщикамъ поклонъ приноситъ
И не звонить покорно проситъ —
Уѣхалъ въ Царское-Село.»
И дома далъ онъ пищу лѣни,
Остался цѣлый день въ тиши, —
И что-жъ? Потомъ вдругъ слышитъ пени:
Вы обманули — хороши!
Чрезъ васъ мы время потеряли —
Часъ битый ѣхали, да часъ
Въ Селѣ мы Царскомъ васъ искали,
Тогда какъ небыло тамъ васъ. —
Я тоже-бъ надписалъ, да кстати-ль?
Прочтя ту надпись, какъ на зло,
Пожалуй, вѣдь иной пріятель
Махнетъ и въ Царское-Село!

ПЕРЕВОДЫ.

I.

НАѢЗДНИКЪ.

Какъ легкая ладья срываясь безопасно
Съ докучныхъ береговъ, летитъ надъ глубиной
И, веслами обнявъ грудь моря сладострастно,
Скользитъ и высится надъ пѣнистой волной, —
Такъ бедуинъ, стремглавъ летя съ утеса, гонитъ
Коня въ пустынную, невѣдомую даль;
Копыто конское въ пескѣ сыпучемъ тонетъ
Съ шипѣньемъ, какъ въ водѣ кипящаяся сталь, —
И разсѣкается песчаная пучина:
Ее мой гордый конь рветъ персями дельфина.

Все быстрѣе, все быстрѣй!
Конь мой пышетъ; слѣдъ дымится;
Выше, выше пыль клубится;
Встрѣчный вѣтеръ все сильнѣй.

Какъ туча, мчится онъ — мой вороной — строптиво;
На лбу его звѣзда денницею горитъ;
Какъ перья страуса, по вѣтру вѣетъ грива,
И брызжутъ молніи изъ-подъ его копытъ.

Тщетно пальма мнѣ, кивая,
Предлагаетъ тѣнь и плодъ:
Лоно пальмы разрывая,
Мчится бурный конь впередъ;
Со стыдомъ она укрылась
Въ свой оазисъ, притаилась,

И вдали изподтишка
Водитъ шепотно листами,
Насмѣхаясь надъ мечтами
И отвагой ѣздока.
Конь — огонь. Сверкаютъ ноги.
Пальмы! Прочь съ моей дороги!

Здѣсь мощный стражъ пустынь — утесъ, изъ-за у
Порой на всадника посматриваетъ косо,
И весь глубокими морщинами изрытъ,
То дразнитъ скокъ коня отзвучіями эха,
То, средь зловѣщаго надъ бедуиномъ смѣха,
Тѣмъ эхомъ, вслѣдъ ему, съ угрозой говоритъ:

«Сумасбродъ! Куда онъ мчится?
Головѣ его не скрыться
Тамъ отъ знойныхъ стрѣлъ небесъ
Ни подъ сочныхъ пальмъ листами,
Но подъ бѣлыми шатрами!
Тамъ кругомъ одинъ навѣсъ —
Неба сводъ да воздухъ жгучій;
Тамъ ни облачка, ни тучи;
Тамъ скаламъ лишь ночевать!
Тамъ звѣздамъ лишь кочевать!»

Я впередъ. Угрозы тщетны.
Мчусь, упрямо безотвѣтный.
Оглянулся: гдѣ-жъ они —
Тѣ утесы? — Ихъ чуть видно
Позади, вдали. Имъ стыдно:
Тотъ за этимъ скрытъ въ тѣни.

Конь — огонь. Сверкаютъ ноги!
Прочь, утесы! Прочь съ дороги!

А воронъ, тѣ слова подслушавъ, встрепенулся;
Взглядъ кинувъ на меня, подумалъ: «будетъ мой!»
Взмахнулъ крыломъ — и вслѣдъ за всадникомъ рванулся,
И трижды прочертилъ кругъ черный надо мной:

«Чую, — каркалъ, — запахъ яствы,
Духъ добычи: будетъ трупъ!
Глупъ тутъ конь и всадникъ глупъ,
Тамъ коню не будетъ пастбы,
И проѣзднаго пути
Ѣздоку тамъ не найти!
Кто попалъ туда — не выйдетъ;
Тамъ свой путь лишь вѣтеръ видитъ,
Но теряется и тотъ,
И слѣды едва лишь броситъ —
Самъ съ собою ихъ уноситъ,
Иль пескомъ ихъ замететъ.
Тамъ шипятъ въ травѣ колючей
Черный гадъ, да змѣй гремучій.
Тамъ лишь трупамъ ночевать,
Хищнымъ птицамъ кочевать!»

Прокаркалъ черный вранъ — и когти развернулись,
И трижды съ глазу въ глазъ мы съ нимъ переглянулись,-
И кто-же уступилъ? — Онъ! Взвился — отлетѣлъ.
Я мѣткою стрѣлой казнить его хотѣлъ;
Но — глядь: ужъ онъ виситъ на вѣтрѣ — тамъ — высоко,
Лишь темное пятно усматриваетъ око,
И — меньше, меньше все... Вотъ точка чуть видна —
И въ небѣ, наконецъ, истаяла она.

Конь — огонь. Сверкаютъ ноги.
Птицы, враны! Прочь съ дороги!

Тутъ изъ-подъ солнца вдругъ какъ лебедь, по лазури
Всплываетъ *облако, летитъ на* крыльяхъ бури,

И также хочетъ тамъ промчаться — въ небесахъ,
И надъ челомъ моимъ бѣлѣя въ небѣ чистомъ,
Грозитъ мнѣ заодно съ зловѣщимъ вѣтра свистомъ:

«Безрасудный! — Мчаться радъ
Самъ куда — не разумѣетъ.
Тамъ отъ жажды грудь истлѣетъ
И уста перегорятъ.
Влаги капли тамъ единой
Изъ скупыхъ не брызнетъ тучъ
На чело, гдѣ прахъ пустынный
Ляжетъ слоемъ, сухъ и жгучъ.
Тамъ серебрянаго слова
Не проронитъ водный токъ.
Блескомъ утра золотаго
Зарумяненный востокъ
Тамъ едва лишь на былинку
Брызгу влаги опустилъ —
Тощій вѣтеръ ту росинку
Ужъ укралъ и проглотилъ».

Угрозы ни къ чему. Я мчусь еще быстрѣе.
Устало облако: — вотъ каплетъ горячо
Съ чела его, — оно все ниже, все слабѣе —
И старому легло утесу на плечо.
Я кинулъ взоръ назадъ, ища его глазами,
Но цѣлый сводъ небесъ лежалъ ужъ между нами,
И я замѣтить могъ, какъ злобное оно
Краснѣетъ въ бѣшенствѣ; потомъ пропоено
Все желчью зависти, и наконецъ чернѣетъ,
Какъ трупъ, и на меня взглянуть уже не смѣетъ.

Конь — огонь! Сверкаютъ ноги.
Облака! Долой съ дороги!

Осмотрѣлся я кругомъ
Взоромъ солнца во вселенной:
Пусто все въ пути моемъ.
Я одинъ здѣсь, дерзновенный, —
И ни съ сихъ, ни съ тѣхъ концовъ,
Ни съ земли, ни съ небосвода
Нѣтъ на споръ со мной гонцовъ.
Все здѣсь тихо. Вся природа
Тяжко дремлетъ съ первыхъ дней.
Не бывало здѣсь людей.
Здѣсь въ глубокой летаргіи
Неподвижныя стихіи
Грудой сонною лежатъ,
Какъ стада, съ начала вѣка,
И при видѣ человѣка,
Перепуганы дрожатъ.

Нѣтъ, — я не первый тутъ: пески здѣсь кѣмъ-то взрыты;
Вотъ рвы и насыпи: за ними, мнится, скрыты
Въ засадѣ хищники... они добычи ждутъ...
Смотрю: и всадники и кони видны тутъ,
Ужасной бѣлизной и тлѣніемъ одѣты.
Я къ нимъ: недвижимы... Зову: молчатъ... Скелеты
И трупы лишь! — Здѣсь выгребъ ураганъ
Засыпанный пескомъ когда-то караванъ.
Вотъ смѣшанныхъ костей бѣлѣющая груда!
Вотъ остовъ ѣздока на остовѣ верблюда
Сидитъ, и по его ланитѣ костяной
Изъ впадинъ, гдѣ глаза горѣли яркимъ взоромъ,
Бѣжитъ сухой песокъ шипучею струей —
И глухо шепчетъ мнѣ съ язвительнымъ укоромъ:

«Сумасшедшій бедуинъ!
Гдѣ ты, бѣшеный, одинъ?
Надъ *костями* каравановъ

Здѣсь ты въ царствѣ урагановъ.
Лютый вихрь тебя снесетъ!» —
Не боюсь. Лечу впередъ.

Конь — огонь. Сверкаютъ ноги.
Трупы, кости! Прочь съ дороги!

И первый вдругъ силачъ — Духъ Африканскихъ странъ —
Несется грозный царь пустыни — ураганъ.
Надъ безднами песковъ онъ дышитъ полной грудью.
Всегда уединенъ и пріученъ къ безлюдью,
Увидѣвъ издали, что кто-то тамъ летитъ
Еще другой — не онъ, Духъ бурный изумился, —
Не двигаясь впередъ, на мѣстѣ закрутился,
И впалъ въ раздумье онъ, и самъ себѣ шумитъ:

«Кто это изъ моихъ ничтожныхъ, младшихъ братій,
Такъ съ виду немощенъ, такой некрупной стати,
Дерзнулъ топтать мои владѣнья? Какъ забрелъ
Въ мѣста, гдѣ только мой владычитъ произволъ,
Гдѣ я — властистель-царь?» — И съ шумомъ онъ рванулся
И на меня столбомъ громаднымъ потянулся,
Приблизился ко мнѣ, и видя въ первый разъ
Простаго смертнаго столь дерзостнымъ, отпрянулъ,
Взлетѣлъ — и съ высоты пятою въ землю грянулъ
И изъ конца въ конецъ Аравію потрясъ, —
И вдругъ, какъ ястребъ злой, схватилъ меня когтями,
Дыханьемъ жегъ меня, и пыльными крылами
Меня обвертывалъ, и въ прахъ меня валилъ,
И снова взбрасывалъ, и вновь объ землю билъ,
И засыпалъ пескомъ; но я не поддавался:
Полураздавленный, я снова вырывался
И схватывался съ нимъ — могучимъ. Сгоряча
Его песчаные вьющіеся клубомъ
Я члены разгрызалъ остервенѣлымъ зубомъ,

гвёртовалъ его. Ужъ въ образѣ смерча
гѣлъ онъ у меня уйти изъ-подъ плеча,
мной обхваченный въ полъ-тѣла, отбивался,
нулся — пополамъ въ обхватѣ перервался —
рухнулъ, — и гигантъ, шумѣвшій въ облакахъ,
алъ къ моимъ ногамъ огромнымъ трупомъ въ прахъ.

съ отдыха насталъ. Смотрю на группы звѣздъ —
тѣ, сверкая мнѣ очами золотыми,
ѣ на меня глядятъ: жилецъ подзвѣздныхъ мѣстъ
ѣсь только я одинъ! Одинъ лишь я подъ ними!
прямо въ очи имъ какъ гордо я гляжу!
кой широкій вздохъ въ груди перевожу!
грудью, поднятой на этотъ вздохъ гигантскій
мнится, поглотилъ весь воздухъ африканскій.
къ взору моему разгуливать легко!
съ этотъ вольный взоръ хватаетъ далеко!
остерся-бъ далѣе, когда-бы въ этомъ мірѣ
лъ глубже сводъ небесъ и горизонтъ былъ шире.
съ здѣсь объятія раскинуть я могу!
кидываю ихъ: въ ихъ пламенномъ кругу
юга съ сѣвера, до запада съ востока
ь безпредѣльный міръ улегся-бы широко.
возвышаю мысль — и мчусь за нею самъ.
сль выше... выше... вотъ — прильнула къ небесамъ.
ла летитъ къ цвѣтку и жало водружаетъ,
мѣстѣ съ нимъ въ цвѣтокъ и сердце погружаетъ:
ъ мысль мою едва я въ небѣ укрѣпилъ,
ъ небѣ вмѣстѣ съ ней и душу утопилъ.

II.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ТЯТИ.

«Дѣтки, ступайте къ часовнѣ нагорной!
Дѣтки, скорѣй! — Торопитесь!
Тамъ, предъ иконою ставъ чудотворной,
Долго, усердно молитесь!

Тятя не ѣдетъ... До страшной потери
Долго-ль? — Хранимъ-ли онъ Богомъ!
Въ лѣсѣ дремучемъ есть лютые звѣри;
Есть и разбой по дорогамъ».

За городъ дѣти къ часовнѣ нагорной
Кинулись мигомъ въ дорогу.
Тамъ предъ иконой они чудотворной
Стали, и молятся Богу;

Ставъ на колѣни, головки склоняютъ
Низко — до праха земнаго,
Вѣчное имя Отца призываютъ,
Сына и Духа святаго.

«Вѣрую», «Отче» — прочли, да и снова,
И «Богородицу» — тоже,
Все наизусть до послѣдняго слова,
Все — и «Помилуй мя Боже».

И литанію божественной Дѣвѣ
Старшій запѣлъ, и всей силой
Прочіе вторятъ, и въ дѣтскомъ напѣвѣ
Слышится: «тятю помилуй»!

Ѣдутъ. Колеса стучатъ по дорогѣ.
Грохотъ возовъ на раскатѣ.
Кинулись дѣти къ веселой тревогѣ:
Тятя пріѣхалъ нашъ, тятя!

Стой! — И купецъ вылетаетъ изъ брички;
Тѣ къ нему въ обручъ объятій.
«Что, мои дѣтушки? Что, мои птички?
Что вы — скучали безъ тяти?

Мама здорова? Тетя здорова?
Лакомки, вотъ вамъ изюму»! —
Дѣти кричатъ — не разслышишь ни слова:
Столько вѣселаго шуму.

Поѣздъ съ товаромъ купецъ отсылаетъ,
(Съ радостью рядомъ — отвага),
Самъ же дорогу съ дѣтьми продолжаетъ...
Вдругъ — изъ-за лѣсу ватага!

Вышли злодѣи: лохмотья покрыты
Свѣжими пятнами крови;
Страшныя рожи не мыты, не бриты;
Ножъ и кистень на-готовѣ.

Вскрикнули дѣти: къ отцу въ перепугѣ
Лѣзутъ подъ полы шинели;
Нѣту лица на дрожащей прислугѣ —
Въ ужасѣ всѣ помертвѣли.

«Все забирайте»! — всплеснувши руками
Никнетъ купецъ головою,
«Лишь не творите дѣтей сиротами,
Милую женку вдовою»!

Глухи злодѣи: одинъ отпрягаетъ
Добрую лошадь; тотъ съ крикомъ
Требуетъ денегъ, ножемъ угрожаетъ,
Вопитъ въ неистовствѣ дикомъ. —

Стойте! — раздался вдругъ крикъ атамана.
Прочь! — И отхлынула шайка.
Добрый купецъ! Умирать тебѣ рано:
Съ Богомъ — до дому ступай-ка! —

Тотъ атаману поклонъ, а разбойникъ:
Нѣтъ, говоритъ, ты на свѣтѣ
Жить не остался-бъ, ты былъ-бы покойникъ,
Если-бъ не добрыя дѣти!

Имъ поклонись! — Я-бъ аршинною бритвой
Самъ искрошилъ твое тѣло,
Если-бъ не дѣтки съ своею молитвой! —
Слушай, купчина, въ чемъ дѣло:

Слышали мы, что ты ѣдешь, заранѣ;
Мы ужъ давно сосчитали
Нашу поживу въ твоемъ каравнѣ:
Вотъ мы засѣли и ждали.

Вижу — тутъ дѣти. Глядь: молятся Богу.
Я и смотрѣлъ, какъ на шалость,
Даже смѣялся, — а тамъ понемногу
Въ сердце закралась и жалость.

Вдругъ я припомнилъ родную сторонку,
Хаты родительской крышку...
Ножъ уронилъ я, какъ добрую женку
Вспомнилъ, да сына-мальчишку.

Дѣти! вотъ тятя вашъ! Съ Богомъ идите!
Да у домашней божницы
Въ дѣтской молитвѣ порой помяните
Грѣшную душу убійцы!

III.

РЫБКА.

Изъ родной подъ лѣсомъ хатки
Вышла Зося: вздохи рвутся;
Волосъ въ дикомъ безпорядкѣ,
Слезы, слезы такъ и льются.

Вотъ знакомое озерко!
Вотъ и рѣчка! — Съ воплемъ муки
Зося стала у пригорка
И ломаетъ бѣлы руки.

«Эй, подводныя жилицы»!
Зося кличетъ, — «Свитезянки!
Не отвергните, сестрицы,
Обольщенной поселянки!

Панъ, любимый страстно мною,
Мнѣ въ любви взаимной клялся,
А сосватался съ княжною,
Надъ бѣдняжкой насмѣялся.

Пусть-же злой обманщикъ съ нею,
Раздѣляетъ счастья долю;

Но надъ горестью моею
Я ругаться не позволю.

Жизнь на свѣтѣ — ножъ мнѣ вострый.
Что мнѣ жить? — Позоръ — не шутка!
Нимфы! Къ вамъ иду я въ сестры...
Ахъ, прости, мой сынъ — малютка!

И слезами захлебнулась,
И зажавъ глаза руками,
Зося съ берега рванулась
И исчезла подъ волнами.

Тамъ — за лѣсомъ — домъ свѣтлѣетъ.
Подъѣзжаютъ гости къ дому.
Тамъ пируютъ; дворъ полнѣетъ;
Много блеску, шуму, грому.

Въ лѣсъ малютку безъ пеленокъ
На рукахъ слуга выноситъ;
Рвется, мечется ребенокъ,
И визжитъ, и груди проситъ.

Хлопецъ къ рѣчкѣ съ нимъ подходитъ,
Гдѣ, раскинувшись бесѣдкой,
Надъ водами зелень сводитъ
Молодую вѣтку съ вѣткой.

«Бѣдный птенчикъ! Ужъ испытанъ
Имъ и голодъ. Злые люди!
Гдѣ ты, Зося? — Говоритъ онъ:
Зося! Дай ребенку груди!» —

Здѣсь я — слышенъ въ тьмѣ подводной
Чей-то шепотъ, полный ласки:

Я дрожу въ струѣ холодной;
Мнѣ песокъ набился въ глазки;

Между камешковъ надонныхъ
Бьюсь я, вьюсь я, какъ песчинка,
Я глотаю мушекъ сонныхъ,
А питье мое — росинка. —

На рукахъ дитя качая,
Хлопецъ снова произноситъ:
«Гдѣ ты, Зося? Гдѣ, родная?
Твой ребенокъ груди проситъ».

Вдругъ — какъ будто что плеснуло,
Гладь рѣки вздохнула зыбко, —
И надъ влагою блеснула
Встрепенувшаяся рыбка —

И скользитъ надъ легкой струйкой,
Легкой змѣйкой извиваясь,
Серебристою чешуйкой
Чуть поверхности касаясь;

Позолотой блещетъ спинка;
Острый носикъ видѣ стрѣлки;
Съ боку красная щетинка;
Глазки, словно бисеръ, мелки.

Вдругъ — чешуйка разступилась...
Чудо! — Слышенъ женскій голосъ;
Грудь красавицы открылась,
Голова и длинный волосъ.

Въ тростникѣ стыдливо кроясь,
Подплыла она съ улыбкой:

Женскій бюстъ по самый поясъ,
А къ хвосту осталась рыбкой, —

И беретъ она ребенка,
Къ бѣлой груди прижимаетъ,
Кормитъ бѣднаго, и звонко —
Люли, люли — припѣваетъ.

Крошка смолкъ, вкусивъ роднова
Молока живую струйку;
Онъ — къ слугѣ, а Зося снова
Въ рыбью прячется чешуйку.

Вдругъ — буль-буль — рыбка снова
Скрыта влаги тайниками;
Только воздухъ съ дна рѣчнова
Тутъ поднялся пузырьками.

Вечеркомъ и спозаранка
Хлопецъ тутъ, и въ ту-жъ минутку
Выплывая Свитезянка
Кормитъ сираго малютку.

Но однажды — вечеръ длился,
А урочною порою
Вѣрный хлопецъ не явился
Къ рѣчкѣ съ ношей дорогою.

Знать, пройти той стороною
Новый случай не позволилъ:
Той порою панъ съ женою
Вдоль рѣки гулять изволилъ.

Панъ еще не воротился...
За кустомъ, во мглѣ тумана,

Хлопецъ робко притаился.
Ждетъ, пождетъ: не видно пана; —

Кисть руки свернулъ надъ глазомъ,
Смотритъ, смотритъ... ноютъ очи...
Вновь глядитъ, — а съ каждымъ разомъ
Гуще, гуще сумракъ ночи

Вотъ ужъ звѣзды! — И украдкой
Добрый хлопецъ, сжавъ сердечко,
Съ робкой выступилъ оглядкой —
Къ рѣчкѣ... къ рѣчкѣ... гдѣ-же рѣчка?

Что за чудо? Гдѣ сгибался
Свѣтлой рѣчки токъ стекляный —
Лишь оврагъ сухой остался,
Ровъ безводный, грунтъ песчаный.

Панъ съ женой и рѣчки влага —
Все пропало безъ надежды;
А у самаго оврага
Чьи-то брошены одежды.

Надо рвомъ скала крутая
Встала глыбой посѣдѣлой,
Раздвоясь и представляя
Видъ четы окаменѣлой.

Хлопецъ, будто околдованъ,
Часъ, другой, стоялъ — безмолвный;
Словно къ мѣсту былъ прикованъ,
Неподвижный, страха полный.

Зося! Зося! Вдругъ онъ крикнулъ.
Зося — эхо отвѣчало.

Смертный хладъ въ него проникнулъ:
Зоси словно не бывало.

На скалу, на ровъ безводный
Посмотрѣлъ онъ: чья-бъ работа?
И со лба стеръ потъ холодный,
И смекнулъ, казалось, что-то;

Взялъ дитя: пойдемъ, мой милый!
Тутъ онъ горько усмѣхнулся,
Молвилъ: Господи помилуй!
И домой стремглавъ вернулся.

IV.

АЛЬМАНЗОРЪ.

Смерть Маврамъ! Испанцы, разбивъ ихъ ограды,
Ихъ давятъ подъ гнетомъ ярма.
У Мавровъ остались твердыня Гренады,
Но — горе! Въ Гренадѣ чума.

Еще въ Альпухарѣ геройски безстрашенъ
Защитникъ ея — Альманзоръ,
Но врагъ подступилъ ужъ къ пятамъ ея башенъ, —
И завтра — послѣдній напоръ!

И утро настало. Испанцы напали:
Твердыни разсыпались въ прахъ;
Съ чела минаретовъ кресты засверкали,
И замокъ въ испанскихъ рукахъ.

Все пало. Одинъ Альманзоръ не свалился
Съ врагами въ упорномъ бою;
Сквозь лѣсъ ихъ мечей онъ и копій пробился
И бѣгствомъ спасъ душу свою.

Испанцы, справляя воинскій обычай,
Пируютъ; все взрыли до дна;
Средь падшаго замка живятся добычей,
Купаются въ морѣ вина.

И вдругъ — ихъ начальникамъ стража доноситъ,
Что прибылъ какой-то посолъ.
Съ дарами — и въ замокъ ихъ допуска проситъ.
«Впустить»! — И посланникъ вошелъ.

То былъ — Альманзоръ; то былъ — царь мусульманскій.
Покорный верховной судьбѣ,
Онъ самъ предаетъ себя власти Испанской
И проситъ пощады себѣ:

«Испанцы! — взываетъ — въ смиреньи глубокомъ
Готовъ я главу низложить,
Увѣровать вашимъ великимъ пророкамъ
И вашему Богу служить.

«Весь свѣтъ пусть узнаетъ, что царь побѣжденный,
Своихъ побѣдителей зря,
Ихъ братомъ быть хочетъ въ странѣ изъ законной,
Вассаломъ другаго царя». —

Того, кто явилъ средь недавняго боя
Всю силу меча своего,
Узнали испанцы — и чтятъ въ немъ героя;
И *вождь обнимаетъ* его; —

И всѣмъ Альманзоръ имъ лобзаньями платитъ,
Отъ этого рвется къ тому,
И снова вождя ихъ то за руку схватитъ,
То прянетъ на шею къ нему, —

Упалъ на колѣни къ его онъ подножью,
Разбитымъ тюрбаномъ своимъ
Обвилъ его ноги съ болѣзненной дрожью,
И тянется въ прахѣ за нимъ, —

И всталъ — и ужасенъ Испанцамъ явился:
Весь синій, взглянулъ на враговъ;
Средь адскаго хохота ротъ искривился,
Изъ глазъ его брызнула кровь.

«Взгляните, Гяуры: каковъ я! — Предъ вами
Въ лицѣ моемъ — гибель сама.
Я къ вамъ изъ Гренады — посланникъ съ дарами:
Гяуры! Мой даръ вамъ — чума.

«Я къ вамъ простиралъ зараженныя руки;
Мой ядъ будетъ васъ пожирать.
Мои изучайте-жь вы корчи и муки:
Вѣдь въ нихъ же и вамъ умирать»!

Онъ рпнулся на земь, и кажется — хочетъ
Обнять всѣхъ Испанцевъ, сводя
Средь судорогъ руки кольцомъ, и хохочетъ,
Хохочетъ, смотря на вождя —

И стынетъ, — и взоръ свой онъ кровью налитый
Со злобой навѣкъ закатилъ,
И рта не сомкнулъ онъ, и смѣхъ ядовитый
Къ устамъ искривленнымъ пристылъ.

Испанцы отъ горъ Альпухары въ тревогѣ
Помчались, и войска ихъ тьма
Средь страшныхъ мученій легли на дорогѣ,
И всѣхъ доканала чума.

V.

СОНЪ.

Когда разстаться намъ назначено судьбой,
И если, вѣрная, не хочешь тяжкой мукѣ
Предать души моей, — передъ разлукой злой
Не говори мнѣ о разлукѣ!

Предъ утромъ роковымъ я долженъ провести
Съ тобою вечеръ весь, ловя любви усладу;
Когда-жъ наступитъ часъ послѣднято «прости» —
Спрошу я пить: ты дай мнѣ яду!

Прижмись къ моимъ устамъ, и передъ тѣмъ, какъ сонъ
Покроетъ мнѣ глаза завѣсой вѣчной ночи —
Пускай послѣдній взоръ мой будетъ устремленъ
Въ твои божественныя очи!

А тамъ, какъ мертвыя возникнутъ въ оный день, —
Ты, нѣжнымъ обо мнѣ полна воспоминаньемъ,
Сойди ко мнѣ съ небесъ въ моей могилы тѣнь
И разбуди меня лобзаньемъ! —

И я подумаю, сознанія лишенъ
О мною проспанной глубокой, смертной ночи,
Что лишь на мигъ вздремнулъ, очами устремленъ
Въ твои божественныя очи.

VI.

ЖЕНЩИНА-ПОЭМА.

Поэтъ! Пиши съ меня поэму!
Она сказала: гдѣ твой стихъ?
Пиши на заданную тему:
Пиши о прелестяхъ моихъ!

И вотъ — сперва ему явилась
Въ сіяньѣ царственномъ она;
За ней струистая влачилась
Одежды бархатной волна; —

И вдругъ — по смѣлому капризу
Покровы съ плечъ ея скользятъ,
И чрезъ батистовую ризу
Овалovъ очерки сквозятъ.

Долой батистъ! — И тотъ спустился,
И у ея лилейныхъ ногъ
Туманомъ дремлющимъ склубился
И бѣлымъ облакомъ прилегъ.

Гдѣ Апеллесы, Клеомены?
Вотъ мраморъ — плоть! Смотрите: вотъ —
Изъ волнъ морскихъ, изъ чистой пѣны
Киприда новая встаетъ!

Не вмѣсто брызгъ отъ влаги зыбкой —
Здѣсь перлъ, ея рожденный дномъ,
Прильнулъ къ атласу шеи гибкой
Молочно-радужнымъ зерномъ.

Какіе гимны и сонеты
Въ строфахъ и риѳмахъ наготы
Здѣсь чудно сложены и спѣты
Волшебнымъ хоромъ красоты!

Какъ дальность моря зыби синей
Подъ дрожью мѣсячныхъ лучей,
Безбрежность сихъ волнистыхъ линій
Неистощима для очей.

Но мигъ — и новая поэма;
Съ блестящимъ зеркаломъ въ игрѣ
Она султаншею гарема
Сидитъ на шелковомъ коврѣ, —

Въ стекло посмотритъ — усмѣхнется,
Любуясь прелестью своей,
Глядитъ — и зеркало смѣется
И жадно смотритъ въ очи ей.

Вотъ, какъ Грузинка, прихо́тливо
Свой наргилѐ куритъ она,
А ножка кинута на диво,
И ножка съ ножкой скрещена.

Вотъ — одалиска! Станъ послушный
Изогнутъ легкою дугой
На зло стыдливости тщедушной
И добродѣтели сухой.

Прочь одалиски видъ лукавый!
Прочь гибкость блещущей змѣи!
Алмазъ безъ грани, безъ оправы —
Прекрасный образъ безъ любви.

И вотъ — она въ изнеможеньѣ,
Ее лелѣютъ грезы сна,
Предъ нею милое видѣнье...
Уста разомкнуты — блѣдна, —

Къ объятьямъ призрака придвинувъ
Въ восторгѣ млѣющую грудь,
Главу за плечи опрокинувъ,
Она лежитъ... нѣтъ силъ дохнуть...

Прозрачны вѣжды опустились,
И какъ подъ дымкой облаковъ —
Подъ ними въ вѣчность закатились
Свѣтила черныя зрачковъ.

Не саванъ ей для погребенья —
Нарядъ готовьте кружевной!
Она мертва отъ упоенья,
На смерть похожъ восторгъ земной.

Къ ея могилѣ путь недальній:
Ей гробомъ будетъ — ложе сна,
Могилой сѣнь роскошной спальни, —
И пусть покоится она!

И въ ночь, когда ложатся тѣни,
И звѣзды льютъ дрожащій свѣтъ, —
Пускай предъ нею на колѣни
Падетъ въ безмолвіи поэтъ!

VII.

СТАРАЯ ПѢСНЯ ЮНАГО ВРЕМЕНИ.

Бывало — съ Розою вдвоемъ
Я по лѣсу блуждаю,
Болтаю съ ней о томъ, о семъ;
О чемъ — и самъ не знаю.

Я былъ мальчишка; дни любви
Еще мнѣ не настали:
Гдѣ Розѣ пѣли соловьи,
Мнѣ тамъ дрозды свистали.

»Вотъ, говорю, цвѣты! цвѣты!
Трава мягка, какъ ложе.«
А мнѣ въ отвѣтъ ея черты
И глазки: ну такъ что-же?

Тамъ ей на вѣткѣ какъ-то разъ
Плодъ спѣлый приглянулся:
Кисть нѣжной ручки поднялась,
Рукавчикъ отвернулся; —

А я всю тупость оказалъ
Ребенка-недоучки:
Я Розѣ вѣтку нагибалъ,
Не видя пышной ручки.

Природа, съ зеленью лѣсовъ,
Дышала тайной южной;
Цѣлуя бархатъ береговъ,
Бѣжалъ ручей жемчужный.

Ей ножку вздумалось разуть —
И въ воду понемножку...
А я — не думалъ и взглянуть
На бѣленькую ножку.

Идемъ. Я холоденъ, какъ ледъ.
Глядь! Роза въ нѣгѣ томной
То улыбнется, то вздохнетъ,
А лѣсъ кругомъ претемный.

Потомъ изъ лѣсу Роза шла
И я съ ней; день былъ свѣтелъ:
Лишь тутъ, что Роза такъ мила,
Впервые я замѣтилъ.

«Зачѣмъ объ этомъ думать? — Вздоръ!» —
Вся вспыхнувъ алымъ цвѣтомъ
Сказала Роза; я-жь съ тѣхъ поръ
Все думаю объ этомъ.

VIII.

К Ъ Ф А Н Н И П.

Оградясь невинностью святою,
Пой, играй и веселись, малютка!
Будь цвѣткомъ! Будь утренней зарею!
Жизнь твоя покуда — смѣхъ и шутка.

О судьбѣ не погружайся въ думу!
Даль темна. Среди земныхъ явленій

Наша жизнь — увы — немножко шуму
Въ грустномъ мірѣ, гдѣ такъ много тѣни.

Зла судьба: мы это видимъ ясно;
Наша скорбь ей ничего не значитъ.
Ты мила; но то, что такъ прекрасно,
Пуще страждетъ, наигорше плачетъ.

Ты сверкаешь дѣтскими очами,
А въ грядущемъ — горе и утраты.
Глазки, такъ богатые лучами,
И слезами наконецъ богаты.

Но пока закрыто все, что худо —
Смѣйся! Смѣхъ есть лучшій даръ незнанья.
Веселись, дитя мое, покуда
Надъ тобой покровъ очарованья!

Розанъ мой, — еще ты вихремъ свѣтскимъ
Не измятъ, не испыталъ ненастья:
Озаренъ ты тихимъ счастьемъ дѣтскимъ —
Отраженьемъ маменькина счастья.

Даръ небесъ — поэзія святая
При тебѣ, какъ ключъ неистощимый;
При тебѣ живетъ она, блистая
Изъ очей ея — твоей родимой.

На землѣ ты — ангелъ настоящій,
Херувимъ! Меня въ восторгъ приводитъ
Ясность та, что въ твой зрачекъ блестящій
Изъ души невинной переходитъ.

Пользуйся блаженною минутой!
Наслаждайся! — Радость мимолетна.

Всѣ мы прежде мукъ сей жизни лютой
Сладость дѣтства пили беззаботно.

О, прими мое благословенье!
При разлукѣ такъ идетъ молитва!
Предо мною — гробъ, успокоенье;
Предъ тобою — жизненная битва.

Богъ съ тобой, невинное созданье!
Жребій твой сказался отъ поленокъ:
Ангелъ ты, ведомый на страданье,
Въ женщины назначенный ребенокъ!

IX.

ОНА СКАЗАЛА.

Она сказала: «да, — и тѣмъ я дорожу!
Мечта о лучшемъ пусть въ соблазнъ меня не вводитъ.
Вѣдь ты со мною здѣсь; глазами я слѣжу,
Какъ мысль въ твоихъ глазахъ вращается и ходитъ.

И тѣмъ довольна я — конечно, не вполнѣ!..
А все-же мой удѣлъ — удѣлъ благополучныхъ.
Чего не любишь ты — насквозь извѣстно мнѣ:
Я двери стерегу отъ лицъ, тебѣ докучныхъ.

Твоя голубка — я. Ты пишешь: близъ тебя,
Уютно сжавшись, я на локотокъ прилягу,
То подниму перо, то вслушиваюсь я,
Какъ ты, мой гордый левъ, ворочаешь бумагу.

ображенье — хмѣль, мечта — напитокъ, да.
рудись! Я счастлива и не ропщу нисколько...
о не мѣшало-бъ мной заняться иногда,
то вѣдь цѣлый день все книги, книги только!

одъ тѣнью твоего склоненнаго чела
одъ-часъ и грустно мнѣ. Ни слова мнѣ, ни взгляда!
тобъ на тебя смотрѣть удобно я могла,
на меня тебѣ взглянуть немножко надо».

X.

ЧТО СЛАВА?

Что слава? — Нелѣпые крики.
Свѣтъ жалокъ; куда ни взгляни —
Въ немъ многіе тѣмъ и велики,
Что малы, ничтожны они.

Я знаю, что свѣтъ рукоплещетъ
Героямъ — когтистымъ орламъ,
Желѣзу, которое блещетъ,
И многимъ несвѣтлымъ дѣламъ.

Да! — Счастье земли — колесница;
Помпей въ тріумфальной красѣ
Въ одномъ изъ колесъ ея зрится,
А Кесарь — въ другомъ колесѣ.

Все то-жъ — въ Тразименѣ, Фарсалѣ.
Любуйтесь сквозь пламя и дымъ

Всѣмъ тѣмъ, что Нероны взорвали
Палящимъ дыханьемъ своимъ!

Молитесь! Склоняйте колѣна!
Мнѣ-жъ крошкой глядитъ великанъ.
Все вздоръ! Потому что онъ — пѣна,
Ужъ будто-бъ онъ сталъ океанъ?

Да, — вѣруйте въ прахъ величавый,
Въ громады пустыхъ пирамидъ,
Во все, что прикинулось славой,
Во все, что такъ бурно шумитъ!

Коснѣя въ понятіяхъ дикихъ,
Молюсь я, поверженный ницъ,
Не богу героевъ великихъ,
А Господу маленькихъ птицъ, —

Не богу воинственныхъ становъ,
Орудій, мечей и штыковъ,
Не богу тѣхъ злыхъ урагановъ,
Что двигаютъ массы полковъ, —

Не идолу тѣхъ, что тревогу
Подъемлютъ, купаясь въ крови,
Но мирному, доброму Богу —
Источнику вѣчной любви, —

Тому, что въ поэмѣ вселенной
Зажегъ, въ міровданья строфахъ,
Стихъ первый — любовію въ сердцѣ,
Послѣдній — звѣздой въ небесахъ, —

Что пищу даетъ своимъ птичкамъ,
Даруетъ и мохъ, и тепло

Ихъ гнѣздышку съ бѣлымъ яичкомъ.
Чтобъ пѣвчее племя росло, —

Что, грѣя соломкою сельской
Семейство Орфеевъ лѣсныхъ,
Шлетъ въ лиственной почкѣ апрѣльской
Міръ новый, волшебный для нихъ;

Когда-жъ это все оперится,
Излучисто врозь полетитъ, —
Вкругъ каждаго гнѣздышка, мнится,
Святое сіянье горитъ.

Исторію мы безъ препоны
Творимъ себѣ — всѣмъ напоказъ:
Великіе есть Пантеоны,
Огромные храмы у насъ.

У насъ есть мечи роковые,
И мало-ль различныхъ чудесъ?
У насъ — Вавилонъ, Ниневія,
Гробницы до самыхъ небесъ.

А что бы осталось? — Лишь слезы, —
Когда-бы Зиждитель міровъ
Отнять захотѣлъ у насъ розы,
Когда-бы Онъ отнялъ любовь!

XI.

ДѢТСТВО.

ебенокъ пѣлъ, игралъ; вблизи лежала мать,
ва-едва дыша. *Ребяческому* пѣнью

И бѣдной матери предсмертному хрипѣнью —
Обоимъ вдругъ тогда мнѣ довелось внимать.

Ребенокъ — лѣтъ пяти. Что онъ? — Малютка, кропка!
Отъ дѣтскихъ игръ его не отгоняйте прочь!
И вотъ — онъ цѣлый день былъ веселъ у окошка,
Весь день рѣзвился, пѣлъ; мать кашляла всю ночь —

И къ утру умерла, вздохнувъ о малолѣткѣ,
А онъ — онъ принялся опять играть и пѣть.
Печаль есть зрѣлый плодъ: на слишкомъ слабой вѣткѣ
Тяжелому плоду Богъ не даетъ созрѣть.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА

стр.

ографія В. Г. Бенедиктова, составленная Я. П. Полонскимъ . . . I—XXVII

стр.

Разныя стихотворенія.

(1835—1842).

орныя выси . . . 3
алоба дня . . . 4
ъ полярной звѣздѣ . . . 5
авалины . . . 7
тесъ . . . 8
ожаръ . . . 9
ерныя очи . . . 11
удри . . . 14
езабвенная . . . 15
удный конь . . . 17
зеро . . . 18
скра . . . 19
вакъ . . . 21
чь близъ м. Якацъ . . . 23
анная красавица . . . 24
служивцу . . . 25
вецъ . . . —
чина . . . 27
ей звѣздочкѣ . . . 29
лана . . . —
выборъ . . . 30
рть въ Мессинѣ . . . 31
сти . . . 32
здница . . . 34
рѣки . . . 35
рть розы . . . 36
е . . . 38
вѣрю . . . 45
одное объясненье . . . 46
а и дѣва . . . 47
ое признаніе . . . 48
пь . . . 49
ышанная молитва . . . 50
Уга . . . 51
рбь поэта . . . 52
тный отказъ . . . 53
не играй . . . 55

стр.

Пѣснь соловья . . . 56
Я не люблю тебя . . . 58
Буря и тишь . . . 60
Заря . . . 61
Кажи меня! . . . 62
Черный цвѣтъ . . . —
Возвратись . . . 63
Облака . . . 66
Жизнь и смерть . . . 68
Калифъ и рабъ . . . 69
Устарѣлой красавицѣ . . . 70
Могила . . . 71
Новая дружба . . . 74

Отрывки изъ книги любви.

I. . . . 75
II. . . . —
III. . . . 77
VI. . . . 78

Посланія.

I. Къ М—ру . . . 79
II. Къ Н—му . . . 81
III. Къ Б—ну . . . 83
IV. Къ К—му . . . 85

Сонеты.

I. Природа . . . 86
II. Комета . . . 87
III. Вулканъ . . . 88
IV. Гроза . . . —
V. Цвѣтокъ . . . 89
VI. Слеза и улыбка . . . 90
VII. Жемчужина . . . —

	отр.
Ватерлоо	91
Туча	99
Пиръ	100
Италія	103
Паденіе	105
Козаку-поэту	109
Къ женщинѣ	110
Морозъ	116
Рѣки	117
Земная ты	119
Порывъ	120

Путевыя замѣтки и впечатлѣнія.

1. На морѣ	122
2. Близъ береговъ	123
3. На южномъ берегу	124
4. Между скалъ	125
5. Могила въ маскарадѣ	127
6. Домъ въ цвѣтахъ.—Алушка	129
7. Ореанда	130
8. Потоки	131
9. Обвалы	135
10. Пещеры.—Кизиль-коба	136
11. Чатырдагъ	137
12. Чатырдагскіе ледники	139
13. Коса —Древности Керчи	144
14. Прости	113
Южная ночь	—
Къ А—ѣ П—ѣ Г—гъ	145
Е. П. Ш—вой	147
Вотъ какъ это было	148
Маленькой Женни	149
Могила любви	150
О если-бъ	151
Напрасныя жертвы	152
Отвѣтъ	153
Старой знакомкѣ	155
Быть можетъ	156
Москва	157
Кіевъ	159
Напрасно	160

Въ альбомы.

1. Написано на первой страницѣ непочатаго еще альбома	162
2. (А. А. И—ой)	163
3. (Т. Е. Ф.)	164
4. (Е. Н. Ш-ой)	165
Вальсъ	166
Какъ хороша!	168

Оригинальныя стихотворенія.

(1842—1850).

И тщетно все	171
Ужинъ у кардинала Ришелье	172
Два клада	184
Кокетка	189
Обвиненіе	191
Юной мечтательницѣ	192
Къ бывшимъ со-ученикамъ	194
Нетайное признаніе	195
Тоска	197
Благовѣщеніе	199
Безумная	200
Къ поэту	201
Богачъ	203
Горемычная	205
Звѣздочетъ	208

Переводы.

I. Стихи, вырѣзанные на чашѣ, сдѣланной изъ черепа	210
II. Не обвиняй ее	211
III. Просьба	212
IV. Два зрѣлища	213
V. Колыбель и могила	—
VI. Ангелъ и младенецъ	214
VII. Къ Миннѣ	215
VIII. Пусть	217
IX. Всегда	218
X. Дантъ	219

Оригинальныя стихотворенія.

(1850—1856).

Къ моей музѣ	220
Человѣкъ	224
Переходъ	226
Послѣ праздника	228
Выпущенная птичка	—
Ѳ. Н. Глинкѣ	230
Извиненіе	232
Бахусъ	233
Разоблаченіе	235
Островъ	236
Распутіе	240
Воспоминаніе о Крымѣ	241
Его не стало	243
Благодарю васъ за цвѣты	245
Кипарисъ	247
Неотвязная мысль	248
Прежде и теперь	251
Н. Б. Вележеву	252
Рашель	253
Вьющееся растеніе	256
Три власти Рима	257
Мелочи жизни	260
Что-то будетъ?	261
Исходъ	—
Лебедь	268
Грустная пѣсня	270
Чувство	271
Я знаю	272
Смѣйтесь!	273
Воспоминаніе	274
Сновидѣніе	280
Послѣ похоронъ А. А. К.	281
Прометей	283
Нѣсколько словъ о Крыловѣ	288
Діонисій и Филоксенъ	292
Вечеръ въ саду	293
Поэзія	296
Встрѣчное слово	299
Письмо Абдель-Кадера	—

	стр.
.. Гончарову.	302
итва	303
ланіе силы.	—
нку	304
ительницѣ спокойствія.	305
)	306
, и двѣ ночи	308
умье	309
стіанскія мысли передъ битвами	310
Россіи	311
ѣдній пиръ	313
ланіе о визитахъ	320

	стр.
Переводы.	
I. Наѣздникъ.	327
II. Возвращеніе тяти	334
III. Рыбка	337
IV. Альманзоръ	342
V. Сонъ	345
VI. Женщина-поэма	346
VII. Старая пѣсня юнаго времени.	349
VIII. Къ Фанни П.	350
IX. Она сказала	352
X. Что слава?	353
XI. Дѣтство	355

Ф 87
12

СОЧИНЕНІЯ

З. Г. БЕНЕДИКТОВА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Я. П. ПОЛОНСКАГО

ВТОРОЕ ПОСМЕРТНОЕ ИЗДАНІЕ

съ біографіей и портретомъ автора

ТОМЪ ВТОРОЙ

ИЗДАНІЕ
поставщиковъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, 18 | МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 12
1902

оп
Щ
Бе-5

СОЧИНЕНІЯ
В. Г. БЕНЕДИКТОВА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Я. П. ПОЛОНСКАГО

ВТОРОЕ ПОСМЕРТНОЕ ИЗДАНІЕ

съ біографіей и портретомъ автора

ТОМЪ ВТОРОЙ

ИЗДАНІЕ
поставщиковъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, 18 | МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 12
1902

ОПГ
Щ6
Бе-5

СОЧИНЕНІЯ
В. Г. БЕНЕДИКТОВА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Я. П. ПОЛОНСКАГО

ВТОРОЕ ПОСМЕРТНОЕ ИЗДАНІЕ

съ біографіей и портретомъ автора

ТОМЪ ВТОРОЙ

ИЗДАНІЕ
поставщиковъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, 18 | МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 12
1902

Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина
п 171336 65
II-7609-43
430.

Дозволено цензурою. Спб. 31 декабря 1901 года.
Типографія Товарищества М. О Вольфъ Спб., В. О, 16 л., 5—7

Л. 87
129.

1856—1858.

НА НОВЫЙ 1857-й Г.

Полночь бьетъ. — Готово!
Старый годъ — домой!
Что-то скажетъ новый
Пятьдесятъ седьмой!

Не судите строго:
Старый годъ — нашъ другъ —
Сдѣлалъ хоть немного,
Да нельзя-же вдругъ.

Мы и то уважимъ,
Что онъ былъ не дикъ,
И спасибо скажемъ:
Добрый былъ старикъ.

Не былъ онъ взволнованъ
Лютою войной.
Въ немъ былъ коронованъ
Царь земли родной.

Съ многихъ лицъ унылость
Давняя сошла;

Царственная милость
Падшихъ подняла.

Кое-что сказалось
Съ разныхъ уголковъ;
Много завязалось
Новыхъ узелковъ.

Въ ходъ пошли вопросы,
И отвѣты имъ
Кривы или косы —
Мы ихъ распрямимъ.

Добрыхъ дѣйствій сѣмя
Сѣетъ добрый Царь;
Кипятится время,
Что дремало встарь.

Годъ какъ пронесется —
Въ годъ-то втиснутъ вѣкъ.
Такъ впередъ и рвется
Лѣзетъ человѣкъ.

Кто измятъ дорогой,
На минутку сталъ,
Да вздремнулъ немного —
Глядь! — ужъ и отсталъ.

Ну — и будь въ послѣднихъ,
Коль догнать не хватъ, —
Только ужъ переднихъ
Не тяни назадъ!

Не вводи въ свѣтъ знанья
Съ темной стороны

Духа отрицанья
Духа сатаны.

Человѣкъ хлопочетъ,
Чтобъ разлился свѣтъ, —
Недоимки хочетъ
Сгладить прошлыхъ лѣтъ.

Ну — и слава Богу!
Намъ не надо тьмы;
Тщетно бьютъ тревогу
Задніе умы.

«Какъ все стало гласно»!
Говорятъ они:
«Это вѣдь опасно —
«Боже сохрани!

«Тѣхъ, что мысль колышутъ,
«Надо-бы связать.
«Пишутъ, пишутъ, пишутъ...
«А зачѣмъ писать?

«Стало все научно;
«Къ свѣту рвется тварь;
«Мы-жь благополучно
«Шли на-ощупь встарь.

«Тьма и впредь спасла-бы
«Насъ отъ разныхъ бѣдъ.
«Мы-же зрѣньемъ слабы:
«Намъ и вреденъ свѣтъ».

Но друзья-ль тутъ Руси
Съ гласностью въ борьбѣ?

Нѣтъ, — вѣдь это гуси —
На умѣ себѣ!

Въ маскѣ патріотовъ
Мраколюбцы тутъ
Изъ своихъ разсчетовъ
Голосъ подаютъ.

Недругъ просвѣщенья
Вопреки добру
Жаждетъ воспрещенья
Слову и перу;

Въ умственномъ движеньѣ,
Въ правдѣ честныхъ словъ —
«Тайное броженье»
Видѣть онъ готовъ.

Гдѣ нечисто дѣло,
Тамъ противенъ свѣтъ,
Страшно все, что смѣло
Говоритъ поэтъ.

Тамъ, гдѣ руки ёмки,
Въ гуще барыша,
Норовитъ въ потемки
Темная душа,

Жмется, лицемѣритъ,
Вопіетъ къ богамъ...
Только Русь не вѣритъ
Этимъ господамъ.

Время полюбило
Правду на-голо·

Правдѣ-жь дай, чтобъ было
Все вокругъ свѣтло!

Дѣйствуй, правду множа!
Будь хоть чиномъ малъ,
Да умомъ вельможа,
Сердцемъ генералъ!

Бѣдствій чрезвычайныхъ
Не сули намъ, гусь!
Нѣтъ здѣсь кововъ тайныхъ:
Не стращай-же Русь!

Русь идетъ не труся
Къ свѣту черезъ мглу.
Видно, голосъ гуся —
Не указъ орлу.

Русь и въ усъ не дуетъ,
Полная надеждъ,
Что восторжествуетъ
Надъ судомъ невѣждъ, —

Что вѣнокъ лавровый
Въ стычкѣ съ этой тьмой
Принесетъ ей новый
Пятьдесятъ седьмой; —

И не одолѣютъ
Чуждыхъ странъ мечи
Царства, гдѣ свѣтлѣютъ
Истины лучи, —

И разумной славы
Проблеснетъ заря

Намъ изъ-подъ державы
Свѣтлаго Царя.

КЪ ПОРТРЕТУ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА

(помѣщенному въ «Живописномъ Сборникѣ», 1857, № 2).

Царь! Твой, благостью и силой
Знаменующійся ликъ,
Для твоей Россіи милой
Любо видѣть каждый мигъ.
Твой портретъ блеститъ по заламъ;
Соприсущій намъ всегда,
Онъ воздвигнутъ надъ зерцаломъ
Въ каждой храминѣ суда;
Въ Академіи, въ Сенатѣ
Яркой рамкой обведенъ, —
И въ смиренной сельской хатѣ
Близъ божницы укрѣпленъ;
Мужичку многоутѣшный,
Трудовой копѣйкой взятъ,
Хоть малеванъ кистью грѣшной —
Онъ ему глубоко-святъ.
Ты намъ дорогъ въ этихъ лицахъ;
Пуще-жь любо намъ твой ликъ
Видѣть въ книгахъ — на страницахъ,
Гдѣ живетъ родной языкъ,
Гдѣ возлюбленное слово,
Посвященное Тебѣ,
Чрезъ Тебя найти готово

Силы новыя въ себѣ,
Въ словѣ — ходъ успѣховъ вѣка
Отпечатанъ на землѣ;
Слово — признакъ человѣка,
Слово — горній свѣтъ во мглѣ;
Всколебавъ намъ нервы слуха,
Словомъ къ намъ воззвалъ Господь;
Слово — путь къ явленьямъ духа;
Слово — мысли кровь и плоть.
Царь! Гдѣ слово проситъ крова —
Кровомъ царственной любви
Осѣни намъ наше слово
И звучать благослови!

КЪ ПОРТРЕТУ
ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ
МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНЫ

(помѣщенному въ «Живописномъ Сборникѣ», 1857, № 2).

Разумомъ, сердцемъ Тебя надѣлила природа;
Объ-руку Царь нашъ съ Тобой, подъ Тобою народъ;
Мать Ты семейству Царя и семейству народа:
Много въ послѣднемъ несчастныхъ и вдовъ и сиротъ,
Много просящихъ призора, и крова, и хлѣба;
Помощь несчастнымъ — души благодѣтельной пиръ.
Взорамъ Твоимъ, какъ очамъ безпредѣльнаго неба,
Пусть открывается бѣдственный, страждущій міръ!
Ты — соименница Той, что являлась Россіи
Силою слабыхъ, отрадой скорбящихъ сердецъ.
Съ именемъ Ты повторишь намъ и душу Маріи:
Слезы *любви да украсятъ* Твой свѣтлый вѣнецъ!

ВОЙНА И МИРЪ.

Смотришь порою на царства земли — и сдается:
Ангелъ покоя по небу надъ міромъ несется:
Все безмятежно, безбранно, трудится наука;
Знаніе дѣда спокойно доходитъ до внука;
Въ битвѣ съ невѣжествомъ только, хватая трофеи,
Борется умъ человѣка и копитъ идеи,
И ополчавшійся нѣкогда дерзко на вѣру
Разумъ смиряется, кротко сознавъ себѣ мѣру,
И повергаясь во прахъ предъ могуществомъ Божьимъ,
Онъ, становясь въ умиленіи вѣры подножьемъ,
Злыя свои подавляетъ насмѣшки надъ сердцемъ.
Съ нищими духомъ—глядишь—сталъ мудрецъ одновѣрцемъ
Мысли крыло распускается шире и шире.
Смотришь — и думаешь: есть человѣчество въ мірѣ.
Господи! Воля твоя надъ созданіемъ буди!
Слава, Всевышній, тебѣ: образумились люди;
Выросли дѣти, шагая отъ вѣка до вѣка;
Время и мужа увидѣть въ лицѣ человѣка!
Мало-ль онъ тяжкихъ, кровавыхъ свершилъ переходовъ?
Надо-жь осмыслиться жизни въ семействѣ народовъ!
Только-что этакъ подумаешь съ тайной отрадой —
Страшное зло возстанетъ необъятной громадой;
Кажется, демонъ могучимъ крыломъ замахнулся
И пролетѣлъ надъ землей: цѣлый міръ покачнулся;
Мнится, незримая смертными злая комета,
Тайнымъ вліяньемъ нарушивъ спокойствіе свѣта,
Вдругъ возмутила людей, омрачила ихъ разумъ;
Звѣрствуютъ люди, и кровію налитымъ глазомъ
Смотрятъ одинъ на другаго, и пышутъ убійствомъ;
Божій даръ слова дымится кровавымъ витійствомъ,
Мысли божественный даръ углубленъ въ изысканья
Гибельныхъ средствъ къ умноженію смертныхъ терзанье

Брошены въ прахъ всѣ идеи, въ почетѣ — гремушки;
Проповѣдь мудрыхъ молчитъ, проповѣдуютъ — пушки,
И опьянѣлые, въ оргіи дикой, народы
Цѣпи куютъ себѣ сами во имя свободы;
Чествуя въ злобѣ своей сатану-душегубца,
Распри заводятъ во имя Христа-миролюбца;
Злобствуетъ даже поэтъ — сынъ слезы и молитвы:
Музу свою окуривъ испареньями битвы,
Опіумъ ей онъ подноситъ — не нектаръ; святыню
Хлещетъ бичомъ; стервенитъ своихъ пѣсенъ богиню;
Судорогъ полныя, бьютъ по струнамъ его руки:
Лира его издаетъ барабанные звуки.
«Бейтесь!» кричаетъ сорванцы, притаясь подъ заборомъ,
И поражаютъ любителей мира укоромъ;
Сами-жъ, достойные правой, прямой укоризны,
Ищутъ поживы въ утробѣ смятенной отчизны.
Если-жъ иной межь людьми проповѣдникъ возстанетъ
И поучительнымъ словомъ евангельскимъ грянетъ,
Скажетъ: «покайтесь! исполнитесь духомъ смиренья!» —
Всѣ на глашатая грозно подъемлютъ каменья,
И изъ отчизны грабителей каждый вострубитъ:
«Это — домашній нашъ врагъ; онъ отчизны не любитъ.»—
Развѣ лишь нѣдръ ея самый смиренный снѣдатель
Скажетъ: «Оставьте! Онъ жалкій безумецъ-мечтатель.
«Что его слушать? Въ безумьѣ своемъ закоснѣломъ
«Пѣсни поетъ онъ тогда, какъ мы заняты дѣломъ.» —
Боже мой! Боже мой! Думаешь: грусть и досада!
Жаль мнѣ тебя, человѣчество — бѣдное стадо!
Жаль... Но окончена брань: по домамъ — ратоборцы!
Слава, Всевышній, Тебѣ: есть Цари — миротворцы.

И ТУДА.

И туда — на грань Камчатки
Ты зашла для бранной схватки
Рать британскихъ кораблей,
И приставъ подъ берегами,
Яро грянули громами
Пришлецы изъ-за морей.

И прикрытъ звѣриной кожей,
Камчадалъ на нихъ глядитъ:
Гости странные похожи
На людей — такой-же видъ!
Только чуденъ ихъ обычай:
Знать, не вѣдая приличій
Съ злостью выѣхали на свѣтъ, —
Въ гости ѣдутъ — незнакомы,
И пріѣхавъ, мечутъ громы
Здѣсь хозяевамъ въ привѣтъ!
Огнедышащихъ орудій
Невезли — дымятъ, шумятъ!
«А вѣдь все-же это — люди», —
Камчадалы говорятъ.

— Камчадалъ! Пускай въ нихъ стрѣлы!
Ну, прицѣливайся! Бей!
Не зѣвай! Въ твои предѣлы,
Видишь, вторгнулся злодѣй, —
И дикарь въ недоумѣньѣ
Слышитъ странное велѣнье:
«Какъ? Стрѣлять? Въ кого? Въ людей?»
И ушамъ своимъ не вѣря:
«Нѣтъ, — сказалъ: — стрѣлу мою

Я пускаю только въ звѣря;
Человѣка я не бью».

Я ПОМНЮ.

Я помню: была ты ребенкомъ:
Бывало — ни въ вихрѣ затѣй,
Ни въ играхъ, ни въ хохотѣ звонкомъ
Не слышно тебя межъ дѣтей.

Какъ звѣздочка въ бѣломъ туманѣ —
Являлась ты въ дѣтствѣ мила,
И тихо, какъ Пушкина Таня,
Безъ куколъ его провела.

Бывало — въ коротенькомъ платьѣ,
Въ домашнемъ своемъ уголкѣ,
Всегда ты въ смиренномъ занятьѣ —
Съ иголкой иль книжкой въ рукѣ, —

Въ гостяхъ-же — съ опущеннымъ взглядомъ
Стыдливо склонясь головой,
Судишь себѣ съ маменькой рядомъ,
Да щиплешь передничекъ свой.

Когда ты лишь жить начинала, —
Ужъ молодость я доконалъ;
Еще ничего ты не знала,
Когда я ужъ многое зналъ.

Лѣтъ тридцать я взялъ уже съ бою,
И вольно, небрежно, шутя,

Бывало — любуюсь тобою
И думаю: «прелесть-дитя!»

«Да жаль, что мы пущены розно
Въ дорогу: малютка, прости!
Зачѣмъ ты родилась такъ поздно?
Тебѣ-ль до меня дорости?»

И гордо, спокойно, безстрастно
Я мимо тебя проходилъ;
Я зналъ, что ты будешь прекрасна
Тогда, какъ я буду ужъ хилъ.

Но могъ-ли я думать въ то время,
Что послѣ, какъ въ видѣ цвѣтка
Распустится чудное сѣмя, —
Съ ума ты сведешь старика?

Во многомъ доживъ до изъяна,
Теперь не могу не тужить,
Зачѣмъ я родился такъ рано,
Зачѣмъ торопился я жить.

Посмотришь на юность: завидно!
Судьбой все не такъ рѣшено. —
И все-бы я плакалъ, да стыдно,
И все-бы рыдалъ, да смѣшно.

ЧТО ШУМИШЬ?

Что шумишь? Чего ты хочешь,
Безпокойный ріемотворъ?
Насъ ты виршами морочишь

И несешь гремучій вздоръ,
Воешь, тратишься на вздохи
Да на жалобы, чудакъ,
Что дѣла на свѣтѣ плохи,
Что весь міръ идетъ не такъ.
Ты все какъ-бы тишь нарушить!
Какъ-бы сердце растрепать!
Мы тебя не станемъ слушать:
Мы хотимъ спокойно кушать,
А потомъ спокойно спать.
Не тревожь покой нашъ сонный!
Не рычи, неугомонный!
Будь какъ надо — человѣкъ!
Мы о призракахъ не тужимъ;
Мы дѣйствительности служимъ;
Положителенъ нашъ вѣкъ.
Блескъ твоихъ высокихъ истинъ
Намъ несносенъ, ненавистенъ, —
Мы ихъ знаемъ, вѣримъ имъ,
Только знать ихъ не хотимъ:
Намъ-бы жить онѣ мѣшали,
А вѣдь всѣ хотимъ мы жить,
Такъ зачѣмъ-бы вдругъ мы стали
Этимъ истинамъ служить?
Что намъ въ нихъ, когда и съ ложью,
Благъ земныхъ имѣя часть,
Можно славить милость Божью, —
И, чтобъ духомъ не упасть,
Да и плоти не ослабить,
Иногда немножко грабить,
Иногда немножко красть? —
Не смущая нашу совѣсть,
Не ворочая души,
Дай намъ пѣсню, сказку, повѣсть,
Позабавь насъ, посмѣши —

Такъ, чтобъ было все пустенько,
Непридирчиво, легко,
И попрыгало-бъ маленько
Въ смѣхѣ круглое брюшко,
Посреди отдохновенья,
Въ важный часъ пищеваренья!
Не ломись въ число судей!
Не вноси къ намъ ни уроковъ,
Ни обидныхъ намъ намековъ,
Ни мучительныхъ идей,
И не будь бичомъ пороковъ,
Чтобъ не быть бичомъ людей!
Если-жь дико и сурово
Заревешь ты свысока —
Эко диво! Намъ не ново:
Мы какъ-разъ уймемъ дружка.

Н. Ѳ. ЩЕРБИНѢ.

Была пора: сіяли храмы,
Подъ небо шли ряды колоннъ,
Благоухали ѳиміамы,
Вѣнчался славой Парѳенонъ,
И все, что въ мірѣ мысль проникла,
Что умъ питало, сердце жгло,
Въ златомъ отечествѣ Перикла
На почвѣ греческой цвѣло;
И быть боговъ и быть народа
Встрѣчались тамъ одинъ въ другомъ,
И человѣчилась природа
Обожествленная кругомъ.
Прошли вѣка: умолкъ оракулъ,

Боговъ низринулъ человѣкъ —
И надъ могилой ихъ оплакалъ
Свою свободу новый Грекъ.

Ничто судебъ не сдержитъ хода;
Но не погибла жизнь народа,
Который столько рьяныхъ силъ
Въ стремленьяхъ духа проявилъ.
Подъ охранительною сѣнью
Сплетенныхъ славою вѣнковъ,
Та жизнь широкою ступенью
Осталась въ лѣстницѣ вѣковъ,
Осталась въ мраморѣ, въ обломкахъ,
Въ скрижаляхъ, въ буквахъ вѣковыхъ,
И отразилась на потомкахъ
Въ изящныхъ образахъ своихъ...
И тамъ, гдѣ льются наши слезы
О падшихъ греческихъ богахъ, —
Цвѣтутъ аттическія розы
Порой на сѣверныхъ снѣгахъ,
И жизнью той, поэтъ-художникъ,
Въ тебѣ усиленъ сердца бой,
И вѣщей Пиѳіи треножникъ
Огнемъ обхваченъ подъ тобой.

УЛЕТѢЛА.

Эхъ, ты — молодость-злодѣйка!
Ты ушла отъ старика,
Что завѣтная копѣйка
Изъ кармана бѣдняка.
Для *чего-жь*, себѣ на горе,

Сохранилъ я чувства пылъ?
Для чего при миломъ взорѣ
Трепетать я не забылъ?
Лучше-бъ вымеръ этотъ пламень!
Лучше-бъ, взвѣсивъ лѣтъ число,
Обратилось сердце въ камень,
Да и мохомъ поросло!

Будь-ка ты еще со мною,
Вихорь-молодость моя,
Какъ съ тобой, моей родною,
Пугулялъ-бы нынче я!
Этимъ юношамъ степеннымъ
Далъ-бы я какой урокъ! —
Этимъ смолоду растлѣннымъ
И потомъ нейдущимъ въ прокъ,
Этимъ съ дѣтскихъ лѣтъ привыкшимъ
И къ лорнетамъ и къ очкамъ,
И надъ книгами поникшимъ
Малолѣтнимъ старичкамъ!

Въ премудреные вопросы
Углубились: ихъ не тронь!
Жгутъ сигары, папиросы:
Дымъ-то есть, да гдѣ-жь огонь?
Что имъ дѣвы-чародѣйки?
Нѣтъ имъ дѣла до любви;
Лишь журнальныя статейки
Въ ихъ вращаются крови.
Не сердечныя тревоги
Занимаютъ мысли ихъ,
А желѣзныя дороги,
Цѣны акцій биржевыхъ,
Механическая ловля
Орденовъ, чиновъ и мѣстъ,

И свободная торговля
Хоть сперва — на счетъ невѣстъ.
Въ каждомъ видишь человѣчка,
Что съ разсчетцемъ на умѣ
Ищетъ теплаго мѣстечка
Гдѣ-нибудь, хоть въ Чухломѣ.
Онъ родится дипломатомъ,
Талейранъ — глядишь — точь-въ-точь,
Даже смотритъ и Сократомъ —
Отъ цикуты-бъ только прочь!
Русь считаетъ онъ деревней;
Весь и новый міръ и древній
Изучилъ онъ впереборъ,
И ученъ, ученъ безъ мѣры:
Знаетъ, что и какъ — гетеры,
Говоритъ насчетъ амфоръ
И букета винъ Фалернскихъ;
Въ новизнѣ-же наконецъ
Послѣ «Очерковъ губернскихъ» —
Окончательный мудрецъ:
Онъ въ провинціи размножить
Хочетъ свѣтъ своихъ идей,
Хочетъ взятки уничтожить
Къ утѣшенію людей;
А потомъ, поднявши брови,
Заберется какъ туда,
Да войдетъ во вкусъ — бѣда!
Чуть лизнетъ тигренокъ крови —
Станетъ тигромъ хоть куда.

Но зачѣмъ я такъ обидно
Нападаю на тебя,
Юный другъ мой? — Знать, завидна
Старцу молодость твоя.
Не сердись! Не мсти поэту!

Такъ — я брежу, я шучу.
Чѣмъ я началъ пѣсню эту,
Тѣмъ ее и заключу:
Эхъ, ты — молодость-злодѣйка!
Ты ушла отъ старика!
Что послѣдняя копѣйка
Изъ кармана бѣдняка.

ОНЪ.

(Посвящено тѣмъ, которые его помнятъ и чтятъ его память)

Я помню: былъ старикъ — высокій худощавый;
Ликъ блѣдный; сводъ чела разумно-величавый,
Весь лысый; на вискахъ сѣдыхъ волосъ клочки;
Глаза подъ зонтикомъ и темныя очки.
Правительственный санъ! Огромныя заботы!
Согбенъ подъ колесомъ полезной всѣмъ работы,
Угодничества чуждъ — онъ былъ во весь свой вѣкъ
Совѣтный мужъ вездѣ и всюду — человѣкъ; —
Всегда доступенъ всѣмъ для нуждъ, и просьбъ и жалоб
Выслушиваетъ всѣхъ, очки подниметъ на лобъ,
И видится, какъ мысль бьетъ въ видѣ двухъ лучей
Изъ синихъ, наискось приподнятыхъ очей; —
Инаго ободритъ улыбкою привѣта,
Другому, ждущему на свой вопросъ отвѣта,
На иностранный ладъ слова произнося,
Спокойно говоритъ: «*нѣтъ, батюшка нельзя*» *)
Народнымъ голосомъ и милостью престольной
Увѣнчанный старикъ, подъ шляпой треугольной,

---

*) *Нѣтъ, батюшка, нельзя.*

шинели сѣренькой, надѣтой въ рукава,
прогулкѣ утренней протащится сперва —
возвращается въ свой кабинетъ рабочій,
Ѣ трудъ его кипитъ съ утра до поздней ночи.
одно-ль заглянуть вамъ въ этотъ кабинетъ?
Ѣсь нѣту роскоши, удобствъ излишнихъ нѣтъ;
е дышитъ простотой студентской кельи скромной:
Ѣсь къ спинкѣ креселъ самъ хозяинъ экономный,
'объ слабыхъ глазъ его свѣтъ лишній не терзалъ,
ольшой картонный листъ бичевкой привязалъ;
тъ — груды книгъ, бумагъ, а тутъ запасъ дешевыхъ
сслиндовскихъ сигаръ и трубокъ тростниковыхъ,
инейки, циркули; а дальше — на полу
азличныхъ свертковъ рядъ, уставленный въ углу:
амъ планы, чертежи, таблицы, счеты, смѣты;
дѣсь — письменный приборъ. Вотъ всѣ почти предметы!
посреди всего — онъ самъ, едва живой,
нъ — пара тощихъ ногъ съ могучей головой!
рестъ-на-крестъ двѣ руки, двухъ мѣткихъ глазъ оглядка,
да тонко-сжатыхъ губъ изогнутая складка —
Вотъ все! — Но онъ тутъ — вождь: онъ тутъ — душа всего,
А тамъ орудія и армія его:
Вокругъ него кишатъ и движутся, какъ тѣни,
Директоры, главы различныхъ отдѣленій,
Вице-начальники, свѣтила разныхъ мѣстъ,
Навыйные кресты и сотни лентъ и звѣздъ;
Ѣ въ дѣлѣ ужъ подъ нимъ, а тѣ на изготовкѣ;
Ѣ перьями скрипятъ и пишутъ по диктовкѣ;
онъ, по комнатѣ печатая свой шагъ,
роходитъ, несмотря на бренный складъ бумагъ,
ъ сигарою въ зубахъ, въ исканьи цѣлей важныхъ,
Умъ нечернильныхъ полнъ и мыслей небумажныхъ. —
Другъ — «боленъ» — говорятъ, «подагрой пораженъ»;
подчиненый міръ въ унынье погруженъ, —
обрались *по-утру въ пріемной*: словно ропотъ

Смятенныхъ волнъ морскихъ — вопросы, говоръ, шепот
«Что — какъ? — Не лучше-ли? — Недоспанныхъ ночей
«Послѣдствіе! — Упрямъ! Не слушаетъ врачей.
«Онъ всѣмъ необходимъ; самъ Царь его такъ цѣнитъ!
«Что, если онъ... того... ну кто его замѣнитъ?

ОСТАВЬ!

«Оставь ее: она чужая,»
Мнѣ говорятъ: «у ней есть *онъ*.
Святыню храма уважая,
Изыди, оглашенный, вонъ!»

О, не гоните, не гоните!
Я не присвою не свою;
Я не во храмѣ — посмотрите —
Вѣдь я на паперти стою...
Иль нѣтъ — я дальше — за оградой,
Гдѣ, какъ дозволенный пріютъ,
Сажень земли съ ея прохладой
Порой и мертвому даютъ.

Я — не кадило, я — не пламень,
Не свѣточъ храма восковой —
Нѣтъ; я — согрѣтый чувствомъ камень,
Фундаментъ урны гробовой;
Я — тѣнь; я — надпись роковая
На перекладинѣ креста;
Я — надмогильная живая,
Любовью полная плита.
Мной не нарушится святыня,
Не оскорбится мной она, —

И Богъ проститъ, что мнѣ богиня —
Другаго смертнаго жена.

ВѢРЮ.

Вѣрю я, и вѣрить буду,
Что отъ сихъ до оныхъ мѣстъ
Божество разлито всюду —
Отъ былинки вплоть до звѣздъ.

Не оно-ль горитъ звѣздами,
И у солнца изъ очей
Съ неба падаетъ снопами
Ослѣпительныхъ лучей?

Въ безднѣ тихой, черной ночи,
Въ безпредѣльной глубинѣ
Не оно-ли передъ очи
Ставитъ прямо вѣчность мнѣ?

Не его-ль необычайный
Духу, сердцу внятный зовъ
Обоятельною тайной
Вѣетъ въ сумракѣ лѣсовъ?

Не оно-ль въ стихійномъ спорѣ
Блещетъ пламенемъ грозы,
Отражая ликъ свой въ морѣ
И въ жемчужинѣ слезы?

Сквозь міры, сквозь неба крышу
Углубляюсь въ естество,

И, сдается, — вижу, слышу,
Чую сердцемъ божество.

Не оно-ль и въ мысли ясной,
И въ песчинкѣ, и въ цвѣтахъ,
И возлюбленно-прекрасной
Въ гармоническихъ чертахъ?

Посреди вселенной храма,
Мнится мнѣ, оно стоитъ,
И порой въ глаза мнѣ прямо
Изъ очей ея глядитъ.

ВХОДЪ ВОСПРЕЩАЕТСЯ.

(Посв. И. К. Гебгардту).

«Входъ воспрещается» — какъ часто надпись эту
Встрѣчаешь на вратахъ, гдѣ хочешь ты войти,
Гдѣ входятъ многіе, тебѣ-жь — посмотришь — нѣту
Свободнаго пути!

Тамъ — кабинетъ чудесъ; тамъ — рѣдкостей палата!
Хотѣлъ-бы посмотрѣть! — Туда навезено
Диковинъ множество, и мрамора, и злата:
Пойдешь — воспрещено!

Тамъ — смотришь — голова! Прекрасной мысли, знанье
Ты пробуешь ввести въ нее отрадный свѣтъ:
Напрасно! Тутъ на лбу, какъ на фронтонѣ зданья
Отмѣтка: «впуска нѣтъ».

А тамъ — храмъ счастія; кругомъ толпы народа;
Иные входятъ внутрь; ты хочешь проскользнуть;
Но стража грозная, стоящая у входа
Твой заграждаетъ путь.

Ты просишь, кланяясь учтиво и покорно,
Ногою шаркая, подошвою скользя:
«Позвольте»! — А тебѣ настойчиво, упорно
Отвѣтствуютъ: «нельзя»!

Нельзя! — И мнѣ былъ данъ отвѣтъ того же рода.
Нельзя! — И, сближены намъ общею судьбой,
О Гебгардтъ, помнишь-ли, тогда въ волнахъ народа
Мы встрѣтились съ тобой?

«Да почему-жь нельзя? Проходятъ-же другіе»!
Спросили мы тогда, а намъ гремѣлъ отвѣтъ:
— Проходятъ, можетъ быть, да это — не такіе; —
Для васъ тутъ мѣста нѣтъ.

Вы — безъ протекціи. Вы что? Народъ небесный!
Ни знатныхъ, ни большихъ рука вамъ не далась.
Вотъ если было-бы хоть барыни извѣстной
Ходатайство объ васъ!

Просили-бы о васъ пригожія сестрицы,
Колдунья-бабушка иль полновѣсный братъ!
А то вы налегкѣ летите, словно птицы:
Назадъ, дружки, назадъ! —

«Что дѣлать? Отойдемъ! Намъ не добиться счастья», —
Мы грустно молвили: «златой его вѣнецъ
Намъ, вѣрно, не къ лицу. Поищемъ-же участья
У ангельскихъ сердецъ»!

Идемъ. Вотъ женщина: открытая улыбка, —
Открытое лицо, — открытый милый взглядъ!
Знать, сердце таково-жь... Приблизились: — ошибка!
И тутъ ступай назадъ!

«Входъ воспрещается»; задернута завѣса,
Дверь сердца заперта; несчастный не войдетъ,
А между тѣмъ туда-жь какой-нибудь повѣса
Торжественно идетъ.

Полвѣка ты дрожалъ и ползалъ передъ милой,
Колѣни перетеръ, чтобъ заслужить вѣнецъ,
Молчалъ, дышать не смѣлъ, и вотъ — съ послѣдней силы
Собрался наконецъ.

«Позвольте», — говоришь: — «воздайте мнѣ за службу!
Мой близокъ юбилей». — Не требуй! не проси!
Отвѣтятъ: нѣтъ любви, а вотъ — примите дружбу! —
«Какъ? Дружбу? — Нѣтъ, mersi!

Не надо», — скажешь ты: «на этотъ счетъ безбѣдно
И такъ я жить могу въ прохладной тишинѣ;
Холодныхъ блюдъ не ѣмъ, боюсь простуды, — вредно
Мороженое мнѣ». —

Дивишься иногда, какъ въ самый мигъ рожденья
Намъ былъ дозволенъ входъ на этотъ бѣлый свѣтъ,
И какъ не прогремѣлъ намъ голосъ отверженья,
Что намъ тутъ мѣста нѣтъ.

Одинъ еще открытъ намъ путь — и насъ уважутъ,
Я знаю, какъ придетъ святая череда:
«Не воспрещается», — намъ у кладбища скажутъ, —
«Пожалуйте сюда»!

а дрогахъ насъ везутъ; широкую дорогу
ы видимъ наконецъ и ѣдемъ безъ труда.
отъ тутъ и ляжемъ мы, близъ церкви, слава Богу!..
Но нѣтъ — и тутъ бѣда!

мертвымъ намъ кричатъ: куда вы? Тутъ ограда;
цѣсь мѣсто мертвецамъ большимъ отведено;
амъ дальше есть мѣста четвертаго разряда,
А тутъ — воспрещено!

ПЛАЧЪ.

ОСТАЮЩАГОСЯ ВЪ ГОРОДѢ

при видѣ переѣзжающихъ на дачи.

Ужъ май. Весь Петербургъ сбирается на дачу.
Всѣ ѣдутъ: я одинъ смотрю и горько плачу.
Всѣ ѣдутъ: я одинъ, опальный сынъ земли,
Жить долженъ въ городѣ, томясь въ сухой пыли,
Средь раскаленныхъ плитъ и толстыхъ стѣнъ кирпичныхъ,
Понуривъ голову надъ грудой дѣлъ обычныхъ!—
Ужъ пусть-бы, думаю, богатство лишь одно
На дачу ѣхало! Ему ужъ суждено
Всѣ блага пить! такъ нѣтъ; — туда-жъ несетъ и бѣдность
Свою лохмотьями обвернутую блѣдность,
Свой волчій аппетитъ — природы щедрый даръ,
Своихъ чреватыхъ женъ и свой любовный жаръ.
Весною бѣдность та въ грязи со мною-жъ, вязнетъ,
И тутъ и поднялась, и мимоѣздомъ дразнитъ
Меня, бездачнаго. «Мы ѣдемъ: погляди!»
Все это говоритъ, — «а ты себѣ сиди!»
Такой *прекрасный день!* Какъ солнце свѣтитъ ярко!

Посмотришь: тянется съ домашнимъ скарбомъ возъ
И разной утварью наполненная барка, —
И кофе пить спѣшитъ въ страну лилей и розъ
Съ блаженной прачкою счастливая кухарка.
И сколько чудныхъ встрѣчъ на баркѣ, на возу!
Подушка встрѣтилась со щеткою въ тазу;
Тамъ, поглядишь, съ бѣльемъ въ союзѣ небываломъ;
Фарфоръ или хрусталь подъ старымъ одѣяломъ;
Перина и сундукъ знакомиться спѣшатъ, —
И сколько тайныхъ чувствъ выходитъ на повѣрку:
Къ кофейной мельницѣ тутъ ластится ушатъ,
А тутъ тюфякъ привсталъ и обнялъ этажерку;
Тамъ — хлама разнаго громадные узлы;
И — что за дерзкій видъ! — И стулья и столы,
Предъ всею публикой — (у нихъ стыда ни крошки) —
Сцѣпились, ножки вверхъ, и ножки черезъ ножки
Продѣты такъ и сякъ, — трясутся, дребезжатъ,
Являя чудный видъ подвижныхъ баррикадъ;
Метла глядитъ въ ведро и въ спину претъ гитару;
Тамъ — «здравствуй» — говоритъ корыто самовару,
Который, ужъ давно не ѣздивъ со двора,
Прегордо высунулъ свой кранъ изъ-подъ ковра; —
Съ вещами дамскими вверху бичевкой тонкой
Крестъ-на-крестъ связаны картонка надъ картонкой,
Гдѣ скипетръ и вѣнецъ изъ кружевъ, блондъ и лентъ
Съ державой газовой до времени сокрыты,
Гдѣ все, предъ чѣмъ потомъ поникнуть безъ защиты
И свѣжій прапорщикъ, и розовый студентъ.
Вотъ ѣдутъ курицы въ корзинѣ подъ лоханью,
Вотъ глиняный горшокъ съ чахоточной геранью!
Ну вотъ, я думаю, поправится и та,
Когда ее свезутъ въ эдемскія мѣста!
И эта тощая герань полуживая,
Держась позадь всего, межь кадокъ и корытъ,
Колышется и, мнѣ насмѣшливо кивая,

а дачу ѣдемъ мы: прощайте!» — говоритъ,
кланяется всѣмъ проѣзжимъ и прохожимъ:
рощайте! — говоритъ, — васъ взять съ собой не можемъ;
дачу ѣдемъ мы». — И тронутый до слезъ,
азами грустными слѣжу я этотъ возъ.
ругъ взоръ мой пораженъ знакомымъ мнѣ диваномъ,
горбатой спинкою, обтянутой сафьяномъ,
ѣ прошлою зимой я часто возсѣдалъ,
къ въ дремлющемъ кругу стихи свои читалъ; —
словно Архимедъ, рѣшившій вдругъ задачу,
ичу: открылъ! Они поѣхали на дачу —
и! — И столъ ихъ — вотъ! И этотъ мнѣ знакомъ;
ъ былъ опорою моихъ торжествъ минувшихъ;
него я ударялъ, бывало, кулакомъ,
объ стихъ усилить мой и разбудить уснувшихъ, —
бѣдный столъ страдалъ; на дачу ѣдетъ онъ.
ть можетъ, и диванъ въ пружинахъ изнуренъ:
иться надобно. — Все это поюнѣетъ,
лесность всякая воскреснетъ, пополнѣетъ
поздоровѣетъ, — и въ платьецѣ иномъ
идется уширять прекраснымъ мѣстъ объемъ.
вспрянетъ — каждая чуть дышущая личность,
бодрость пѣтуха, и курицы яичность, —
плята явятся. Не только міръ живой,
и бездушное какъ будто обновится,
мебель дряблая, трещавшая зимой,
мъ трещины сожметъ и въ силахъ укрѣпится.
ображаю я: пріѣдетъ этотъ возъ
жилищу, скрытому подъ сѣнію березъ,
разгрузитъ свое торжественное лоно;
ель ужъ тамъ — и ждетъ: она изъ пансіона
давно вырвалась и другъ на дачу — прыгъ!
да! Скорѣй — сюда! И нѣжный, дѣтскій ликъ
етъ прелестью и новостью заботы.
мада, скляночки, флаконы, книги, ноты,

Картонки, зеркало, собачка — все-ли тутъ?
И милой барышнѣ все это подаютъ.
О кухнѣ между тѣмъ ея maman хлопочетъ;
Разбилось кое-что... дочь смотритъ и хохочетъ:
«Оставьте, говоритъ, оставьте все! Да вы
Взгляните, маменька, мѣста-то каковы!
Вѣдь это — прелести! Вамъ развѣ не понятно,
Что воздухомъ однимъ питаться здѣсь пріятно!
На это время пусть ужъ будетъ позабытъ
Весь прозаическій, хозяйственный вашъ бытъ!» —
А маменька — свое, все о своей потерѣ
Толкуетъ, думаетъ: къ какой прибѣгнуть мѣрѣ
И все устроить такъ, чтобы не быть въ бѣдѣ,
— Гдѣ-жъ рынокъ? — говоритъ: — говядину-то гдѣ
Мы будемъ покупать? Ты, Адичка, пустаго
Мнѣ не разсказывай: захочется мяснаго! —
А Адичка, давно станъ легкій округля,
Подвысивъ платьеце и выправляя ножки,
По палисаднику несется вдоль дорожки
И дѣлаетъ шассе съ припѣвомъ: тра-ля-ля. —
А тамъ, преплывъ Неву, у радостнаго брега
Явилась ладія — родъ ноева ковчега —
И высадку творитъ. — А тамъ уже давно
Все наслаждается и все населено:
Поутру на крыльцо съ привѣтнымъ звономъ чашекъ
Выносится подносъ; кудрява, какъ барашекъ,
Выходитъ Лидія; въ пиджакѣ и въ очкахъ
Эрнестъ, съ дымящейся гаванною въ зубахъ,
Идетъ съ небрежностью, не чуждою претензій,
И сѣлъ, раскинувшись подъ шапками гортензій,
Проснулся самоваръ, зафыркалъ, заворчалъ,
И съ моккскимъ нектаромъ кофейникъ зажурчалъ, —
Живой источникъ силъ и всякаго здоровья, —
Тутъ масло, сливки, сыръ — вся благодать коровья —
Сосѣдней фермы даръ. Ужъ данъ тайный знакъ

ь мѣткаго окна пригоженькой сосѣдкѣ...
пестрый попинька, въ своей качаясь клѣткѣ,
привѣтъ хозяину, ужъ прокричалъ: дуракъ!
Васька — старый котъ, чтобъ милую картину
полнить, развалясь на солнцѣ, выгнулъ спину
легъ философомъ; — онъ чуждъ огня въ крови,
ылъ съ юности лишенъ способности къ любви.
) что картины всѣ, безъ нихъ — моихъ любимыхъ —
ихъ истыхъ дачниковъ — дѣтей неукротимыхъ?
отъ, вотъ они — друзья! Въ бездѣтности своей
— старый холостякъ — боготворю дѣтей:
э этихъ скованныхъ, одѣтыхъ по рисунку,
ченыхъ на показъ и вытянутыхъ въ струнку,
э этихъ маленькихъ разбойниковъ земныхъ,
ступцихъ весело въ разгульной ихъ свободѣ,
ѣ свѣтской петли нѣтъ на дѣтской ихъ природѣ,
кажется, что я люблю такъ крѣпко ихъ,
къ крѣпко не люблю разбойниковъ большихъ.
орецъ мой! Какъ хорошъ раскинутый по дачамъ
й шумный міръ дѣтей съ ихъ смѣхомъ, визгомъ, плачемъ?
гъ вечеръ! Поглядишь: тамъ садикъ, здѣсь балконъ
ѣзжихъ группами пріятно оживленъ:
тъ гости; въ ихъ кругу и старичекъ почтенный,
звѣздой и съ лысиной, совѣта президентъ,
Бести, и Мими, онъ — вышереченный
гъ свѣжій прапорщикъ и розовый студентъ.
саду скрипитъ качель; тамъ сквозь деревьевъ вѣтки
аженная чета мелькаетъ у бесѣдки.
тъ августъ подойдетъ, стемнѣютъ вечера:
мъ музыка гремитъ, тамъ — пѣнье, тамъ — игра,
естятъ фонарики и хлопаютъ ракеты;
Излера восторгъ и прелестямъ нѣтъ смѣты.
мъ уголъ оглашенъ веселымъ звономъ чашъ;
мъ хохотъ; *тутъ любовь*; здѣсь шумъ и ералашъ.

О Боже! Май насталъ, а я сижу и плачу
При видѣ ѣдущихъ на лѣтній пиръ — на дачу.

БЕЗДАРНЫЙ.

Эхъ, горе мое: не дала мнѣ судьба
Ни черстваго сердца, ни мѣднаго лба.
Тоска меня душитъ, мнѣ грудь надрывая,
А съ черствымъ бы сердцемъ я жилъ припѣвая;
При видѣ страданій, несомыхъ людьми,
Махнулъ бы рукою: да прахъ ихъ возьми!
Ничто-бъ за живое меня не задѣло:
Тѣ плачутъ, тѣ хнычутъ, а мнѣ что за дѣло?
А мѣдный-то лобъ — удивительный даръ!

Съ нимъ все ни-по-чемъ, и ударъ не въ ударъ;
Щелчки и толчки онъ спокойно выноситъ,
Безстыдно вторгаясь, безсовѣстно проситъ,
Къ стѣнѣ стѣнобитнымъ орудьемъ пойдетъ
И мраморъ съ гранитомъ насквозь прошибетъ;
Другіе во мракѣ, а онъ — лучезаренъ.
Ахъ, я безталаненъ; увы, я бездаренъ
Изъ милыхъ даровъ не дала мнѣ судьба
Ни черстваго сердца, ни мѣднаго лба.

КОГДА-БЫ.

Когда-бы прихотью свободной
Вооружила ты свой взоръ,
И въ свѣтъ являясь дамой модной,
Любила слушать пошлый вздоръ,

И я, по наущенью бѣса,
Съ тобою-бъ дерзостно болталъ
И какъ безсовѣстный повѣса —
Надъ всѣмъ священнымъ хохоталъ,
И сплетни свѣта разработавъ,
Пускалъ въ стократный оборотъ
Запасъ нескромныхъ анекдотовъ
Иль соблазнительныхъ острот, —
Меня бы общество щадило,
И кое-кто, въ нашъ вольный вѣкъ,
Еще-бъ сказалъ: «какъ это мило!
Какой пріятный человѣкъ»!

А нынѣ свѣтъ своимъ сужденьемъ
Меня язвитъ, какъ погляжу,
За то, что я съ благоговѣньемъ
Къ тебѣ сердечнымъ подхожу, —
За то, что, позволяя видѣть
Своимъ глазамъ твои черты,
Боюсь и мыслію обидѣть
Въ тебѣ святыню красоты, —
За то, что съ старческимъ сознаньемъ,
Не смѣя юность оскорбить,
Я, полный чистымъ обожаньемъ,
За грѣхъ бы счелъ тебя любить.
Увы! Нашъ міръ мечтамъ не вѣритъ,
И, чуждъ ихъ облачныхъ вершинъ,
Всѣ мысли онъ и чувства мѣритъ
На свой предательскій аршинъ.
Средь общей свалки грязной прозы
Смѣшны и неумѣстны въ немъ
Души божественныя слезы
И сердца трепетнаго грезы
Съ ихъ поэтическимъ огнемъ.

СОВРЕМЕННАЯ МОЛИТВА.

Владыко міра — царь вселенной,
Чей храмъ — земля и неба сводъ!
Взгляни! Съ душою умиленной,
Съ главою, пепломъ покровенной,
Передъ тобой стоитъ народъ.

Онъ упивался ложнымъ блескомъ,
Величья въ прахѣ онъ искалъ,
И въ вихрѣ браней, съ шумомъ, съ трескомъ,
Непобѣдимый — общимъ плескомъ
Себѣ онъ самъ рукоплескалъ.

И днесь, сознавъ той бренность славы,
Съ себя гордыни свѣявъ дымъ,
Онъ видитъ, что твоей державы
Одни незыблемы уставы,
Единый ты — непобѣдимъ.

Тогда какъ спали мы глубоко,
Гордясь величьемъ нашихъ сновъ,
Друзьями преданы жестоко, —
Ты отъ заката и востока
Послалъ къ спасенью намъ — враговъ.

Сводъ неба сталъ кровавымъ сводомъ, —
И Ты, Всевышній, усмирилъ
Насъ роковымъ событій ходомъ,
И надъ смирившимся народомъ
Въ Царѣ Ты благость воцарилъ.

Во многолюдствѣ вдругъ безлюдьемъ
Себя пришлось намъ упрекнуть, —

А врагъ небеснымъ правосудьемъ
Былъ посланъ, избранъ лишь орудьемъ,
Чтобъ духъ сознанья въ насъ вдохнуть.

Гнѣздо нечестья было свито
Отъ давнихъ лѣтъ въ родномъ краю.
Средь обновившагося быта —
Ты видишь, Господи, — открыто
Несемъ мы исповѣдь свою.

Публично наше покаянье
Въ давно-таившихся грѣхахъ:
Текущихъ дней книгописанье
Есть нашей плоти истязанье —
Верига въ позѣ и стихахъ.

Себя мы письменно бичуемъ,
Да болью новою своей
Болѣзни духа уврачуемъ,
И тихо, мирно завоюемъ
Свѣтъ человѣческихъ идей.

Скрѣпи въ насъ вѣру и надежду,
Создатель! съ темныхъ душъ сними
Коснѣнья грубаго одежду,
Смягчи упорныхъ, а невѣжду
Лучомъ познанья вразуми!

ПОЭТУ.

Когда тебѣ твой путь твоимъ указанъ Богомъ —
Упорно шествуй въ даль и не уклоненъ будь!

Иль пусть то будетъ — мечъ, да вздрогнетъ нечестивый
Ликующій порокъ!

Дороже золота и всѣхъ сокровищъ Креза
Суровый сей металлъ, на дѣло данный намъ:
Не трать-же, о поэтъ, священнаго желѣза
На гвозди эпиграммъ!

Есть въ жизни крупныя, обидныя явленья:
Противу нихъ возстань, — а дѣтскій визгъ замретъ
Подъ свѣжей розгой общественнаго мнѣнья,
Которое растетъ.

ПРИ ИЛЛЮМИНАЦІИ.

Праздникъ большой! Изукрашены зданія:
Ночь лучезарнѣе дня:
Плошки и шкалики — бездна сіянія!
Цѣлое море огня!
Но для чего мнѣ всѣ эти фонарики?
Я уступилъ-бы другимъ
Эти блестящія звѣздочки, шарики —
Все предоставилъ-бы имъ:
Нужны мнѣ двѣ лишь лампады прекрасныя
Съ чистымъ елеемъ любви,
Нужны двѣ звѣздочки мирныя, ясныя —
Синія очи твои.

ЛИПЫ-ЛИПКИ.

Липы-липки! Вы мнѣ милы;
Васъ я не забуду;
Васъ, родныя, до могилы
Пѣть и славить буду.

Часто вамъ я, липы-липки,
Въ дни стиховъ и прозы
Посвящалъ мои улыбки,
Посвящалъ и слезы.

Отъ жены бѣжалъ злодѣйки
И отъ лютой тещи,
Я чрезъ тайныя лазейки
Въ липовыя рощи; —

И прильнувъ душой печальной
Къ новой чародѣйкѣ,
Съ ней гулялъ по самой дальной
Липовой аллейкѣ.

И потомъ, предавъ забвенью
Горькія ошибки,
Я одинъ сидѣлъ подъ тѣнью
Одинокой липки.

Шумнымъ роемъ обсыпали
Пчелы липку эту;
Сладкій медъ онѣ сбирали
Съ липоваго цвѣту.

Послѣ люди мнѣ сказали:
Что ты все пьешь воду?

Ты отъ горя да печали
Лучше выпей меду!

Сталъ цѣдиться медъ душистый
Струйкой золотистой,
А друзья-то подстрекали:
Пей! Вѣдь липецъ чистый!

Липецъ? — Какъ не пить въ собраньи,
Липамъ въ честь и славу,
Добрымъ людямъ для компаньи
И себѣ въ забаву!

Вотъ и пилъ я что есть мочи,
Славя липку-липу,
А потомъ и дни и ночи
Спалъ я безъ просыпу.

Проспалъ жаръ я, выспалъ холодъ,
Жизнь пропала даромъ,
Все прошло; — уснулъ я — молодъ,
А проснулся старымъ.

Еле ходишь, сухопарый,
Ломитъ поясницу;
Кашель душитъ, а и старый —
Любишь молодицу.

Вотъ однажды ей въ признаньяхъ
Говорю сквозь слезы:
«Можетъ, милая, въ страданьяхъ
Помогли-бъ мнѣ розы.

Можетъ, это лишь простуда,
И съ промерзлой кровью

Мнѣ согрѣться-бы не худо
Напримѣръ — любовью».

— Нѣтъ; на розы не надѣйся!
Слушайся совѣту:
Говоритъ она: — напейся
Липоваго цвѣту!

Не любовью согрѣвайся,
Съ сердцемъ обветшалымъ,
А плотнѣе накрывайся
Теплымъ одѣяломъ! —

Сталъ я пить настой цѣлебный,
Пилъ его я жадно,
Принялъ я совѣтъ врачебный,
Только все не ладно.

Скоро, всю потративъ силу,
Вѣкъ я кончу зыбкой:
Вы-жъ друзья мою могилу
Осѣните липкой!

ПО ПРОЧТЕНІИ ОДНОГО ИЗЪ ТВОРЕНІЙ ШЕКСПИ

Когда въ твореніи великомъ
Творца великость вижу я —
Предъ геніальнымъ этимъ ликомъ
Простерта ницъ душа моя;
Благоговѣйнымъ полонъ страхомъ
Дрожу, поникнувъ головой,
Я подъ торжественнымъ размахомъ

Шекспира мысли вѣковой.
Несется геній огнекрылый
Въ лучахъ, въ пространствѣ голубомъ, —
И я, подавленъ этой силой,
Вмигъ становлюсь ея рабомъ.
Но это рабство не обидно:
Свободы вѣчной въ немъ залогъ;
Мое подвластье не постыдно
Затѣмъ, что мой властитель — богъ.
Онъ поражаетъ: я покоренъ;
Онъ бьетъ — и я, принявъ ударъ,
Ударомъ тѣмъ не опозоренъ
Зане ударъ тотъ — божій даръ.
Могучій въ громы обращаетъ
Величье сродное ему,
И поражая, пріобщаетъ
Меня къ величью своему
Когда предъ вѣщимъ на колѣни
Я становлюсь, чело склоня,
Онъ, ставъ на горнія ступени
И молніей обвивъ меня,
Просторожденца благородитъ,
Раба подъемлетъ, и съ плеча
Плеблея въ рыцари возводитъ
Ударомъ божьяго меча.

«ПО СИНИМЪ ВОЛНАМЪ ОКЕАНА» *).

Изъ гроба твой стихъ намъ гремитъ,
Поэтъ, опочившій такъ рано.
Воздушный корабль твой летитъ
По синимъ волнамъ океана.

---

*) *Первый стихъ въ піэсѣ* Лермонтова: «Воздушный корабль».

Всегда твоя пѣсня жива,
И сладки, какъ звуки органа,
Твои золотыя слова:
По синимъ волнамъ океана.

И музыку *кто-то* творитъ
Для пѣсни пѣвца-великана,
И музыка та говоритъ:
По синимъ волнамъ океана.

И вызвавъ обдуманныхъ нотъ
Аккорды изъ струнъ фортепьяно,
Садится *она* и поетъ:
По синимъ волнамъ океана:

И глазъ ея свѣтлыхъ эмаль,
Мнѣ кажется, дымку тумана
Пронзая, кидается въ даль —
По синимъ волнамъ океана.

И думами, думами полнъ,
Дрожу я, какъ въ мигъ урагана
Бросаемый бурею челнъ
По синимъ волнамъ океана.

И вмѣстѣ съ пѣвицей тогда
Я радъ-бы безъ цѣли и плана
Умчаться Богъ знаетъ куда
По синимъ волнамъ океана.

СТАРОМУ ПРІЯТЕЛЮ.

ідись! Вѣдь отъ роду тебѣ полъ-вѣка:
ѣ-ли тѣшиться влюбленною мечтой
И пожилаго человѣка
тоинство ронять предъ гордой красотой?
жалокъ, ты смешонъ, отчаянный вздыхатель, —
— знаешь что еще? — Ужъ не сердись, пріятель:
воръ: у юности ты крадешь сердца жаръ,
— старый арлекинъ, проказникъ сѣдовласый.
лоскутьяхъ нѣжности дряхлѣющій фигляръ,
дразнишь молодость предсмертною гримасой.

Тогда какъ въ сторонѣ родной
Хлопочутъ всѣ объ истребленьи взятокъ
И все отрадною блеснуло новизной —
хочешь представлять минувшаго остатокъ, —
тамъ, гдѣ общество суровыхъ проситъ думъ
дѣлъ, направленныхъ къ гражданскому порядку,
ловишь призраки; сорвавши съ сердца взятку,
Молчитъ подкупленный твой умъ.

гда и юноши, при всемъ разгарѣ крови,
разсчеты углубясь, такъ важно хмурятъ брови,
бѣ-ль свой тусклый взоръ на милыхъ обращать,
селадонствуя, среди сердечныхъ вспышекъ,
позоромъ поступать въ разрядъ сѣдыхъ мальчишекъ,
мадригалами красавицъ угощать,
въ жизни, возводя ошибку на ошибку,
сь вѣкъ бродить, блуждать, и при его концѣ
прѣсную слезу, то кислую улыбку
одливо носить на съёженномъ лицѣ?

омнись, наконецъ, и силою открытой
Возстань на бредъ своей любви!

Самъ опрокинь его насмѣшкой ядовитой
И твердою пятой разсудка раздави!
Взглянувъ прозрѣвшими глазами,
Смой грѣхъ въ своей души кровавыми слезами,
И предъ избранницей своей
Предстань не сладенькимъ любовныхъ пѣсенъ тономъ,
Но всеоружный стань, грянь молніей и громомъ
И оправдайся передъ ней!
«Я осудилъ себя, — скажи ей, — предъ зерцаломъ
Суровой истины — себя я осудилъ.
Тебя я чувствомъ запоздалымъ,
Нелѣпымъ чувствомъ оскорбилъ.
Прости меня! Я самъ собой наказанъ!
Я самъ себѣ пощады не давалъ:
Узломъ, которымъ я былъ связанъ,
Себѣ я грудь избичевалъ —
И сердце рву теперь, какъ ветхій листъ бумаги
Съ кривою жалобой подъячаго-сутяги.»

М А Ш А.

Кто тамъ въ полѣ ходитъ, звѣздочкой мелькая?
Лишь одна на свѣтѣ дѣвушка такая!
Машу крѣпко любитъ цѣлое селенье,
Маша — сердцу радость, Маша — заглядѣнье.
Да и какъ на Машу не смотрѣть съ любовью?
Огненные глазки съ соболиной бровью;
Длинный, длинный въ косу заплетенный волосъ:
Спѣть ли надо пѣсню? — чудо что за голосъ!
Въ лѣсъ пойдетъ голубка брать грибовъ иль ягодъ —
Лѣсъ угрюмый станетъ веселѣе на годъ;
Вѣтерокъ шалитъ съ ней, все ей въ складки дуетъ

Рветъ платочекъ съ шеи, въ плечико цѣлуетъ,
И лѣсныя пташки ближе къ ней садятся,
Для другихъ — пугливы, Маши не боятся;
Тучка въ Божьемъ небѣ плакать соберется,
А на Машу взглянетъ, да и улыбнется.
Вотъ идетъ ужъ съ поля Маша, да съ обновой:
Милъ-хорошъ вѣночекъ нѣжный, васильковый
На ея головкѣ; хороша обновка;
Хороша и Маша — чудная головка!
Какъ вѣнокъ умѣла свить она искусно!
Только, видно, милой отчего-то грустно; —
Такъ ходить уныло Маша не привыкла:
Глазки прослезились, голова поникла.

Мо́лодецъ удалый, чье кольцо на ручкѣ
У красы-дѣвицы, съ мѣсяцъ ужъ въ отлучкѣ:
Ждетъ Василья Маша, ждетъ здѣсь дорогая,
А ужъ тамъ явилась у него другая;
По́дъ-вечеръ однажды, тая въ нѣгѣ вешней,
Въ садикѣ зеленомъ сидя подъ черешней
И цѣлуя Настѣ выпуклыя плечи,
Говорилъ измѣнникъ клятвенныя рѣчи,
И ее онъ къ сердцу прижималъ украдкой,
Нѣжно называя лапушкой, касаткой, —
И никто-бы тайны этой не нарушилъ,
Только рѣчь Василья вѣтерокъ подслушалъ,
Тѣ слова и вздохи на лету хватая,
И чрезъ садъ зеленый къ лѣсу пролетая.
Вѣтерокъ, ту тайну взялъ себѣ на крылья.
Заигралъ, запрыгалъ и, собравъ усилья,
Превратился въ вихорь, засвисталъ, помчался,
Въ темный лѣсъ ударилъ: темный закачался,
Зашумѣлъ, нагнулся словно въ тяжкой думѣ:
Вѣсточка измѣны разносилась въ шумѣ.
На одной изъ вѣтокъ птичка отдыхала

Въ томъ лѣсу дремучемъ; птичка все узнала; —
Съ вѣтки потрясенной, опасаясь бури,
Птичка полетѣла быстро по лазури
И взвилась тревожно неба къ выси дивной
Съ грустнымъ щебетаньемъ, съ трелью заунывной;
Слышалось: «вотъ люди! вотъ ихъ постоянство!»
Ну, да кто тамъ слышалъ?—Воздухъ да пространство!
Нѣтъ, не утаится вѣтреное дѣло:
Въ небѣ, въ это время облако летѣло: —
Облако узнало... Ну, да тайна ляжетъ
Все же тутъ въ могилу, облако не скажетъ,
Облако вѣдь нѣмо: тутъ конецъ угрозы.
Да, — тутъ нѣту рѣчи, да найдутся слёзы...
Грудь земли изсохшей слёзы тѣ увлажутъ,
И о темномъ дѣлѣ внятно ей разскажутъ.
Облако надулось гнѣвомъ благороднымъ,
Стало черной тучей, и дождемъ холоднымъ
Землю напоило, — и ужъ тайна бродитъ
Въ черноземѣ поля, и потомъ выходитъ
Изъ земли наружу свѣжими цвѣтками,
И во ржи синѣя смотритъ васильками, —
И вѣночекъ Маши нѣжный, васильковый
Голову сдавилъ ей думою свинцовой;
Маша убралась лишь этими цвѣтами —
Залилась бѣдняжка горькими слезами.

СОВРЕМЕННАЯ ИДИЛЛІЯ.

Пускай говорятъ, что въ бывалые дни
Не тѣ были люди, и будто-бъ они
Семейно въ любви жили братской,
И будто былъ счастливъ пастухъ человѣкъ! —

Да чѣмъ-же нашъ вѣкъ не пастушескій вѣкъ
И чѣмъ-же нашъ бытъ не Аркадской?

И тамъ злые волки въ глазахъ пастуховъ
Таскали овечекъ; у нашихъ волковъ
Такія-же точно замашки
Все та-жь добродѣтель у насъ и грѣшки,
И тѣ-же пастушки, и тѣ-жь пастушки,
И тѣ-же барашки, барашки.

Взгляните: вотъ Хлоя — Тирсиса жена!
Какъ цвѣтъ подъ росой — въ брилліантахъ она,
И рѣзвится — сущій ребенокъ; —
И какъ ее любитъ супругъ — пастушокъ!
И всякъ при своемъ: у него есть рожокъ,
У ней есть любимый козленокъ.

Но вѣкъ нашъ во многомъ ушелъ далеко:
Встарь шло отъ коровокъ да козъ молоко
Все бѣлое только, простое;
Теперь, чтобъ другаго добыть молочка,
Дориса доитъ золотаго бычка
И пьетъ молоко золотое.

Женатый Меналкъ — обожатель Филлидъ —
Порой съ театральной Филлидой шалитъ. —
Даметъ любитъ зелень и волю —
И, нѣжно губами до жениныхъ губъ
Коснувшись, Даметъ ѣдетъ въ Англійскій клубъ
Пройтись по зеленому полю; —

Тасуясь надъ зеленью этихъ полей,
Немало по нимъ ходитъ дамъ, королей;
А тутъ, съ золотыми мечтами,
Какъ Дафнисы наши мѣлки заострятъ —

Зеленое поле, глядишь, унестрятъ.
Распишутъ цвѣтами, цвѣтами.

На лѣтнихъ гуляньяхъ блаженно мы пьемъ.
Тамъ Штрауса смычекъ засвисталъ соловьемъ;
Тамъ наши Аминты — о Боже! —
Въ пастушескихъ шляпкахъ на радость очамъ,
Барашками кудри бѣгутъ по плечамъ; —
У Излера пастбище тоже.

Бывало — какой-нибудь нѣжный Миртилъ
Фаншеттину ленточку свято хранилъ,
Кропилъ умиленья слезами,
И къ сердцу ее прижималъ и къ устамъ,
И шелъ съ ней къ таинственнымъ, тихимъ мѣстамъ-
Къ бесѣдѣ съ луной и звѣздами.

Мы ленточку тоже въ петличку ввернуть
Готовы. А звѣзды? — На грудь къ намъ! На грудь!
Мы многое любимъ сердечно, —
И болѣе ленточекъ, болѣе звѣздъ
Мы чтимъ теплоту и пріятность тѣхъ мѣстъ,
Гдѣ можно разлечься безпечно.

Мы любимъ пѣть пѣсни и вѣчно мечтать,
И много писать, и немного читать —
(Послѣднее — новый обычай).
Немного деревьевъ у насъ на корняхъ,
Но сколько дремучихъ лѣсовъ въ головахъ,
Гдѣ бездна разводится дичи!

Вотще-бы хотѣлъ современный поэтъ
Сатирой взгремѣть на испорченный свѣтъ:
Хоть злость въ немъ порою и бродитъ —
Все Геснеромъ новый глядитъ Ювеналъ,

И гдѣ онъ сатиру писать замышлялъ —
Идиллія, смотришь, выходитъ.

КЪ ЛѢСУ.

Тебя привѣтствую я снова,
Маститый старецъ — темный лѣсъ,
Стоящій мрачно и сурово
Подъ синимъ куполомъ небесъ.

Межъ тѣмъ какъ дни текли за днями,
Ты въ грудь земли, на коей сталъ,
Глубоко врѣзался корнями
И ихъ широко разметалъ.

Твои стволы, какъ исполины,
Поправъ пятой постелю мховъ,
Стоятъ, пославъ свои вершины
На поискъ бурныхъ облаковъ.

Деревья сблизились, какъ братья,
И простираютъ все сильнѣй
Другъ къ другу мощныя объятья
Своихъ раскинутыхъ вѣтвей.

Я вижу дубы, сосны, ели;
Тамъ—зѣвъ дупла; тамъ—мохъ сѣдой,
Коры растрескавшейся щели,
И пни, и кочки подъ ногой.

При вѣтрѣ здѣсь витійствомъ шума
Я упоенъ, а въ тишинѣ

Какъ величаво смотритъ дума
Съ деревьевъ этихъ въ душу мнѣ!

И въ часъ, какъ солнце близъ заката
И меркнетъ день, — душа моя
Здѣсь дивнымъ таинствомъ объята
И новымъ чувствомъ бытія, —

И съ міромъ бреннымъ, міромъ пыльнымъ
Какъ-бы на вѣкъ раздѣлена,
Въ союзѣ съ міромъ замогильнымъ
Здѣсь Богу молится она; —

И лѣсъ является мнѣ храмомъ,
Шумъ листьевъ — гимномъ торжества,
Смолистый запахъ — ѳиміамомъ,
А сумракъ — тайной Божества.

Спускаетъ ночь свою завѣсу —
И мнѣ мерещится тотъ вѣкъ,
Какъ былъ роднымъ родному лѣсу
Перворожденный человѣкъ.

Мнѣ грезится тотъ возрастъ міра,
Какъ смертный мирно почивалъ,
Не заходила въ лѣсъ сѣкира,
Надъ нимъ огонь не пировалъ.

И гдѣ тотъ міръ и та безпечность?
Вотъ міръ съ сѣкирой и огнемъ,
Заботы, трудъ, могила, вѣчность...
Откуда мы? куда идемъ?

Лѣсная тѣнь изъ отдаленья
Идетъ, ко мнѣ наклонена,

Какъ будто слово разумѣнья
Мнѣ хочетъ высказать она, —

И пробираюсь я украдкой,
Какъ будто встрѣтиться боюсь
Съ великой жизненной разгадкой,
Къ которой мыслями стремлюсь;

Древесныхъ листьевъ сонный лепетъ
Робѣю выслушать вполнѣ,
Боюсь понять... невольный трепетъ
Вдругъ проникаетъ въ сердце мнѣ.

Бурлитъ игра воображенья,
И какъ въ магическомъ кругу
Здѣсь духа тьмы и всѣ видѣнья,
Сдается, вызвать я могу,

И страшно мнѣ, какъ сыну праха.
Ужасно мнѣ подъ этой тьмой,
Но какъ-то радъ я чувству страха,
И мнѣ пріятенъ ужасъ мой.

ВАНЯ И НЯНЯ.

(Дѣтская побасенка)

«Говорятъ: война! война!».
Рѣзвый мальчикъ Ваня
Лепеталъ. «Да гдѣ-жъ она?
Разскажи-ка, няня!»

— Тамъ — далеко. Подростешь —
Послѣ растолкуютъ. —
«Нѣтъ, теперь скажи: за что-жъ?
Какъ-же тамъ воюютъ?»

— Ну, сойдутся, станутъ въ рядъ
Посрединѣ луга,
Да изъ пушки и палятъ,
Да и бьютъ другъ друга.

Дымъ-то такъ валитъ тогда,
Что ни зги не видно. —
«Такъ они дерутся?» — Да, —
«Да вѣдь драться стыдно?

«Мнѣ сказалъ папаша самъ:
Заниматься этимъ
Только пьянымъ мужикамъ,
А не умнымъ дѣтямъ!

«Самъ я видѣлъ, сколько разъ:
Мимо шли солдаты.
У! большущіе! Я глазъ
Не спускалъ: все хваты!

«Шапки мѣдныя съ хвостомъ!
Ружей много, много!
Барабаны — тромъ-томъ-томъ!
Вся гремитъ дорога.

«Тромъ-томъ-томъ!» — И весь горитъ
Отъ восторга Ваня;
Но, подумавъ, говоритъ:
«А вѣдь вѣрно, няня,

«На войну шло столько ихъ,
Гдѣ палятъ изъ пушки:
Вѣрно вышла и у нихъ
Ссора за игрушки!»

ПОСѢЩЕНІЕ.

Какъ? И ночью нѣтъ покою!
Нѣтъ, ужъ это вонъ изъ рукъ!
Кто-то дерзкою рукою
Все мнѣ въ двери стукъ да стукъ.

«Кто тамъ?» — Женщина-съ. — «Какая?» —
Такъ — бабенка — ничего. —
«Что ей нужно? Молодая?» —
Нѣтъ, ужъ такъ себѣ — того...

«Ну, впусти!» — Вошла и сѣла,
И бесѣду повела,
И не робко такъ глядѣла,
Словно званая была;

Словно старая знакомка,
Не сочтясь со мной въ чинахъ,
Начала пускаться громко
Въ разсужденья о дѣлахъ.

Рѣчь вела она разумно
Про движенье и застой,
Только слишкомъ вольнодумно...
«Э, *голубушка*, постой!

«Понимаю». — Послѣ стала
Порицать весь бѣлый свѣтъ;
На судьбу свою роптала,
Что нигдѣ ей ходу нѣтъ;

Говорила, что пріюта
Нѣтъ ей въ мірѣ, нѣтъ житья,
Что вездѣ гонима люто...
«А! — такъ вотъ что! — думалъ я.

«Вотъ сейчасъ-же вѣрно взбросить
Взоръ моляющій къ небесамъ,
Да *на бѣдность* и попросить:
Откажу. Я бѣденъ самъ.»

Только — нѣтъ! Потомъ, такъ твердо
На меня направя взоръ,
Посѣтительница гордо
Продолжала разговоръ.

Кто-бъ такая?.. Не изъ грацій,
И — конечно — не изъ музъ!
Никакихъ рекомендацій!
Очень странно, признаюсь.

Хоть одѣта не по модѣ,
Но — пристойно; скважинъ нѣтъ;
Все завѣтное въ природѣ
Платьемъ взято подъ секретъ.

Кто-бъ такая? — Напослѣдокъ —
(Кто ей далъ на то права?)
Начала мнѣ такъ и этакъ
Сыпать рѣзкія слова; —

Хлещетъ бранью преобидной,
Словно градомъ съ высоты:
Ты — такой, сякой, безстыдный? —
И давай со мной на *ты*.

«Ну, бѣда мнѣ: нажилъ гостью!»
Я ужъ смолкъ, глаза склоня —
Ни гугу! — А та со злостью
Такъ и лѣзетъ на меня.

«Нѣтъ сомнѣнія нисколько»,
Я размыслилъ: — «какъ тутъ быть?
Сумасшедшая — и только!
Какъ мнѣ бабу съ рукъ-то сбыть?

Какъ спровадить? — Тутъ извольте
Дипломатику подвесть!»
Вотъ и началъ я: «позвольте...
То есть... съ кѣмъ имѣю честь?..

Кто вы? Есть у васъ родные?» —
А она: — мнѣ Богъ — родня.
Правда — имя мнѣ; иные
Кличутъ *истиной* меня. —

«Вы себя принарядили:
Не узналъ васъ оттого;
Прежде, кажется, ходили
Просто — такъ — безо всего.» —

— Да; было мнѣ привычно
Появляться въ наготѣ,
Да сказали: неприлично!
Времена пошли не тѣ.

Пріодѣлась. Спорить съ вѣкомъ
Не хочу, а все-же — нѣтъ, —
Не сошлась я съ человѣкомъ;
Все меня не любитъ свѣтъ.

Прежде многихъ гнула круто
При великомъ я Петрѣ;
И порою въ видѣ шута
Появлялась при дворѣ.

Царь мою прощалъ мнѣ дикость
И доволенъ былъ вполнѣ.
Чѣмъ сильнѣе въ комъ великость,
Тѣмъ сильнѣй любовь ко мнѣ.

Говорю, бывало, грубо
И со злостью натощакъ:
Многимъ было и не любо:
А терпѣли кое-какъ.

Вѣдь и нынче безъ уклонокъ
Правдолюбья полонъ Царь,
Да ужъ свѣтъ сталъ больно тонокъ
И хитеръ — не то, что встарь.

Ужъ къ инымъ теперь и съ лаской
Подойдешь — кричатъ: назадъ!
Что тутъ дѣлать? — Разъ подъ маской
Забралась я въ маскарадъ, —

И подъ важностью пустою,
Впдя темныя дѣла,
Къ господину со звѣздою
Тамъ я съ книксомъ подошла.

Онъ зѣвалъ, а тутъ отъ скуки
Обратился вмигъ ко мнѣ,
И дрожитъ, и жметъ мнѣ руки:
Ah! Beau masque! Je te connais.

— Ты узналъ меня: я рада
Съ откровенностью прямой
Въ пестрой свалкѣ маскарада
Потолкуемъ, милый мой!

Правда — я. Со мной ты знался,
Обо мнѣ ты хлопоталъ,
Какъ туда-сюда метался
Да безсиленъ былъ и малъ.

А теперь, какъ вздулъ ты перья,
Что раскормленный пѣтухъ,
Сталъ ты чуждъ ко мнѣ довѣрья
И къ моимъ намекамъ глухъ.

Обо мнѣ гдѣ слово къ рѣчи,
Тамъ ты мастеръ — ухъ какой! —
Пожимать картинно плечи
Да помахивать рукой.

Здравствуй! — Вотъ мы гдѣ столкнулись! —
Тутъ я шепотомъ, тайкомъ
Начала лишь... Отвернулись —
И пошли бочкомъ, бочкомъ.

Я къ другому. То былъ тучный,
Ловкій, бойкій на языкъ
И весьма благополучный
Полновѣсный откупщикъ,

Съ виду добрый, круглолицый...
Хвать я подъ руку его,
Да на счетъ винца съ водицей...
Онъ смѣется... ничего.

Говоритъ: «такого рода
Это дѣльце... не могу...
Я-де нравственность народа
Этой штучкой берегу.

Я люблю мою отчизну,
Говоритъ, — люблю я Русь;
Видя сплошь дороговизну,
Все о бѣдныхъ я пекусь.

Тамъ сиротку, тамъ вдовицу
Утѣшаю. Вотъ — вдвоемъ
Хочешь ѣхать за границу?
Ѣдемъ! — Славно поживемъ.»

— Богъ съ тобою, — говорю я, —
У меня въ умѣ не то.
За границу не хочу я, —
И тебѣ туда на что?

Вѣдь и здѣсь тебѣ знакома
Роскошь всѣхъ земныхъ столицъ.
За границу! — Вѣдь и дома
Ты выходишь изъ границъ.

У тебя за чудомъ чудо:
Домъ твой золотомъ горитъ,
«Ну, такъ что-жъ? А ты откуда
Здѣсь явилась?» — говоритъ.

— Да сейчасъ изъ кабака я,
Гдѣ ты много плутней ввелъ. —
«Тьфу! Несносная какая!
Убирайсь-жъ!» — И пошелъ.

Къ звѣздоносцу-то лихому
Подошелъ и сталъ съ нимъ въ рядъ,
Я потомъ къ тому, къ другому —
Нѣтъ, — слушать не хотятъ:

Мы-де знаемъ эти сказки! —
Подошла бы къ одному,
Да кругомъ толпятся маски,
Нѣтъ и доступа къ нему;

Тѣ лишь прочь, ужъ тѣ подскочутъ,
Тѣ и тѣ его хотятъ,
Рвутъ его, визжатъ, хохочутъ!
«Милый! милый!» — говорятъ.

Это — нѣжный, легкокрылый
Другъ веселья, скуки бичъ,
Былъ сынъ Курочкина милый,
Вѣчно-милый Петръ Ильичъ.

Между тѣмъ гроза висѣла
Въ черной тучѣ надо мной:
Тѣ, кому я надоѣла,
Объяснились межъ собой:

Такъ и такъ. Пошла огласка:
«Здѣсь, съ другими заурядъ
Неприличная есть маска —
Надо вывесть», — говорятъ.

«Какъ змѣя съ опаснымъ жаломъ,
Здѣсь та маска съ языкомъ.
Надо вывесть со скандаломъ,
Сирѣчь — съ полнымъ торжествомъ.

Ишь, себя средь маскарада
Правдой дерзкая зоветъ!
Розыскать, развѣдать надо
Гдѣ и какъ она живетъ». —

Но по счастью кровъ и пища
Мнѣ мѣнялись въ день изъ дня;
Постояннаго-жъ жилища
Не имѣлось у меня:

Не нашли. И рады были,
Что исчезъ мой въ мірѣ слѣдъ,
И въ газетахъ объявили:
«Успокойтесь! Правды нѣтъ;

Гдѣ-то безъ вѣсти пропала,
Страхомъ бывъ поражена,
Такъ какъ прежде проживала
Все безъ паспорта она,

И при нагломъ самозванствѣ
Замѣчалась кое-въ-чемъ,
Какъ-то: въ пьянствѣ и буянствѣ
И шатаніи ночномъ.

Нынѣ — все благополучно». —
Я-жъ тихонько здѣсь и тамъ
Укрывалась, гдѣ сподручно,
По каморкамъ, по угламъ.

Вижу: балъ. Подъ ночи дымкой
Люди пляшутъ до зари.
Чтожъ мнѣ такъ быть — нелюдимкой?
Повернулась — разъ — два — три —

И на балъ влетѣла мухой, —
И, чтобъ скуки избѣжать,
Надъ танцующей старухой
Завертясь, давай жужжать:

«Стыдно! Стыдно! Изъ танцорокъ
Вышла, вышла, — ей жужжу, —
Слишкомъ сорокъ! Слишкомъ сорокъ!
Стыдно! Стыдно! Всѣмъ скажу».

Мучу бѣдную старуху;
Чуть немного отлечу,
Да опять, опять ей къ уху
И опять застрекочу.

Та смутилась, поблѣднѣла.
Кавалеръ ей: «ахъ! вашъ видъ...
Что вдругъ съ вами? — Зашумѣло
Что-то въ ухѣ, — говоритъ: —

Что-то скверное такое...
Ахъ, несносно! Дурно мнѣ! —
Я-жъ, прервавъ жужжанье злое,
Поскорѣе — къ сторонѣ.

Подлетѣла къ молодежи:
Дай послушаю, что тутъ!
И прислушалась: о Боже!
О Творецъ мой! страшно лгутъ!

Лгутъ мужчины безъ границы:
Ну, ужъ тѣ на то пошли!
Какъ же дамы, какъ дѣвицы —
Эти ангелы земли!..

Одного со мною пола!
Въ подражанье вѣрно мнѣ
Кое-что у нихъ и голо, —
И какъ бойко лгутъ онѣ!

Лгутъ — и нѣтъ средь бальной рѣчи
Откровенности слѣда:
Только груди, только плечи
Откровенны хоть куда!

Всюду сплетни, ковы, путы,
Лепетъ женской клеветы,
Платья-жъ пышно, пышно вздуты
Полнотою пустоты.

Ложь — въ глазахъ, въ рукопожатьяхъ;
Ложь — и шепотомъ, и вслухъ!
Тамъ — ломбардный запахъ въ платьяхъ,
Въ брилліантахъ тотъ-же духъ.

Въ томъ углу долгами пахнетъ,
Въ этомъ — взятками несетъ;
Тамъ карманъ, тутъ совѣсть чахнетъ;
Всѣхъ змѣй роскоши сосетъ.

Вотъ сошлись въ сторонкѣ двое.
Разговоръ ихъ: «что вы? какъ?» —
Ничего. — «Нѣтъ, — что такое?
Вы невеселы». — Да такъ —

Скучно! Денегъ нѣтъ, признаться. —
«На себя должны пѣнять:
Вамъ-бы чѣмъ-нибудь заняться!» —
Нѣтъ, мнѣ лучше-бы — занять. —

Тамъ — дѣвицы. Шепотъ: «Нина!
Какъ ты ласкова къ тому!..
Развѣ любишь? — Старичина!
Можно-ль чувствовать къ нему?..

Quelle idée, ma chère! Онъ сходенъ
Съ чортомъ! Гадокъ! Вижу я,
Для любви уже негоденъ,
А годился-бы въ мужья! —

Тошно стало мнѣ на балѣ:
Все обманъ, какъ погляжу, —
И давай летать по залѣ
Я съ жужжаньемъ — жу-жу-жу. —

Зашумѣла что есть духу...
Тутъ поднялся ропотъ злой —
Закричали: «выгнать муху!» —
И пошелъ лакей съ метлой.

Я-жъ, всѣ тайны обнаруживъ, —
Между лентъ и марабу,
Между блондъ, цвѣтовъ и кружевъ
Поскорѣй — въ каминъ — въ трубу

И на воздухъ! — И помчалась,
Проклиная эту ложь,
И потомъ гдѣ ни металась —
Въ разныхъ видахъ всюду то-жъ.

Тамъ въ театръ я залетѣла
И ня сцену забралась,
Да Шекспиромъ такъ взгремѣла,
Что вся зала потряслась.

Что-же пользы? — Огневая
Безъ слѣдовъ прошла гроза:
Тотъ при выходѣ, зѣвая,
Потиралъ себѣ глаза;

Тотъ чихнулъ: стихомъ гигантскимъ
Какъ Шекспиръ въ него металъ —
Онъ ему лишь, какъ шампанскимъ,
Только носъ пощекоталъ.

И любви моей и дружбы,
Словно тяжкаго креста,
Всѣ бѣгутъ. Искала службы:
Не даются мнѣ мѣста.

Обращалась и къ вельможамъ,
Говорятъ: «на этотъ разъ
Васъ принять къ себѣ не можемъ;
Мы совсѣмъ не знаемъ васъ.

Этакъ бродятъ и бѣглянки!
Вы во что-бъ пошли скорѣй»?
Говорю: хоть въ гувернантки —
Къ воспитанію дѣтей. —

«А! — Вы развѣ иностранка»? —
Нѣтъ; мой край — и здѣсь, и тамъ, —
«Что же вы за гувернантка?
Какъ дѣтей довѣрить вамъ?

Вы-бъ учили жить ихъ въ свѣтѣ
По какимъ же образцамъ»? —
Я старалась-де, чтобъ дѣти
Не подобились отцамъ. —

«А! Такъ вотъ вы какъ хотите!
Люди! Эй»! — Пошелъ трезвонъ.
Раскричались: «прогоните
Эту бѣшеную вонъ»!

Убралась. Потомъ попала,
Я за дерзость въ съѣзжій домъ,
И вездѣ перебывала —
И въ судѣ, и подъ судомъ.

Тамъ — продажность; тамъ — интриги;
Всѣхъ язвятъ слова мои;
Я совалась ужъ и въ книги,
И въ журнальныя статьи.

Прежде «стой, — кричали, — дура»!
А теперь кое-куда
Благородная цензура
Пропускаетъ иногда.

Мѣсто есть мнѣ и въ законѣ,
И въ евангельскихъ чертахъ,
Мѣсто — съ Кесаремъ на тронѣ,
Мѣсто — въ мысляхъ и словахъ.

Эта сфера мнѣ готова; —
Дальше-жь, какъ ни стерегу —
Ни изъ мысли, ни изъ слова
Въ жизнь ворваться не могу;

Не могу вломиться въ дѣло:
Не пускаютъ. Тьма преградъ!
Всѣхъ нечестье одолѣло;
Въ дѣлѣ правды не хотятъ.

Противъ этой лжи проклятой,
Чтобъ пройти между тѣснинъ —
Нуженъ мощный мнѣ ходатай,
Нуженъ крѣпкій гражданинъ. —

«Отъ меня чего-жь ты хочешь»?
Наконецъ я вопросилъ.
«Ждешь чего? О чемъ хлопочешь?
У меня немного силъ.

Если бѣдный стихотворецъ
И пойдетъ, въ твой рогъ трубя,
Воевать: — онъ ратоборецъ
Ненадежный за тебя.

Онъ дороги не прорубитъ
Сквозь дремучій лѣсъ тебѣ,
А себя лишь только сгубитъ,
Наживетъ враговъ себѣ.

Закричатъ: да онъ — несносный!
Онъ мутитъ нашъ мирный вѣкъ,
На бѣду — звонко-голосный,
Безпокойный человѣкъ!

Ты все рвешься въ безграничность;
Если-жь нѣтъ тебѣ границъ —
Ты какъ-разъ задѣнешь личность,
А коснись-ка только лицъ!

И меня съ тобой прогонятъ,
И меня съ тобой убьютъ,
И съ тобою похоронятъ,
Память вѣчную споютъ.

Міръ на насъ возстанетъ цѣлый:
Онъ вѣдь лжи могучій сынъ.
На Руси твой голосъ смѣлый
Царь лишь выдержитъ одинъ —

Отъ того, что въ высшей долѣ,
Рыцарь Божьей правоты —
Онъ на царственномъ престолѣ
И высокъ, и прямъ, какъ ты.

Не зови-жь меня къ тревогамъ!
Поздно! Дай мнѣ отдохнуть!
Спать хочу я. Съ Богомъ! Съ Богомъ!
Отправляйся! Добрый путь!

Если-жь хочешь — въ извѣщенье,
Какъ съ тобой я рѣчь держу,
О твоемъ я посѣщеньѣ
Добрымъ людямъ разскажу».

СЕЛЬСКІЕ ОТГОЛОСКИ.

I.

ПЕРЕСЕЛЕНІЕ.

Срокъ насталъ. Оставивъ городъ шумный,
Отъ него я скрылся, какъ бѣглецъ

Отъ тревогъ той жизни неразумной
Отдохнуть пора мнѣ наконецъ.

Душно тамъ; громадность да огромность
Ждутъ меня, — и посреди всего
Сознаю я горькую бездомность:
Нѣтъ нигдѣ домишка моего.

Что я тамъ? — Не гость и не хозяинъ;
Чувствую — тамъ не по мнѣ земля.
«Городъ — мой», мнѣ всюду шепчетъ Каинъ,
Авелю отведены поля.

То-ли дѣло въ мирной сельской долѣ;
Вольное, широкое житье!
Выйду-ль я, да разгуляюсь въ полѣ —
Это поле, кажется, мое.

Гдѣ себѣ ни выберу я мѣсто,
Лягу тутъ: точь-въ-точь пришелъ домой;
Ну, а лѣсъ-то... Боже мой! А лѣсъ-то —
Темный лѣсъ — весь совершенно мой!

Тамъ — посѣвъ; тамъ хижины, строенья.
Прохожу по каждому двору:
Кажется — тутъ все мои владѣнья,
Только я оброка не беру.

У меня коверъ тутъ подъ ногами —
Шелковистый, бархатный коверъ
Мягкій, пышный, затканный цвѣтами —
Злаки, мохъ и травка впереборъ.

Тамъ просвѣтъ, тамъ тѣни по утесамъ,
Виды, виды — любо посмотрѣть!

А съ луговъ мнѣ вѣетъ сѣнокосомъ...
Запахъ-то! — Дохнуть — и умереть!

Я иду: колосья ржи — взгляните! —
Всѣ подъ вѣтромъ кланяются мнѣ.
«Здравствуйте, друзья мои, — растите,
Мыслю я, — и полнитесь въ зернѣ!»

Царь я; солнце у меня въ коронѣ;
У меня вотъ зеркало — рѣка!
У меня на голубомъ плафонѣ
Въ позолотѣ ходятъ облака.

Живопись-то, живопись какая!
Вы всмотритесь: что за колоритъ!
Эта краска, искрясь и сверкая,
Семьдесятъ столѣтій такъ горитъ.

Утромъ всталъ я: мнѣ заря блеснула
Алой лентой; предъ моимъ окномъ
Мельница мнѣ крылья распахнула
И глядитъ торжественнымъ крестомъ.

Жизнь ведетъ подъ тѣмъ крестомъ отшельникъ...
Не ищи другихъ завидныхъ мѣстъ!
Этотъ крестъ — твой орденъ, добрый мельникъ,
И тебя питаетъ этотъ крестъ.

Всѣхъ здѣсь будитъ утра въ часъ обычный
Гласомъ трубнымъ мой герольдъ — пастухъ,
Иль повѣса и крикунъ публичный
Съ краснымъ гребнемъ либералъ-пѣтухъ.

Въ полдень вся горитъ моя палата
золотомъ; все въ краскахъ, все пестро;

Вечеръ мнѣ плетъ пурпуръ свой съ заката;
Ночь въ звѣздахъ мнѣ сыплетъ серебро.

А роса-то — перлы, брилліанты!
Эти слезы чище всякихъ слезъ; —
Птички мнѣ пѣвцы и музыканты,
Соловей — мой первый виртуозъ.

Церковь тутъ, — и сельское кладбище
Близко такъ, — и ельникъ тутъ въ виду.
Вотъ мое послѣднее жилище!
Хорошо. Я дальше не пойду.

2.

Т И Ш Ь.

Я знаю: тамъ теперь коляски да кареты
Гремятъ по мостовой, въ движеньи городъ весь;
Пируютъ; слышатся заздравные привѣты,
Крикъ, слитный говоръ, шумъ; тамъ музыка — а здѣсь
Какъ тихо! Боже мой! Какъ тихо! — Дверь открыта,
Слухъ чуткій напряженъ, открыты два окна, —
Но звука нѣтъ нигдѣ. Вездѣ вокругъ разлита
Такая полная, святая тишина,
Что если-бъ гдѣ-нибудь качнулась паутинка,
Палъ съ дерева листокъ иль поднялась пылинка —
Я вѣрно слышалъ-бы; я вѣрно-бъ слышать могъ,
Когда-бъ подъ мотылькомъ погнулся стебелекъ
Иль на небѣ звѣзда съ звѣздой перешепнулась,
Иль, если-бъ на землѣ, случайно гдѣ-нибудь
Мечтою тайною затрепетала грудь

ль сердце чье-нибудь любовью шевельнулось, —
о нѣтъ, безмолвно все... Лишь съ звѣздой вышины
севышній говоритъ глаголомъ тишины.

3.

МАЛЕНЬКОЕ ЖЕЛАНІЕ.

Въ хату Богъ меня принесъ:
Отдыхай, отшельникъ!
Вкругъ меня семья березъ,
Да соснякъ, да ельникъ;
Здѣсь пригорки, тутъ рѣка;
Даль открыта взору;
Тамъ идетъ издалека
Лѣсъ по косогору;
Тамъ широкія поля
Золотятся рожью; —
Мнится, небо и земля
Славятъ милость Божью.
У окна сидишь себѣ,
Смотришь на дорогу;
Тишь въ душѣ и тишь въ избѣ:
Хорошо, ей-богу!
Въ половину жизнь моя
Здѣсь идетъ блаженно, —
И — конечно — былъ-бы я
Счастливъ совершенно,
Только — какъ-бы ни пришлось —
Въ дверь мнѣ иль въ окошко
Хоть частичку дружбы брось
Да любви немножко!

4.

ВЕЧЕРНІЯ ОБЛАКА.

Ужъ сумракъ растянулъ прозрачную завѣсу;
Послѣдніе лучи мелькаютъ изъ-за лѣсу,
Гдѣ солнце спряталось. Волшебный часъ любви!
Заря затеплилась — и вотъ ея струи,
Объемля горизонтъ, проходятъ чрезъ березки,
Какъ лентъ изрѣзанныхъ багряныя полоски.
Тамъ, щедрымъ отблескомъ зари освѣщены,
Густыя облака, сбѣгая съ вышины,
Нависли пышными, янтарными клубами,
А дальше бросились капризными дугами,
Узлами, прядями, чертами вкривь и вкось,
И это вьется все, запуталось, сплелось
Такъ фантастически, такъ чудно, идеально,
Что если было-бы художнику дано
Все это перенесть къ себѣ на полотно, —
Сказали-бъ: хорошо, но какъ ненатурально!

5.

РОЖЬ И ПТИЧКА.

Травка-муравка ковромъ разстилается;
Вотъ изгороди, межи;
Поле желтѣетъ, зерно наливается,
Птичка щебечетъ во ржи.
Какъ хороша эта рожь колосистая!
Какъ она пышно растетъ!

Вѣтеръ подуетъ: волна серебристая
По полю такъ и пройдетъ,
Вздрогнутъ колосья и зыблясь наклонятся
Съ шопотомъ, съ шумомъ глухимъ;
Эти нагнутся и тѣ посторонятся,
Робко прилягутъ къ другимъ,
Встанутъ потомъ — и головки ихъ хлѣбныя
Думно качаются: «етой!
Что тамъ такое? Не тучи-ль враждебныя»?
Шепчутъ онѣ межъ собой.
Вѣтеръ присвиснулъ, дождинки закапали;
Рожь словно хлябь предо мной;
Поле что море; что на море — на полѣ
Ходитъ волна за волной.
Вынырнувъ, птичка изъ ржи поднимается
Выше и выше — въ зенитъ,
Вьется, кружится, поетъ — заливается,
Такъ и звенитъ и звенитъ: —
Вѣрно, тамъ — въ небѣ — узнала, разгадала,
Что говорятъ облака,
Бури нечаянной небо чтобъ не дало...
Вотъ и давай свысока
Весть разговоръ со своими сестрицами
(Эти щебечутъ внизу):
«Тамъ, говоритъ, бродятъ тучи станицами
И предвѣщаютъ грозу». —
Звонкія рѣчи идутъ перекличкою, —
Я на муравкѣ лежу
И за высоко-летящею птичкою
Долго глазами слѣжу
Слушаю рѣчь ея звонко-пѣвучую...
Птичка... да гдѣ-же она?
Нѣтъ, — ужъ невидима — скрылась за тучею,
Скрылась — и только слышна.
Пой и звени, въ вышинѣ сокровенная!

Пой про заоблачный свѣтъ!
Тамъ, гдѣ незрима душа вдохновенная, —
Слышенъ твой голосъ, поэтъ.

6.

БЛИЗОСТЬ.

Какъ близко небо здѣсь! Мнѣ кажется — оно
Нагнулось, подошло и просится въ окно;
Прислушиваюсь: мнѣ его дыханье слышно.
Оно издалека, изъ-за Балтійскихъ водъ,
Въ своихъ объятіяхъ мнѣ облако несетъ —
Такое бѣлое и взбитое такъ пышно,
Съ такою нѣжною, пушистою каймой,
Что такъ-бы и прильнулъ усталой головой
Къ такому полному блаженства изголовью.
А вотъ и звѣздочка! — Она съ такой любовью
Глядитъ черезъ окно въ мой сельскій уголокъ,
Слегка прищуривъ свой сверкающій глазокъ,
Какъ будто у меня ей хочется ночлега,
А въ оном воздухѣ и тишина и нѣга.
Постой, о звѣздочка, я отворю какъ-разъ
Тебѣ окно... бѣгу, и нетерпѣнья муку
Чтобъ утолить скорѣй, протягиваю руку
Небесной странницѣ, — а хитрая сейчасъ
И отодвинулась: извѣстная уловка!
Кокетка! Женщина! Обманщица! Плутовка!

7.

СѢНОКОСЪ.

Утро восходитъ въ румянцѣ зари.
Въ чистое поле пошли косари.

Вышли, взмахнули: подъ острой косою
Такъ и ложится трава полосою.

Гдѣ твои волосы, шелковый лугъ?
Гдѣ твои кудри? — Все сбрито вокругъ.

Все, чѣмъ богатъ травянистый нашъ сѣверъ —
Красноголовый трехлистникъ нашъ — клеверъ

И тимоѳеева травка — ложись!
Высохни, травка, да сѣномъ скажись!

Сѣномъ будь злака подрѣзанный колосъ —
Луга зеленый настриженный волосъ!

Вѣтеръ гуляетъ и солнце печетъ:
Высохнетъ все, что коса посѣчетъ.

Въ красные дни, что крестьянина тѣшутъ,
Бабы тѣ волосы граблями чешутъ.

Бабы и дѣвки пошли на труды;
Грабли, что гребней зубастыхъ ряды.

Ѳеклы да Марфы въ трудѣ расторопны:
Свѣжее сѣно зачесано въ копны.

Чу! господа! Ихъ кареты гремятъ.
Баринъ! понюхай: каковъ ароматъ!

Чуешь-ли барышня? Духъ сѣновала —
Что твоя амбра душистаго бала!

8.

МОЛИТВА ПРИРОДЫ.

Я вижу цѣлый день мученіе природы:
Ладьями тяжкими придавленныя воды
Браздятся; сочныхъ травъ надъ бархатнымъ ковромъ
Свирѣпствуетъ коса; клонясь подъ топоромъ
Трещитъ столѣтній дубъ въ лѣсу непроходимомъ,
И ясный сводъ небесъ коптится нашимъ дымомъ.
Мы вѣтру не даемъ свободно пролетѣть:
Вотъ мельницы — изволь намъ крылья ихъ вертѣть!
Дуй въ наши паруса! — Природа помолиться
Не успѣваетъ днемъ предвѣчному Творцу:
Томится человѣкъ и ей велитъ томиться
Съ утра до вечера... Но день идетъ къ концу;
Вотъ вечеръ,—вотъ и ночь,—и небо съ видомъ ла
Раскрыло ясныхъ звѣздъ серебряные глазки, —
А вотъ и лунный шаръ: лампада зажжена,
Въ молельню тихую земля превращена;
Замолкла жизнь людей. Да, — вотъ ея молитва!

9.

НА СЕЛЬСКОМЪ КЛАДБИЩѢ.

Былъ я на сельскомъ кладбищѣ: просторно
Мертвымъ лежать тутъ подъ бархатомъ дерна;
Кровелькой красной уютно прикрытъ,
Крестъ деревянный надъ каждымъ стоитъ.
Надписей нѣтъ, о чинахъ ни полслова:
Насыпь да крестъ — и гробница готова.
Нѣтъ здѣсь витійства въ надгробныхъ стихахъ.
Развѣ молитва одна о грѣхахъ:
«Боже прости!» — на крѣстѣ почернѣломъ
Въ буквахъ кривыхъ нацарапано мѣломъ; —
Вѣтеръ играетъ душистой травой;
Рдѣетъ, синѣетъ цвѣтокъ полевой;
Тамъ стала елка, тутъ гибкая ива; —
Мирно красуется Божія нива.

Вотъ надъ одною могилой виситъ
Свѣжій вѣнокъ, и вдова голоситъ:
«Красное солнышко! Мѣсяцъ мой ясный!
«Охъ, безъ тебя пропадать мнѣ злосчастной!
«Охъ, не видать мнѣ веселаго дня!
«Охъ, для чего ты покинулъ меня?
«Охъ, мое сердце растерзано вдовье;
«Горе — постель мнѣ, тоска — изголовье.» —
Вдругъ перестала она завывать:
Новаго мужа пошла добывать.
Вотъ раздаются другія рыданья:
Это по братѣ сестры завыванья;
Дѣвка немножко повыла — и прочь.

Вотъ взголосила по матери дочь!
День хоть утраты своей не забудетъ,

Все-жъ, какъ повоетъ, такъ легче ей будетъ;
Есть у ней сила печаль выносить,
Ежели сила нашлась голосить.

Съ краю — могилка. Давно тутъ зарыли
Добраго парня, какъ мнѣ говорили —
Славнаго парня, и вижу я: вотъ
Къ этой могилѣ старушка бредетъ.
Эта не выла ужъ тутъ, не металась —
Грохнулась на земь, да такъ и осталась;
Пальцы изсохшіе такъ и вросли
Въ хладныя нѣдра могильной земли.
Дивно, какой непонятною силой
Дряхлая крѣпко спаялась съ могилой
Такъ, что старушку отъ этой земли
Люди потомъ оторвать не могли.
Что ей тотъ парень? — спросить я сбирался,
Но — промолчалъ: видно, самъ догадался.

ПЕРЕВОДЫ.

I.

ВЫХОДЕЦЪ ИЗЪ МОГИЛЫ.

О стоны матерей! Вамъ Царь всевышній внемлетъ.
Птенцовъ почившихъ онъ отъ васъ къ Себѣ пріемлетъ,
И птичку милую, Имъ взятую туда,
Низводитъ къ вамъ съ небесъ на землю иногда.
У неба много тайнъ. У Бога много силы.
Есть къ колыбели путь обратный изъ могилы.

дна изъ матерей жила въ Блуа. Знакомъ
нѣ былъ ея большой, сосѣдній съ нашимъ, домъ.
ь довольствѣ родилась, росла; потомъ вступила
ь союзъ желанный съ тѣмъ, кого она любила.
нихъ родился сынъ. Какая радость! Сынъ!
что за колыбель! Шелкъ! бархатъ! балдахинъ!
Младенца кормитъ мать своею грудью нѣжной;
сю ночь она полна заботою мятежной,
е спитъ ея глаза горятъ во тьмѣ ночной; —
ь ребенку наклонясь съ подушки головой,
уть дышитъ, бѣдная, чтобъ слышать, какъ онъ дышитъ;
алѣйшій стонъ его, малѣйшій шорохъ слышитъ,
утромъ вновь бодра, довольна, весела!..

тъ — въ кресла кинулась — и гордо прилегла
рячей головой на ихъ косую спинку; —
удь, полнясь молокомъ, раздвинула косынку;
ыбка на устахъ; и вотъ — ея дитя!
кое сокровище! мой ангелъ? жизнь моя!»
вало, говоритъ, и цѣловать у крошки
чнетъ тѣ маленькія, розовыя ножки —
какъ цѣлуетъ ихъ! — Младенецъ-херувимъ
вѣется, голенькій, и корчится упрямо,
вжитъ и тянется къ источникамъ роднымъ,
, бережно прижатъ къ мѣстамъ заповѣднымъ,
ритихнулъ.

Дни бѣгутъ. Ужъ онъ лепечетъ: мама.
астетъ. Младенца ростъ такъ шатокъ — Боже мой!
нъ ходитъ; говоритъ; онъ въ возрастъ ужъ такой
риходитъ, гдѣ языкъ — впослѣдствіи привычка —
ва лишь оперенъ, бьетъ крылышкомъ, какъ птичка,
пробуетъ летѣть, и кое-какъ летитъ.
'отъ онъ! *Каковъ сынокъ!*» — родная говоритъ.
ѣдь онъ *ужъ учится*; онъ азбуку ужъ знаетъ.

«Такой понятливый! Все на лету хватаетъ.
«Онъ — страшный умница и плутъ большой руки:
«Вообразите — онъ ужъ хочетъ по-мужски
«Одѣтымъ быть! О, да, вотъ онъ о чемъ хлопочетъ!
«Онъ и по платьецу быть дѣвочкой не хочетъ.
«Я библію ему читаю: онъ за мной
«Все — слово за словомъ — мнѣ вторитъ. Ангелъ мой!»
И мать восхищена, и дѣтскою головкой
Не налюбуется. Обновка за обновкой!
Что день, то радости. Мечтаньями полна
О будущемъ, она имъ дѣтски предается.
Какое торжество! Какъ чувствуетъ она,
Что сердце матери въ ея ребенкѣ бьется!

Но дни идутъ, идутъ, и вдругъ — крутой уступъ.
Однажды злѣйшій бичъ, исчадье ада — крупъ
Нежданный налетѣлъ, и въ домъ открывъ лазѣйку,
Напалъ на мальчика, схватилъ его за шейку
И сталъ его душить... Тотъ силится дохнуть —
Не можетъ: воздуху загородила путь
Болѣзнь проклятая; того и жди — разрушитъ!
Бѣдняжку, кажется, и самый воздухъ душитъ.
Гортань его хрипитъ. Во впавшихъ глазкахъ тѣнь
Все глубже, все темнѣй: померкнулъ ясный день.
Какъ плодъ, какъ ягодка подъ клевомъ птицы жадной,
Ребенокъ вдругъ завялъ. Какъ воръ, какъ тать нещадный,
Его схватила смерть. — Отчаянье кругомъ!
Гробъ, трауръ, мать, отецъ, біенье въ стѣну лбомъ —
И вопль — ужасный вопль!.. Гдѣ мать о сынѣ плачетъ,
Тамъ онѣмѣй языкъ! Что слово наше значитъ?
Все кончено. Нѣтъ словъ!

И вотъ, погружена
Въ свое отчаянье, недвижная, она
Три мѣсяца сидитъ. Хоть-бы малѣйшій трепетъ

жизни признакомъ! Въ устахъ — несвязный лепетъ;
не ѣсть, не пьетъ; глаза устремлены
ie, мутные — въ одинъ кирпичъ стѣны.
мужъ при ней въ слезахъ. Она почти не дышитъ;
смерти на лицѣ. Зовутъ ее: не слышитъ.
й лишь въ ужасѣ страданья своего
гала скорбная: «отдайте мнѣ его!» —
ъ мужу намекнулъ тайкомъ, что было-бъ кстати,
ъ-бъ родился братъ покойному дитяти,
это-бы спасло страдалицу; — и вотъ
одитъ день за днемъ; проходитъ мѣсяцъ, — годъ...
мъ несчастная вдругъ чувствуетъ въ недугѣ
сердцемъ у себя движенье — и въ испугѣ
епетала вся, — блѣднѣетъ: «Боже мой!
ъ, нѣтъ, я не хочу, чтобъ былъ не тотъ — другой;
ъ сталъ-бы ревновать; сказалъ-бы! а, ты любишь
таго — не меня; его теперь голубишь;
ія забыла ты; достала, мнѣ въ замѣнъ,
бимца новаго; онъ у твоихъ колѣнъ
асканъ и согрѣтъ; онъ сталъ — твоя отрада,
лежу, зарытъ въ подземной этой мглѣ.
ъ душно здѣсь, въ гробу; мнѣ холодно въ землѣ.»
мать рыдала: «Нѣтъ! Я не хочу. Не надо!»

ень судьбы насталъ, насталъ и часъ родинъ —
здостный отецъ опять воскликнулъ: сынъ!
онъ одинъ былъ радъ: несчастная больная
ала, прошлое въ бреду припоминая;
рожденнаго къ ней принесли: она
а его на грудь, какъ мраморъ холодна,
и безчувственна; она о томъ ребенкѣ
думой занята, — у бѣдной не пеленки,
ванъ на умѣ; ей тотъ погибшій сынъ
представляется: бѣдняжка — тамъ — одинъ!..

Но въ это время вдругъ — о чудо! мигъ блаженный! —
Ей голосомъ того ея новорожденный
Такъ сладко произнесъ, какъ ангелы поютъ:
«Послушай! это — я. Не сказывай! Я тутъ.»

II.

ПРИЗЫВЪ.

Какъ нимфа, волосы широко распустя,
Разутая, она сидѣла надъ водою
Межъ сонныхъ тростниковъ. «Прелестное дитя!»
Сказалъ я ей: «пойдемъ! Я въ лѣсъ хочу съ тобою.»

И взоръ ея блеснулъ побѣднымъ торжествомъ —
Удѣломъ красоты и на шагу къ паденью.
«Теперь — пора любви,» я ей сказалъ: «пойдемъ
Въ ту рощу, полную таинственною тѣнью!»

И ноги осушивъ душистою травой,
Красавица пошла... Въ глаза мнѣ посмотрѣла —
И вдругъ задумчиво поникла головой:
Казалось, вкругъ меня въ природѣ все горѣло —

Все — и лазурь небесъ, и влаги бирюза!
И съ трепетомъ ко мнѣ дикарка приближалась,
И падали волосъ ей пряди на глаза,
И чрезъ нихъ сквозя, улыбка пробивалась.

III.

ТЕПЕРЬ.

(Послѣ смерти дочери.)

ь, когда Парижъ, и эти мостовыя,
: мраморы и бронзы — далеко,
мнѣ тѣнь даютъ деревья вѣковыя
Ь лазурь небесъ оглядывать легко, —

ь, когда отъ злой, душевной непогоды
Успѣлъ я отдохнуть,
лѣ бури той святая тишь природы
Въ мою ложится грудь, —

ь, когда могу, близъ водъ кругомъ разлитыхъ,
слью вознестись и видѣть съ высоты
кихъ истинъ рядъ, въ душѣ моей сокрытыхъ,
ѣть подъ травой сокрытые цвѣты, —

ь, Создатель мой, съ сей затишью святою
Пришла мнѣ череда
ть, что дочь моя подъ этою плитою
Уснула навсегда.

овь глубокаго исполненъ умиленья,
оры, на лѣса и воды я гляжу,
ся, какъ я малъ въ безмѣрности творенья,
чувствую себя и въ разумъ прихожу.

на Тебя, Творецъ, смотрю я правовѣрцемъ,
И вновь, согрѣтъ мольбой,
съ *Тебѣ* съ *моимъ* окровавленнымъ сердцемъ,
Растерзаннымъ тобой.

И вновь душа моя къ Тебѣ, мой Богъ, взываетъ:
Ты святъ, Ты терпѣливъ и въ благости великъ;
Ты знаешь, что творишь, а смертный—что онъ знаетъ?
Онъ — вѣтра прихотью колеблемый тростникъ!

Гробъ закрывается; но щель есть въ этой крышѣ:
То — дверь къ Тебѣ, Творецъ!
И то, что здѣсь въ низу концомъ считаютъ, выше—
Начало, не конецъ.

Колѣно-преклоненъ, я сознаю, о Боже,
Что Ты единый — сущъ. Чтобъ весь я изболѣлъ —
Такъ было надобно. Кто спроситъ: для чего-же?
Такъ было надобно: Ты этого хотѣлъ.

Предъ волею Твоей стою, смиренья полный.
Челнъ жизни мы тянуть
Должны изъ скорби въ скорбь, изъ волнъ въ другія волны—
И въ вѣчность завернуть.

Все видимое намъ проходитъ часомъ, мигомъ.
На вещи смотримъ мы съ одной лишь стороны;
Съ другой—все мракъ для насъ. Мы клонимся подъ игомъ,
Таинственныхъ причинъ не зная глубины.

Уединенная, туманная окрестность
Вездѣ объемлетъ насъ.
Всевышній такъ хотѣлъ: намъ въ мірѣ ни извѣстность,
Ни радость не далась.

Лишь благо низойдетъ, — оно и улетѣло.
Нашъ міръ—въ рукахъ судьбы, и бѣдный смертный въ немъ
Не видитъ уголка, гдѣ-бъ могъ сказать онъ смѣло:
«*Вотъ здѣсь* — участокъ мой, моя любовь, мой домъ!»

Время старости угрюмой подступило,
И не-чѣмъ духъ отвесть, —
все, какъ есть, такъ надобно, чтобъ было,
Затѣмъ что это есть.

ъ! Нашъ теменъ міръ, а небо многозвѣздно,
нь и вопль идутъ въ гармоніи святой.
мертный? — Прахъ, атомъ; а вѣчность — это бездна,
паритъ одинъ и падаетъ другой.

Тебѣ, Творецъ, на вышинѣ безстрастной
Объемлющему твердь,
стонъ, скорбь матери, отчаянье несчастной —
Ея дитяти смерть?

ю: долженъ плодъ подъ вѣтромъ падать; птица —
ь свое перо, цвѣтокъ — свой ароматъ, —
бъ неслась впередъ творенья колесница,
долженъ кто-нибудь подъ колесомъ измятъ.

волны, слезы — все необходимо въ свѣтѣ.
Условье бытія,
тамъ — росла трава, тамъ — умирали дѣти:
Все это знаю я.

гель! Можетъ быть, во глубинѣ отъ вѣка
ницаемыхъ и чуждыхъ намъ небесъ
шь Ты новый міръ, гдѣ гореть человѣка
въ составъ твоихъ невѣдомыхъ чудесъ.

можетъ, это — цѣль инаго мирозданья,
Чтобъ полный грозныхъ силъ
ій вихрь съ земли прекрасныя созданья
Куда-то уносилъ.

Неумягчаемость божественныхъ законовъ,
Быть можетъ, держитъ все, чѣмъ населенъ эѳиръ.
И снисходительность къ безумью нашихъ стоновъ
Разстроила-бы все, разрушила-бъ весь міръ.

Ты видишь, Богъ мой, здѣсь съ ліющейся незвонко
Но теплою мольбой,
Съ смиреньемъ женщины и простотой ребенка
Я весь передъ Тобой!

Взвѣсь, горній судья, все, что я дѣлалъ прежде,
Какъ мыслилъ, дѣйствовалъ, въ бореніяхъ томимъ,
Трудился и страдалъ, и жалкому невѣждѣ
Природу освѣжалъ сіяніемъ Твоимъ, —

Какъ шелъ я, не боясь ни ссылки, ни изгнанья!
Суди меня, мой Богъ!
Я могъ-ли ожидать такого воздаянья?
Суди! — Нѣтъ, я не могъ —

Не могъ я ожидать, склоненъ главой и блѣденъ,
Что, тяжко надо мной десницу опустя,
Возьмешь Ты у того, кто радостью такъ бѣденъ,
Ея послѣдній лучъ, возьмешь его дитя!

Прости, что на Тебя ропталъ я въ лютомъ горѣ,
Что на Тебя хула,
Какъ изъ ребячьихъ рукъ тяжелый камень въ море,
Мной кинута была!

Могли-ль Твой видѣть свѣтъ мои больныя очи,
Когда спалила ихъ нежданная гроза,
И трауръ легъ на нихъ чернѣе адской ночи
И въ немъ до слѣпоты изъѣла ихъ слеза?

можно-ль, Господи, чтобъ человѣкъ въ потерѣ,
Гдѣ мысли лучъ исчезъ,
е помнилъ, что надъ нимъ все тѣ-жь на вѣчной сферѣ
Созвѣздія небесъ?

ı, я былъ слабъ, какъ мать. Предъ высшимъ приговоромъ
ецерь склонясь я, пріемля свой удѣлъ.
ругимъ мной брошеннымъ на всю природу взоромъ
ъ широкой горести мой разумъ просвѣтлѣлъ.

'ворецъ! Я сознаю, что тяжкій грѣхъ — проклятья.
Выдерживая боль,
Іе буду я роптать, не буду проклинать я,
Но плакать мнѣ позволь!

а; слезы пусть текутъ, какъ водный токъ обильный
ы самъ намъ слезы далъ: пускай онѣ текутъ!
озволь мнѣ иногда на камень пасть могильный
дочери шепнуть: «ты чувствуешь? — я тутъ.»

Ɔзволь мнѣ иногда ей перекинуть слово
Подъ тихій вечерокъ,
ɔгда казалось-бы, что этотъ ангелъ снова
Меня услышать могъ!

ıвозь зависть въ прошлое я взоръ вперяю жадный,
все мнѣ видится тотъ мигъ, тотъ страшный часъ,
ɔгда мой херувимъ, мой ангелъ ненаглядный
ıругъ крылья развернулъ и улѣтѣлъ отъ насъ.

будетъ мнѣ весь вѣкъ тянуться часъ тотъ лютый,
Когда, утративъ дочь,
ɔкричалъ я: «здѣсь былъ день — тому одна минута, —
И вотъ — теперь ужъ ночь!»

Прости мнѣ, Господи, что духъ мой такъ разстроенъ!
Не гнѣвайся, что я горюю вновь и вновь!
Я умиренъ съ судьбой, но я не успокоенъ:
Изъ язвы роковой лилась такъ долго кровь!

Не гнѣвайся, что такъ терпѣнье наше скудно!
Теряющимъ дѣтей,
Ты знаешь, Господи, какъ душу вырвать трудно
У скорби изъ когтей.

Ты знаешь: ежели во мглѣ существованья
Вдругъ озарила насъ въ одинъ счастливый день
Улыбка новаго, намъ милаго созданья,
И жизни сумрачной намъ разогнала тѣнь, —

Когда насъ обновилъ веселый видъ ребенка,
Чья прелесть такъ свѣтла,
Что, кажется, для насъ невинная ручонка
Дверь неба отперла, —

Когда шеснадцать лѣтъ шагъ прослѣдивъ за шагомъ
И дочь прекрасную всѣмъ сердцемъ возлюбя,
Ее признали мы своимъ верховнымъ благомъ,
Лучомъ дневнымъ въ душѣ и въ домѣ у себя, —

Когда рѣшили мы: намъ этого довольно!
Все прочее есть бредъ. —
О Боже, посуди, какъ тяжело, какъ больно
Сказать: ея ужъ нѣтъ!

IV.

КНИГА.

Три брата было насъ; я — младшій. Мы играть
Однажды собрались. Насъ отпустила мать:
Ступайте, говоритъ, да чуръ не напроказить!
Въ саду не мять цвѣтовъ! по лѣстницамъ не лазить!

А мы по лѣстницѣ тотчасъ-же — на чердакъ.
Грудненько было намъ, да влѣзли кое-какъ.
Межъ разной утварью стоялъ тамъ шкапъ огромный!..
Глядь! Книга на шкапу лежитъ громадой темной;

Чернѣетъ переплетъ. Стащили мы съ трудомъ
Ту книгу: это былъ большой, тяжелый томъ
Раскрыли: ладаномъ запахло, храмомъ Бога, —
И — сколько радости! Картинокъ много, много!

Мы сѣли въ уголокъ — и ужъ куда играть!
Давай разсматривать и кое-какъ читать!
Книга между тѣмъ, какъ на шести ступеняхъ,
Насъ — у всѣхъ троихъ — лежала на колѣняхъ.

А долго увлеклись мы чтеніемъ тогда,
Послѣ каждый день тянуло насъ туда.
О библія была. Иное непонятно
Казалось намъ, но все намъ вѣяло пріятно.

И больше, больше все ребяческой душой
Вникать въ святой разсказъ входило намъ въ привычку —
Съ тѣмъ ощущеніемъ, какъ будто-бы рукой
Мы нѣжно гладили по перьямъ Божью птичку.

V.

М О С Т Ъ.

Въ пространствѣ нѣмомъ безъ конца, безъ начала
Кромѣшная тьма предо мною лежала;
Все было недвижно, безжизненно въ ней,
И самъ я во мракѣ былъ мрака мрачнѣй.
Но что-то въ дали — въ глубинѣ этой сферы,
Свѣтилось: то теплилась звѣздочка вѣры;
Свѣтъ Божій во мракѣ той бездны мерцалъ.
«Возможно-ли, самъ я къ себѣ восклицалъ:
«Тебѣ черезъ пропасть бездонную эту
Пройти и проникнуть къ желанному свѣту?
И кто такъ высоко, всей вѣчности въ ростъ,
Поставитъ на аркахъ безчисленныхъ мостъ,
Чтобъ могъ перейти я чрезъ темное море?
Никто! — Я погибну. О горе мнѣ, горе!» —
И призракъ вдругъ бѣлый мелькнулъ мнѣ въ глаза:
Прозрачное что-то, какъ будто слеза,
Какъ будто чело непорочное дѣвы
И образъ младенца, лучи и напѣвы
Отрадные, сладкіе... Призракъ святой
Простеръ свою руку надъ бездною той,
Куда все уходитъ съ земли непрерывно
И все остается навѣкъ безотзывно; —
И призракъ сказалъ мнѣ: «со тьмою въ борьбѣ,
Не хочешь-ли — мостъ я поставлю тебѣ?
Меня не удержитъ съ преградами битва». —
«Но—кто ты?»—спросилъ я.—Отвѣтъ былъ: «молитва».

VI.

ДЕРЕВО.

уровая зима міръ саваномъ одѣла;
ачерствѣла земля, вода окоченѣла.
- О дерево! Скажи, — воскликнулъ человѣкъ, —
ы хочешь въ топливо итти мнѣ на потребу? —
Родившись изъ земли, въ огнѣ всхожу я къ небу, —
жазало дерево, — руби, о дровосѣкъ,
уби меня и жги! — И дряхлый дѣдъ, и внуки
этого огня пусть согрѣвают руки,
акъ Божьей милостью ихъ грѣется душа!»
- А хочешь, дерево, итти въ мой плугъ? — «Согласно;
очу итти въ твой плугъ; я буду не напрасно
ь немъ землю бороздить. — Какъ жатва хороша!
Этомъ воскликнешь ты. Свершивъ труды святые,
ими вызову колосья золотые».
- А хочешь-ли итти въ строенье, стать бревномъ
въ образѣ столба поддерживать мой домъ? —
Согласно и на то: я этимъ обусловлю
зое спокойствіе; держать я буду кровлю
ріюта мирнаго твоихъ домашнихъ лицъ,
акъ прежде на себѣ держало гнѣзда птицъ,
листьевъ шумъ моихъ, тебя склонявшій къ думамъ,
амѣнится твоихъ дѣтей веселымъ шумомъ».
- А хочешь, дерево, быть мачтой корабля? —
О, да, — хочу, хочу; скажу: прости, земля!
въ море синее безъ страха, безъ боязни
квозь бурю двигнусь я». — А хочешь въ дѣлѣ казни
лужить, о дерево, — позорной плахой быть
ль висѣлицей? — «Стой! Не смѣй меня рубить!
рочь руку! Прочь топоръ! Прочь адскія созданья!
рочь, люди, изверги! Нѣтъ, въ дѣлѣ истязанья

Я несогласно быть подставкой палачу:
Я — дерево лѣсовъ — на корнѣ жить хочу;
Одѣвшись листьями, я — родъ живой бесѣдки —
Расту, даю плоды. Прочь! Ни единой вѣтки,
Свирѣпый человѣкъ, съ меня не обрывай!
Живи, какъ хочешь, самъ, — живи и убивай!
Я — не сообщникъ твой въ убійствахъ, не посредникъ.
Я — мирный, добрый дубъ. Мнѣ вѣтеръ собесѣдникъ.
Сынъ мрака! Тьма нужна стеклу твоихъ очей!
А я — я солнца сынъ и другъ его лучей.
Законъ природы мнѣ начертанъ весь любовью,
Тогда какъ твой законъ нерѣдко писанъ кровью.
Оставь меня! Пируй! Коль празднествъ, баловъ счетъ
Не полонъ у тебя — прибавь къ нимъ эшафотъ:
Имъ можешь ты всегда межъ двухъ забавъ, двухъ шутокъ,
Двухъ зрѣлищъ, двухъ пировъ — наполнить промежутокъ;
Веревки, цѣпи есть — и есть всегда собратъ,
Который, пополамъ съ несчастьемъ, виноватъ
Въ своемъ паденіи... А я межь листьевъ тѣнью
Дать мѣста не хочу кровавому видѣнью.

VII.

У Р Ѣ К И.

Жилъ левъ близъ той рѣки, гдѣ и орелъ порою
Водицу испивалъ,
И тутъ-же встрѣтились два мужа разъ — и къ бою!
И оба — на-повалъ!

То были — короли; надъ многими странами
Ихъ высился престолъ;

надъ мертвыми носясь ихъ головами,
Такъ произнесъ орелъ:

ль при васъ, цари, весь міръ дрожалъ отъ страха?
Вы спорили въ бояхъ
утокъ земли — за горсть земнаго праха,
И вотъ вы сами — прахъ.

блистали вы въ вѣнкахъ своихъ лавровыхъ,
Властители властей, —
а явится рядъ камней известковыхъ
Изъ царственныхъ костей.

ге: для чего духъ алчный васъ за грани
Владѣній вашихъ велъ?
у одной рѣки, живемъ-же мы безъ брани —
Онъ — левъ, и я — орелъ.

одной рѣки мы пьемъ спокойно воду;
Онъ взялъ себѣ лѣса,
пещеры; я — взялъ воздухъ и свободу,
Просторъ и небеса.

VIII.

МАТЕРИ,

лишившейся ребенка-сына.

рно, ангелу земному своему
гелахъ небесъ наговорила слишкомъ; —
небѣ такъ свѣтло, твердила ты ему,
ъ такъ хорошо, такъ весело мальчишкамъ,

Что небо — это храмъ; разсказывала ты,
На золотыхъ столбахъ, — что это — родъ бесѣдки
Въ роскошнѣйшемъ саду, гдѣ звѣздочки — цвѣты,
А солнце — яблочко, сорвавшееся съ вѣтки; —

Что сколько тамъ, въ раю, нельзя и описать,
Игрушекъ, лакомства; хотимъ-ли быть любимы?
Для этого есть Богъ; — хотимъ-ли поиграть
И порѣзвиться мы? на это — херувимы; —

Что сладко съ Богомъ тамъ сливаться всей душой,
И что встрѣчаетъ тамъ съ земли переселенца
Въ домашней прелести близъ Дѣвы пресвятой
Съ улыбкой ясный ликъ предвѣчнаго Младенца.

А не внушила ты былинкѣ нѣжной той —
Ребенку милому, что онъ, тобой любимый,
Тобой взлелѣянный, весь неотъемно твой,
Что онъ въ сей жизни — свѣтъ, тебѣ необходимый;

Что послѣ, какъ къ концу наклонится твой вѣкъ;
Нуждаться будешь ты въ сокровищѣ единомъ.
Чтобъ при тебѣ тогда былъ крѣпкій человѣкъ
И этотъ человѣкъ тебѣ былъ нѣжнымъ сыномъ.

Не говорила ты, что Божья воля есть
На то, чтобъ въ даль и въ даль итти земной дорогой,
Что женщина сперва должна мужчину весть,
А онъ потомъ ей быть опорой и подмогой.

И что-жъ? — Однажды... — верхъ несчастья твоего! —
Въ тотъ лучезарный храмъ, въ ту горнюю бесѣдку
Та птичка милая вспорхнула — оттого,
Что для нея сама ты отворила клѣтку,

IX.

КЪ ДОЧЕРИ.

Живи, какъ я, мой другъ, въ тиши, въ глуши — и только.
Блаженство на землѣ для насъ не суждено.
Что нужно? — счастье? — Нѣтъ! — Что-жъ? — торжество? —
Нисколько!
Смиреніе одно.

Будь кроткой, доброй будь! — Какъ сводитъ полдень ясный
Въ одинъ небесный кругъ весь пылъ своихъ лучей,
Своди всю благодать души твоей прекрасной
Въ лазурь твоихъ очей!

Нѣтъ торжествующихъ, счастливыхъ нѣтъ на свѣтѣ.
Для жизни данъ намъ часъ, и то неполный часъ —
Минута — мигъ одинъ, и всѣ мы точно дѣти:
Игрушка тѣшитъ насъ.

Для счастья нашего недостаетъ такъ много,
Недостаетъ того и этого, всего;
Намъ нужно многое... А какъ разсмотришь строго —
Что нужно? — Ничего! —

Иль малость сущая. Чего на сценѣ свѣтской
Всѣ ищутъ? — Это — звукъ — звукъ имени, — нарядъ, —
Рядъ блестокъ, галуновъ, — гремушка славы дѣтской —
Улыбка, слово, взглядъ.

Любви недостаетъ — и скучно подъ короной!
Воды недостаетъ — и умирай въ степи!
Повсюду человѣкъ — пустой сосудъ бездонный.
Терпи, мой другъ, — терпи!

Взгляни на мудрецовъ, превознесенныхъ нами!
Взгляни на воеводъ, летавшихъ черезъ Понтъ,
Которыхъ яркими сіяетъ именами
Нашъ блѣдный горизонтъ!

Они, подобные истаявшимъ свѣтиламъ,
Разсыпавъ всѣ лучи на жизненный свой путь,
Шагнули въ сумракъ, въ тѣнь; пошли къ гробамъ, къ могиламъ —
Отъ блеска отдохнуть.

Съ зарею, влажными отъ жалости глазами
Глядятъ на бѣдный міръ святыя небеса,
И утро каждое кропятъ его слезами —
Мы говоримъ: роса!

Богъ вразумляетъ насъ на дольнемъ нашемъ ходѣ.
И что такое — мы, и что такое — Онъ;
Начертанъ въ насъ самихъ и въ видимой природѣ
Божественный законъ.

Покорствуй, дочь моя: Его велѣнья святы,
И должно каждому жить неизмѣнно въ Немъ.
Духъ ненависти — прочь! Иль все любить должна ты,
Иль плакать обо всемъ.

X.

КЪ ЮНОСТИ.

«Вотъ — взгляни! Вотъ это — люди!
Водъ — народы!» — говорятъ.
Нѣтъ души... безъ сердца груди... —

Рядъ скелетовъ, труповъ рядъ!
Юность! Дай свои мнѣ крылья,
Да взлечу я безъ усилья
Надъ мірами въ небеса —
Въ міръ фантазіи блаженной,
Гдѣ души восторгъ священный
Порождаетъ чудеса,
Чудеса тѣ облекая
Въ розы мысленныхъ одеждъ
И сквозь призму пропуская
Въ нихъ цвѣтистый лучъ надеждъ!
Ты, навьюченный годами
Старецъ! — Слабъ твой тусклый взоръ —
Не дерзай равняться съ нами:
Не широкъ твой кругозоръ.
Юность! Крыльями царь-птицы
Размахнись и возлети!
И, возвысясь до денницы,
Человѣчества границы
Взоромъ солнца обхвати!

Тамъ — внизу — смотря съ полета:
Какъ пятно, несется что-то
Чрезъ эѳирныя поля;
То она — отъ сотворенья
Моремъ вѣчнаго презрѣнья
Наводненная земля.

Посмотри: средь безтревожныхъ,
Сномъ глубокимъ спящихъ водъ —
Изъ семьи черепокожныхъ
Тварь чуть видная плыветъ; —
И корабль она предъ нами,
Руль и кормчій — все она —
То всплываетъ надъ водами,

То уходитъ внизъ до дна;
Инстинктивному влеченью
Покоряясь, внѣ связей,
Равнодушна къ волнъ теченью,
Равнодушны волны къ ней; —
Въ глубинѣ за кормомъ рыщетъ,
Смотритъ, гдѣ-бы что схватить,
И себѣ подобныхъ ищетъ —
Лишь помельче — проглотить...
И подводнымъ крутояромъ
Острыхъ скалъ разсѣчена,
Словно капля подъ ударомъ,
Вдругъ — разбрызнулась она.
Мы про жизнь ея не знали,
Знать о смерти не дано,
И жива-ль она, мертва-ли —
Что за дѣло? Все равно.
Съ разрушеньемъ организма
Этой жизни всей — конецъ.
Это — жребій эгоизма!
Себялюбья образецъ!
Юность! Нектаръ жизни нашей
Только тамъ мнѣ тѣшитъ вкусъ,
Гдѣ кипящей этой чашей
Я съ собратьями дѣлюсь;
Лишь пріязни въ узахъ тѣсныхъ
Пьемъ мы сладость благъ небесныхъ:
Обнимайтесь-же, друзья!
Крѣпокъ съ вами съединеньемъ,
Просвѣтленный упоеньемъ.
Обнимаю всѣхъ васъ я.

Увлеченіемъ обманутъ
Кто упалъ — блаженъ и тотъ:
Чрезъ него другіе встанутъ

И толпа во храмъ войдетъ;
Сталъ собратьямъ къ возвышенью
Честный трупъ его — ступенью.

Обнимайтесь-же, друзья!
Въ душной сферѣ бытія
Путь нашъ труденъ; наши крылья
Сжаты; низость и насилье
Противъ насъ. Не унывать!
Пріучайтесь надъ могилой
Побѣждать насилье силой,
Низость низкихъ въ грязь топтать!

Кто на лонѣ колыбельномъ
Гидрѣ былъ врагомъ смертельнымъ
И чудовище сразилъ,
Тотъ, въ дни юношескихъ силъ,
Сдавитъ лютаго центавра,
Аду зѣвъ его сожметъ
И святую вѣтку лавра
Съ неба Божьяго сорветъ.

Въ высь, куда не всходишь глазомъ,
Юность, мыслію всходи!
И чего не сломитъ разумъ,
То сломи огнемъ въ груди!
Юность! Юность! Ты — орлица.
Твой полетъ — полетъ орла.
Взоръ твой быстръ; твоя десница —
Жгучей молніи стрѣла.

Станемъ въ кругъ, сомкнемъ объятья!
Съ грудью грудь, съ плечомъ плечо!
Оцѣпимъ всю землю, братья,
Мысли сдвинемъ горячо,

Изъ всѣхъ душъ одну составимъ,
Ихъ въ одномъ горнилѣ сплавимъ!

Старый міръ! Вставай: пора!
Въ новый путь тебя мы двинемъ;
Мы гнилой покровъ твой скинемъ:
Сдернись, ветхая кора!
Пусть съ обновою земною
Все запахнетъ вновь весною!

Всемогущаго Творца
Лишь глаголъ «да будетъ» грянулъ —
Къ строю вмигъ хаосъ воспрянулъ,
Отъ конца и до конца
Жизнь въ стихіяхъ пробудилась,
Ось вселенной утвердилась,
Воды моря въ берегахъ
Уравнялись; — долъ яснѣетъ,
И десница Божья сѣетъ
Зерна свѣта въ небесахъ; —
Человѣчества-жъ въ пучинѣ
Страшный мракъ лежитъ донынѣ;
Мракъ глубокъ, — но юность въ немъ
Дышитъ творческимъ огнемъ,
И въ груди ея любовной
Есть священное зерно;
Изъ хаоса міръ духовный
Ей исторгнуть суждено
И на лонѣ узъ сердечныхъ
Утвердить въ основахъ вѣчныхъ.

XI.

БОГИ ГРЕЦІИ.

Въ таинственномъ туманѣ отдаленья
Когда-то вы, о боги древнихъ лѣтъ,
Руководя земныя поколѣнья,
Лелѣяли младенчественный свѣтъ, —
И все не такъ являлось тамъ, какъ нынѣ;
Воздвигнутъ былъ тамъ Афродиты храмъ,
Гдѣ пламенныхъ сердецъ увѣнчанной богинѣ
Курился ѳиміамъ,

Природа тамъ была сестрой искусству;
Тамъ истина была сродни мечтамъ; —
И что теперь такъ недоступно чувству,
До глубины прочувствовано тамъ;
Природы всей былъ ликъ облагороженъ,
Уразумленъ былъ образъ естества;
Повсюду и во всемъ былъ явный слѣдъ проложенъ
Живаго божества.

И гдѣ теперь, взоръ обративъ къ денницѣ,
Мы только шаръ бездушный видимъ въ ней,
Тамъ Геліосъ на пышной колесницѣ
Сіялъ, сверкалъ, и гналъ своихъ коней;
Летучихъ нимфъ былъ полонъ сводъ лазурный,
Дріадами одушевленъ былъ садъ,
И свѣтлый, водный ключъ билъ брызгами изъ урны
Смѣющихся наядъ.

Пѣвица-ли пернатая запѣла?
Легла-ль роса на листья свѣжихъ розъ?
Тамъ — *грустная* стенала Филомела,

А тутъ былъ слѣдъ Авроры чистыхъ слезъ,
Ручей-ли текъ струею свѣтлосиней?
Катился онъ у нимфы изъ очей
Иль это былъ — въ тоскѣ рыдающей богиней
Наплаканный ручей.

Безсмертные къ Девкаліона чадамъ
Слетали тамъ для общихъ съ ними дѣлъ;
Гинеріонъ, взявъ посохъ, нѣжнымъ взглядомъ
На Пирры дочь прекрасную глядѣлъ.
Отъ тайныхъ стрѣлъ Амура не спасались
И боги тамъ, — и съ пламенемъ въ крови
Герои, смертные и боги покорялись
Могуществу любви.

Всечтимая наперстница святыни,
Приставница священнаго огня —
Весталка тамъ, предъ алтаремъ богини,
Невинныя колѣна преклоня,
И чая быть самимъ безсмертнымъ равной,
Санъ дѣвственный умѣла такъ хранить,
Что поясъ у нея самъ Зевсъ громодержавный
Не смѣлъ-бы разрѣшить.

Божественно сіялъ тамъ вѣчный пламень,
Что въ гимнахъ былъ у Пиндара зажженъ,
У Фидія внѣдренъ въ безсмертный камень
И данъ твоей былъ арфѣ, Аріонъ,
Даръ творчества на смертныхъ шелъ онъ Феба,
И не было тамъ мѣста грустной мглѣ,
Гдѣ боги, нисходя, себѣ второе небо
Творили на землѣ.

Торжественнѣй была надъ зломъ побѣда,
Подъ сѣнію Медузина щита,

И женственной улыбкой Ганимеда
Тамъ юноши блистала красота.
Гдѣ Гименей вязалъ судьбу съ судьбою —
Была плотнѣй сердецъ союзныхъ связь,
ягче, и нѣжнѣй у Парокъ подъ рукою
Жизнь смертнаго прялась.

Ни тяжкихъ жертвъ, ни плоти изнуренья
Въ честь божеству не требовалось тамъ,
Тамъ счастія искали всѣ творенья:
Кто счастливъ былъ, тотъ равенъ былъ богамъ.
Прекрасное одно лишь было свято,
Отъ пиршества не уклонялся богъ,
свѣтлый храмъ его изъ мрамора и злата
Былъ праздничный чертогъ.

На сборищахъ Истмійскихъ колесницы
Неслись, съ огнемъ и громомъ, вперегонъ;
Привѣтный кликъ былъ слышимъ у границы
И высились вѣнки со всѣхъ сторонъ.
Блаженъ, за кѣмъ побѣда оставалась:
Онъ ликовалъ, боговъ благодаря,
нимъ ликовалъ народъ, и пляской обвивалась
Святыня алтаря.

Давали знать въ блестящей сбруѣ тигры
И по горамъ «эвое» звучный кликъ,
Что настаютъ вакхическія игры
И Бахусъ свой являлъ румяный ликъ;
Шли впереди и Фавна и Сатиры,
Кругомъ толпы неистовыхъ Менадъ;
ъ — полногрудыя Вакханки, — чаши, лиры
И сочный виноградъ.

Сухой скелетъ — страшилище твореній —
Не шелъ къ одру, гдѣ смертный угасалъ:

Надъ смертнымъ тѣмъ безмолвный, тихій геній
Съ улыбкою свой факелъ опускалъ,
И въ сладостномъ, мирительномъ лобзаньѣ,
Склонясь надъ нимъ, лишеннымъ жизни силъ,
Съ поблеклыхъ устъ его послѣднее дыханье
Спокойно уносилъ.

И въ тартарѣ средь всеразящей бури
Надъ страждущимъ нерѣдко бичъ суда
Смягчаемъ былъ, и жалость сердцу фурій
Небесная давалась иногда,
И грозный судъ бывалъ небезсердеченъ:
Поставленъ былъ при Орковыхъ вѣсахъ
Внукъ человѣческій, чтобъ взглядъ былъ человѣченъ
И въ самыхъ небесахъ.

Въ Элизіумъ толпой спѣшили тѣни
Для сладкаго свиданія и встрѣчъ;
Тамъ слышались и звуки пѣснопѣній,
И лиры звонъ, и родственная рѣчь;
Шли группы женъ къ своимъ мужьямъ и чадамъ,
Шли юноши въ объятія невѣстъ,
Шелъ къ другу вѣрный другъ — и встрѣчею съ Пиладомъ
Обрадованъ Орестъ.

На доблестномъ пути своемъ къ наградамъ
Высокую тамъ смертный цѣль имѣлъ:
Какъ полу-богъ, порой съ богами рядомъ
Стоялъ герой — свершитель славныхъ дѣлъ;
Онъ мертвыхъ звалъ — и мертвые вставали. —
Сбивались-ли въ пути своемъ пловцы, —
Кастеръ и Поллуксъ ихъ съ Олимпа ободряли —
Герои-близнецы.

Прекрасный міръ! — Весна со всей любовью,
Всей прелестью, — исторія весна!

Мой жадный взоръ стремится къ баснословью,
Гдѣ жизни той хоть тѣнь сохранена.
. . . . . .
Селены я ищу на звѣздномъ сводѣ:
Селена гдѣ? — Сводъ звѣздный нѣмъ стоитъ.
Гдѣ божество твое? — взываю я къ природѣ:
Бездушная молчитъ; —

Разумному сознанью непричастна,
Разрознена съ тѣмъ духомъ міровымъ,
Которому безчувственно подвластна,
Она чужда всѣмъ радостямъ моимъ.
Къ художнику спокойно-равнодушна,
Какъ мертвые часы заведена,
Вся обезбожена, лишь тяжести послушна
Влеченіямъ она.

Сегодня, взрывъ сама себѣ могилу,
Въ ней погребетъ планетъ своихъ шары, —
А завтра, ту-жь возобновляя силу,
Пойдетъ вращать возникшіе міры;
И боги тѣ, что дѣтства въ возрастъ малый
На помочахъ водили міръ земной,
Его оставили — и сталъ онъ, возмужалый,
Держаться самъ собой.

Ваятель тамъ, открывъ себѣ дорогу
Къ безсмертію, могъ равенъ быть въ вѣкахъ
Изъ мрамора имъ вызванному богу:
Передъ Творцомъ здѣсь каждый смертный — прахъ —
Земной червякъ, немногимъ долговѣчнѣй
Другихъ червей. Святъ Богъ нашъ, — грѣшенъ вѣкъ;
А тамъ, гдѣ божество являлось человѣчнѣй,
Святѣй былъ человѣкъ.

Создатель мой! Свѣтило новой вѣры!
Ты — вѣчный блескъ, а я обхваченъ тьмой,
Ты — Царь небесъ, Тебѣ нѣтъ вѣса, мѣры;
Тебя обнять не можетъ разумъ мой.
Къ Тебѣ стремлюсь: напрасныя усилья!
Тебя зову, но мнѣ отвѣта нѣтъ.
О безконечный Духъ! Дай силы мнѣ, дай крылья
Взлетѣть въ Твой горній свѣтъ!

XII.

ПѢСНЬ РАДОСТИ.

Радость! Ты — искра небесъ; ты божественна,
Дочь Елисейскихъ полей!
Мы, упоенные, входимъ торжественно
Въ область святыни твоей.
Все, что разрознено свѣтскимъ дыханіемъ —
Вяжешь ты братства узломъ;
Люди тамъ — братья, гдѣ ты надъ созданіемъ
Легкимъ повѣешь крыломъ.

ХОРЪ.

Всѣмъ — простертыя объятья!
Люди! Всѣхъ лобзаемъ васъ.
Тамъ — надъ звѣзднымъ сводомъ, братья,
Долженъ быть отецъ у насъ.
Съ нами ликуй, кто подругу желанную,
Дружбы нашелъ благодать,
Кто хоть единую душу избранную
Можетъ своею назвать,

аетъ, какъ бьется любовію сладкою
Жаркая грудь на груди!...
ли жь кто благъ сихъ не вѣдалъ, — украдкою,
Съ плачемъ отъ насъ отойди!

ХОРЪ.

Все, надъ чѣмъ ликъ солнца ходитъ,
Пусть обѣтъ любви творитъ!
Насъ туда любовь возводитъ,
Гдѣ Невѣдомый царитъ.

персямъ природы припавъ, упивается
Радостью каждая тварь:
брый и злой неудержно кидается
Къ этой богинѣ въ алтарь.
дость — путь къ дружбѣ, къ сердечному счастію,
Къ чашѣ съ виномъ золотымъ;
рвь упоенный ползетъ къ сладострастію,
Къ богу летитъ херувимъ.

Люди, ницъ! Во прахъ главами!
Сердце чуетъ: есть Творецъ.
Тамъ Онъ, люди, надъ звѣздами —
Царь вашъ, Богъ вашъ и Отецъ.

дость — пружина въ часахъ міросданія.
Маятникъ этихъ часовъ.
дость! Ты — пульсъ въ организмѣ созданія,
Въ жилахъ вселенной ты — кровь.
ту — ты цвѣтъ вызываешь изъ сѣмени;
Въ небѣ — средь вѣчной игры,
шишь по безднамъ пространства и времени
Солцы, планеты, міры.

ХОРЪ.

Какъ летятъ небесъ свѣтила,
Такъ по дольнему пути
Каждый, братья, въ комъ есть сила,
Какъ герой на бой — лети!

Радость! ты путь указуешь искателю
Къ благу — къ вѣнцу бытія;
Въ огненномъ зеркалѣ правды — пытателю
Зрима улыбка твоя;
Смертному вѣешь ты солнечнымъ знаменемъ
Вѣры съ крутой высоты;
Въ щели гробовъ проникающимъ пламенемъ
Блещешь межъ ангеловъ ты.

ХОРЪ.

Люди! Нашъ удѣлъ — терпѣнье.
Всякъ неси свой въ жизни крестъ!
Братья! Тамъ вознагражденье —
У Отца, что выше звѣздъ.

Будемъ богамъ подражать! На твореніе
Милость ихъ сходитъ равно.
Бѣдный, убогій! Приди — наслажденіе
Съ нами вкусить заодно!
Злоба! останься на вѣки забытою!
Врагъ нашъ да будетъ прощенъ!
Пусть оботретъ онъ слезу ядовитую!
Пусть не терзается онъ!

ХОРЪ.

Въ пламя — книгу долговую!
Всепрощеніе врагамъ!

Богъ за нашу мировую
Примирится съ нами — тамъ.

Пѣнится радость и въ чаши вливается,
Золотомъ гроздій горя;
Въ робкаго съ нею духъ бодрый вселяется,
Кротости духъ — въ дикаря.
Встанемъ, о братья, и къ своду небесному
Брызнемъ виномъ золотымъ!
Встанемъ — и доброму духу безвѣстному
Этотъ бокалъ посвятимъ!

ХОРЪ.

Въ хорахъ звѣздныхъ Кто прославленъ,
Серафимами воспѣтъ,
Выше звѣздъ Чей тронъ поставленъ —
Здѣсь да внемлетъ нашъ привѣтъ!

Братья! Терпѣнье и твердость — въ страданьяхъ!
Помощь невиннымъ въ бѣдѣ!
Строгая вѣрность — въ святыхъ обѣщаніяхъ!
Честность и правда — вездѣ!
Предъ утѣснителемъ — гордость спокойная!
Губитъ: умри — не дрожи!
Правому дѣлу — награда достойная!
Гибель — исчадіямъ лжи!

Лейся, нектаръ! Пѣньтесь, чаши!
Кругъ! Тѣснѣе становись!
Каждый вторь обѣты наши!
Божьимъ именемъ клянись?

Братья! Пощада — злодѣя раскаянью!
Цѣпи долой навсегда!

Смерти есть мѣсто: нѣтъ мѣста отчаянью!
Милость — и въ громѣ суда!
И да услышимъ изъ устъ Безконечнаго
Гласъ Его: мертвый! живи!
Ада нѣтъ болѣ! Нѣтъ скрежета вѣчнаго!
Вѣчность есть царство любви.

ХОРЪ.

Буди свѣтелъ часъ прощанья!
По могиламъ — сладкій сонъ!
Въ день-же судный, въ день востанья
Благость — судъ, любовь — законъ!

МЫСЛЬ.

Лампаднымъ огнемъ своимъ жизнь возбуждая,
Сгоняя съ семли всеобъемлющій мракъ,
Пошла-было по свѣту мысль молодая:
Глядь! Сверху нависнулъ ужъ старый кулакъ.
Кулакъ, соблюдая свой грозный обычай,
«Куда ты?» — кричитъ: — «не со мной-ли въ борьбу»?
Ты знаешь, я этой страны городничій:
Негодная, прочь! А не то — пришибу.
Я — мощный крушитель, всѣхъ дѣлъ я вершитель.
Зачѣмъ ты съ огнемъ? Отвѣчай! Сокрушу!
Идешь поджигать?... Но — всемірный тушитель —
Я съ этимъ огнемъ и тебя потушу! —
Помилуй! — отвѣтствуетъ мысль молодая: —
Къ чему мнѣ поджогами смертныхъ мутить?
Гдѣ правишь ты дѣломъ, въ потемкахъ блуждая —
Я только хотѣла тебѣ посвѣтить.
Подумай: могу-ль я бороться съ тобою?

плотно такъ свернутъ; а я между тѣмъ,
къ ты сотворенъ для кулачнаго бою! —
душна, эѳирна, безплотна совсѣмъ.
живымъ огонькомъ обтекаю я землю —
мною нерѣдко утѣшенъ бѣднякъ:
рой — виновата: я падшихъ подъемлю,
горыхъ не ты-ль опрокинулъ, кулакъ?
ѣтая въ слово, въ приличные звуки,
— мирное чадо искусства, науки,
— признакъ единственный лучшихъ людей,
— Божьяго храма святая молитва.
на мнѣ на свѣтѣ дозволена битва
встрѣчными мыслями въ царствѣ идей; —
что-же? — Гдѣ въ стычкѣ кулакъ съ кулаками,
мъ кровь человѣчья струится рѣками
мѣсто дается невѣжества мглѣ;
ѣ-жъ мысль огненосная съ мыслію бьется,
ъ ранъ наносимыхъ тамъ истина льется,
празднуетъ небо, и любо землѣ.

ПЕРЕЛОЖЕНІЕ ПСАЛМА CXXV.

Израиль! жди: гласъ Божій грянетъ —
Исчезнетъ рабства долгій сонъ,
И къ жизни радостно воспрянетъ
Освободившійся Сіонъ, —
И славу Горняго Владыки
По всей вселенной возвѣстятъ
Твои торжественные клики
И вольныхъ пѣсенъ звучный складъ,
И взыдетъ гласъ межъ племенами:
«*Се Богомъ* полная страна!»

Его величьемъ надъ странами
Днесь возвеличилась она! —
Какъ вѣтръ, несясь отъ знойной степи,
Срываетъ льды съ замерзлыхъ водъ,
Господь расторгнетъ наши цѣпи
И къ славѣ двигнетъ свой народъ.
Кто сѣялъ слезы терпѣливо
На почвѣ скорби и труда,
Тому воздастъ благая нива
Обильемъ добраго плода,
И хлынутъ съ жатвы, средь напѣва,
Жнецовъ ликующихъ толпы,
Неся отъ горькаго посѣва
Сладчайшихъ радостей снопы.

НАДЪ ГРОБОМЪ О. И. СЕНКОВСКАГО.

И онъ угасъ. Онъ блескомъ парадокса,
Насъ поражалъ, страдая и шутя, —
И кто порой невольно не увлекся
Его перомъ, какъ лакомствомъ дитя?

Не дѣти-ль мы!.. Оправивъ прибауткой
Живую рѣчь, съ игрушкой и съ лозой,
Онъ дѣйствовалъ порой научной шуткой,
Порою въ смѣхъ завернутой слезой.

И средь трудовъ болѣзненныхъ и шутокъ,
Въ которыхъ жизнь писателя текла,
Смерть, уловивъ удобный промежутокъ,
Свой парадоксъ надъ нимъ произнесла.

Къ числу потерь еще одну причисли,
Убогій свѣтъ! Ликуй, земная тьма!
Еще ушелъ одинъ служитель мысли,
Другъ знанія, съ свѣтильникомъ ума.

Ушелъ, умолкъ — на вѣкъ, безъ оговорокъ! —
Прочтемъ слова послѣднихъ тѣхъ листковъ,
Что онъ писалъ!.. Вѣдь для живущихъ дорогъ
И святъ завѣтъ передмогильныхъ словъ.

Онъ тамъ сказалъ: «все приводите въ ясность!
Не бойтесь! Все иди на общій судъ!
Насъ оградитъ общественная гласность
Отъ тайныхъ язвъ и ядовитыхъ смутъ.»

Онъ осуждалъ тотъ взглядъ тупой и узкой,
Что видитъ зло въ лучахъ правдивыхъ думъ;
Невѣжеству и мудрости французской
Онъ воспрещалъ давить нашъ русскій умъ.

Онъ уяснялъ головъ тѣхъ закоснѣлость,
Которымъ сплошь — подъ навыкъ старыхъ лѣтъ —
Родной нашъ умъ является, какъ смѣлость,
Какъ дерзкій крикъ, идущій подъ запретъ.

Онъ говорилъ: «друзья! Не заглушайте
Благихъ сѣмянъ! Не тьмите намъ зарю,
И намъ читать и мыслить не мѣшайте
На пользу всѣмъ, въ служеніе Царю!

Живущій братъ! Пошли-же на прощанье
Умершему, что между нами смолкъ,
Привѣтъ любви, — и помни: завѣщанье
Отшедшаго — *для* насъ священный долгъ.

Не заграждай благихъ стремленій вѣка
И свѣтлыхъ искръ мышленья не туши!
Дай намъ понять значенье человѣка!
Дай видѣть намъ безсмертіе души!

КЪ НОВОМУ ПОКОЛѢНІЮ.

(Отъ стариковъ).

Шагайте черезъ насъ! Впередъ! Прибавьте шагу!
Дай Богъ вамъ добрый путь! Спѣшите! Дорогъ часъ.
Отчизны, милой намъ, ко счастію, ко благу
Шагайте черезъ насъ!

Мы грузомъ нашихъ дней недолго васъ помучимъ;
О смерти нашей вы не станете тужить,
А жизнью мы своей тому хоть васъ научимъ,
Что такъ не должно жить.

Не падайте, какъ мы, пороковъ грязныхъ въ сѣти!
Не мрите за-живо коснѣньемъ гробовымъ!
И пусть вины отцовъ покроютъ наши дѣти
Достоинствомъ своимъ!

Молитесь! — Ваша жизнь да будетъ съ мракомъ битва!
Пусть будетъ истины свѣтильникомъ она!
Слышнѣй молитесь! Жизнь — единая молитва,
Которая слышна.

Молитесь-же — борьбой съ гасильниками свѣта,
Борьбой съ невѣжествомъ и съ каждымъ зломъ земнымъ

Предъ вами — добрый Царь: хвала и многи лѣта!
Молитесь вмѣстѣ съ нимъ!

Прямую вѣчную прокладывать дорогу
Вы, дѣти, научась блужданіемъ отцовъ,
Молитесь, бодрые, живыхъ живому Богу —
Не богу мертвецовъ!

Служите Господу — не аскетизма скукой,
Не фарисейства тьмой, не бабьимъ ханжествомъ,
Но — дѣломъ жизненнымъ, искусствомъ и наукой,
И правды торжествомъ!

И если мы порой на старинѣ съ упорствомъ
Стоимъ и на ходу задерживаемъ васъ
Своимъ болѣзненнымъ, тупымъ противоборствомъ —
Шагайте черезъ насъ!

ЧТО ЖЪ ДѢЛАТЬ.

Что жъ дѣлать? Судьба приказала
Имъ вѣчно другъ друга терзать:
Ихъ брачная доля связала
Узла ихъ нельзя развязать.

Счастливить себя обоюдно
Легко-ли, скажите, двоимъ?
А мучить другъ друга не трудно:
Тутъ близки всѣ способы имъ.

И всюду они неразлучны,
Другъ на друга злобно глядятъ;

Взаимно несносно-докучны
Ревниво другъ друга слѣдятъ;

Боятся, чтобъ рано иль поздно
Отъ «*вмѣстѣ*» успѣвъ ускользнуть,
Минуты блаженнаго «*розно*»
Изъ нихъ не вкусилъ кто-нибудь;

Стараясь во всемъ поперечить
Другъ другу и въявь и тайкомъ,
Стремятся свой адъ обезпечить,
Несчастье сберечь цѣликомъ, —

И криками брани, проклятья,
Наполнивъ и ночи и дни,
Подолгу смыкаютъ объятья,
И вѣрны другъ другу они.

Приходитъ ужъ старость и древность,
Ужъ искры угасли въ крови,
А все еще глупая ревность
Грызетъ ихъ въ насмѣшку любви; —

И чинно супругъ и супруга
До гроба, средь мукъ безъ числа,
Изводятъ и губятъ другъ друга, —
А брака законность цѣла.

ПРИВѢТЪ СТАРОМУ 1858-му Г.

А! Новый! — Ну, милости просимъ:
Пожалуйте! — Только ужъ — нѣтъ —

Не вамъ, извините, приносимъ,
А старому году привѣтъ.

Характеръ нашъ вамъ неизвѣстенъ;
Вы мо̀лоды слишкомъ пока; —
А старый и добръ былъ, и честенъ.
И можно почтить старика.

Къ чему-же хитрить, лицемѣрить,
Заранѣ сплетая вамъ лесть?
Намъ трудно грядущему вѣрить;
Мы вѣримъ тому, что ужъ есть.

А есть уже добраго много,
Отъ добраго сѣмени плодъ
Не худъ будетъ съ помощью Бога.
Не худъ былъ и прожитый годъ.

Онъ многихъ былъ золъ обличитель;
Съ невѣжествомъ велъ онъ борьбу;
Былъ даже и тѣмъ просвѣтитель,
Что шелъ онъ съ кометой на лбу.

Имъ міръ былъ во многомъ утѣшенъ
И въ прозѣ и въ звукахъ стиха;
А если въ иномъ былъ онъ грѣшенъ,
Такъ гдѣ-же и кто безъ грѣха?

Да! Въ мѣдныя головы, въ груди
Стучитъ девятнадцатый вѣкъ.
Внизу начинаются люди,
И есть наверху человѣкъ.

Его отъ души поздравляемъ...
Не нужно его называть:

Одинъ онъ — и только, мы знаемъ;
Въ немъ — Русской земли благодать.

Одинъ... За него всѣ молитвы;
Имъ внѣшняя брань перешла
Въ святыя, крестовыя битвы
Съ домашнею гидрою зла.

Проникнуты тайной нѣмою
Вокругъ него тѣни стоятъ,
И свѣтъ окружается тьмою,
И «тьма-же его не объятъ».

БѢДНЯКЪ.

О Господи! Милостивъ буди!
Лишенья меня изъѣдаютъ.
Вѣдь есть-же блаженные люди:
Въ тюрьму за долги попадаютъ.
Тѣ люди, избавясь пристойно
Отъ горькой, несносной свободы,
Подъ кровомъ тюремнымъ спокойно
Сидятъ себѣ цѣлые годы.
Даются-жъ имъ милости неба!
Ихъ кормятъ готовою пищей, —
А я-то, несчастный, безъ хлѣба
Скитаюсь — отъявленный нищій.
О всемъ, что тамъ тлѣнно и ложно,
Вдали отъ людскихъ приключеній
Имъ тамъ философствовать можно
Безъ всякихъ земныхъ развлеченій. —
Пошелъ-бы большими шагами

Подъ сѣнь я желѣзныхъ затворовъ,
Да какъ запастись мнѣ долгами
И гдѣ мнѣ добыть кредиторовъ?
Не вѣрятъ! — Какъ сердцу ни больно,
Въ займы не возьмешь ниоткуда,
И чистъ остаешься невольно...
А чистымъ быть бѣдному худо.

О Господи! Милостивъ буди!
Во всѣхъ городкахъ и столицахъ
Вѣдь есть-же счастливые люди:
Лежатъ безмятежно въ больницахъ.
Конечно — не то, что ужъ въ барствѣ,
А все-же не алчутъ, не жаждутъ;
Иные на легкомъ лекарствѣ
Живутъ, да не очень и страждутъ.
Есть пища, кровать съ одѣяломъ,
Халатъ и колпакъ есть бумажный;
Броди себѣ, зря, съ переваломъ,
Да туфлями хлопай преважно!
Не знай ни труда, ни тревоги!
Ничѣмъ тебя тамъ не заботятъ,
А ляжешь да вытянешь ноги, —
И гробъ тебѣ даромъ сколотятъ.
Изъ нищихъ великаго круга
Въ больницу пошелъ-бы я смѣло,
Такъ нѣтъ никакого недуга:
Здоровье меня одолѣло!
Не примутъ! — И вотъ, поневолѣ
По улицамъ бродишь покуда...
И видишь, что въ нищенской долѣ
Здоровымъ быть бѣдному худо.

О Господи! Милостивъ буди!
Посмотришь: иные воруютъ;

Иные способные люди
Живутъ грабежемъ да пируютъ;
Иные въ пещерѣ, въ берлогѣ
Гнѣздятся, въ лѣсъ выйдутъ и свищутъ,
И въ ночь на проѣзжей дорогѣ
Поживы отъ ближняго ищутъ:
Найдутъ, — и, въ чаду окаянства,
Пошла удалая потѣха,
Съ разгуломъ кроваваго пьянства
И съ грохотомъ адскаго смѣха.
Чѣмъ вѣкъ мнѣ бродить попрошайкой,
Съ мѣшкомъ отъ порога къ порогу,
Пошелъ-бы я съ буйною шайкой
Туда — на большую дорогу;
Пошелъ-бы гулякой веселымъ
На праздникъ, на пиръ кровопійства,
Взмахнулъ кистинемъ-бы тяжелымъ
И грянулъ-бы пѣсню убійства,
Дней жизненныхъ въ четъ или нечетъ
Сыгралъ-бы... пусть петля рѣшаетъ!..
Пошелъ-бы... да сердце перечитъ!
Сыгралъ-бы... да совѣсть мѣшаетъ!
И вотъ, — не безъ тайнаго вздоха
Сквозь слезы я вижу отсюда,
Что съ сердцемъ несчастному плохо,
Что съ совѣстью бѣдному худо

ГОЛУБЬ.

Къ милой голубкѣ въ желанный предѣлъ
Голубь, горя нетерпѣньемъ, летѣлъ,
И, утомивъ напряженныя крылья,

«Эхъ, — онъ подумалъ: — напрасны усилья:
«Воздухъ мѣшаетъ, а то бы я вмигъ
«Въ два — три размаха до цѣли достигъ!
«Воздухъ!.. Объ эту упругую жидкость
«Крыльевъ моихъ сокрушается прыткость..
«Злая преграда! — Въ желаемый край
«Мчась, безпрерывно ее разсѣкай!» —
Голубь! Не мучься безумной досадой!
Путь твой возможенъ лишь съ этой преградой;
Съ нею въ борьбѣ ты усталъ, изнемогъ,
Но безъ нея и летѣть-бы не могъ.

ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОДЪ.

Люди — дѣти, — право, дѣти.
Что ни дѣлайте, всегда
Имъ всего милѣй на свѣтѣ
Вкусъ запретнаго плода.
Человѣкъ — всегда ребенокъ;
Говоришь ему: не тронь! —
Изъ хранительныхъ пеленокъ
Все онъ тянется въ огонь.
Иногда съ нимъ просто мука:
«Дай мнѣ! Дай!» — Нельзя. Тутъ бука. —
«Цацу дай!» — Нельзя никакъ. —
Плачъ и крикъ пойдетъ. Досада!
— На, бесенокъ! На! — «Не надо.»
— Да вѣдь ты просилъ? — «Я — такъ...»

КЪ НЕЙ.

(Старая пѣсня на новый ладъ)

Къ тебѣ, кѣмъ поэта душа постоянно
Была пламенѣющей думой полна, —
Къ тебѣ, что входила въ мой стихъ безымянно,
А въ третьемъ лицѣ называлась «*она*», —
Симъ словомъ блаженства, любви, благодати,
Подчеркнутымъ въ спискѣ, курсивнымъ въ печати,
Симъ словомъ — отзвучьемъ родительскихъ дней.
Съ которымъ читатель какъ будто ошибкой
Встрѣчается нынѣ, и съ горькой улыбкой
Вздыхаетъ и думаетъ: «вотъ еще — *къ ней*!»

Да, къ ней. — Я несу поздравленіе къ милой
Съ плѣнительнымъ утромъ. Настала заря —
И южное солнце съ живительной силой
Блистаетъ надъ нами въ коронѣ Царя, —
И нашей отчизнѣ отрадна обнова
Проснувшейся мысли, воскресшаго слова,
И проблесковъ чувства и дѣйствій ума; —
Отчизнѣ, святымъ озаряемой свѣтомъ,
Пріятно воскликнуть вослѣдъ за поэтомъ:
«Да здравствуетъ разумъ! Да скроется тьма!»

Бывало, бродили въ дремотѣ безгласной,
И спали, хоть тѣломъ и двигались мы;
Считая пылинку запретной, опасной,
На лонѣ довольства тупѣли умы;
Лишь тотъ и вѣнчался мишурною честью,
Кто лакомилъ насъ доморощеной лестью; —
Но Богъ ниспослалъ намъ враговъ, — и гроза
Кровавой войны разразилась надъ нами, —

Что же? — Враги оказались друзьями.
ни намъ во многомъ открыли глаза.

ни указали намъ, въ чемъ наша сила
I въ чемъ наша слабость; при злобѣ своей
раговъ лишь открытыхъ вражда намъ открыла
овредность лукавыхъ домашнихъ друзей.
ражда указала, что былъ намъ потребенъ
вѣтъ правды — Нахимовъ, свѣтъ знанья — Тотлебенъ,
тотъ, кто чужой былъ болѣзнью здоровъ,
ль тотъ, кто здоровьемъ собрата былъ боленъ, —
ыть можетъ, остался... увы! — недоволенъ:
ы знаемъ, что мракъ — покровитель воровъ.

ь, милая: правда и знанье намъ нужны, —
за Божьихъ свѣтила, чета близнецовъ.
акъ древле потребенъ былъ двойственно-дружный
астора и Поллукса свѣтъ для пловцовъ.
ь, — знанье и правда, возвысивъ отчизну,
рошедшаго снимутъ съ нея укоризну:
е такъ ли?.. Зачѣмъ же ты сдвинула бровь,
отупила глазки! — Иль мною забыто
ще что-нибудь, безъ чего намъ закрыто
се лучшее въ мірѣ? — Да! Это — любовь!

да; — безъ любви не пойдемъ мы въ дорогу.
а, въ нѣдрахъ ея я живу и умру.
юбовь намъ нужна — къ всемогущему Богу,
ъ Царю-миротворцу, къ отчизнѣ, къ добру,
юбовь къ нашимъ ближнимъ съ живой ея силой...
ы ждешь еще... Да, — и къ тебѣ, моей милой,
юбовь да владѣетъ душею моей!
усть злая насмѣшка шипитъ, какъ эхидна, —
я... до сихъ поръ мнѣ, какъ видишь, не стыдно
юбовныхъ *стишковъ* подъ заглавіемъ: къ ней.

БОРЬБА.

Таковъ, знать, Богомъ всемогущимъ
Уставъ дань міру съ давнихъ поръ:
Всегда прошедшее съ грядущимъ
Вело тяжелый, трудный споръ;
Всегда минувшее стояло
За свой негодный, старый хламъ,
И свѣжей силы не пускало
Къ кипучимъ, жизненнымъ дѣламъ;
Всегда оно ворчало, злилось,
И пѣло пѣсню все одну,
Что было лучше встарину,
И съ этой пѣсней въ гроба валилось, —
И надъ могилами отцовъ,
Зарытыхъ бодрыми сынами,
Иная жизнь со всѣхъ концовъ
Катилась бурными волнами. —
Пусть тотъ скорѣй оставитъ свѣтъ,
Кого пугаетъ все, что ново,
Кому не въ радость, не въ привѣтъ —
Живая мысль, живое слово.
Умри, въ комъ будущаго нѣтъ!

Порой, средь общаго движенья,
Все смутно, сбивчиво, темно; —
Но не отъ мутнаго-лъ броженья
Творится свѣтлое вино?
Не жизни-ль варваръ Риму придалъ,
Когда онъ опрокинулъ Рпмъ?
Гдѣ прежде зримъ былъ мертвый идолъ,
Тамъ новый Богъ поставленъ имъ,
Тамъ рыцарь несъ креста обновы
И гибнулъ съ мыслью о крестѣ; —

Мы тоже рыцари Христовы
И крестоносцы, да не тѣ:
Подъ средневѣковое иго
Уже не клонится никто;
И хоть предъ нами та же книга,
Но въ ней читаемъ мы не то,
И новый образъ пониманья
Кладемъ на старыя сказанья. —
И нынѣ мы пошли бы въ бой,
Но не для гроба лишь пустаго,
А съ тѣмъ, чтобъ новою борьбой
Освободить христа живаго.

И НЫНѢ.

Надъ нами тѣ жъ, какъ древле, небеса, —
И также льютъ намъ благъ своихъ потоки,
И въ наши дни творятся чудеса,
И въ наши дни являются пророки.

Богъ не усталъ: Богъ шествуетъ впередъ;
Міръ борется съ враждебной силой Змія;
Тамъ — зритъ слѣпой, тамъ — мертвый востаетъ;
Исаія живъ и живъ Іеремія.

Не истощилъ Господь своихъ даровъ,
Не оскудѣлъ духовной благодатью:
Онъ все творитъ, — и библія міровъ
Не замкнута послѣднею печатью.

Кто духомъ живъ, въ комъ вѣра не мертва,
Кто *сознаетъ всю* животворность Слова,

Тотъ всюду зритъ наитье Божества
И слышитъ все, что говоритъ Егова. —

И разогнавъ кудесничества чадъ,
Въ природѣ онъ усмотритъ святость чуда,
И не распнетъ онъ Слово какъ Пилатъ,
И не предастъ онъ Слово, какъ Іуда, —

И брата онъ, какъ Каинъ, не убьетъ;
Гонимаго съ радушной лаской приметъ,
Смиреніемъ надменныхъ низведетъ,
И слабаго, и падшаго подыметъ. —

Не унывай, о малодушный родъ!
Не падайте, о племена земныя!
Богъ не усталъ: Богъ шествуетъ впередъ;
Міръ борется съ враждебной силой Змія.

ПОЗДНО.

Время шло, — время шло... Не считали мы дней;
Насъ надежда все въ даль завлекала;
Мы судили, рядили о жизни своей,
А она между тѣмъ утекала.

Вы все жить собрались, — но какъ? — былъ вопросъ.
Разгорались у насъ разговоры;
Разгорались до мукъ, разгорались до слезъ
Безконечные споры и ссоры.

Сколько свѣтлыхъ минутъ перепортили мы
Тѣмъ, что лучшихъ минутъ еще ждали,

знуряли сердца, напрягали мы
Да о будущемъ все разсуждали.

астоящему все мы кричали: иди!
Но вдругъ холодно стало, морозно...
глянулись, — и видимъ: вся жизнь — назади,
Такъ что жить-то теперь ужъ и поздно.

МОГУЩЕСТВО ПѢСНИ.

Когда нечистый, злобный духъ
Овладѣвалъ царемъ Сауломъ, —
Давидъ лелѣялъ царскій слухъ
Священной арфы стройнымъ гуломъ, —

И силу адскую смиряя
Великой пѣснію Господней,
Пѣвецъ освобождалъ царя
Отъ злаго духа преисподней.

Давно исчезли тѣ цари,
Упали храмы Соломона,
И въ прахъ низверглись алтари,
Но въ пѣсняхъ живъ пѣвецъ Сіона.

И преходя изъ рода въ родъ,
Въ вѣнцѣ молитвы и терпѣнья,
Живетъ Израильскій народъ
Библейской мощью пѣснопѣнья.

БЕЗСОННИЦА.

Полночь. — Болѣзненно, трудно мнѣ дышется.
Міръ, какъ могила, молчитъ.
Жаръ въ головѣ; изголовье колышется;
Маятникъ-сердце стучитъ.
Дума,—не дума, а что-то тяжелое
Страшно гнететъ мнѣ чело;
Что-то холодное, скользкое, голое
Тяжко на грудь мнѣ легло:
Прочь!—И какъ взползшую съ ядомъ, съ отравою,
Дерзкую, злую змѣю,
Сбросилъ, смахнулъ я рукой своей правою
Лѣвую руку свою,
Вѣжды сомкну лишь — и сердце встревожено
Мыслію: живъ или нѣтъ?
Кажется мнѣ, что на нихъ ужъ наложена
Тяжесть двухъ мѣдныхъ монетъ,
Словно покойникъ я. Смертной одышкою
Грудь захватило. Молчу.
Мнится, придавленъ я черною крышкою;
Крышку долой! Не хочу!
Вскройтесь, глаза, — и зрачки раздвигаются;
Чувствую: эти глаза
Шире становятся, въ мракъ углубляются, —
Ѣдкая льется слеза.
Ночь предо мной съ чернотою бездонною,
А надъ челомъ у меня
Тянутся въ рядъ чередой похоронною
Тѣни протекшаго дня;
Въ мрачной процессіи годы минувшіе,
Кажется, тихо идутъ:
«Вѣчная память! Блаженни уснувшіе!»
Призраки эти поютъ;

же безсонный, сжавъ персты дрожащіе
Въ знаменье Божья креста.
корбно молюсь. «Да, блаженни вы, спящіе!»
Вторятъ страдальца уста.

ЛЮБОВЬ МУЗЫКАНТА.

(Посвящено А. Г. Рубинштейну).

Царь я: всѣ звуки — мнѣ слуги покорные,
Войско державы моей.
Будь мнѣ царицей! Глаза твои черные
Царскихъ алмазовъ свѣтлѣй.
Полный мечтами и думами гордыми,
Въ бурномъ порывѣ любви
Я всколыхну громовыми аккордами
Жаркія перси твои.
Весь я проникнутъ восторгомъ и муками; —
Созданный весь изъ огня,
Я упою тебя чудными звуками:
Въ нихъ ты прочувствуй меня!
Въ страстномъ огнѣ, перерывы дыханія
Выразитъ струнъ моихъ звонъ;
Шепотъ: «люблю», и печатью лобзанія
Знойно подавленный стонъ.
Я облекусь въ торжество тріумфальное, —
И, какъ волну къ берегамъ,
Разомъ все царство мое музыкальное
Брошу къ твоимъ я ногамъ.

ЧОРТОВА БАШНЯ.

(Легенда).

Старннаго замка надъ Рейномъ рѣкой
Остался владѣтелемъ графъ молодой.
Отецъ его чтимъ былъ за доблесть въ народѣ
И палъ, подвизаясь въ крестовомъ походѣ;
Давно умерла его добрая мать; —
И юный наслѣдникъ давай пировать!

Товарищей много: чуть свисни, — гуляки
Голодною стаей бѣгутъ, какъ собаки;
Съ утра до полночи, всю ночь до утра —
Развратныя сборища, пьянство, игра...
Игра!.. Вдругъ — несчастье: графъ рвется отъ зло-
Несчастнаго рѣжутъ игральныя кости.

На ставкѣ послѣдней все, все до конца —
И замокъ, и мраморъ надъ гробомъ отца!
Графъ блѣденъ; морозъ пробѣгаетъ по кожѣ...
Тайкомъ прошепталъ онъ: «помилуй мя, Боже!» —
— Эхъ, чортъ! Помоги мнѣ! — противникъ воззв
Хлопъ кости на столъ — и хохочетъ: сорвалъ!

Остался графъ нищимъ. Скитайся, бѣдняга!
Все лопнуло. Отняты всѣ твои блага.
Ты все проигралъ. Чѣмъ заплатишь долги?
И слышится вопль его: «чортъ! помоги!»
А чортъ своихъ дѣлъ не пускаетъ въ отсрочку, —
Онъ тутъ ужъ: — чего тебѣ? — «Золота бочку».

— И только? Да что тебѣ бочка одна?
Два раза черпнешь, — доберешься до дна.

Счастливецъ ты — графъ! Ты родился въ сорочкѣ!
Не хочешь-ли каждое утро по бочкѣ?
Изволь! — Расплатиться жъ ты долженъ со мной
За это своею душонкой дрянной.

Согласенъ?—«Согласенъ. Твой адъ мнѣ не страшенъ».
— Такъ слушай: въ верху высочайшей изъ башенъ
Ты завтра же первую бочку повѣсь!
Увидишь, что мигомъ сосудъ этотъ весь
Наполнится золотомъ высшаго сорта.
Прощай же, да помни услужливость чорта! —

Контрактъ заключенъ. Графъ остался одинъ
И думаетъ: «буду-жъ я вновь господинъ!
Да только»... И дума въ немъ тяжкая бродитъ,
И къ предковъ портретамъ онъ робко подходитъ...
Святые портреты! — Изъ рамъ одного
Мать съ горькимъ упрекомъ глядитъ на него,

Какъ-будто сказать ему хочетъ: несчастный!
Ты душу обрекъ свою мукѣ ужасной! —
А онъ отвѣчаетъ: «Родная! Спаси!
У Бога прощенье ты мнѣ испроси!» —
И вдругъ вдохновеніе мысли счастливой
Зажглось у безумца въ душѣ боязливой.

На башнѣ условный сосудъ помѣщенъ,
Да только — открытый съ обѣихъ сторонъ.
Графъ думаетъ: «дѣло пойдетъ въ проволочку
Самъ чортъ не наполнитъ бездонную бочку.
Была бы лишь бочка — условье одно:
Вотъ бочка! Я только ей выломилъ дно.

И только лучъ утра надъ міромъ явился —
Надъ бочкою дождь золотой заструился,

Стучитъ и звенитъ, но проходитъ насквозь;
Чертовское дѣло не споро: хоть брось!
Однако до средняго скоро карнизу
Вся золотомъ башня наполнится снизу;

А тамъ, какъ до верхняго края дойдетъ,
Проклятымъ металломъ и бочку нальетъ.
«Эй, люди! Лопаты и грабли хватайте,
И адскія груды сметайте, сгребайте!»
Измучились люди, а ливень сильнѣй —
И башня все кверху полнѣй и полнѣй.

Трудящихся дождь металлическій ранитъ,
И звонко по черепамъ ихъ барабанитъ,
И скачетъ по ихъ окровавленнымъ лбамъ,
И прыщетъ въ глаза имъ, и бьетъ по зубамъ; —
Тѣ въ золотѣ вязнутъ, его разметая,
И давитъ и душитъ ихъ смерть золотая.

И видя успѣхъ дѣла чортова, графъ:
«Родная, спаси!» — повторилъ зарыдавъ,
Часовня откликнулась утреннимъ звономъ —
И рухнула башня и съ громомъ и стономъ.
И съ визгомъ бѣсовскимъ, — и былъ потрясенъ
Весь замокъ, а графъ вразумленъ и спасенъ.

НЕДОУМѢНІЕ.

Нѣтъ! При распрѣ духа съ тѣломъ,
Между вѣрою и знаньемъ,
Невозможно мнѣ быть цѣлымъ,
Гармоническимъ созданьемъ.

Спорныхъ силъ разорванъ властью,
Я являюсь, весь въ лоскутьяхъ,
Тамъ и здѣсь — отрывкомъ, частью, —
И теряюсь на распутьяхъ.

Полнъ заботами съ разсвѣта
О жилищѣ да о хлѣбѣ,
Слышу голосъ: «брось все это!
Помышляй о Божьемъ небѣ!»

Тамъ внушаетъ мнѣ другое
Нашихъ знаній окаянство:
Небо!.. Что оно? — Пустое
Безпредѣльное пространство.

Тамъ, быть можетъ, все нелѣпо,
Какъ и здѣсь! — А тутъ иное
Вновь я слышу: «вѣруй слѣпо
И отвергни все земное!

«Божьихъ птицъ, что въ небѣ рѣютъ,
Кормитъ Господа десница;
Птицы-жъ тѣ не жнутъ, не сѣютъ»...
Это такъ; — да я не птица.

Воробья хранитъ Всевышній;
Воробей на вѣтку сядетъ
И клюетъ чужія вишни;
Клюнь-ка смертный, скажутъ: крадетъ.

Вотъ, терплю я всѣ лишенья,
Жесткой все иду дорогой,
Дохожу до наслажденья —
Говорятъ: «грѣшно; не трогай!

«Смерть придетъ — и что здѣсь больно,
Тамъ тебѣ отрадой станетъ». —
Такъ!.. Да думаю невольно:
А какъ смерть меня обманетъ!

НЕ ДОЛГО.

Нѣтъ, — смысла жизни не постигъ,
Кто въ ней клянетъ недолготечность.
Одинъ блаженства полный мигъ
Не всю ль обхватываетъ вѣчность?

Не долго держится роса,
Блестя слезой на розѣ алой,
Но всею бездной небеса
Отражены тутъ въ каплѣ малой.

Иной цвѣтокъ живетъ лишь день,
Но онъ зато — краса природы,
А неизмѣнно черный пень
Стоитъ безчисленные годы.

ЕЛКА.

(24 декабря 1857).

Елка, дикую красу
Схоронивъ глубоко,
Глухо выросла въ лѣсу,
Отъ людей далёко.

Стволъ подъ жесткою корой,
Зелень — все иголки,
И смола слезой, слезой
Каплетъ съ бѣдной елки.

Не растетъ подъ ней цвѣтокъ,
Ягодка не спѣетъ;
Только осенью грибокъ,
Мхомъ припрытъ, — краснѣетъ.

Вотъ сочельникъ Рождества:
Елку подрубили,
И въ одежду торжества
Ярко нарядили.

Вотъ на елкѣ — свѣчекъ рядъ,
Леденецъ крученый,
Въ гроздьяхъ сочный виноградъ,
Пряникъ золоченый.

Вмигъ плодами поросли
Сумрачныя вѣтки;
Елку въ комнату внесли:
Веселитесь, дѣтки!

Вотъ игрушки вамъ! — А тутъ,
Отойдя въ сторонку,
Жду я, что-то мнѣ дадутъ, —
Старому ребенку?

Нѣтъ! Играть я негораздъ:
Годы улетѣли.
Пусть-же кто-нибудь подастъ
Мнѣ хоть вѣтку ели.

Буду я ее беречь, —
Страждущій проказникъ, —
До моихъ послѣднихъ свѣчъ,
На послѣдній праздникъ.

Къ возрожденью я иду;
Ужъ насталъ сочельникъ:
Скоро на моемъ ходу
Нуженъ будетъ ельникъ.

РАЗБИТЫЙ КУМИРЪ.

Скульпторъ, въ восторгѣ вдохновенья,
Волшебный образъ изваялъ;
Народъ, нѣмой отъ изумленья,
Предъ изваяніемъ стоялъ,
И наконецъ, главой поникнулъ
У мраморныхъ кумира ногъ,
И въ ослѣпленіи воскликнулъ,
Молясь безумно; «это — богъ!»
А вождь страны, отъ искушенья
Народъ желая отвратить,
Велѣлъ рабамъ безъ сожалѣнья
Ломами статую разбить.
Сказалъ: «да сгибнетъ изваянье!» —
И, раздробленное въ куски,
Погибло свѣтлое созданье
Скульптора творческой руки. —
И надъ обломками кумира
Поникнувъ мыслящимъ челомъ,
Стоялъ какой-то странникъ міра
Въ раздумьѣ грустномъ и нѣмомъ.

«Кто былъ преступнѣе,» — онъ мыслилъ,
Въ груди сдавивъ свой горькій плачъ: —
«Народъ, что камень богомъ числилъ,
Иль дивной статуи палачъ?»

РАЗГОВОРЪ.

«Сидырычъ! Здравствуй! Трудишься? Богъ помочь!
Какъ поживаешь?» — Здорово, Пахомычъ!
Вотъ, какъ ты видишь, живу помаленьку.
Какъ-то Богъ вашу хранитъ деревеньку? —
«Плохо, кумъ, плохо: всѣ наши товары —
Голодъ да холодъ; ихъ полны амбары.
Щей нѣтъ: водицу гнилыми сѣтями
Ловимъ въ котелъ и хлебаемъ лаптями.
Гдѣ ни посмотришь: тутъ голо, тамъ босо.
Солнце глядитъ на поля наши косо;
Нѣту отъ Божьяго неба согрѣвы,
Нѣтъ благодати на наши посѣвы.
Кумъ, разскажи-ка: вѣдь ты съ господами
Ѣздилъ въ Нѣмечину, былъ за морями? —
Тамъ, говорятъ, мужички богатѣютъ,
Косятъ, да жнутъ, а не пашутъ, не сѣютъ;
Царства тамъ мелки, царьки и подавно,
Ну, — а на счетъ прокормленія — славно!
Нашему-жъ брату вѣдь это ужъ больно,
Зависть беретъ, и поропщешь невольно.
Охъ, прогнѣвили мы Бога. Поди-же!
Солнышко, стало быть, къ Нѣмцамъ-то ближе,
Ну, — и какъ станетъ лицомъ къ нимъ, — не бокомъ,
Въ колосѣ хлѣбъ-то и множитъ припекомъ;
Спи *да лежи себѣ* только — и баста!

А урожаи самъ-сотъ, аль самъ-дваста,
Жатва самъ ужъ привалитъ къ овину.
Сидорычъ, такъ-ли?» — Да такъ — въ половину.
Всяко бываетъ. У всѣхъ своя доля.
Есть благодать и для нашего поля.
Озимъ у насъ, а у нихъ яровое —
Дѣло, Пахомычъ, и тамъ трудовое.
Нѣтъ, братъ, и тамъ не по щучью велѣнью
Жатва бываетъ; — съ проклятою лѣнью
Сытымъ не будешь; вѣдь люди — не птицы!
Глянешь: клочка тамъ нѣтъ праздной землицы, —
Все въ обработкѣ, а сбытъ, какъ по стрункѣ,
Вѣрный: туда и сюда — по чугункѣ.
Пьянствуютъ меньше; оно и не диво: —
Пьютъ они больше нѣмецкое пиво.
Если въ иномъ и не такъ мы богаты —
Сами, Пахомычъ, мы въ томъ виноваты.
Нѣмцамъ завидовать въ милостяхъ неба
Ты и не думай: — вѣдь чернаго хлѣба
Корки у нихъ я не могъ допроситься; —
Нѣтъ, да и только. А намъ обходиться
Какъ безъ него, — безъ родной своей пищи?
Небо нѣмецкое, точно, почище,
Ну, и цвѣточки тамъ гуще и краше,
Время ихъ лѣтнее лучше, чѣмъ наше.
Что говорить? — А зима-то? зима-то?
Наша земля хоть снѣжкомъ таровата,
Хватитъ морозецъ, — представить ты можешь —
Выйдешь, да въ дровни лошадку заложишь,
Ну, — и пошелъ, какъ дорожку пригладитъ;
Ихъ же край теплый, зимой и подгадитъ.
Нѣтъ ни снѣжинки. Глядишь: безобразно!
Только все сыро, дождливо да грязно.
Наша зима не далась иноземцамъ.
Ты-бъ, куманекъ, не завидовалъ нѣмцамъ

І не роптalъ-бы, когда-бы увидѣлъ,
Такъ ихъ зимой-то Господь изобидѣлъ!»

ФАНТАЗІЯ.

Нѣтъ, желанная, — жребій непреложенъ, —
І союзъ межъ нами брачный невозможенъ;
Узъ, которыя-бъ не рвались, не слабѣли,
Для чего намъ не дано отъ колыбели?
Если-бъ ты была мнѣ близкою родною,
Если-бъ ты была мнѣ милою сестрою,
Мы-бы жили подъ однимъ домашнимъ кровомъ, —
І никто-бъ насъ не задѣлъ недобрымъ словомъ,
І къ тебѣ я, при блаженномъ, вѣчномъ «вмѣстѣ»,
Былъ бы нѣженъ, какъ женихъ къ своей невѣстѣ. —

А когда-бъ ты на другаго указала,
І «хочу его женою быть» сказала, —
І-бъ желанью твоему не прекословилъ
І приданое немедля приготовилъ:
Крупный жемчугъ изъ очей моихъ бы выпалъ,
Пейку-бъ нѣжную тебѣ я имъ осыпалъ:
Вотъ, — сказалъ-бы я: — на свадьбу, на веселье
Отъ меня тебѣ подарокъ — ожерелье!
Съ бѣлымъ ручкамъ, съ ихъ волшебными перстами,
І прильнулъ-бы помертвѣлыми устами;
Эти пальцы и до локтя эти руки
Поцѣлуями покрылъ-бы при разлукѣ,
І промолвилъ-бы: «возьми, сестра, для счастья
Скудный даръ мой, — эти перстни и запястья!
Извини, что бѣднякомъ тебѣ надѣты
Не иные *многоцѣнные* браслеты!» —

И потомъ, моею грустію святою
Осѣнивъ тебя, какъ брачною фатою,
Я бы, молча, на веселый пиръ вѣнчальный
Проводилъ тебя улыбкою печальной,
И остались-бы въ удѣлъ мнѣ безъ сестрицы —
Домикъ темный да сажень сырой землицы:
Не забудь, сестра, отпраздновавши свадьбу,
Навѣстить мою послѣднюю усадьбу!

ОТПЛАТА.

Красотѣ, въ угожденьяхъ безплодныхъ,
Посвящая мой страстный напѣвъ,
Много пѣлъ я красавицъ холодныхъ,
Много пѣлъ я безчувственныхъ дѣвъ.
Для тебя-жъ не слагалъ я ни строчки, —
Если-жъ началъ-бы славить тебя,
Вмѣсто словъ, я однѣ только точки
Все-бы ставилъ, безмолвно любя.
Между тѣмъ ты одна изъ прелестныхъ
На землѣ, гдѣ все горе да трудъ,
Подарила мнѣ искры небесныхъ,
Золотыхъ, незабвенныхъ минутъ.
Чтожъ? Какія мои воздаянья?
Не отраду тебѣ я принесъ,
Но какъ жрецъ при святынѣ страданья
Посвятилъ тебя въ таинство слезъ.
Ты мнѣ къ счастію путь указала,
Но — увы! — я не могъ имъ итти.
На привѣтъ, гдѣ ты «здравствуй» сказала,
Я печально отвѣтилъ: «прости».
Передъ нами могила розлуки....

Да, прости! — Съ этимъ словомъ должны
Оборваться всѣ стройные звуки,
Всѣ оккорды блаженства и муки
Стономъ лопнувшей въ сердцѣ струны.

УПОЕНІЕ.

Взоромъ твоимъ я утѣшенъ,
Жадно смотрю тебѣ въ очи;
Съ блескомъ полудня въ нихъ смѣшанъ
Мракъ соблазнительной ночи.
Пью и блаженство и муку,
Слушая дѣтскій твой лепетъ;
Страстно схвативъ твою руку,
Чувствую жаръ я и трепетъ;
Вырваться сердце готово;
Грудь и томится и млѣетъ;
Хочется вымолвить слово:
Сохнетъ языкъ и нѣмѣетъ.
Нѣту ни воли, ни силы!
Нѣтъ ни мольбы, ни заклятій!
Мертвый — хочу изъ могилы
Кинуться въ пламень объятій.

УЗЕУМѢ СКУЛЬПТУРНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ.

Вы здѣсь, мои возлюбленные боги!
старики, — сатиры козлоноги
и юныя! — Виновникъ нѣжныхъ мукъ —

Амуръ, — мальчишка здѣсь, прищурясь, держитъ лукъ
И вѣрною стрѣлой мнѣ прямо въ сердце мѣтитъ, —
Да нѣтъ, братъ, опоздалъ: грудь каменную встрѣтитъ
Стрѣла твоя; шалишь!.. надъ сердцемъ старика
Безсильна власть твоя. Смѣюсь изподтишка.
Коварнымъ замысламъ. — А, это ты — Венера!
Какая стройность формъ, гармонія и мѣра!
Изъ рукъ божественныхъ одною грудь прикрывъ,
Другую, наискось въ полтѣла опустивъ,
Стоишь, богиня, ты — свѣтла, луннообразна,
И дышишь въ мраморѣ всей роскошью соблазна; —
А тамъ — въ углу, въ тѣни — полуземной уродъ,
Любуется тобой, скрививъ беззубый ротъ,
А позади тебя, съ подглядкой плутоватой,
Присѣлъ на корточки повѣса — фавнъ мохнатый.
А тутъ, крылатые, въ гирлянду сплетены
Малютки, мальчики, плутишки, шалуны:
Побочные сынки! прелюбодѣйства крошки!
Рученки пухлыя и скорченныя ножки,
Заброшенныя вверхъ? — Задумчиво поникъ
Здѣсь цѣломудрія богини важный ликъ;
Смотрю и думаю, — и все сомнѣнья болѣ:
Не зависть-ли ужъ тутъ! не дѣвство-ль поневолѣ!..
Вотъ нимфы разныя отъ Пиндовыхъ вершинъ:
Та выгнутой рукой склоняетъ свой кувшинъ
И льетъ незримую, божественную влагу; —
Та силится бѣжать — и замерзла... ни шагу!
Страсть догнало, ее... Противиться нельзя!
Покровы падаютъ, съ плеча ея скользя, —
И разъясняются послѣднія загадки, —
И мягки, нѣжны такъ одеждъ упавшихъ складки,
Что ощупью руку провѣрить я хочу,
Не горный ли виссонъ перстами захвачу:
Касаюсь: камень, — да!.. Нѣтъ, все еще немножко
Сомнительно. — А какъ прелесна эта ножка!

знулся до нея, да страхъ меня беретъ...

. . . . . .

гъ — вижу — Геркулесъ! Надулись мышцы, жилы;
дъята палица... Я трусъ; громадной силы
ось; я тощъ и слабъ, — и такъ прощай, силачъ,
зи Немейскихъ львовъ! А я вприпрыжку, вскачь
ёшу къ другимъ. Прощай? — А! Вотъ гдѣ, — вотъ приманка!..

адчайшимъ, крѣпкимъ сномъ покоится Вакханка;
дъ тяжесть головы, сронившей вязь вѣнка,
упругой полнотѣ закинута рука;
разбросѣ волосы объемлютъ выгибъ шеи
падаютъ на грудь, какъ вьющіяся змѣи;
къ въ чувственности здѣсь ваятель сталъ высокъ!
ѣ въ мраморѣ сквозитъ и кровь и гроздій сокъ. —
вотъ стоятъ въ кускахъ, но и въ кускахъ велики,
щенной пылью лѣтъ подернуты антики:
ивѣтъ вамъ, ветхіе! — Кто-жъ это, — кто такой
итъ безъ головы съ отшибенной рукой?
ѣхъ чуть держатся испорченныя ноги;
ъ — только торсъ одинъ. — Изломанные боги!
сходны участью: я также изможденъ,
шибенъ страстью и въ членахъ поврежденъ;
есть и разница великая межъ нами:
восхищаются и въ переломкѣ *) вами,
да, какъ мнѣ, — увы! — сужденъ другой удѣлъ:
любовались мной, когда я былъ и цѣлъ.

ты, Юпитеръ, здѣсь. Проказникъ! Шутъ — потѣшникъ!
орово, старый богъ! Здорово, старый грѣшникъ!
орово, старый чортъ! — Ишь, какъ еще могучъ
аринный двигатель молніеносныхъ тучъ!
отникъ, лакомый до этихъ нимфъ прелестныхъ!

---

*) Сломанными.

Любилъ земное ты и въ существахъ небесныхъ.
Досель еще на нихъ ты мечешь жадный взглядъ.
Я знаю: ты во все былъ превращаться радъ
Для милыхъ — въ лебедя, что вѣрно помнитъ Леда,
Гдѣ надо — въ юношу, въ орла — для Ганимеда,
И высунувъ рога и утучнивъ бока,
Влюбленный, ты мычалъ и въ образѣ быка,
Безстыдникъ! Посмотри: одинъ сатиръ нескрытно
Смѣется надъ тобой такъ сладко, аппетитно,
(Забыто, что въ рукахъ властителя — гроза),
Смѣется онъ; его прищурились глаза
И расплылись черты такъ влажно, шаловливо, —
Въ морщинкѣ каждой смѣхъ гнѣздится такъ игриво,
Что каждый разъ къ нему едва оборочусь, —
Я громко, отъ души, невольно засмѣюсь.
Но — мнѣ пора домой; усталъ я, ноютъ ноги...
Какъ съ вами весело, о мраморные боги!

И. А. ГОНЧАРОВУ.

Недавно, странникъ кругосвѣтный,
Ты много, много мнѣ чудесъ
Представилъ въ грамоткѣ привѣтной
Изъ-подъ тропическихъ небесъ.
Все отразилось подъ размахомъ
Разумно-ловкаго пера:
Со всею прелестью и страхомъ
Блестящихъ волнъ морскихъ игра,
Востока пурпуръ и заката,
И звѣздъ брильянтовая пыль,
И въ парусъ вѣянья пассата,
И всемертвящій знойный штиль,

Всѣ переломы, перегибы
И краски пышныхъ облаковъ,
И птичій взлетъ летучій рыбы,
И бытъ пролетный моряковъ.
За эти очерки въ отплату
Хотѣлъ бы я, свой кончивъ путь
И возвратясь теперь, собрату
Представить также что-нибудь.
Оставивъ невскую столицу,
Я тоже съѣздилъ за границу: —
Но, тронувъ море лишь слегка,
Я, какъ медвѣдь гиперборейской,
Чужой средь сферы европейской,
Да все смотрѣлъ издалека.
Я видѣлъ старыя громады
Альпійскихъ горъ во весь ихъ ростъ,
Въ странахъ заоблачныхъ каскады,
И Сен-Готардъ, и чортовъ мостъ.
Кому же новость — эти горы?
Я видѣлъ ихъ картинный строй,
Уступы, выступы, упоры;
Чрезъ цѣлый горизонтъ, порой,
Игрой всѣхъ красокъ тѣша взоры,
Тянулись въ блескѣ ихъ узоры,
Какъ-будто въ небѣ пиръ горой...
Но что сказать о нихъ? Спокойны
На лонѣ хладной высоты,
Въ вѣнцѣ снѣговъ, онѣ достойны
Благоговѣйной нѣмоты.
Къ сравненьямъ мысли простираю, —
Но что мнѣ взять въ подобье имъ —
Предъ тѣмъ, кто, бурями носимъ,
Ходилъ въ моряхъ отъ края къ краю?
Я соблазняюсь — и дерзаю
Прибѣгнуть къ образамъ морскимъ:

Гора съ горой въ размѣрахъ споря
И снѣжной пѣнясь бѣлизной,
Вдали являлась предо мной
Въ твердыню сжавшагося моря
Окаменѣлою волной,
Какъ будто, ярой мощи полны,
Всплеснулись къ небу эти волны,
И поглощая прахъ и пыль,
Сквозь тучи хлынувъ въ высь лазури,
Оцѣпенѣли чада бури;
И вдругъ сковалъ ихъ вѣчный штиль,
И не успѣвъ упасть, нависли
Въ пространствѣ, — надъ скалой скала
И надъ горой гора, какъ мысли,
Какъ тѣни Божьяго чела.

ПОДРАЖАНІЕ ПСАЛМУ LXXXI.

И Богъ возсѣдѣ передъ сонмомъ боговъ,
И грозно ихъ въ высшемъ судилищѣ судитъ:
«Доколѣ, о боги, нечестіе будетъ
«Творить изъ васъ правды Господней враговъ?
«Доколѣ, о боги — земные кумиры,
«Отъ васъ будутъ плакать и нищій и сирый?
«Меня ты не понялъ, сонмъ грѣшный. Внемли!
«Гряду потрясти я основы земли.
«Всѣ боги вы: азъ же есмь Сущій во вѣки.
«Всякъ божьяго сына въ самомъ себѣ зри!
«Но всѣ вы умрете, какъ мруть человѣки;
«Низвергнитесь въ прахъ, какъ съ престоловъ цари». —
Грядя же, суди насъ, отъ вѣчности Сущій,
Надъ всѣми народами Царь всемогущій!

ЛЮЦЕРНЪ.

Дыша безмятежно и мѣрно,
Храня свѣтло-зеркальный видъ,
Подъ сѣнію башенъ Люцерна
Зеленое озеро спитъ.
Блестятъ его струекъ узоры,
Свѣтла его мелкая рябь,
И нѣжитъ и радуетъ взоры
Его изумрудная хлябь, —
И складки такъ тонко рядами
Бѣгутъ по утоку воды,
Какъ будто бы ангелъ перстами
Ведетъ этихъ складокъ ряды; —
И крытые дымкой тумана
При озерѣ этомъ стоятъ
Два крѣпкихъ земныхъ великана;
То — Риги-гора и Пилатъ.
Межь ними, въ пучину эѳира,
Въ его лучезарную высь
Громады альпійскаго міра
Могучей семьей вознеслись.
Та, — острой подобная крышѣ,
Та, — словно съ аркадами мостъ.
Идутъ онѣ выше и выше,
Какъ будто на споръ въ перерость,
И гнутыхъ и ломаныхъ линій
Волшебный, картинный нарѣзъ
Подходитъ въ дали темносиней
Подъ куполъ бездонныхъ небесъ.
Чѣмъ дальше, тѣмъ больше означенъ
Ихъ очеркъ; ихъ дымчатый видъ
Чѣмъ дальше, тѣмъ больше прозраченъ
И съ *небомъ* загадочно слитъ.

Иныя, средь гордаго взбѣга
Сіяя денницы въ лучахъ,
Покровы изъ вѣчнаго снѣга
Несутъ на широкихъ плечахъ, —
И снѣгъ такъ легко разметался,
Такъ бережно легъ на хребты,
Какъ будто измять ихъ боялся
Святыхъ изваяній черты.
А тѣ — облаками пушатся
И дымно парятъ въ вышинѣ,
Какъ будто кадильно курятся
Въ безмолвной молитвѣ онѣ. —
И съ ними молюсь я умильно,
И съ ними тону въ небесахъ,
И крупныя слезы обильно
Въ моихъ накипаютъ глазахъ.
Для чувства ищу выраженій
И словъ... Но одѣтый въ лучи
Природы невидимый геній
Мнѣ шепчетъ: не порти! молчи!

ГОРНАЯ ДОРОГА.

Что за дымъ клубящійся тутъ бродитъ
Ощупью по каменнымъ твердынямъ?
Гдѣ тотъ горнъ, откуда онъ исходитъ —
Въ дольней мглѣ, иль въ небѣ темносинемъ?

Чѣмъ покрыты страшныхъ стѣнъ раскаты
Тамъ — вдали? Какими пеленами?
Словно пухъ лебяжій, неизмятый,
Пышно легъ, надъ этими стѣнами.

Объясните, что́ все это значитъ?
По уступамъ, съ бѣшеною прытью,
Серебро расплавленное скачетъ,
Тянется тесьмою или нитью,
Прыщетъ, рвется, прячется, — и снова
Раздвоясь и растроясь, готово
Прядать, падать, зарываться въ глыбахъ
И сверкать въ изломахъ и въ изгибахъ.

Что за лента между массъ гранита
Снизу вверхъ и сверху внизъ извита,
И, вращаясь винтовымъ извивомъ,
Стелется отлого по обрывамъ?

Нѣтъ! Не грозныхъ цитаделей крѣпи
Предо мною: это — альповъ цѣпи. —
То не стѣнъ, не башенъ рядъ зубчатыхъ;
Это — скалы въ ихъ вѣнцахъ косматыхъ.
То не рвы, а дикія ущелья,
Рытвины, овраги, подземелья,
Гдѣ нѣтъ входа для лучей денницы.
То пещеры, гроты, — не бойницы.

То не дымъ мнѣ видится летучій:
То клубятся дымчатыя тучи, —
Облака, что идутъ черезъ горы,
И какъ будто ищутъ въ нихъ опоры,
И прижавшись къ вѣковымъ утесамъ,
Лѣпятся по скатамъ и откосамъ.

То не пухъ — постелей нашихъ нѣга:
Это — слой нетоптаннаго снѣга;
Цѣлую тамъ вѣчность онъ не таетъ;
Вскользь по немъ лучъ солнца пролетаетъ,

Лишь себя прохладой освѣжая
И теплом тотъ снѣгъ не обижая.
Не сребро здѣсь бьетъ черезъ громады,
Разсыпаясь: это — водопады.

То не лента вьется такъ отлого
По стремнинамъ грознымъ, а дорога.

ЧОРТОВЪ МОСТЪ

Страшно! Небо мглой объято
И скала скалу гнететъ.
Межъ скалами круто сжата
Хлещетъ пѣна водоската,
Прыщетъ, воетъ и реветъ.
Вѣтеръ рветъ въ лоскутья ризу,
Что туманъ горамъ соткалъ; —
Я лѣплюсь по ихъ карнизу,
Тучи съ верху, тучи съ низу,
Съ верху, съ низу — ребра скалъ.
Муза! Дай мнѣ голосъ барда —
Голосъ въ Божью высоту!
Я безъ крылъ здѣсь налету:
Я — на высяхъ Сен-Готарда,
Я — на Чертовомъ мосту.

РАЗГОВОРЪ НА ЧУЖБИНѢ.

«Молви, ты откуда,
Добрый чужестранецъ?»

Говоритъ дѣвица —
Вся огонь-румянецъ.

— Съ сѣвера, голубка,
Съ сѣвера, дѣвица, —
Отвѣчаетъ странникъ:
— Тамъ моя землица. —

— «А! такъ ты оттуда,
Гдѣ все дико, скудно,
Гдѣ конецъ ужъ свѣту,
И гдѣ жить такъ трудно.

Разскажи: тамъ въ полѣ
Травка зеленѣетъ?
Солнышко тамъ свѣтитъ?
Красное тамъ грѣетъ?»

— Да, бываетъ, лѣтомъ, —
Даже такъ, что любо,
А зимой, извѣстно,
Печь нужна да шуба.

А къ тому-жь въ томъ царствѣ,
Средь зимы и лѣта,
Добрый Царь — источникъ
Теплоты и свѣта. —

«Есть тамъ небо, горы?
Нивъ не губитъ холодъ?
Въ томъ краю суровомъ
Не томитъ васъ голодъ?»

— Горъ такихъ тамъ нѣтъ;
Нѣтъ такого неба;

Впрочемъ, къ вамъ нерѣдко
Шлемъ мы горы хлѣба. —

— «А цвѣты, деревья,
Фрукты золотые?...
Молви, чужеземецъ,
Есть-ли? И какіе?»

— И цвѣты есть тоже:
Въ полѣ есть шиповникъ,
А въ саду что хочешь,
Коль уменъ садовникъ.

Есть въ лѣсахъ дремучихъ
Дубы, сосны, ели;
Въ городахъ, въ столицѣ
Мы не безъ камелій.

Огурцовъ, моркови
Урожай немалой,
И подснѣжной клюквы
И брусники алой. —

— «Въ городахъ-то вашихъ,
Носятся здѣсь толки,
Будто-бы медвѣди
Водятся и волки.»

— Водятся да только
Нѣтъ отъ нихъ тревоги:
Вѣдь они, какъ ваши,
Чинны и двуноги;

Наносить не смѣютъ
Намъ ни язвъ, ни боли:

Царь съ своей управой
Не даетъ имъ воли. —

— «А скажи-ка, правда-ль?
Слухи здѣсь несутся,
Будто въ вашемъ царствѣ
Люди продаются?».

— Да, оно бывало.
Только Царь не хочетъ,
Чтобъ впередъ то было;
Самъ о томъ хлопочетъ. —

— «Ну, а что жь бояре?
Чай, инымъ не любо?»
— Да, чей разумъ теменъ,
Да чье сердце грубо.

Сыщется бояринъ
И такого рода;
Насъ семья большая:
Тутъ не безъ урода. —

— «Много-ль тамъ пригожихъ,
Много-ли приглядныхъ,
Милыхъ горожанокъ
Пышныхъ и нарядныхъ?»

— Есть у насъ такія
Съ бѣлой, нѣжной шейкой;
Съ огонькомъ есть глазки,
Есть и кудри змѣйкой.

Есть дѣвицы, дамы,
Лавки, магазины;

Есть мантильи, шляпки,
Есть и кринолины. —

— «Неужели также
Люди тамъ незлобны,
И мужчины ваши
Къ нѣжности способны?

Дѣвушекъ лелѣютъ?
Милыхъ тамъ голубятъ?
Любятъ ихъ». — А какъ-же?
Любятъ, очень любятъ.

Ловкость и смазливость
Были-бъ только ярки —
Кутаютъ ихъ въ шали,
Сыплютъ имъ подарки;

Изъ простаго званья
Многихъ благородятъ;
Прачекъ и кухарокъ
Въ барыни выводятъ, —

И потомъ — кареты,
Въ галунахъ лакеи,
Балы и спектакли,
Словомъ, — всѣ затѣи. —

«Вотъ о вашемъ краѣ
Какъ толкуютъ ложно!
И у васъ, я вижу,
Жить безъ горя можно».

НОЧЬЮ.

Ночь темна и тепла;
Благодатная мгла
На долины легла.

Горы въ дымкѣ ночной
Возстаютъ предо мной
Необъятной стѣной.

Вышина! Тишина!
Люди... Ночь ихъ полна
Обояніемъ сна.

Но гдѣ шумъ ихъ заглохъ —
Принимаютъ мой вздохъ
И природа и Богъ.

УТРОМЪ.

Солнечный свѣтъ, какъ сквозь сито просѣянъ,
Сыплется мелко сквозь частыя вѣтки,
И на тропинку мнѣ падаютъ съ неба
Свѣтлыя сѣтки и темныя сѣтки:
Словно опутанъ, иду я. Прохладно.
Въ чащѣ сокрытая птичка щебечетъ,
И ручеекъ черезъ камешки змѣйкой
Вьется и шепотно что-то лепечетъ.
Какъ хорошо тутъ! Отрадная свѣжесть
Льется и въ грудь мнѣ и, кажется, въ душу...
Такъ и боюсь я, что грѣшнымъ дыханьемъ
Чистаго утра святыню нарушу.

ПОСЛѢ.

То на горѣ, то въ долинѣ,
Часомъ на палубѣ въ морѣ,
Весело мнѣ на чужбинѣ,
Любо гулять на просторѣ.
Послѣ-жъ веселья чужбины,
Радостей суши и моря —
Дайте родной мнѣ кручины!
Дайте родимаго горя!

ЧЕЛОВѢЧЕСТВО.

Исторія раскрыта предо мной.
Мнѣ говорятъ: взгляни на эту панораму! —
И я къ ней подошелъ, какъ бы къ святому храму,
Съ благоговѣйною душой, —
И думалъ видѣть я, какъ люди въ вѣкъ изъ вѣка,
Въ разнообразіи племенъ,
Идутъ по лѣстницѣ временъ
Къ предназначенью человѣка.
И думалъ видѣть я, какъ человѣкъ растетъ,
Какъ благо высится, стирается злодѣйство,
И человѣчество со всѣхъ сторонъ идетъ,
Чтобъ слиться наконецъ въ блаженное семейство.

И чтоже вижу я? — Отъ самыхъ юныхъ дней
Донынѣ, въ ярости своей,
Все тотъ же мощный духъ, духъ зла — міровладыка
И тотъ же пиръ для кровопійцъ.

Къ началу восхожу: тамъ во главѣ убійцъ
Стоитъ братоубійца — Каинъ;
Нависла бровь его и жилы напряглись,
Рука тяжелая подъята,
Чело темно, какъ ночь, и въ сонный образъ брата
Съ кровавой жадностью зрачки его впились; —
Быстробѣгущій тигръ, при этомъ выгнувъ спину,
Изъ лѣсу выглянулъ, остановилъ свой бѣгъ,
И выкатилъ глаза на страшную картину —
И радъ, что онъ — не человѣкъ!

И съ той поры всемірное пространство
Багрится кровію, враждуютъ племена, —
И съ той поры, — война, война,
И Каинство, и окаянство,
Война за женщину, за лоскутокъ земли;
Война за бархатную тряпку,
Война за золотую шапку,
За блестку яркую, отрытую въ пыли,
И — чтобъ безумія всю переполнить мѣру —
Война за мысль, за мнѣніе, за вѣру,
За дѣло совѣсти, — война изъ вѣка въ вѣкъ!
О тигръ! Возрадуйся, что ты — не человѣкъ!

ДОБРЫЙ СОВѢТЪ.

Что тутъ думать? Покоряйся,
Лиза, участи своей!
Время дорого: рѣшайся
Выйти замужъ поскорѣй!

Благо, есть женихъ маститый.
Старымъ смотритъ онъ хрычомъ;

Онъ подагрикъ знаменитый
И разбитъ параличомъ.

Онъ восторгамъ не научитъ,
Но, по-старчески любя,
Вѣдь не долго жь онъ помучитъ
Дряхлой нѣжностью тебя.

А пока на ладонъ дышетъ,
Скорченъ жизненнымъ трудомъ,
Въ даръ тебѣ онъ свой запишетъ
Трехъ-этажный славный домъ.

Ты жь свой жаръ, которымъ пышешь,
Въ благодарность обратя,
Въ даръ ему свое запишешь
Богомъ данное дитя.

И старанья, и участья
Твоего пріемля плодъ,
Онъ отъ радости и счастья
Къ разрушенью вмигъ пойдетъ, —

И умретъ, оставивъ пряжку —
Знакъ служебной чистоты,
И за мертваго бѣдняжку
Пенсіонъ получишь ты. —

И за сборной колесницей
Ты пойдешь — хвала Творцу! —
Интересною вдовицей:
Трауръ такъ тебѣ къ лицу!

ВСЕ ЛЮДИ.

Все люди, люди, человѣки!
А между тѣмъ и въ нашемъ вѣкѣ,
Въ широкой сферѣ естества,
Иной жилецъ земли пространной,
Подчасъ является намъ странной,
Ходячей массой вещества.
Проводишь въ наблюденьяхъ годы
И все не знаешь, какъ разсчесть:
Къ которому изъ царствъ природы
Такого барина отнесть?
Тутъ есть и минерала плотность,
И есть растительность — въ чинахъ,
И въ разныхъ дѣйствіяхъ — животность,
И человѣчность — въ галунахъ.
Не видно въ немъ самосознанья;
Онъ только внѣшность сознаетъ:
Съ сознаньемъ чина, мѣста, знанья
Онъ смотритъ, ходитъ, ѣстъ и пьетъ.
Слова онъ внятно произноситъ,
А въ словѣ мысли нѣтъ живой, —
И надъ плечами что-то носитъ,
Что называютъ «головой»,
И даже врачъ его клянется
Въ томъ честью знанья своего,
Что нѣчто въ родѣ сердца бьется
Межъ бляхъ подгрудныхъ у него,
Что все въ немъ съ человѣкомъ схоже...
А мы, друзья мои, вздохнемъ
И грустно молвимъ: Боже! Боже!
Какъ мало человѣка въ немъ!

17 АПРѢЛЯ 1859.

Въ золотыхъ лучахъ апрѣля
Нынѣ двойственно-свѣтла
Пасхи свѣтлая недѣля,
Царскій празлникъ принесла.

Звонъ мы слышимъ тріумфальныій,
И веселіемъ горя
На седмицѣ зримъ пасхальной
День рожденія Царя. —

И въ обновы дорогія
Наряжая свой народъ,
Обновленная Россія
Поздравлять его идетъ.

Стерлись ада навожденья.
Русь! Ликуетъ твой Сіонъ.
Се: съ тобою въ день рожденья
Похристосовался Онъ.

И торжественно включился
Кликъ земной нашъ въ кликъ небесъ, —
Русскій кликъ нашъ: «Царь родился»
Въ горній кликъ: «*Христосъ воскресъ*».

Тотъ воскресъ — и міръ юдольный
Поднялъ, *смертью смерть поправъ*;
Сей вступилъ въ свой міръ престольный,
Жизнью къ жизни насъ поднявъ.

Тотъ *животъ* далъ въ гробѣ сущимъ
И съ креста далъ свѣтъ гробамъ;

Сей, давъ отдыхъ крестъ несущимъ,
Стать людьми велѣлъ рабамъ.

СВѢТЛЫЯ НОЧИ.

Не все-то на сѣверѣ худо,
Не все на родномъ некрасиво:
Нѣтъ! Ночь наша майская — чудо!
Іюньскся свѣтлая — диво!

Любуйтесь, безсонныя очи!
Впивайтесь всей жадностью взгляда
Въ красу этой сѣверной ночи!
Ни звѣздъ, ни луны тутъ не надо.

Ужъ небо заря захватила,
И алыя ленты выводитъ,
И, кажется, ночь наступила,
И день между тѣмъ не проходитъ.

Нѣтъ, онъ остается, да только
Не въ прежнемъ пылающемъ видѣ:
Не душенъ, не жгучъ, и нисколько
Земля отъ него не въ обидѣ.

Онъ долго широкимъ разгаромъ
Въ вѣнцѣ золотомъ горячился,
Да видно ужъ собственнымъ жаромъ
И самъ наконецъ утомился.

Не стало горячему мочи:
Онъ снялъ свой вѣнецъ, распахнулся,

И въ ванну прохладную ночи
Всѣмъ свѣтомъ своимъ окунулся, —

И стало не ярко, не мрачно,
Не день и не темень ночная,
А что-то, въ чемъ смугло-прозрачно
Сквозитъ красота неземная.

При свѣтѣ, проникнутомъ тѣнью,
При тѣни, пронизанной свѣтомъ,
Волшебному въ грезахъ видѣнью
Подобенъ предметъ за предметомъ.

Весь міръ, отъ *вчера* на *сегодня*
Вскрывъ дверь и раскинувъ ступени,
Стоитъ, какъ чертога Господня,
Сквозныя хрустальныя сѣни. —

ОБРАЗЕЦЪ СМИРЕНІЯ.

Боже! Какъ безумна гордость человѣка!
«Для меня все въ мірѣ отъ начала вѣка», —
Онъ сказалъ когда-то съ дерзостью незнанья:
«Царь я всей природы; я — вѣнецъ созданья,
Средь свѣтилъ небесныхъ, средь пучинъ эѳира
Я стою съ землею въ средоточьѣ міра.
Вкругъ меня вертится отъ зимы до лѣта
Солнце, — мой источникъ теплоты и свѣта.
Тамъ — луна, — фонарь мой, звѣздочки-лампадки —
Свѣтятъ, чтобъ все было у меня въ порядкѣ». —
Лжешь, гордецъ безумный! Лжешь, глупецъ надменной!
Самъ съ своей землею въ уголку вселенной,

Глядя только въ щелку узкаго оконца,
Кубаремъ кружишься около ты солнца;
Съ солнцемъ вдаль несешься — и не знаешь, гдѣ ты;
Призраки лишь только видишь, — не предметы,
Лунный шаръ,—твой спутникъ, а тѣхъ звѣздъ лампады —
Океаны свѣта, странныя громады,
При которыхъ весь твой міръ въ его убранствѣ —
Жалкая пылинка въ міровомъ пространствѣ...

ГДѢ ОНЪ?

(Посв. Пл. Ал. Кускову).

Нейдетъ онъ. Не видимъ мы юнаго друга.
Исчезъ онъ, пропалъ онъ изъ нашего круга.
Кручинитъ насъ долгимъ отсутствіемъ онъ,
Грѣшитъ, но увидимъ, ризсѣявъ кручину,
Грѣха молодаго святую причину:
Онъ вѣрно влюбленъ.

Куда-бъ ни пошелъ онъ, — неловко откинетъ
Страдальца *туда*, словно вихремъ, — и хлынетъ
Въ тотъ берегъ завѣтный крутая волна,
Гдѣ свѣтитъ предметъ его думъ и напѣва,
Предметъ встарину называвшійся *дѣва*
Иль просто — *она*.

Слова ея устъ онъ по-своему слышитъ
И послѣ своей ненаглядной припишетъ,
Что самъ изъ души онъ исторгнетъ своей,
Самъ скажетъ себѣ, что мечта сотворила
И думаетъ: это она говорила!
Душа его въ ней.

И къ ней относя всѣ созвучія Гейне:
«Die Kleine, die Feine, die Reine, die Eine»,
На ней отражаетъ свой собственный свѣтъ
Не сами собою намъ милыя милы, —
Нѣтъ! Это — явленіе творческой силы!
Въ насъ сердце — поэтъ.

ТЫ МНѢ ВСЕ.

Воздуха чистаго въ легкомъ дыханіи
Мнѣ твоей поступи, вѣянье слышится;
На морѣ, бѣлой волны въ колыханіи
Все мнѣ волна твоихъ персей колышется;
Тополя стройнаго въ лиственномъ шелестѣ
Чудится шопотъ твой нѣжный, таинственный
Въ цѣлой природѣ твои только прелести
Я созерцаю, о другъ мой единственный.
Ты, — мое сердце въ полуднѣ высокое,
Мѣсяцъ серебряный, звѣздочка скромная;
Ты, — моя радость и горе глубокое,
День мой блестящій и ночь моя темная.

МНѢ ЖАЛЬ.

Когда срываютъ розу, —
Мнѣ жаль: зачѣмъ срываютъ?
Зачѣмъ цвѣтокъ прекрасный
Отъ корня отдѣляютъ?
Еще-бъ, быть можетъ, долго

Въ ряду цвѣтовъ блестящихъ
Она благоухала
Для многихъ проходящихъ!

Когда жъ случайно вижу,
Что жизнь ея засохла,
И роза та на корнѣ
Завяла и засохла,
Мнѣ жаль зачѣмъ напрасно
Цвѣтку поблекнуть дали,
И въ возрастѣ цвѣтущемъ
Той розы не сорвали?

ПОДРАЖАНІЕ ИСПАНСКОМУ.

Только-бъ ты, кого такъ пылко
Я люблю, была со мной,
Ты да хересу бутылка,
Ты да конь мой вороной,
Ты да добрая сигара.
Ты да мѣткое ружье,
Ты да звонкая гитара —
Вотъ все счастіе мое!

Легкимъ станомъ, ножкой ловкой
Ты мнѣ гибельно-мила;
Ты глядишь такой плутовкой,
Что съ ума меня свела.
Взвейся-жъ выше въ вихрѣ пляски,
Въ позѣ нѣги и любви,
И хоть только до подвязки
Видѣть ножки дай свои!

НЕ ТОТЪ.

Не тотъ святитель настоящій
И добрый пастырь стадъ земныхъ
Кто носитъ ризъ покровъ блестящій
Да митру въ камняхъ дорогихъ.

Кто проклинаетъ жизнь людскую,
А самъ тельцу служить готовъ,
Свой любитъ санъ и честь мірскую
И преклоненіе головъ;.—

Но тотъ; кто саномъ незамѣтный,
Проклятьемъ не разя нашъ слухъ,
Огнемъ любви новозавѣтной
Скорбящихъ возвышаетъ духъ.

Чья жизнь — не ветошь, но обнова,
Кто сердцемъ понялъ смыслъ Креста,
И въ сокѣ мысли, въ пищѣ слова
Даетъ намъ кровь и плоть Христа.

РИѲМОПЛЕТЪ.

Друзья! Средь жизненнаго поля
Своя у всякаго судьба,
И риѳмоплетствовать — есть доля
Инаго божьяго раба.

Друзья! Вы — люди дѣловые:
Я-жъ въ дѣлѣ чуть не идіотъ;

Вы просто — мудрецы земные,
А я, — я только рифмоплетъ.

Пишу стихи, читаю книги,
И такъ гублю все время я,
А злость, ругательства, интриги
Предоставляю вамъ, друзья.
Дѣльцы, достойные почтенья!
Едва плетясь кой-какъ впередъ,
Всѣ сплетни вамъ и злосплетенья
Предоставляетъ рифмоплетъ.

Изъ васъ, конечно, рифмоплетствомъ
Себя никто не запятналъ,
И каждый служитъ съ благородствомъ,
А я — съ пятномъ, за то и малъ.
Вы въ дѣловыхъ бумагахъ быстры,
Смекая, что къ чему идетъ:
Зато вы мѣтите въ министры,
А я останусь — рифмоплетъ!

ПѢСНЯ.

Охъ, ты — звѣздочка моя ясная!
Моя пташечка сизокрылая!
Дочь отецкая распрекрасная!
Я любилъ тебя, моя милая.

Но любовь моя сумасбродная,
Что бѣдной звалась, горемъ кликалась,
Отцу-батюшкѣ неугодная —
Во слезахъ, въ тоскѣ вся измыкалась.

Гдѣ удачу взять неудачному?
Прировняется-ль что къ неровному?
Не сошлись съ тобой мы по-брачному
И не свѣдались по-любовному.

Суждена тебѣ жизнь дворцовая,
Сребромъ-золотомъ осіянная; —
А моя судьба, — охъ! — свинцовая,
Моя долюшка — оловянная.

Серебро твое — чисто золото
Не пошло на сплавъ къ свинцу-олову,
Дума черная стукомъ молота
Простучала мнѣ буйную голову.

И я съ звѣздочкой моей яркою,
Съ моей пташечкой сизокрылою
Разлучась пошелъ — горькой чаркою
Изводить мою жизнь постылую. —

ПЫТКИ.

Въ тотъ вѣкъ, какъ живали еще Торквемады,
Надъ жертвами рока свершались обряды
Глубокихъ, ужасныхъ, убійственныхъ мукъ:
Ломаніе ногъ и дробленіе рукъ.
Тамъ истина, корчась средь воплей и жалобъ,
Винилась, — и страшный кончался обрядъ
Тогда, какъ, глаза свои выкативъ на лобъ,
Невинный страдалецъ кричалъ: «виноватъ!»

Есть пытка другая; того-жъ совершенства
Она достигаетъ: то пытка блаженства.

Счастливцу творится пристрастный допросъ
Подъ всѣмъ обаяніемъ лилій и розъ.
Тутъ узнику въ сердце, безъ всякой пощады,
Вонзаются сладкіе женскіе взгляды; —
Онъ дивныя, райскія видитъ мѣста, —
И алыя, полныя нѣги, уста,
Какъ бисеръ, какъ жемчугъ, слова ему мечутъ
И, съ жаркимъ дыханьемъ щебечутъ, лепечутъ:
«Покайся! признайся!» — Напѣвы звенятъ,
И нервные звуки все вкрадчивѣй, ниже...
Онъ таетъ, а пламя все ближе, все ближе...
Нѣтъ силъ... Исторгается вздохъ! виноватъ!

СОНЪ.

И жизнью, и собой, и міромъ недоволенъ,
Я весь разстроенъ былъ, я былъ душевно боленъ,
Я умереть хотѣлъ, — и въ думы углубленъ
Забылся, изнемогъ — и погрузился въ сонъ.
И снилось мнѣ тогда, что, отрѣшась отъ тѣла
И тяжести земной, душа моя летѣла
Съ полусознаніемъ инаго бытія,
Безъ формъ, безъ личнаго исчезнувшаго «я»,
И ширилась она во весь объемъ эѳира,
И въ безднѣ всѣхъ міровъ, — отъ міра и до міра —
Терялась вѣчности въ бездонной глубинѣ,
Гдѣ нераздѣльнымъ все являлось ей вполнѣ; —
И стало страшно ей, — и этимъ страхомъ сжата
Она вдругъ падаетъ, вновь тяжестью объята,
На ней растетъ, растетъ тѣлесная кора,
Паденье все быстрѣй... Кричатъ: «проснись! пора!» —
И пробудился, встревоженный и блѣдный,
И какъ былъ радъ, какъ радъ увидѣть міръ свой бѣдный!

ДОСТАНЬ!

«Да! ты все меня голубишь
На словахъ: въ нихъ нѣтъ ли лжи?
Если ты меня такъ любишь,
Мнѣ на дѣлѣ докажи!»

— Все, чего ты ни потребуй,
Радъ принесть тебѣ я въ дань. —
«Другъ! одну изъ данныхъ небу
Мнѣ ты звѣздочекъ достань!

Безкорыстія святаго
Сохраняя въ сердцѣ жаръ,
Я не требую земнаго,
Неземной мнѣ нуженъ даръ.

Слушай: къ новому свиданью
Ты изъ звѣздъ мнѣ подари
Ту, что блещетъ мелкой гранью
Вплоть до утренней зари, —

Чтобъ чудесною прибавкой
Къ туалету мнѣ блеснуть, —
Я ту звѣздочку булавкой
Приколю себѣ на грудь. —

Чтожъ? Достанешь-ли?» — Помилуй!
Какъ я это совершу?
Невозможно. — «Но, мой милый!
Если я тебя прошу»...

— Но я въ небо не взлетаю
И, хотя мудренъ нашъ вѣкъ,

Звѣздъ оттуда не хватаю,
Я, — простѣйшій человѣкъ.

Не могу. — «Меня погубишь
Ты отказомъ... Стало быть, —
Ты не любишь, да, не любишь:
Можетъ все любовь добыть...

Не могу... Что въ этомъ проку?
Ты моги! Ты долженъ мочь.
На три дня даю я сроку:
Если нѣтъ, — на вѣки прочь!»

День, другой прошелъ. Несчастный
Думалъ все, бродилъ, какъ тѣнь.
Съ торжествомъ къ своей прекрасной
Онъ пришелъ на третій день.

Чѣмъ-то радостнымъ отмѣченъ,
Смѣлый взоръ его блисталъ.
Вмигъ онъ былъ вопросомъ встрѣченъ:
«Чтожъ? Досталъ?» Отвѣтъ: — досталъ! —

«Гдѣ же? Гдѣ краса творенья?» —
Восклицаетъ вся въ жару:
«Я умру отъ нетерпѣнья!
Покажи, — или умру!

И глаза онъ къ небу вскинулъ,
И — съ сіяніемъ внутри
Изъ кармана ларчикъ вынулъ
И открылъ его: — смотри!

Видитъ: въ золотѣ, въ эмали,
Блескомъ радужнымъ полна

Эта звѣздочка... Она-ли? —
«Боже мой! Она! Она!

Я — украшусь какъ царица;
О, теперь спокойна я.
Это — чудная вещица!
Это — звѣздочка моя!

Эту искру — блестку ночи
Ты сорвалъ, герой, гигантъ —
Для меня!» — И милой очи
Углубились въ брилліантъ; —

И застежка дорогая,
Съ яркимъ камнемъ посреди,
Засверкала, золотая,
У прелестной на груди.

И любви поддѣльной силой
Взглядъ ея меня пронзалъ, —
«Другъ, меня ты понялъ, милый?»
— Понялъ! — глухо онъ сказалъ.

ОДНО ИЗЪ ДВУХЪ.

Мнѣ надобно его иль огорчить ужасно,
Или безсовѣстно предъ нимъ хитрить и лгать.
Чтожъ выбрать? Первое? Но это вѣдь напрасно!
Онъ не поймetъ меня и станетъ проклинать.

Онъ истину сочтетъ за личную обиду;
Онъ съ дѣтства росъ во лжи и въ ней окаменѣлъ,

А добрый человѣкъ! Такой почтенный съ виду!
Какъ быть?—Онъ въ кривизнѣ житейской закоснѣлъ.

Попробую: начну уклончивымъ намекомъ:
Несчастный ужъ дрожитъ... Мнѣ жаль его, ей-ей!
Лажу его — и лгу, — и тягостнымъ упрекомъ
Ложится эта ложь на совѣсти моей, —

И послѣ я грущу, тѣ укоризны чуя...
А онъ съ вопросомъ вдругъ и словно внѣ себя:
«Что съ вами?»—Но ужъ тутъ, чтобъ не солгать, молчу я
И только думаю: страдаю — отъ тебя. —

КАЗАЛОСЬ.

Когда я съ тобою встрѣчался,
Вуаль съ твоей шляпки срывалъ,
Къ ланитамъ твоимъ наклонялся
И очи твои цѣловалъ, —

Казалось: я съ небомъ встрѣчался,
Покровъ его тучъ разрывалъ,
И съ алой зарею сближался,
И солнца лучи цѣловалъ.

НЕ ВѢРЮ.

Когда на тебя устремляю
Я взоры въ сердечномъ бреду, —

Гдѣ небо — я, право, не знаю,
И даже земли не найду.

Тутъ, кажется, вьется дорожка,
Въ туманѣ мелькаютъ поля,
Но — тутъ пронеслась твоя ножка:
Не вѣрю, что это земля.

Есть гдѣ-то и солнце съ луною,
И звѣзды и всѣ чудеса;
Но, ежели ты здѣсь со мною —
Не вѣрю, что тамъ небеса.

ПОРА!

(По поводу римскихъ проклятій).

О христіане, братья, братья!
Когда-жъ затихнетъ гулъ проклятья?
Когда анаѳемы замрутъ?
Пора! Мы ждемъ. Вѣка идутъ.
Учитель, преданный распятью
И водворявшій благодать —
Христосъ — училъ-ли васъ проклятью?
Нѣтъ! Онъ училъ благословлять,
Благословлять врага, злодѣя,
Горѣть къ нему любви огнемъ,
И о заблудшемъ сожалѣя,
Молиться Господу о немъ.
А вы? — Вы, осуждая строго
Со-человѣка своего,
Предъ алтаремъ, во имя Бога

Зовете кару на него.
Вы надъ душой его и тѣломъ
Готовы клятвы произнесть,
Какихъ въ пылу остервенѣломъ
Самъ адъ не въ силахъ изобрѣсть.
И вамъ не страшно имя Божье
Взять на языкъ, хулу творя!
Сарказмъ на Бога — при подножьѣ
Его святаго алтаря!
Кощунство въ храмѣ благодати!
Ужъ если клясть вы рождены —
Не Богомъ проклинайте братій,
А чернымъ авторомъ проклятій,
Что носитъ имя сатаны!
И вамъ-же будетъ посрамленьемъ,
Коль проклинаемый вашъ братъ
Отвѣтитъ вамъ благословеньемъ,
Сказавъ: не вѣдятъ, что творятъ.

ПЛЯСКА СМЕРТИ.

Въ улику неправдъ былъ Израилю данъ
Предтеча — креститель Христа — Іоаннъ.
«О Иродъ!» — взывалъ онъ, — «владыко земноїї!
Преступно владѣешь ты братней женой.»
Глаголъ Іоанна тревожилъ царя
Досаднымъ укоромъ; но, гнѣвомъ горя,
Царь-Иродъ смирялъ свое сердце надъ нимъ —
Зане Іоаннъ былъ народомъ любимъ, —
И долго въ темницѣ Предтеча сидѣлъ,
И царь надъ нимъ казни свершать не хотѣлъ —
Тѣмъ паче, что въ дни испытаній и бѣдъ
Къ себѣ призывалъ онъ его на совѣтъ.

И молчитъ Иродіада,
Втайнѣ яростью дыша; —
Въ ней глубоко силу яда
Скрыла женская душа...
. . . . . .

Месть эхидны палестинской
Зрѣетъ... Мысль проведена —
И усмѣшкой сатанинской
Осклабляется она...
. . . . . .

Въ царскій праздникъ пиръ былъ велій.
Вечеръ. Трапеза полна.
Много всяческихъ веселій;
Много брашенъ, пряныхъ зелій
И янтарнаго вина.
Веселъ Иродъ; — царской лаской
Взысканъ дворъ... Но царь глядитъ:
Кто ему искусной пляской
Въ этотъ вечеръ угодитъ?
Струнъ и бубновъ звукъ съ эстрады
Раздался... Отверзлась дверь —
И внеслась Иродіады
Соблазнительная дщерь.

Въ пламени зеницъ ея — сила чародѣйская;
Станъ ея сгижается въ мѣрномъ колыханіи —
Стройный, какъ высокая пальма іудейская;
Кудри умащенныя блещутъ украшеньями
Перловъ, камней царственныхъ, радужно мерцающихъ;
Воздухъ разсѣкается быстрыми движеньями
Рукъ ея, запястьями звонкими бряцающихъ.
Вихремъ вдругъ взвилась она — и взмахнувъ прельс-
тельно

эгкими одеждами звѣздно-серебрйстыми,
гала вдругъ поникшая предъ царемъ почтительно,
зоръ затмивъ рѣсницами трепетно-пушистыми.

И плясавшую такъ чудно
Царь спѣшитъ облобызать,
И клянется безразсудно
Ей ни въ чемъ не отказать.
Требуй, дочь Иродіады,
Той убійственной награды,
Что́ утѣшна будетъ ей —
Злобной матери твоей!
Царь! Ты видѣлъ пляску-чудо;
Такъ обѣтъ исполни-жъ свой!
Подавай плясуньѣ блюдо
Съ Іонна головой!

Тыжъ, пустившій зло въ огласку,
Вѣстникъ правды межъ людей,
Заплати за эту пляску
Честной кровію своей!
Пляска смерти совершилась:
Голова усѣчена.
Конченъ пиръ. Угомонилась
Змѣедушная жена.
Но разсказывали люди,
Что святая голова
Повторяла и на блюдѣ
Тѣ-же смѣлыя слова.

НОЧНАЯ БЕСѢДА.

Ночь нѣмая, ночь Ерусалима,
Въ черныхъ ризахъ шла невозмутимо,
Обнимая съ высоты Сіона
Портики, чертоги Соломона
И Давида. Царство Іудеевъ,
Гдѣ парила слава Маккавеевъ,
Почивало со своимъ Сіономъ,
Безъ царей, подъ кесаревымъ тономъ,
И, казалось, подъ десницей Рима
То была лишь тѣнь Ерусалима.
Но иная слава блещетъ снова
Въ Божьемъ градѣ: эта слава — Слово;
Эта слава — не въ доспѣхахъ бранныхъ,
Не въ вѣнкахъ изъ розъ благоуханныхъ,
Не въ сіяньѣ позлащенныхъ храмовъ,
Не въ куреньѣ сладкихъ ѳиміамовъ,
Эта слава — Агнецъ, Сынъ Эдема,
Онъ, рожденный въ ясляхъ Виѳлеема,
Правды другъ, несчастья обличитель;
Не вельможенъ санъ Его: учитель.

Ночь нѣмая, ночь Ерусалима,
Въ черныхъ ризахъ шла невозмутимо.
Непривыкшій къ блеску и къ чертогамъ,
Отдыхалъ Онъ въ домикѣ убогомъ.
Кто-же сей полночный посѣтитель,
Что̀, войдя, воззвалъ къ Нему: «учитель!»

Это взросшій въ хитрости житейской,
Мудрости исполненъ фарисейской —
Никодимъ. Въ глухую ночь, негласно,
Онъ пришелъ къ Тому, что̀ самовластно

Всюду ходитъ смѣлою стопою.
Окруженъ народною толпою,
И, власы разсыпавъ по заплечью,
Говоритъ могучей, вольной рѣчью
И глаголомъ новаго закона
Оглашаетъ портикъ Соломона.

Вотъ они: одинъ — съ челомъ открытымъ,
Озареннымъ мыслью и облитымъ
Прядями волосъ золото-цвѣтныхъ,
Съ словомъ жизни на устахъ привѣтныхъ,
Тихо-мощный, кротко-величавый, —
И другой — съ главой темно-курчавой,
Крѣпкій въ мышцахъ, смуглый, черноокой,
Отѣненъ брадой своей широкой,
Слушаетъ облокотясь и въ диво
Углубленъ лукаво и пытливо
Думами. — Бесѣдуя въ часъ ночи
Свѣтъ и тѣнь глядятъ другъ другу въ очи.
Чтожъ? О чемъ бесѣда ихъ ночная?
О дѣлахъ-ли, въ коихъ жизнь земная
Вся погрязла? — Нѣтъ, — ихъ разсужденья —
О великомъ дѣлѣ *возрожденья*.
Никодимъ! Внимай сердечнымъ слухомъ:
Смертный долженъ возродиться духомъ;
Лишь тогда и жизнь его земная
Обновится: взыдетъ жизнь иная.

Человѣкъ! Вотще твои стремленья
Къ благодатной маннѣ обновленья
На нечистомъ поприщѣ, гдѣ каждый
Дышитъ благъ матеріальныхъ жаждой.
Возродись! — И да не идетъ мимо
Та съ Христомъ бесѣда Никодима!

А МЫ?

Надъ Римомъ царствовалъ Траянъ,
И славилъ Римъ его правленье,
А на смиренныхъ христіанъ
Возникло новое гоненье,
И вотъ — сѣдаго старика
Схватили; казнь его близка;
Онъ служитъ самъ себѣ уликой:
Все крестъ творитъ рукою онъ,
Когда на судъ ужъ приведенъ
Къ богамъ имперіи великой.
Вотъ, говорятъ ему, нашъ храмъ
И жертвенникъ! Предъ симъ кумиромъ
Зажги обычный ѳиміамъ —
И будешь живъ — отпущенъ съ миромъ.
«Нѣтъ, — отвѣчаетъ, — не склонюсь
Предъ вашимъ идоломъ главою
И отъ Христа не открекусь;
Умру, но съ вѣрою живою.
Прочь, искушенье ада! Прочь,
Соблазна демонскія сѣти»! —
Вотще хотятъ жена и дѣти
Его упорство превозмочь,
И заливаются слезами,
И вопіютъ они, скорбя:
«Склонись — и жить останься съ нами!
Вѣдь мы погибнемъ безъ тебя».

Не увлекаясь ихъ рѣчами,
Глухъ на родные голоса,
Стоитъ онъ, впалыми очами
Спокойно глядя въ небеса,
И устыдившись при кончинѣ

Быть грѣшной вѣстницей тоски,
Слезинка спряталась въ морщинѣ
Изрытой старостью щеки.
Его чужіе сожалѣютъ;
О немъ язычники скорбятъ;
Сѣкиры лекторовъ коснѣютъ
И дѣломъ казни не спѣшатъ.
Онъ былъ такъ добръ? — Ему вполслуха
Толпа жужжитъ и вторитъ глухо:
«Склонись! Обрядъ лишь соверши —
Обрядъ! Исполни эту мѣру,
А тамъ — какую хочешь вѣру
Питай во глубинѣ души»! —
«Нѣтъ, — возразилъ онъ, — съ мыслью дружны
Слова и дѣйствія мои:
На грудь кладу я крестъ наружный,
Зане я крестъ несу въ груди.
Нѣтъ! Тотъ, кому въ составѣ цѣломъ
Я преданъ весь душой и тѣломъ,
Учитель мой, Спаситель мой,
Мнѣ завѣщалъ бороться съ тьмой
Притворства, лжи и лицемѣрья.
Я — христіанинъ; смерть мнѣ — пиръ, —
И я у райскаго преддверья
Стою средь поднятыхъ сѣкиръ.
Тотъ обреченъ на вѣки аду,
Злой рабъ — не христіанинъ тотъ,
Кто служитъ мертвому обряду
И съ жертвой къ идолу идетъ.
Приди, о смерть»! — И безъ боязни
Пріялъ онъ муку смертной казни,
И видя, какъ онъ умиралъ,
Какъ ясный взоръ его сіялъ
Въ послѣдній мигъ надеждой смѣлой, —
Иной язычникъ закоснѣлый

Уже креститься замышлялъ.
А мы такъ много въ сердце носимъ
Вседневной лжи, лукавой тьмы —
И никогда себя не спросимъ:
О люди! христіане-ль мы?
Творя условные обряды,
Мы вдругъ, за нѣсколько монетъ,
Ото всего отречься рады,
Зане въ насъ убѣжденья нѣтъ, —
И тамъ, гдѣ правда проситъ дани
Во славу Божьяго креста,
У насъ языкъ прилипъ къ гортани
И сжаты хитрыя уста.

ИСКУССТВО И ПРИРОДА.

Смирись предъ Творцомъ природы,
Простершимъ въ безднахъ неба своды,
О смертный! — Осѣненъ вѣнцомъ
Науки, разума и чувства —
О цѣляхъ судишь ты искусства; —
Но ты-ли былъ его творцомъ?
О нѣтъ, — въ разсадникѣ Эдема
Еще не появлялся ты,
А на землѣ уже поэма
Слагалась вѣчной красоты.
Не до тебя-ль чертогъ свой отчій
Установивъ, верховный Зодчій
Безсмертной славою сіялъ?
Въ безмѣрной храминѣ эѳира
Не до тебя-ль Художникъ міра
Писалъ картины и ваялъ?

И взявъ въ пространствѣ, мглой покрытомъ,
Кисть свѣта и сказавъ: «гори»!
Прощелъ по небу колоритомъ
Предвѣчной утренней зари,
И солнце вспыхнуло пожаромъ;
И дѣтскій видъ свой округля,
Запеленалась воднымъ паромъ
Новорожденная земля, —
И въ капляхъ слезъ благоговѣйныхъ
Вода, хладѣя, потекла
И въ углубившихся бассейнахъ
Блестящимъ зеркаломъ легла, —
И надъ водами духъ природы
Промчался, бурной мощи полнъ —
И всколыхнувшіяся воды
Заговорили шумомъ волнъ,
И ихъ чтобъ слышать разговоры —
Подъ свѣтлымъ куполомъ небесъ,
Прорвавъ подземные затворы,
Надъ доломъ выдвинулись горы,
Надъ почвой вытянулся лѣсъ, —
И лѣсъ свой подалъ шумный голосъ,
Листъ перемолвился съ листкомъ,
И встрепенулось все кругомъ:
И съ золотой щетинкой колосъ
И травка съ чуткимъ стебелькомъ, —
И было все уже готово —
Подножье жизни и престолъ;
Адама нѣтъ, но есть ужъ слово;
Нѣтъ человѣка — есть глаголъ,
Есть красота, лучи, улыбка,
И солнца свѣтъ, и тѣнь вѣтвей,
И рѣзво-плещущая рыбка,
И съ звонкой трелью соловей.
Уже и звѣрь неукротимый

Въ дубравной чащѣ пробѣжалъ,
А человѣкъ еще незримый
Въ зернѣ грядущаго лежалъ.

Искусство въ Богѣ начиналось
Съ природой вмѣстѣ — заодно.
Художникъ смертный! Что-жъ осталось
И что въ удѣлъ тебѣ дано?
Одни-ль природѣ подражанья,
Да списковъ слабыя черты
Съ ея достойной обожанья
Нерукотворной красоты?
Но тутъ при сходствѣ самомъ близкомъ
Ты не достигнешь торжества:
Твой трудъ все будетъ мертвымъ спискомъ
Съ живой картины естества.
Въ замѣну лицъ ты дашь мнѣ маски, —
И, взявъ природу въ образецъ,
Гдѣ ты возьмешь такія краски,
Какія розлилъ въ ней Творецъ?

Нѣтъ! Тотъ Художникъ безконечный,
Земли и неба Царь предвѣчный,
По изволенью своему
Тебя поставилъ на свободѣ
Не подражателемъ природѣ,
Но подражателемъ — Ему.
Рука слаба и средства малы,
Но, при стремленіи святомъ,
Въ душѣ ты носишь идеалы
И воплощаешь ихъ потомъ.
Въ порывахъ творческихъ мечтаній
Свершая огненный полетъ,
Въ кругу волшебныхъ начертаній
Ты ищешь новыхъ сочетаній,

Какихъ природа не даетъ.
На что ей амвра ѳпміамовъ?
На что ей циркъ и пантеонъ?
Въ ней нѣтъ дорическихъ колоннъ,
Ни Микель-анжеловскихъ храмовъ,
Ни Рафаэлевскихъ мадоннъ.
Не изъ природы ты ихъ вынулъ,
Но взявъ ихъ изъ души своей,
Ты мысль свою въ природу вдвинулъ,
Внѣдрилъ свою идею въ ней:

Служи-жь Творцу, какъ жрецъ избранный,
Природы въ храминѣ пространной,
Гдѣ все, что Господомъ дано,
Чѣмъ полнъ сей домъ богослуженья,
Сквозь таинство преображенья
Въ твоей груди проведено.
И въ благодарности смиренной,
Сознай, что мощный Царь вселенной,
Чтобъ пріобщить тебя къ Себѣ,
Отмежевалъ въ сей жизни бренной
Участокъ творчества тебѣ!

ВОЗМУТИТЕЛЬ.

Они себѣ спокойно жили,
И въ теплотѣ грѣховъ своихъ,
Тучнѣя тѣломъ, не тужили,
Что духа правды мало въ нихъ.

Они средь общаго недуга
И развращенья своего,

Взаимно берегли другъ друга,
Не выдавая никого.

И, мнилось, счастья дождь перловый
Тамъ всѣхъ во мракѣ орошалъ,
Но къ нимъ собратъ явился новый
И мирно жить имъ помѣшалъ.

Душою честной, сердцемъ правымъ
Онъ, возлюбивъ не мракъ, но свѣтъ,
Не шелъ на сборище къ лукавымъ
И къ нечестивымъ на совѣтъ.

Онъ противъ зла возсталъ съ уликой,
Вступясь за правду и законъ,
Возсталъ — и тѣмъ соблазнъ великой
Распространилъ повсюду онъ, —

И отшатнулся каждый житель
Тѣхъ мѣстъ нечистыхъ отъ него,
И всѣ кричатъ: онъ—возмутитель!
Схватить! Связать! Изгнать его!

А помните: народомъ чтима,
Средь Богомъ избранныхъ земель,
На торжищѣ Ерусалима,
Была завѣтная купель; —

И съ каждой срочною денницей
То мѣсто нѣкто посѣщалъ,
И чудотворною десницей
Въ купели воду возмущалъ, —

И тотъ, кто первый погружался
Въ тѣ возмущенныя струи —

Отъ злыхъ недуговъ исцѣлялся
И силы обновлялъ свои.

Тотъ благодатный посѣтитель...
Скажите, люди: кто онъ былъ?
И онъ былъ также возмутитель:
Онъ воду грѣшниковъ мутилъ.

Но были дни тогда иные,
И на цѣлителя того
Тамъ не кричали тѣ больные:
Схватить! Связать! Изгнать его!

ОТВѢТЪ.

Чрезъ римскій форумъ проходила
Толпа, шумя, какъ ураганъ,
И толковала, и судила
О вѣрѣ первыхъ христіанъ, —
И говорилъ народъ надменный:
Они — безумцы! Сбродъ презрѣнный!
Пускай предстанутъ на отвѣтъ:
Гдѣ ихъ религія? Ни храмовъ
У нихъ великолѣпныхъ нѣтъ,
Ни факеловъ, ни фиміамовъ,
Ни чашъ блестящихъ, ни вѣнцовъ,
Ни божьихъ ликовъ изваянныхъ,
Ни въ тогахъ, пурпуромъ убранныхъ —
Съ осанкой важною — жрецовъ.
Богаты мы; они — убоги.
Пускай укажутъ: гдѣ ихъ боги?
Хоть на картинѣ пусть дадутъ —

Кого они, безвѣрцы, чтутъ!
На насъ пусть взглянутъ! Мы находимъ
Вездѣ безсмертныхъ, всесвятыхъ;
Мы сами, размножая ихъ,
Героевъ, Кесарей возводимъ
Въ верховный рядъ боговъ своихъ; —
Ихъ лики всюду всѣмъ открыты;
А тѣ безбожники... карать!
Казнить собакъ! Имъ нѣтъ защиты;
Ихъ доля — въ мукахъ умирать. —

«Нашъ Богъ—не въ позлащенныхъ храмахъ»,—
Гласитъ Креста покорный сынъ, —
«Не въ изваяньяхъ Онъ, не въ рамахъ
Пестро-малеванныхъ картинъ.
Единый храмъ Его достоинъ,
И этотъ — Имъ самимъ устроенъ
И этотъ — тѣсенъ для Него:
Взгляните! Это — храмъ вселенной,
Гдѣ Онъ сіяетъ — Царь безсмѣнный,
Въ вѣнцѣ величья своего.
Кого не въ силахъ мы постигнуть,
Тому, при помощи людской,
Мы и не мыслимъ храмъ воздвигнуть
Своею слабою рукой.
Предъ Тѣмъ, кто солнцемъ и звѣздами
Самъ освѣтилъ свой домъ предъ нами,
Мы не дерзаемъ втунѣ жечь
Ни бѣдныхъ факеловъ, ни свѣчъ,
Чадить Ему кадильнымъ дымомъ,
Когда предъ Нимъ, для насъ незримымъ,
Клубится весь земной туманъ,
И, разомкнувъ свои затворы,
Огнемъ и дымомъ дышутъ горы,
И темно-синій океанъ,

Необозримый, неисходный,
Вседневно — годы и вѣка —
Вздымаетъ къ небу паръ свой водный,
Его свивая въ облака.
Но храмы есть у насъ иные,
Другіе жертвенники есть,
Нерукотворные; живые,
Ему, Невидимому, въ честь.
Богъ далъ намъ плоть: вотъ церкорь наша,
Гдѣ вѣчный огнь горитъ въ крови;
Душа — алтарь въ немъ, сердце — чаша
Съ елеемъ вѣры и любви; —
И часто Тотъ, кто сущъ отъ вѣка,
Кому вселенной малъ объемъ,
Въ смиренномъ сердцѣ человѣка
Вмѣщаясь, обитаетъ въ немъ.
У насъ въ груди — жилище Бога,
А храмъ вашъ храмомъ лишь слыветъ:
Средь камней мертваго чертога
Источникъ жизни не живетъ.
Порой, бездомные въ пустынѣ,
Мы соберемся въ тишинѣ,
И Богъ во всей своей святынѣ
Межъ насъ присутствуетъ вполнѣ.
На что намъ ваши изваянья,
Коль Тотъ, кто къ жизни насъ воззвалъ,
Зиждитель міра, Царь созданья —
Въ насъ самъ свой образъ изваялъ?
На что жрецы намъ? Кто посмѣетъ
Намъ Божью волю толковать?
Не умъ, но сердце разумѣетъ
Великихъ истинъ благодать.
Приди, разумный проповѣдникъ!
Вѣщай — и мѣсто воспріими,
Какъ нашъ о Богѣ собесѣдникъ,

Какъ нашъ собратъ, но не посредникъ
Межъ вѣчнымъ Богомъ и людьми!
Среди тревогъ земныхъ спокойный,
Въ своей небесной чистотѣ,
Одинъ посредникъ былъ достойный —
Одинъ: Онъ распятъ на крестѣ.
Его верховнаго закона
Святое слово намъ дано;
Онъ намъ сказалъ во время оно:
— Отецъ, и Я, и вы — одно. —

За то, что сладость истинъ новыхъ
Пріяли мы — казните насъ!
Средь лютыхъ казней, намъ готовыхъ,
Мы палачей своихъ суровыхъ
Благословимъ въ послѣдній часъ».

ВѢНОКЪ КЕСАРЯ.

Чтитъ Юлія Кесаря римскій сенатъ,
Народъ его чтитъ — и, въ знакъ почести новой,
Вѣнокъ на него возлагаютъ лавровый,
И праву носить его Кесарь такъ радъ!
Онъ лучшей награды не хочетъ, не проситъ;
Всегда онъ вѣнокъ на главѣ своей носитъ.

Онъ всюду въ вѣнкѣ — на пиру-ли сидитъ,
Стоитъ-ли предъ войскомъ, идетъ-ли на форумъ.
Особенно-жъ тамъ, гдѣ сверкающимъ взоромъ
Онъ прелести женскія хищно слѣдитъ.
Зачѣмъ онъ всегда тѣмъ вѣнкомъ накрывался
Онъ другу въ бесѣдѣ однажды признался.

. . . . . .

«Вотъ видишь-ли, лысина злая моя
Меня сокрушила», — сказалъ онъ: — «и сзади
Волосъ я все ко́ лбу зачесывалъ пряди,
Ровнялъ, выправлялъ ихъ и мучился я.
Я женщинъ люблю — и по разнымъ затѣямъ
Въ насмѣшку плѣшивымъ прослылъ любодѣемъ.

Теперь мнѣ такъ кстати наградный вѣнокъ:
Имъ мой недостатокъ природный исправленъ,
И я отъ несносной прически избавленъ,
Съ которою прежде и сладить не могъ.
Волосъ моихъ лавры прикрыли утрату:
Спасибо народу! Спасибо сенату!»

ЗАТМЕНІЕ.

ое диво! Климъ Сидорычъ! Глянь изъ оконца!
полдень стемнѣло — ей-богу! Вѣдь убыло солнца.
небѣ ни тучки, ни — ни... то есть — пятнышка нѣту:
и чего-жъ недоимка Господняго свѣту?»
Эхъ, голова, голова! Ничего-то не знаетъ.
менемъ это затменье такое бываетъ. —
а! А кто-жъ тамъ на солнце потемки наводитъ?»
Это, по книгамъ, вишь — солнце за мѣсяцъ заходитъ. —
лно, Климъ Сидорычъ! Экъ ты неладно отвѣтилъ!
нце вѣдь свѣтлое солнце, и мѣсяцъ-то свѣтелъ:
ъ же бы сталось, что свѣтъ какъ со свѣтомъ сдвоится—
свѣтлоты прибываетъ, а темень родится?»
Истинно такъ. Не хули моего ты отвѣта!
ь, аль не вѣрь, а и свѣтъ пропадаетъ отъ свѣта.
, да примѣромъ — ты въ толкъ не возьмешь ли скорѣе?
— *дѣло свѣтлое*, разумъ — еще и свѣтлѣе,

А въ головѣ-то вѣдь тёмно становится разомъ,
Если случится, что умъ въ ней заходитъ за разумъ.—

ЛОКОМОТИВЪ.

Иду я съ сынишкомъ вдоль чистаго поля
Пробитой тропинкой. Кругомъ — все цвѣты, —
И рветъ ихъ, и бабочекъ ловитъ мой Коля.
Вотъ мельница, рѣчка, оврагъ и кусты.
Постой-ка: тамъ дальше — начнется болото...
Вдругъ слышимъ — вдали и стучитъ и гремитъ,
Все пуще, — и видимъ: громадное что-то
По свѣтлой чертѣ горизонта летитъ.

Непонятное явленье
Посреди златаго дня!
Что такое? Въ изумленьѣ
Коля смотритъ на меня:
«Что такое это значитъ?
Богатырь-ли Еруслапъ
Страшный ѣдетъ, грозный скачетъ,
Или рыцарь-великанъ?» —

О да, это — рыцарь, — ему я отвѣтилъ, —
Герой, — только новыхъ, не старыхъ вѣковъ,
И если-бъ кого на пути своемъ встрѣтилъ —
Онъ спуску не дастъ и сразиться готовъ.

«Ухъ, какъ вьются дыма тучи!
Какъ у всѣхъ богатырей —
Знать, то конь его могучій
Пышетъ дымомъ изъ ноздрей!

Мимо лѣсу вонъ глухаго
Мчится! Только для меня
Тутъ ни всадника лихаго
Не замѣтно, ни коня».

О да, онъ дымится, а не было-бъ свѣту
Дневнаго — ты-бъ видѣлъ, какъ брызжетъ огонь.
Гдѣ конь тутъ, гдѣ всадникъ — различія нѣту:
Тутъ слито все вмѣстѣ — и всадникъ и конь. —

«Чтожъ онъ—въ латахъ? Въ вихрѣ дыма
Каждый скокъ, чай, въ три версты?
Ухъ, летитъ! Мелькаютъ мимо
И деревья и кусты.
Черезъ этотъ край пустынной
Что онъ съ силою такой
Полосою длинной, длинной
Такъ и тащитъ за собой?»

Онъ — въ латахъ; онъ весь — изъ металловъ нетлѣнныхъ —
Изъ мѣди, желѣза. Чу! Свищетъ и ржетъ.
А сзади хвостъ длинный... ну, это — онъ плѣнныхъ
Во слѣдъ за собой вереницу влечетъ.

«Чтожъ—онъ злыхъ лишь только давитъ,
Если встрѣтитъ на пути?
Мнѣ войны онъ не объявитъ
И спокойно дастъ пройти,
Если мальчикъ я хорошій?
Какъ дрожатъ подъ нимъ поля!
Чай, тяжелъ! Подъ этой ношей
Какъ не ломится земля!»

Нѣтъ, нашъ богатырь, давитъ всѣхъ безъ разбору —
И добрыхъ, и злыхъ, и съ такими-жъ, какъ самъ,

Онъ въ стычкахъ сходился. Тяжелъ онъ—безъ спору
Зато по желѣзнымъ идетъ полосамъ.
Дорога нужна, чтобъ его выносила,
Желѣзная, другъ мой. Ему подъ ударъ
Не суйся! Въ немъ дикая, страшная сила
Гнѣздится: она называется — «паръ».

ЕЛЬ И БЕРЕЗА.

Предъ мохнатой елью, средь златаго лѣта,
Свѣжей и прозрачной зеленью одѣта,
Юная береза красотой хвалилась,
Хоть на той-же почвѣ и она родилась.
Шепотомъ лукавымъ съ хитрою уклонкой,
«Я, — лепечетъ, — видишь листъ имѣю тонкой;
Цвѣтъ моей одежды — нѣжный, самый модный;
Кожицею бѣлой стволъ мой благородный
Ловко такъ обтянутъ; ты-жъ своей иглою
Колешь проходящихъ, пачкаешь смолою;
На корѣ еловой, грубой, чешуистой,
Между темныхъ трещинъ мохъ сидитъ нечистый...
Видишь — я бросаю въ видѣ легкой сѣтки
Кружевныя тѣни. Не мои-ли вѣтки
Вяжутъ въ мягкій вѣникъ, чтобъ средь жаркой ванны
Отъ него струился паръ благоуханный?
Въ Духовъ день березку ставятъ въ уголъ горницъ,
Вносятъ въ церковь Божью, въ келіи затворницъ:
Отъ тебя-жъ отрѣзки по дорогѣ пыльной
Мечутъ, устилая ими путь могильный,
И гдѣ путь тотъ грустный ельникомъ означатъ,
Тамъ идя за гробомъ, добры люди плачутъ». —
Ель угрюмо стоя, темная молчала

И едва верхушкой на ту рѣчь качала.
Вдругъ ударилъ вѣтеръ съ ревомъ непогоды,
Пыль столбомъ вскрутилась, взволновались воды:
Также все стояла ель не безпокоясь,
Гибкая-жъ береза кланялась ей въ поясъ.
Осень хвать съ налету и зима съ разбѣга:
Ель стоитъ преважно въ пышныхъ хлопьяхъ снѣга,
И бѣлѣетъ свѣтомъ и чернѣетъ тьмою,
Ризъ темнозеленыхъ — съ бѣлой бахромою,
Съ бѣлыми кистями, съ бѣлою опушкой,
Къ небу подымаясь гордою верхушкой;
Бѣдная-жъ береза, до-нага раздѣта,
Видъ пріемлетъ тощій жалкаго скелета.

ПРОЧИТАЛЪ Я КНИГУ.

Прочиталъ я книгу «о началѣ міра». —
Изъ монадъ, атомовъ, изъ частицъ эѳира
Авторъ все выводитъ. Божію поэму
Сжалъ въ своихъ онъ рамахъ, уложилъ въ систему;
Языка природы сладостные звуки
Перевелъ усердно на языкъ науки;
Чрезъ анализъ тонкій все провелъ искусно:
Хорошо — ни слова! Хорошо... да грустно!
И на книгу смотришь точно на могилу:
Авторъ отвергаетъ *жизненную силу*,
И въ его твореньѣ, знаемомъ всесвѣтно,
Точно — этой силы вовсе незамѣтно.

РЫЦАРЬ.

Послѣ тщетныхъ похожденій
И безплодныхъ бранныхъ дѣлъ,
Храбрый рыцарь къ мирной сѣни
Возвратиться захотѣлъ.

И пришелъ онъ невеселый
На домашнее житье,
Бросилъ въ уголъ мечъ тяжелый,
Щитъ свой, латы, и копье.

Что? — друзья его спросили. —
«Все пропало, — говоритъ, —
Не щадилъ трудовъ, усилій
И — увы! — стыдомъ покрытъ,

Уподобленъ Донъ-Кихоту,
А въ сраженьяхъ былъ великъ,
Наѣзжалъ, рубилъ съ налету —
Только цѣли не достигъ.»

— За какую-жь Дульцинею
Ты сражался? — былъ вопросъ.
«Все на свѣтѣ — прахъ предъ нею, —
Рыцарь гордо произнесъ. —

Свѣтъ красавицу такую
Долженъ чтить. Изъ дамъ его
Взялъ я *истину* святую
Въ дамы сердца моего.

Чистый вензель этой дамы
На щитѣ моемъ горѣлъ.

Я изъ боя въ бой упрямый
За нее стремглавъ летѣлъ.

Дѣло истины — не шутка!
На меня подъявъ мечи,
Шли гиганты предразсудка,
Заблужденья силачи —

Шли толпой, стѣной возстали:
Предъ числомъ — я изнемогъ,
И безумцы хохотали,
Слыша мой въ паденьѣ вздохъ.

Но меня не то смущаетъ,
Что потеряна борьба —
Нѣтъ, мнѣ сердце сокрушаетъ
Человѣчества судьба».

Рыцарь! Выслушай спокойно:
Самъ себя ты осудилъ.
Острый мечъ твой непристойно
Дѣлу истины вредилъ.

Ты, герой, въ движеньѣ скоромъ
Наступательныхъ шаговъ,
Самъ назойливымъ напоромъ
Раздражалъ ея враговъ.

Мечь булатный ей не нуженъ,
Не нужна ей кровь врага;
Терпѣливо-безоруженъ,
Кротокъ, тихъ — ея слуга.

Онъ не колетъ, онъ не рубитъ;
Мирно шествуя впередъ,

Побѣждаетъ тѣмъ, что *любитъ*,
И смиреньемъ верхъ беретъ.

ДЕРЕВЕНСКІЙ МАЛЬЧИКЪ.

Мимо разбросанныхъ хижинъ селенья,
Старую шапку на брови надвинувъ,
Шелъ я, глубокаго полнъ размышленья,
Сгорбясь и за спину руки закинувъ.

Несъ я труднѣйшихъ вопросовъ громады
Какъ-бы людей умирить, успокоить,
Какъ устранить роковыя преграды
И человѣчества счастье устроить.

Противъ меня въ своей грязной сорочкѣ
Весело шелъ деревенскій мальчишка;
Съ лѣтнимъ загаромъ на пухленькой щечкѣ
Бойко смотрѣлъ и смѣялся плутишка.

Смѣхъ ужъ готовъ, а еще нѣтъ минуты —
Плакалъ онъ: слезокъ слѣды не исчезли.
Свѣтлые волосы, вѣтромъ раздуты,
Мягко-льняные, въ глаза ему лѣзли;

Онъ отряхалъ ихъ, головкой мотая;
Весь онъ родимымъ былъ братцемъ здоровью —
И приближался, лукаво моргая
Синенькимъ глазомъ, подъ бѣлою бровью.

Солнце удвоило жаръ съ освѣщеньемъ
Послѣ минувшей недѣли ненастья.

Мальчикъ при этомъ былъ весь воплощеньемъ
Жизни безпечной и дерзкаго счастья.

Даже при мнѣ — при степеннѣйшемъ мужѣ —
Босой ножонкой отважно онъ топалъ,
Мутную воду разбрызгивалъ въ лужѣ
И всеторжественно по грязи шлепалъ.

«Другъ! Отъ чего ты такъ веселъ»? — ребенка
Важно спросилъ я. — Безъ робости глядя,
И засмѣявшись въ глаза мнѣ, презвонко
Онъ отвѣчалъ: ты — смѣшной такой, дядя! —

СЧАСТЬЕ-НЕСЧАСТЬЕ.

День былъ славный. Мы гуляли
Вольной группой вдоль рѣки,
А кругомъ — въ пролетъ мелькали
Молодые кулики.

«Эхъ! — сказалъ казакъ, — для шутки
Поохотился-бы я!
Вотъ еще куликъ! Вотъ утки!
На несчастье — нѣтъ ружья».

Я подумалъ: вотъ! Для шутокъ
Хочетъ бить, стрѣлять... Каковъ!
Да ружья нѣтъ — счастье утокъ!
Счастье юныхъ куликовъ! —

ДОВОЛЬНО!

Отъ дерзкихъ помысловъ и хищности людей
Ограждена святынею несчастья,
Ты въ старческой душе моей
Зажгла всю молодость, всю дѣвственность участья.

Я мало жизнью дорожу.
Пускай меня къ могилѣ годы клонятъ!
У гробовой доски — «довольно»! — я скажу,
Довольно! — да! Я былъ тобою понятъ.

Въ себѣ не уронивъ душевной высоты,
Ты моего кумира не разбила, —
Участья моего не оттолкнула ты —
И благодарностью меня не оскорбила.

ПОСМОТРИ!

Тихій вечера часъ.
Свѣтъ зари на закатѣ угасъ.
Всею ширью рѣка
Отражаетъ въ себѣ облака,
Отражаетъ лѣса,
Отражаетъ судовъ паруса, —
А на той сторонѣ
Сосны темныя видятся мнѣ;
Огоньки тамъ горятъ:
Рыбаки себѣ кашу варятъ.
Посмотри, куманекъ,
Какъ хорошъ за рѣкой огонекъ!
Какъ онъ легъ кое-гдѣ

Золотистымъ снопомъ по водѣ,
А гдѣ струйка бѣжитъ —
Онъ червонной тамъ нитью дрожитъ!
Струйкѣ той впереломъ
Легкій яликъ ударилъ весломъ,
И нѣтъ перламъ числа,
Что́ забрызгали разомъ съ весла:
Эка роскошь! Вокругъ
Загребай хоть лопатой жемчугъ!
А межъ тѣмъ вдалекѣ
Пѣсня стелется вдоль по рѣкѣ.
Посмотри, куманекъ,
Какъ хорошъ за рѣкой огонекъ!

К . . . .

Schlage nicht das ganze zerrissene
Buch der Vergangenheit auf: bist
du noch nicht traurig genug?
Jean Paul Richter.

Бесѣду съ Вами я, то въ письмахъ, то изустно,
Веду — и очень радъ... а между тѣмъ — мнѣ грустно.
Хотѣлъ-бы съ Вами я припомнить старину,
Протекшей юности святое увлеченье,
Минуту чудную одну,
Одно прекрасное мгновенье,
Одну изъ тѣхъ минутъ столь цѣнныхъ, дорогихъ,
Что, право, сто́итъ жизнь перенести для нихъ.
Да! — Вспомнить было-бы отрадно,
Отрадно — слишкомъ, можетъ быть;
Но трудно было-бы потомъ опять забыть...
И вспоминать зачѣмъ — не стало-ль-бы досадно?

Не стало-ль-бы потомъ еще грустнѣй, грустнѣй?..
Къ тому-же чья-то рѣчь въ больной душѣ моей
Звучитъ таинственно, какъ эхо средь развалинъ:
«Ты хочешь заглянуть въ потерянный свой рай —
Стой! Книги прошлаго не тронь, не раскрывай!
Ужъ не довольно-ль ты и безъ того печаленъ?»

СОНЕТЪ СВ. ТЕРЕЗЫ *).

Нѣтъ, Боже, я къ Тебѣ любовью пламенѣю
Не потому, что мнѣ Ты небо обѣщалъ;
Не потому Тебя я оскорбить не смѣю,
Что душу робкую Ты адомъ застращалъ.

Ты пригвожденъ къ кресту — и я благоговѣю;
Люблю Тебя за то, что тяжко Ты страдалъ;
Своими язвами и смертію своею
Глубокую любовь Ты въ сердце мнѣ вліялъ.

Любовь къ Тебѣ мнѣ все: дыханье, жизнь, отрада.
Скажи, что рая нѣтъ — я прочь не отступлю;
Твой гнѣвъ меня страшитъ, а не мученье ада.

Лиши меня всего — съ любовью все стерплю.
Теперь надѣюсь я: мнѣ и надеждъ не надо!
Все буду я любить, какъ и теперь люблю.

---

*) *Иные* приписываютъ этотъ сонетъ Франциску Ксавье.

ВОПРОСЫ.

Глубочайшіе вопросы
Переходятъ въ вѣкъ изъ вѣка,
И смущаютъ и тревожатъ
Умъ и сердце человѣка, —
И на нихъ отвѣтовъ ищетъ
Незамѣтный міра житель,
Бѣдный труженикъ науки,
Мысли ревностный служитель, —
Отдѣляетъ то, что знаетъ,
Отъ того, чему онъ вѣритъ,
Ошибается, но честно:
Онъ не лжетъ, не лицемѣритъ,
И терзается порою
Въ мукахъ горькаго сомнѣнья,
Въ сферѣ жизненной встрѣчая
Мысль гнетущія явленья; —
А иные всѣмъ сказаньямъ
Вѣрятъ, кажется, послушно
Оттого, что тѣ вопросы
Принимаютъ равнодушно.
Все равно имъ — такъ иль этакъ;
Что тутъ умствовать напрасно?
Разсуждать о многомъ — трудно,
А порою и опасно.
Эти люди, не питая
Къ высшимъ истинамъ участья,
Такъ глубоко, такъ спокойно
Спятъ въ грязи земнаго счастья,
Иль невѣжествуютъ сладко,
И, не мучимые жаждой
Правоты и просвѣтлѣнья,
Дышутъ злобой къ мысли каждой.

Имъ смѣшонъ неугомонный
Вѣчной истины искатель,
И вещественники міра
Восклицаютъ: онъ — мечтатель!
Издѣваясь нечестиво
Надъ адептомъ тѣхъ вопросовъ,
Говорятъ: ему не нужно
Благъ земныхъ; вѣдь онъ философъ!
И къ нему, привитый ими
Вредный титулъ вольнодумца,
Лишь изъ милости смѣняютъ
Кличкой празднаго безумца.

ПЕРЕВОРОТЫ.

Когда-то далеко отъ нашего вѣка
Не зрѣлось нигдѣ человѣка;
Какъ лѣсъ исполинскій, всходила трава,
И высилась пальма — растеній глава,
Средь рощь тонкоствольныхъ подъемлясь престольно,
Но крупнымъ твореньемъ своимъ недовольна...
Природа земною корой потрясла,
Дохнула вулканомъ, морями плеснула,
И бездны резверзнувъ, нашъ міръ повернула
И тѣ организмы въ моряхъ погребла.

И новый былъ опытъ зиждительной силы.
Въ быту земноводномъ пошли крокодилы,
Далеко влача свой растянутый хвостъ;
Драконовъ, удавовъ и ящерицъ ростъ
Былъ страшенъ. Съ волнами, съ утесами споря,
Различные гады и суши и моря

Являлись гигантами міра тогда...
И снова стихійный ударъ разразился,
И міръ тотъ подъ землю опять провалился,
А сверху вновь стали земля и вода.

И твари живыя въ открытыхъ имъ сферахъ
Опять начинались въ широкихъ размѣрахъ:
Горы попирая муравчатый склонъ,
Тамъ мамонтъ тяжелый, чудовищный слонъ —
Тогдашней земли великанъ толстоногой —
Шагалъ, какъ гора по горѣ; но тревогой
Стихій возмущенныхъ застигнутый вдругъ,
Въ бѣгу, на шагу, вдругъ застылъ, цепенѣетъ...
Глядь! жизни другая эпоха яснѣетъ,
И новыхъ живущихъ является кругъ.

И вотъ при дальнѣйшей попыткѣ природы,
Не разъ обновляющей землю и воды
И виды мѣнявшей созданій своихъ, —
Средь мошекъ, букашекъ и тварей иныхъ,
Въ міръ Божій вступивъ изъ таинственной двери. —
Возникъ человѣкъ — и попятились звѣри.
И въ страхѣ потомка узнавъ своего,
И больше предвидя въ орѣхахъ изъяна,
Лукаво моргнула, смѣясь, обезьяна,
Сей дѣдъ человѣка — предтеча его.

И началъ онъ жить-поживать понемногу,
Сквозь глушь, чрезъ лѣса прелагая дорогу,
Гоня всѣхъ животныхъ. Стрѣлокъ, рыболовъ,
Сдиратель всѣхъ шкуръ, пожиратель воловъ,
Взрыватель всѣхъ почвъ—онъ въ трудахъ землекопныхъ
Дорылся до многихъ костей допотопныхъ,
Отжившихъ твореній; онъ видитъ могилы,
Гдѣ плезіосавры, слоны, крокодилы,
Недвижные, сномъ ископаемыхъ спятъ.

Онъ видитъ той лѣстницы темной ступени,
Гдѣ образъ былыхъ, первородныхъ растеній
На камнѣ оттиснутъ; — въ корѣ ледяной
Трупъ мамонта найденъ съ подъятой ногой;
Тамъ муміи древнихъ фантазій природы —
Египетъ подземнаго міра; тамъ — своды
Кряжей известковыхъ и глинистыхъ глыбъ
Съ циклоповой кладкой изъ череповъ плотныхъ,
Изъ раковинъ мелкихъ чуть зримыхъ животныхъ,
И моря тамъ слѣдъ съ отпечатками рыбъ.

Надъ слоемъ тамъ слой и пласты надъ пластами
Являются книгой съ живыми листами.
Читаетъ ее по складамъ геологъ.
Старинная книга! Не нынѣшній слогъ!
Иныя страницы размыты, разбиты,
А глубже подъ ними — граниты, граниты,
А дальше — все скрыто въ таинственной мглѣ,
И нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ организма;
Одинъ указуетъ лишь духъ вулканизма
На жаръ вѣковѣчный въ центральномъ котлѣ.

И мнитъ человѣкъ: вотъ — временъ въ переходѣ,
Какъ много работать досталось природѣ,
Покуда, добившись до свѣтлаго дня,
Съ усильемъ она добралась до меня!
И шутка-ль? Посмотришь — ея же созданье
Господствуетъ, взявъ и ее въ обладанье!
Природа-жъ все въ даль свое дѣло ведетъ,
И втайнѣ день новый готовитъ, быть можетъ,
Когда и его въ слой подземный уложитъ,
А сверху иной царь творенья пойдетъ.

И скажетъ сынъ новаго, высшаго вѣка,
Отрывъ ископаемый трупъ человѣка:

«Вотъ — это музею предложимъ мы въ даръ —
Какой драгоцѣнный для насъ экземпляръ!
Звѣрь этотъ когда-то былъ въ мірѣ нерѣдокъ,
Онъ глупъ былъ ужасно, но это — нашъ предокъ!
Весь родъ нашъ отъ этой породы идетъ.
И древнихъ породъ при обзорѣ отчетномъ,
Объ этомъ курьезномъ двуногомъ животномъ
Намъ лекцію новый профессоръ прочтетъ.

РАЗГОВОРЪ.

МОЛОДОЙ.

О чемъ задумался, старикъ?
О временахъ давно минувшихъ,
Въ бездонной Летѣ потонувшихъ?
Напрасно ты челомъ поникъ
И о прошедшемъ сожалѣешь:
На насъ взгляни — помолодѣешь.
Съ надеждой счастія въ сердцахъ
Впередъ мы радостно и смѣло
Летимъ на полныхъ порусахъ.
Кипитъ общественное дѣло.

СТАРИКЪ.

Нѣтъ, мнѣ прошедшаго не жаль
И не о немъ моя печаль;
Оно прошло — и слава Богу!
Немного было въ немъ добра,
И намъ на лучшую дорогу
Давно ужъ выбраться пора.
Мнѣ молодаго поколѣнья
Отрадны свѣтлыя стрѣмленья,

Но опасаюсь: даль темна,
Пройдутъ летучіе порывы —
И отъ неспѣлаго зерна
Міръ не дождется сочной нивы.

МОЛОДОЙ.

Ну вотъ! Какъ на сѣдой утесъ,
Который крѣпко въ землю вросъ,
Мы на тебя, средь волнъ, смотрѣли, —
А и тебя качнулъ вопросъ:
Созрѣли-ль мы иль не созрѣли?
Вопросъ ужъ этотъ съ давнихъ поръ
Не разъ рѣшался такъ и этакъ;
Писали, говорили вздоръ
И надоѣли напослѣдокъ.
Самъ разсуди: средь нашихъ вьюгъ,
Подъ этой стужей, подъ бореемъ,
Нельзя-же намъ развиться вдругъ, —
Одно сказать лишь можно: зрѣемъ.

СТАРИКЪ.

Дай Богъ! Для каждаго ростка
И тутъ есть солнце въ небѣ горнемъ,
Да почва-то у насъ жестка:
Вбираться надо сильнымъ корнемъ
Да прежде нуженъ мощный плугъ,
Такой, чтобъ пронялъ самый камень,
А безъ того, мой юный другъ,
Что значитъ твой минутный пламень?
Вы принялись — и въ добрый часъ!
Какъ взглянешь — кажется, у васъ
Все есть; а какъ посмотришь строже,
Такъ нѣту главнаго...

МОЛОДОЙ.

Чего-же?
Ты нашихъ силъ не разглядѣлъ,
Надеждъ, намѣреній прекрасныхъ,
И даже дѣлъ, начатковъ дѣлъ,
Желаній чистыхъ, мыслей ясныхъ,
Широкихъ замысловъ, идей:
Чего-жъ недостаетъ?

СТАРИКЪ.

Людей.
Для дѣла нѣтъ живыхъ орудій.
Все разглядѣлъ я: тамъ и тутъ
Идеи крупныя идутъ,
Да какъ-то все мельчаютъ люди.
Не прошлаго желаемъ мы:
Не мало варварства и тьмы
Въ немъ было; темнымъ, прошлымъ вѣкомъ
Я не горжусь, а все-жъ иной
Тогда, подъ этой грубой тьмой,
Умѣлъ явиться человѣкомъ; —
Межъ дикихъ силъ и разныхъ золъ
Являлись — здравое сужденье,
Характеръ, воля, убѣжденье
И честный искренній глаголъ:
Талантъ вздымался надъ толпами
И дѣло къ общей цѣли велъ:
Теперь — глядишь — надъ головами
Какой-то уровень прошелъ.

МОЛОДОЙ.

И слава Богу! Прочь, гиганты!
Зато пропалъ пигмеевъ слѣдъ;
Зато теперь мы всѣ — таланты,
Всѣ сплошь, толпы бездарной нѣтъ.

Теперь мы разомъ, вмѣстѣ, дружно
Всѣ подвизаемся впередъ.
Замѣтныхъ личностей не нужно,
Гдѣ человѣчество идетъ.

СТАРИКЪ.

Но что-жъ вы сдѣлали однако?
Еще немного.

МОЛОДОЙ.

Намъ изъ мрака
Недавно выдти лишь дано,
А между тѣмъ — взгляни, исчисли:
Какой прогрессъ въ движеньѣ мысли!
Вопросовъ сколько рѣшено!
И это все еще — зачатокъ!
Вездѣ — преслѣдованье взятокъ;
Весь міръ проснулся, закричалъ,
Раскрылось каждое событье,
Явились — гласность и развитье
Экономическихъ началъ.
Уму отрадно, сладко чувству!
Начертанъ воспитанья планъ,
Вездѣ просторъ наукѣ данъ
И цѣль указана искусству.
Кого нашъ вѣкъ не изумитъ?
Куда не оглянись — все ново,
И противъ зла вездѣ гремитъ
Изобличательное слово.
Твои сомнѣнья — смертный грѣхъ!
Сознаться каждый въ томъ обязанъ,
Что все подвинулось. Успѣхъ
Математически доказанъ.

СТАРИКЪ.

Благимъ стремленьямъ — честь, хвала!
Да жаль: пріемы ваши мелки,
И вы, чѣмъ браться за дѣла —
Беретесь часто за бездѣлки;
Боитесь вы сорвать покровъ,
Гдѣ зла скопляется излишекъ.
И гдѣ бы обличать воровъ —
Вы обличаете воришекъ,
Несчастныхъ, жалкихъ, чья рука
Порой вдается въ лиходѣйства
Затѣмъ, что хлѣба нѣтъ куска
У ихъ голоднаго семейства.
Идея иногда чиста,
А въ исполненьѣ факты грязны;
Цѣль и прекрасна и свята,
А средства — грѣшны, безобразны.
Все торжествуетъ лишь обрядъ
Да форма. Судъ мой прямъ и кратокъ:
Другъ, не сердись! Прогрессъ вашъ шатокъ,
То шагъ впередъ, то шагъ назадъ.
Литература — праздникъ слова!
Иной журналъ кричалъ, кричалъ, —
О томъ лишь только умолчалъ,
Что правда — первая основа
Экономическихъ началъ.
Не дастъ вамъ выводовъ желанныхъ
Математическій разсчетъ.
Что́ ваша цыфра? Цыфра лжетъ,
Коль нѣтъ подъ нею вѣрныхъ данныхъ.
Не спорю: тщетно умъ паритъ
Порою въ сферахъ идеальныхъ;
Но счастья онъ не водворитъ
И тамъ, гдѣ жаждой онъ горитъ

Однихъ лишь благъ матеріальныхъ,
Гдѣ чистой нравственности нѣтъ,
Законность гдѣ калѣкой бродитъ
Иль фразами морочитъ свѣтъ,
А въ кровь и плоть не переходитъ, —
Гдѣ вредной роскоши чума
Переѣдаетъ міръ недужный,
И гдѣ нужна не честь сама,
А только чести знакъ наружный, —
Гдѣ нѣтъ сознанья у людей.
Что часто кровью пахнутъ розы,
Что въ брилліанты богачей
Превращены убогихъ слезы,
Что люди всѣ — одна семья,
И міру новымъ чтобъ явиться —
Для обновленья бытія
Онъ долженъ духомъ обновиться, —
Что правда не должна, какъ тать,
Дрожать предъ ложью закоснѣлой,
Но Божьей вѣстницей предстать...

. . . . . .

Искусство-жъ пусть своимъ путемъ
Идетъ, какъ шло съ начала вѣка,
И благородитъ человѣка
И проявляетъ Бога въ немъ!

МОЛОДОЙ.

О, это — проповѣдь! Въ морали
Мы все по ниткѣ перебрали:
Мечты старинныя! Повѣрь —
Среди движеній современныхъ
Для этихъ мыслей отвлеченныхъ
Совсѣмъ и мѣста нѣтъ теперь.
Ты фантазируешь... Ну кстати-ль?
А *я*, съ тобой чтобъ не уснуть,

Иду. Прощай, сѣдой мечтатель!
Я тороплюсь.

СТАРИКЪ.

Счастливый путь!
Идп. Но старческихъ мечтаній
Ты не считай въ числѣ преградъ
Для вашихъ свѣтлыхъ начинаній,
И вѣрь: я въ духѣ былъ бы радъ,
Когда-бъ по моему хоть трупу,
Какъ по гранитному уступу,
Билъ новый жизненный каскадъ.
Спѣши впередъ, младое племя!
Твоя дорога далека.
Коль у тебя я отнялъ время —
Прости болтливость старика!

ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА.

«Свѣтъ да будетъ»! — Божья сила
Изрекла — и мракъ исчезъ,
И для всѣхъ зажглись свѣтила
Въ безпредѣльности небесъ; —
И съ тѣхъ поръ, насъ одѣвая
Дня блестящаго въ парчу,
Ровно свѣтитъ вѣковая
Солнца лампа огневая
Бѣдняку и богачу.
Ни предъ кѣмъ тотъ свѣтъ не скрытенъ,
Всѣмъ доступенъ горній лучъ —
Тѣмъ, кто слабъ и беззащитенъ,
И тому, кто такъ могучъ:

А потомъ, какъ мгла ночная
Упадетъ на грѣшный міръ,
Пусть иной летитъ на пиръ,
Гдѣ сверкаетъ пыль земная,
Гдѣ поддѣльный блескъ великъ,
А иной зажжетъ лучину
Освѣтить тоску-кручину,
Иль затеплитъ свой ночникъ!

Но еще есть свѣтъ верховный,
Свѣтъ не солнца и планетъ,
Но чистѣйшій свѣтъ духовный,
Свѣтъ науки, Божій свѣтъ, —
И безъ этого сіянья
Тщетно-бъ шелъ за вѣкомъ вѣкъ:
Свѣтомъ нравственнаго знанья
Человѣкъ есть человѣкъ.
Кто нехочетъ, чтобъ доступенъ
Свѣтъ тотъ былъ для всѣхъ людей,
Тотъ — недобрый мужъ, преступенъ
Онъ предъ совѣстью своей,
И, съ ночнымъ злодѣемъ схожій,
Вставъ на брата своего,
Онъ срываетъ образъ Божій
Святотатственно съ него.
Самъ христосъ, учитель братства,
Тотъ, кѣмъ наша жизнь крѣпка,
Отъ духовнаго богатства
Не отторгнулъ бѣдняка.
Не лишилъ его ученья
И святыхъ своихъ чудесъ —
Онъ, что́ умеръ средь мученья
И на третій день воскресъ.
Воскресеньемъ Онъ прославилъ
Свой всецарственный престолъ;

Онъ воскресъ, а намъ оставилъ
Слово, грамоту, глаголъ,
И Воскресшаго глаголы —
Вѣчной жизни въ насъ залогъ.
Онъ — глава Воскресной школы,
Онъ — всеграмотности Богъ.
Будь-же, грамотность родная,
Дѣломъ вѣры и любви!
Восклицаемъ, начиная:
Царь небесъ! Благослови!

НА 1861.

«О Господи! Какъ время-то идетъ»!
Твердило встарь пробабушкино племя,
И соглашался съ этимъ весь народъ. —
Да полно, такъ-ли? Движется-ли время?
У насъ въ рѣчахъ подчасъ невѣренъ слогъ
Толкуемъ мы о прошломъ, проходящемъ
И будущемъ, а въ цѣломъ — міръ и Богъ
Всегда живутъ въ одномъ лишь настоящемъ.

И нѣту настоящему конца
И нѣтъ начала. Люди вздоръ городятъ
О времени; оно для мудреца
Всегда стоитъ, они-жь идутъ, проходятъ
Или плывутъ по жизненной рѣкѣ
И къ берегамъ относятъ то движенье,
Которое на утломъ челнокѣ
Свершаютъ сами. Всюду — заблужденье.

О родъ людской! морщины лбовъ
Считаетъ онъ, мытарства и невзгоды,

То съ нѣжной лаской ей колѣни цѣловала,
То, скорчась, у ея укладывалась ногъ
И согрѣвала ихъ дыханьемъ. Вдругъ — звонокъ
Въ передней: дѣвочка въ испугѣ задрожала,
Вскочила поблѣднѣвъ и мигомъ побѣжала
Узнать скорѣе: кто? — какъ бы самой судьбой
Входящій присланъ былъ. — Что, Леля, что съ тобой? —
Но Леля унеслась и ничего не слышитъ,
И вскорѣ, смутная, вернулась, еле дышитъ:
«Ахъ! Почтальонъ! Письмо!»... — Ну, чтожъ такое Дрянь!
Чего жь пугаться тутъ? Какъ глупо! Въ уголъ стань! —
И дѣвочка въ углу стоитъ и наблюдаетъ,
Какъ маменька письмо внимательно читаетъ;
Сперва она его чуть въ руки лишь взяла —
На розовыхъ устахъ улыбка расцвѣла,
А тамъ, чѣмъ далѣе въ особенность и въ частность
Пріятныхъ этихъ строкъ она вникаетъ, — ясность
Замѣтно, видимо, съ начала до конца,
Торжественно растетъ въ чертахъ ея лица, —
А Леля между тѣмъ за этимъ проясненьемъ
Слѣдила пристально съ недѣтскимъ разумѣньемъ,
И мысль ей на чело, какъ облако, легла,
И тонкой складочкой между бровей прошла,
И въ глазкахъ у нея пары туманной мысли
Въ двѣ крупныя слезы скруглились и нависли.
Богъ знаетъ, что тогда вообразилось ей!
Вдругъ — голосъ матери: — Поди сюда скорѣй!
Чтожъ, Леля, слышишь-ли? Ну вотъ! Что это значитъ,
Опять нахмурилась! Вотъ дурочка-то! Плачетъ!
Ну, поцѣлуй меня! О чемъ твоя печаль?
Чѣмъ ты огорчена? Чѣмъ? — «Мнѣ папашу жаль».
— Богъ взялъ его къ себѣ. Онъ дастъ тебѣ другаго,
Быть можетъ, папеньку, красавца, молодаго.
Военнаго; а тотъ, что умеръ, былъ ужъ старъ.
Ты помнишь — *пріѣзжалъ* къ намъ тотъ усачъ, гусаръ?

А? Помнишь — привозилъ еще тебѣ конфеты?
Вотъ — пишетъ онъ ко мнѣ: — онъ хочетъ, чтобъ одѣты
Мы были въ новыя, цвѣтныя платья; домъ
Намъ купитъ каменный, и жить мы будемъ въ немъ
И принимать гостей и танцовать. Ты рада? —
Но дѣвочка въ слезахъ прохныкала: «не надо».
— Ну: не капризничай! Покойнаго отца
Нельзя ужъ воротить. Онъ дожилъ до конца.
Онъ долго боленъ былъ: за нимъ ужъ какъ прилежно
Ухаживала я, о немъ заботясь нѣжно!
Притомъ мы въ бѣдности томились сколько лѣтъ!
Его любила я, ты это знаешь... — «Нѣтъ!
Ты не любила». — Вздоръ! Неправда! Вотъ обяжешь
Меня ты, если такъ при постороннихъ скажешь,
Дѣвчонка дерзкая! Ты не должна и смѣть
Судить о томъ, чего не можешь разумѣть.
Отецъ твой жизнію со мною былъ доволенъ
Всегда. — «А вотъ, мама, онъ былъ ужъ очень болѣнъ —
До смерти за два дня, я помню, ночь была:
Онъ стонетъ, охаетъ, я слышу; ты спала;
На цыпочкахъ къ дверямъ подкралась, и оттуда
Изъ-за дверей кричу: тебѣ, папаша, худо?
А онъ отвѣтилъ мнѣ: нѣтъ, ничего, я слабъ,
Не спится, холодно мнѣ, Леля, я озябъ;
А ты зачѣмъ не спишь? Усни! Господь съ тобою!
Запри плотнѣе дверь! А то я безпокою
Своими стонами васъ всѣхъ. Вотъ — замолчу.
Все скоро кончится. Утихну. Не хочу
Надоѣдать другимъ. — Мнѣ инда страшно стало,
И сердце у меня такъ билось, такъ стучало!...
Мнѣ было крѣпко жаль папаши. Вся дрожу
И говорю: вотъ я мамашу разбужу;
Она сейчасъ тебя согрѣетъ, приголубитъ.
А онъ сказалъ: оставь! И такъ вздохнувши — ухъ! —
Прибавилъ, чуть дыша и ужъ почти не вслухъ,

Да я подслушала: она... меня... не любитъ.
Вотъ видишь! Развѣ то была неправда? Врядъ!
Вѣдь передъ смертью всѣ ужъ правду говорятъ. —

НИЧЕГО.

Братцы! Бѣда! Вотъ сближается съ нашимъ фрегатомъ,
Высясь горою надъ нимъ, роковая волна,
Круто свернулась и страшнымъ, тяжелымъ накатомъ,
Мутно-зеленая, съ ревомъ подходитъ она;
Кажется, такъ и накроетъ, сомнетъ и проглотитъ,
Міръ нашъ пловучій, какъ щепку, вверхъ дномъ поворотитъ...
Грянула... Хвать черезъ бортъ!... Мигъ удара приспѣлъ...
Въ скрѣпахъ, въ основахъ своихъ весь фрегатъ заскрипѣлъ,
Вздрогнулъ, шатнулся; хлеснула по палубной крышѣ
Пѣна, а брызги кругомъ такъ и душатъ его...
Замеръ... Кончается... Люди! Безмолвствуйте! Тише!
Тсъ! Онъ подъемлется грудью все выше, все выше —
И на хребетъ той волны наступилъ... Ничего!

ВЛАДЫЧЕСТВО МОДЫ.

Пятнадцатый вѣкъ еще юношей былъ,
Стоялъ на своемъ онъ семнадцатомъ годѣ;
Парижъ и тогда хоть свободу любилъ,
Но слѣпо во всемъ раболѣпствовалъ модѣ;
Король и характеръ и волю имѣлъ,
А моды уставовъ нарушить не смѣлъ.

И модъ образцомъ королева сама,
Венсенскаго замка въ обители царской,
Служила... Поклонниковъ-рыцарей тьма
Тѣснилась вокругъ Изабеллы Баварской.
Чтожъ въ модѣ? — За пиромъ блистательный пиръ,
Интрига, любовь, поединокъ, турниръ.

Поутру — охота въ Венсенскомъ лѣсу,
Рога и собаки, олени и козы;
На дню — сто забавъ, сто затѣй на часу;
А вечеромъ — балъ, упоеніе, розы, —
И тайныхъ свиданій условленный часъ
. . . . . .

И мода сердиться мужьямъ не велитъ:
На шалости женъ они смотрятъ безъ гнѣва.
На съѣздахъ придворныхъ — толпа волокитъ:
Ихъ дерзости терпитъ сама королева,
По общей покатости вѣка скользя.
Король недоволенъ, но... мода! — Нельзя!

Тутъ любятъ по модѣ, любовь тутъ не страсть;
Прилично-ли жъ дѣлать скандалъ изъ пустаго?
Конечно, онъ можетъ... сильна его власть, —
Но — что потомъ скажутъ про Карла шестаго!..
Какой же онъ рыцарь? Толпа закричитъ, —
И сжался король, притаился, молчитъ.

Но какъ-то — красавецъ Людовикъ Бурбонъ
Не вздумалъ, мечтая о прелести женской,
Отдать королю надлежащій поклонъ,
Летя къ королевѣ дорой венсенской,
И такъ его рыцарскій жаръ увлекалъ,
Что мимо онъ гордо въ галопъ проскакалъ.

Король посмотрѣлъ и подумалъ: «сверхъ мѣръ
Влюбленъ этотъ рыцарь. По пылкой природѣ
Пускай онъ какъ модныя спѣшитъ кавалеръ,
Но быть такъ невѣжливымъ — это не въ модѣ!
Не даромъ король я. Ему-жъ на бѣду,
Постой-ка, я новую моду введу!»

Сквозь чащу Венсенскаго лѣса, къ рѣкѣ
Шли люди потомъ возвѣстить эту моду —
И въ полночь, при факелахъ, въ черномъ мѣшкѣ
Какая-то тяжесть опущена въ воду;
Мѣшокъ тотъ водѣ поручила земля
Съ короткою надписью: «судъ короля».

Поклонниковъ рой съ той поры все рѣдѣлъ
Вокругъ Изабеллы. Промчалися годы —
И все измѣнилось. Таковъ ужъ удѣлъ
Всего въ этомъ мірѣ! Мѣняются моды:
Что прежде блестѣло — наполнилось тьмой,
И замокъ Венсенскій явился тюрьмой.

ЛЮБИТЪ.

Ты шутила хохотала,
Но порой, при взглядѣ ясномъ,
Тайной мысли тѣнь мелькала
На лицѣ твоемъ прекрасномъ.

И питались въ ней: тревога,
Ожиданье и забота...
А гостей тутъ было много,
Только не было кого-то.

Онъ явился: взоръ привѣтный
На него ты обратила,
И съ улыбкой чуть замѣтной
Тихо очи опустила.

И, въ задумчивости сладкой,
Изъ очей тѣхъ лучъ денницы
Пробивался все украдкой
Сквозь поникшія рѣсницы;

А чтобъ скрыть отъ злой разглядки
Алыхъ щекъ огонь нескромный —
Ручка въ палевой перчаткѣ
Оправляла локонъ темный.

И, оправившись немножко.
Ты недвижна оставалась...
Лишь коралловая брошка
Все сильнѣй приподымалась.

ВЕЛИКОЕ ДѢЛО.

«Нѣтъ болѣе рабства!» — Владыка сказалъ —
И царское слово пошло, загудѣло,
И тамъ, гдѣ былъ рабъ — человѣкъ тамъ восталъ.
Великое слово! Великое дѣло!

Во храмѣ Господнемъ, въ виду алтаря,
При дымѣ кадилъ и молитвахъ народа,
Даримое людямъ устами Царя
Гремитъ благодатное слово: свобода!

И принялъ народъ отъ Царя своего,
Въ смиреніи, — милость его безъ предѣла,
Бояре! Содѣйствуйте-жъ волѣ его
Въ грядущемъ устройствѣ великаго дѣла!

Не взрывъ своеволья, не дикая страсть
Здѣсь вольности призракъ являетъ народу:
Здѣсь любящимъ сердцемъ державная Власть
Покорному міру даруетъ свободу.

Встань, новая сила — для вольныхъ трудовъ!
Дай Боже, чтобъ дивною жатвой созрѣло,
Торжественно шествуя въ роды родовъ,
Великое слово, великое дѣло!

НЕ НАДО.

Ты счастье сулишь мнѣ... Охъ, знаю я, да!
Что счастье? — Волненье! Тревога!
Восторги! — Богъ съ ними! Совсѣмъ не туда
Ведетъ меня жизни дорога.

Я знаю, что счастье поднять не легко.
Ну, мнѣ ли тащить эту ношу?
Я съ нею, повѣрь, не уйду далеко,
А скорчусь и вмигъ ее сброшу.

Я въ томъ виноватъ ли, что въ пылкихъ дѣлахъ
Порывистыхъ силъ не имѣю,
Что *прытко ходить* не могу въ кандалахъ,
Безъ крыльевъ летать не умѣю?

Усталъ я, усталъ. У судьбы подъ рукой
Душа моя отдыху рада.
Покоя хочу я; мнѣ нуженъ покой,
А счастья мнѣ, право, не надо!

КЪ ИНОКИНѢ.

Я зналъ тебя, когда въ семъ мірѣ
Еще ребенкомъ ты была
И, ставъ поэтовъ юныхъ въ клирѣ,
Перстами дѣтскими на лирѣ
Аккорды первые брала.
Потомъ дѣвицею-мірянкой
Являлась ты въ семьѣ людской,
Но свѣта лживою приманкой
Талантъ не увлекался твой.
И вотъ — обѣтомъ послушанья
Сковавъ всѣ думы и мечты,
Свой даръ склонивъ подъ гнетъ молчанья,
Явилась инокиней ты.
Прости, что предъ тобой я смѣю
Предстать и въ эти времена,
Быть можетъ — съ грѣшною моею
И ложной мыслью! Вотъ она:
Таланты Богомъ намъ даются.
Коль въ гимнахъ, ими что поются,
Горятъ небесные лучи,
То и съ церковнаго порога
Тотъ поднялъ голосъ противъ Бога,
Таланту кто сказалъ: «молчи!
«Молчи! Я у тебя отъемлю
Права на пѣснь, на вѣщій стонъ.

Уйди въ пустыню! Вройся въ землю;
Иль въ кельѣ будь похороненъ!»
Неправъ, кто, сдавшись словъ сихъ грому,
Готовъ, въ отказъ святымъ правамъ,
Внимать наставнику земному,
А не евангельскимъ словамъ.

Не сотворивъ себѣ кумира,
Талантъ! свѣтиломъ міру будь!
Въ быту мірскомъ сквозь дрязги міра
Пробей монашественный путь!
И стой, — не за стѣной угрюмой,
Но смутъ житейскихъ посреди,
Съ своей отшельнической думой
И честной схимою въ груди!
Любви небесной дай намъ пламень!
Явись съ участьемъ, — не съ грозой,
И грудь людскую, — этотъ камень, —
Прожги молитвенной слезой!

Я — ученикъ, я не учитель,
Я червь земли, не сынъ небесъ,
Но и не демонъ-искуситель,
Не посланный изъ ада бѣсъ,
Который хочетъ къ вѣчной мукѣ
Тебя привлечь бряцаньемъ словъ;
Я самъ божественной наукѣ
Учиться у тебя готовъ.
Себя не чту, не именую
Я вѣдущимъ, но предаю
На судъ твой мысль мою земную,
Какъ грѣхъ, какъ исповѣдь мою.

Притомъ, средь думъ моихъ грѣховныхъ,
Тебѣ я жалуюсь, скорбя,

На гордыхъ пастырей духовныхъ,
На цѣлый свѣтъ и на тебя.
Когда не могъ я быть послушнымъ
Суду учителей кривыхъ,
Ни оставаться равнодушнымъ
Къ велѣнью Божьихъ словъ святыхъ, —
Когда изъ хладныхъ сферъ деизма
Скорѣй предаться былъ я рядъ
Смолѣ кипящей скептицизма, —
Я думалъ: христіанинъ-братъ,
Чтобъ утолить мнѣ сердца муку,
Ко мнѣ свой голосъ устремитъ,
Съ любовью мнѣ протянетъ руку
И нечестивца вразумитъ. —
Просилъ я свѣта, разумѣнья, —
И чтожъ? Учители смиренья,
Свой гнѣвомъ духъ воспламеня,
Подъ небомъ о Христѣ мнѣ братья
Свои мнѣ бросили проклятья,
Швырнули камнями въ меня; —
И ты, вдыхая свѣтъ эѳирный,
Ко мнѣ безжалостна была
И, средь молитвъ, изъ кельи мирной
Свой камень также подняла!

ПЕРЕВОДЫ И ПОДРАЖАНІЯ.

I.

РЕБЯЧЕСТВО.

Шестнадцать было ей, а мнѣ двѣнадцать только.
Рѣзвясь и о любви не думая нисколько,
Чтобъ съ Лизой поболтать свободно вечеркомъ, —
Я маменьки ея ухода ждалъ тайкомъ,
И тутъ поодаль мнѣ отъ Лизы не сидѣлось:
Я придвигался къ ней; мнѣ ближе быть хотѣлось.

Какъ много отцвѣло съ тѣхъ поръ весеннихъ розъ!
Какъ много перешло людей, гробовъ и слезъ!
Порою думаешь: гдѣ эти розы, слезы?
Гдѣ Лиза и мои ребяческія грезы?
Тогда любились мы. Мы были съ ней вдвоемъ
Двѣ птички, два цвѣтка — въ убѣжищѣ своемъ.

Я любопытствовалъ. Она была *большая*,
А я былъ *маленькій*. Стократно вопрошая:
Къ чему и для чего? — я спрашивалъ: — зачѣмъ? —
Чтобъ только спрашивать. Когда моя пытливость
Въ ней возбуждала вдругъ иль нѣжную стыдливость,
Или задумчивость — я все твердилъ: зачѣмъ?

Потомъ показывалъ я ей свои игрушки,
Моихъ солдатиковъ, мой киверъ, саблю, пушки;
Я книги всѣ свои предъ ней перебиралъ, —
Латынь мою, латынь, — предметъ моихъ усилій:
Вотъ, говорилъ я, Федръ! А вотъ и мой Виргилій!
Потомъ я говорилъ: отецъ мой — генералъ.

И Лизѣ для молитвъ, для церкви, для святыни,
Знать было надобно немножко по-латыни, —
И вотъ, чтобъ ей помочь перевести псаломъ,
Къ ней на молитвенникъ склоняться мнѣ случалось,
Когда молились мы, — и въ этотъ мигъ, казалось,
Насъ ангелъ осѣнялъ лазуревымъ крыломъ.

Она, какъ взрослая, свободно, безъ уклонокъ,
Мнѣ говорила: «*ты*». Вѣдь что-жъ я былъ? Ребенокъ.
Я «вы» ей говорилъ; я робокъ былъ и глупъ.
Со мною вмѣстѣ разъ надъ книжкою нагнулась
Она — и... Боже мой! Щека ея коснулась
Своими розами моихъ горящихъ губъ;

Я вспыхнулъ, покраснѣлъ, и спрятался наивно
Подъ локономъ ея, и крѣпко, инстинктивно
Прижался къ ней, приникъ... И вырвалась, скользя,
Она изъ рукъ моихъ съ увертливостью гибкой,
И, обратясь ко мнѣ съ лукавою улыбкой,
Произнесла: «шалунъ!» — мнѣ пальчикомъ грозя.

II.

ЗАВТРА.

(Отрывокъ изъ стихотворенія: Napoléon II).

Куреньемъ славы упоенный,
Съ младенцемъ-сыномъ на рукахъ,
Леталъ онъ *) думой дерзновенной
Въ грядущихъ царственныхъ вѣкахъ

---

*) *Наполеонъ I.*

И мыслилъ: «будущее — наше.
Да, — вотъ — мой сынъ! Оно — мое». —
Нѣтъ, государь! Оно не ваше;
Ошиблись вы: оно — ничье.
Пусть наше темя — вамъ подножье,
Пускай весь міръ отъ васъ дрожитъ,
Сегодня — ваше; *завтра* — Божье:
Оно не вамъ принадлежитъ!
О, это *завтра* зыбко, шатко;
Оно — глубокій, страшный день;
Оно — великая загадка,
Бездонной вѣчности ступень,
Того, что въ этомъ *завтра* зрѣетъ,
Изъ насъ никто не разъяснитъ.
Сегодня человѣкъ посѣетъ,
А *завтра* Богъ произраститъ.
Сегодня вы на тронѣ крѣпки,
Вы царь царей — Наполеонъ,
А завтра что? — Осколки, щепки,
Вязанка дровъ — вашъ славный тронъ.
Сегодня Аустерлицъ, огонь Ваграма, Іены,
А завтра — дымный столбъ пылающей Москвы;
А завтра — Ватерло, скала святой Елены;
А завтра?.. Завтра — въ гробѣ вы.

Всевышній уступилъ на долю вамъ пространство:
Берите! — Время онъ оставилъ лишь себѣ.
Лавровые лѣса — лба вашего убранство;
Земля вся ваша; вамъ нѣтъ равнаго въ борьбѣ.
Европу, Африку вы мнете подъ собою; —
Пускай и Азію отдастъ вамъ Магометъ,
Но завтрашняго дня вы не возьмете съ бою:
Творецъ вамъ не уступитъ, — нѣтъ!

III.

КАПЛЯ.

Между скалъ струя бѣжала
Чистой, хладною слезой,
И по каплѣ ниспадала
Въ море, полное грозой.
«Это что? — Мнѣ сестры — бури»,
Море гнѣвно говоритъ, —
«Слито съ небомъ я въ лазури,
«Молній блескъ на мнѣ горитъ.
«Крошка! Ты о чемъ хлопочешь?
«Мнѣ ль, гиганту, ты помочь —
«Мнѣ ль воды прибавить хочешь?
«Трудъ напрасный! Плакса! Прочь!» —
— Да, бассейнъ твой, море, полонъ, —
Струйка молвила, — но я
Влить хочу въ тебя, — ты солонъ, —
Каплю годнаго питья.

IV.

СМЕРТЬ.

Надъ нивой жизненной я видѣлъ эту жницу:
Схвативъ блестящій серпъ въ костлявую десницу,
Она, повсюду страхъ и ужасъ разнося,
Шагала, тѣнь серпомъ махая и кося, —
И триумфаторы подъ взмахомъ этой жницы
Падали съ побѣдной колесницы;

Тутъ рушился алтарь, тамъ низвергался тронъ,
И обращались въ прахъ и Тиръ, и Вавилонъ,
Младенецъ — въ горсть земли, и въ пыль—зачатокъ розы,
А очи матери — въ источникъ вѣчный — въ слезы, —
И скорбный женскій стонъ мнѣ слышался: «отдай!
За тѣмъ-ли, чтобъ терять, мнѣ сказано: «рождай!?»
Я слышалъ общій вопль неисходимой муки.
Тамъ изъ-подъ войлока высовывались руки
Окостенѣлыя, и все расло, расло
Людскихъ могилъ, гробовъ и савановъ число.
То было торжество печали, тьмы и хлада,
И въ вѣчный мракъ неслась, какъ трепетное стадо
Подъ взмахомъ грознаго, нещаднаго серпа,
Народовъ и племенъ смятенная толпа; —
А сзади роковой и всеразящей жницы,
Съ челомъ, увѣнчаннымъ сіяніемъ зарницы,
Блестящій ангелъ несъ чрезъ блѣдныхъ лицъ толпы,
Сей жатвой снятыхъ душъ обильные снопы.

V.

РОЗА ВЪ РУКАХЪ ИНФАНТЫ.

Она — еще дитя; при ней — надзоръ дуэньи; —
И съ розою въ рукѣ, въ чистѣйшемъ упоеньи,
Она глядитъ... на что? — Богъ вѣдаетъ. На все:
Вотъ — свѣтлая вода! Вотъ, оттѣнивъ ее,
Душистый лавръ и миртъ стоятъ благоговѣйно.
Вотъ лебедь плаваетъ по зеркалу бассейна.
Вотъ — весь въ лучахъ, въ цвѣтахъ благоуханный садъ.
Обширный паркъ, дворецъ, звѣринецъ, водопадъ!
Тамъ — лани быстрыя подъ зеленью мелькнули.

Тамъ — звѣздоносный хвостъ павлины развернули.
Какъ горный снѣгъ, бѣла малютка, — да она
Невинна сверхъ того: двойная бѣлизна!
На берегу пруда, подъ ножками инфанты
Росинки на травѣ блестятъ, какъ брилліанты;
Предъ нею-жъ, посреди всѣхъ видовъ и картинъ,
Сапфирный снопъ воды пускаетъ вверхъ дельфинъ.
Нарядъ ея блестящъ: баскина кружевная;
По пышной юбочкѣ, межъ складками блуждая,
Нить золота прошла и змѣйкой обвилась,
И вдругъ то выглянетъ, то спрячется въ атласъ.
А роза полная, поднявъ свой вѣнчикъ чудной
Бутона свѣжаго изъ урны изумрудной,
Казалось, въ царственномъ цвѣту своемъ была
Для крошечной руки малютки тяжела;
Когда-жъ она въ цвѣтокъ, какъ въ чашу изъ коралла,
Прозрачный носикъ свой съ улыбкой погружала, —
Та роза, заслонивъ ребенку пол-лица
Листками своего широкаго вѣнца,
Съ румяной щечкою такъ совпадало чудно,
Что щечку отличить отъ розы было трудно.
Прелестное дитя! — Глаза какъ послѣ бурь
Открывшихся небесъ глубокая лазурь,
И имя райское: Марія. Свѣжесть—въ краскахъ,
Молитва — въ имени, и Божье небо — въ глазкахъ.
Прелестное... притомъ несчастное дитя!
Она уже свое величье не шутя
И въ дѣтствѣ чувствуетъ, — и глядя на природу,
Она съ младенчества гнететъ ея свободу.
На солнце, на поля, на каждый въ мірѣ видъ
Она ужъ маленькой владычицей глядитъ,
И въ этой куколкѣ начатокъ королевы
Такъ явственъ, что мертвитъ всѣ игры, всѣ напѣвы,
А смертнаго она и видѣть не могла
Прямымъ, какимъ его природа создала:

ѣдъ нею онъ всегда, почуявъ близость трона,
ялся согнутымъ въ тяжелый крюкъ поклона; —
ятилѣтнѣе престольное дитя,
зенки гордые на мелочь сбратя,
ѣетъ важничать и мыслить: «я — инфанта!
уду нѣкогда дюшессою Брабанта!
омъ мнѣ Фландрію, и Сардинію дадутъ!
розу для меня — имперію сорвутъ, —
оза — такъ, пока»... И кто-нибудь некстати
кай дотронется до этого дитяти,
я-бъ имѣя цѣль, что онъ его спасетъ, —
частный голову на плаху понесетъ!

ъ этотъ дѣтскій ликъ улыбку, — не угрозу, —
ставилъ. Вотъ она — въ рученкѣ держитъ розу, —
а среди цвѣтовъ прелестнѣйшій цвѣтокъ.

ь гаснетъ. Птички, въ свой забившись уголокъ,
адываетъ спать своихъ пискливыхъ дѣтокъ.
ь пурпуръ запада между древесныхъ вѣтокъ
озитъ, эѳирную раскрашивая синь
росивъ отблескъ свой на мраморныхъ богинь,
орыя въ саду, имъ озаряясь, блещутъ
дрожащемъ воздухѣ и, кажется, трепещутъ.
ъ тихій вечера, приблизившись тайкомъ,
ылъ солнце подъ волной и пташку подъ листкомъ.

. . . . . .

отъ, межъ тѣмъ какъ здѣсь — ребенокъ да цвѣтокъ,
ъ — заключенная въ тотъ царственный чертогъ,
каждый острый сводъ висѣлъ тяжелой митрой,
Римъ служилъ рѣзцомъ, и кистью, и палитрой,
амнемъ зодчества, — виднѣлась тѣнь одна,
окну перенося свой образъ отъ окна.
ало, цѣлый день, какъ на кладбищѣ мрачномъ,

Являлась эта тѣнь въ окнѣ полупрозрачномъ,
Задумчиво склонивъ на тусклое стекло
Злой мыслью взрытое и блѣдное чело!
Отъ мысли той весь міръ сжимался, цѣпенѣя.
Тѣнь эта, къ вечеру все становясь длиннѣе,
Ходила... Страшный видъ! Во тьмѣ ходила тьма,
И шагъ свершался тотъ въ размѣрѣ неуклонномъ,
Какъ колокола ходъ въ обрядѣ похоронномъ.
Кто это былъ! — Король. Не онъ, — такъ смерть сама.

Да, то былъ онъ, Филиппъ,—онъ, жизнь и смерть творенья
Такого призрака, такого привидѣнья
Другаго въ мірѣ нѣтъ. — Изъ темной глубины
Вотъ онъ глядитъ въ окно, прижавшись у стѣны.
Что-жъ видитъ онъ теперь? — Конечно, не ребенка,
Не розу, не зорю вечернюю, такъ тонко
Накинувшую свой румянецъ на пруды,
Не садъ, не лебедя на зеркалѣ воды,
Не птичекъ, кончившихъ дня Божьяго пирушку
И острымъ носикомъ цѣлующихъ другъ дружку,
О нѣтъ, — въ его глазахъ глубокихъ, роковыхъ,
Подъ бровью жесткою, нависшею на нихъ,
Теперь отражена далекая громада,
Могучій флотъ его, — великая Армада,
Несущаяся тамъ, среди шумящихъ волнъ,
И видится ему, — тревоги робкой полнъ,
Тотъ островъ, — Альбіонъ, что смотритъ изъ тумана,
Какъ громъ его браздитъ равнину океана.
Грозя и Англіи, и всѣмъ концамъ земли,
Въ его глазахъ, въ мозгу несутся корабли.
Армада — вотъ одинъ всесильный, неизмѣнный
Рычагъ, которымъ онъ подниметъ полъ-вселенной!
Побѣдоносная — она летитъ туда —
Филипповой судьбы зенитная звѣзда!

Король Филиппъ второй былъ идеалъ тирана.
Ни Каинъ библіи, ни образъ Аримана
Такъ не были черны, какъ этотъ властелинъ.
Онъ міромъ управлялъ съ невидимыхъ вершинъ,
Какъ нѣкій горній духъ. Онъ жилъ и ненавидѣлъ.
Міръ вѣдалъ, что онъ живъ, но міръ его не видѣлъ.
Смерть знала, что онъ живъ. Въ Эскуріалѣ онъ
Безмолвнымъ ужасомъ былъ вѣчно окруженъ.
Сливался онъ для всѣхъ въ одно со сферой звѣздной,
Съ пространствомъ, съ міромъ силъ, съ какой-то страшной бездной.
Гдѣ приближался онъ, тамъ приближался рокъ,
Которому никто противустать не могъ;
Сама судьба тряслась, визжа отъ лютой боли,
И корчилась въ клещахъ его желѣзной воли;
Душа его была таинственна, какъ гробъ,
Глаза — два факела, уста — могильный склепъ.
Его былъ крѣпокъ тронъ фундаментомъ коварства;
Трактъ былъ оградою его нѣмаго царства.
Одѣтый въ черное, казалось, облеченъ
Самъ въ трауръ о своемъ существованьѣ онъ,
И черная, какъ ночь, тьма власти непреклонной
Казалась лошадью его статуи конной.
Какъ сфинксъ, все пожиралъ онъ мыслью — и молчалъ;
Онъ и не спрашивалъ, а каждый отвѣчалъ.
Улыбки онъ не зналъ: улыбка — лучъ денницы,
Непроникающій въ подобныя темницы;
Когда-жъ, бодрясь душой, онъ сбрасывалъ съ нее
Оцѣпенѣніе змѣиное свое,
Но съ тѣмъ, чтобъ умножать всеобщій духъ боязни
Своимъ присутствіемъ близъ палача при казни,
И на зрачкахъ его рдѣлъ пламени разгулъ,
Когда онъ на костеръ собственно-устно дулъ. —
Ужасный для всего, — для всѣхъ стремленій вѣка,
Ни правъ, для совѣсти, для мысли человѣка.

Онъ былъ — въ честь римскаго, въ честь папскаго креста,
На царствѣ сатана подъ именемъ Христа.
Какъ группы ящерицъ изъ темныхъ норъ пещерныхъ,
Дѣла ползли изъ думъ его неблаговѣрныхъ.
Нѣтъ во дворцахъ пировъ, иллюминаціи нѣтъ:
Одно аутодафе имъ сообщало свѣтъ;
Эскуріалъ и всѣ Филипповы чертоги
Дремали, какъ въ лѣсу звѣриныя берлоги.
Тамъ казни — для забавъ, измѣны — для потѣхъ!
Не мучить, не пытать — Филиппъ считалъ за грѣхъ,
И самая мечта душа сей сокровенной
Носилась тяжестью надъ трепетной вселенной,
Да и молился онъ едва-ль передъ добромъ:
Его молитва шла, какъ отдаленный громъ,
И жглись, какъ молніи, тирана сновидѣнья, —
А тѣ, кто былъ его предметомъ помышленья,
Кричали въ ужасѣ: «насталъ нашъ смертный часъ!
Насъ кто-то давитъ, жжетъ, смертельно душитъ насъ».
На гибель тамъ себя народы обрекали,
Гдѣ эти два зрачка вперялись и сверкали.

Изъ хищно-птичьихъ лицъ отмѣнны эти два:
Карлъ пятый, — коршунъ злой, Филиппъ второй, — сова.

Въ камзолѣ бархатномъ, кромѣшной тьмы чернѣе,
Онъ, съ орденомъ руна королевской шеѣ,
Неизмѣняющій ни позъ своихъ, ни мѣстъ,
Вдругъ къ удивленію, какъ будто сдѣлалъ жестъ,
И даже, — чудеса, коль это не ошибка! —
На стиснутыхъ губахъ нарѣзалась улыбка, —
Улыбка страшная, конечно, и сполна
Никто-бъ не разгадалъ, что значила она, —
А это значило: въ открытомъ, шумномъ морѣ
Теперь мой огнь и громъ несутся на просторъ,
Моя Армада — тамъ, и страхомъ обуянъ

Предъ ней смиряется строптивый океанъ:
Такъ древле средь своихъ мятежныхъ волнъ разбѣга
Потопъ былъ устрашенъ явленіемъ ковчега,
Валы равняются, становятся въ ряды
И лижутъ кораблей широкіе слѣды,
И назначенья ихъ познавъ святую цѣну,
Чтобъ путь ихъ умягчить, имъ подстилаютъ пѣну,
И каждая скала преобразилась въ портъ,
И крики слышатся: «на палубу!—на бортъ!—
На мачту! — къ парусу!» — Попутный вѣтеръ дышитъ.
Вотъ — барабанъ! свистокъ! — Филиппъ все это слышитъ,
Все видитъ мысленно, и мнитъ: все это — я!
Я — кормчій кораблей; ихъ движетъ мысль моя, —
И Англія дрожитъ, блѣднѣетъ предъ Армадой,
Поникла, и ничто не служитъ ей оградой.
Такъ мыслилъ онъ. Въ сей мигъ, казалося, горѣлъ,
Въ рукѣ Филипповой пукъ громоносныхъ стрѣлъ,
И въ царственныхъ мечтахъ лишь видъ сей развернулся,—
Державный гробовщикъ впервые улыбнулся.

Въ Каирѣ нѣкогда единый изъ владыкъ,
Который силою и славой былъ великъ,
У воднаго ключа своей мечети главной
На камнѣ начерталъ рукою своенравной:
«Аллаху — небеса, мнѣ — дольній міръ, земля».
Деспотъ-султанъ — двойникъ тирана-короля.
Тиранство, деспотизмъ — одно съ другимъ такъ схоже!
Что начерталъ султанъ, король нашъ мыслилъ то же.

А тамъ, — на берегу бассейна, — то дитя,
На розу пышную глазенки опустя,
Къ губамъ своимъ ее подноситъ и цѣлуетъ.
Вдругъ — темныхъ тучъ напоръ и сильный вѣтеръ дуетъ.
Вода возмущена; трясутся митръ жасминъ;
Деревья клонятся до корня отъ вершинъ,

И розы лепестки какой-то духъ зловредный
Вдругъ въ воду побросалъ изъ рукъ инфанты блѣдной.
Такъ что у ней въ рукѣ едва остаться могъ
Съ шипами острыми колючій стебелекъ.
Кто смѣетъ такъ шутить? — И трепетомъ объята
Инфанта смотритъ вверхъ; не небо-лъ виновато?
Тамъ — чернота кругомъ. Она глядитъ туда, —
Въ бассейнъ: тамъ моршится и пѣнится вода,
Прудъ свѣтлый моремъ сталъ, и по волнѣ сердитой
Листочки носятся, какъ будто флотъ разбитый:
Судьба армады здѣсь, — такъ небеса хотятъ!
И гнѣвное дитя насупило свой взглядъ,
Немало удивясь, какъ смѣютъ такъ свободно
Здѣсь дѣлать то, что ей, — инфантѣ, — не угодно, —
И вотъ — она должна досадой кончить день!
Малютка сердится, угрюмо брови хмуря...

При этомъ, слѣдуя за нею, словно тѣнь,
Дуэнья говоритъ: позвольте! Это — буря,
А вѣтеръ иногда, хоть это и не шло-бъ,
Такъ дерзокъ, что не чтитъ и царственныхъ особъ.

VI.

ЖЕЛАНІЯ.

Коль есть хоть уголъ свѣта,
Гдѣ бездна красоты,
Гдѣ все весна да лѣто,
И все — цвѣты, цвѣты, —
Я тамъ бы понемножку
Подъ маленькую ножку

Провелъ тебѣ дорожку,
Гдѣ все-бъ гуляла ты!

Когда средь прозы свѣта,
Корысти и тщеты,
Осталась отъ поэта
Хоть тѣнь его мечты
(Что міръ зоветъ химерой)—
Пускай бы, съ теплой вѣрой,
Лишь этой атмосферой
Всегда дышала ты!

Когда межъ хламомъ свѣта
И прахомъ суеты,
Одна хоть грудь согрѣта
Святыней правоты, —
Къ такому изголовью,
Смѣясь людей злословью,
Дай Богъ, чтобы съ любовью
Челомъ склонилась ты!

VII.

ПРОСНИСЬ!

Проснись, моя радость! Ужъ слезы
Роняетъ роса на цвѣты.
Когда пробуждаются розы, —
Ужель не пробудишься ты?

Утро блещетъ; —
Другъ идетъ,

И трепещетъ,
И поетъ.

За дверью твоей переклича:
Я — день! — восклицаетъ заря,
Я — пѣснь! — откликается птичка,
Я — чувство! — грудь вторитъ моя.

Утро блещетъ; —
Другъ идетъ,
И трепещетъ,
И поетъ,

Я въ милой два міра сближаю:
Въ ней небо и землю ловлю,
Въ ней — ангела я обожаю;
Въ ней — женщину страстно люблю.

Утро блещетъ;
Другъ идетъ,
И трепещетъ,
И поетъ.

Творенья Творецъ не обидѣлъ:
Всевышній меня надѣлилъ
Глазами, чтобъ прелесть я видѣлъ,
И сердцемъ, чтобъ сердце любилъ.

VIII.

ФІАЛКА И МОТЫЛЕКЪ.

«Какъ наши участи различны межъ собою!» —
На бархатномъ лужкѣ

Сказала нѣкогда, увлажившись росою,
Фіалка мотыльку. —

«По рѣзвой прихоти ты вьешься въ свѣтѣ горнемъ,
А я — внизу, во мглѣ,
Всегда прикована своимъ извитымъ корнемъ
Къ безрадостной землѣ.

А все-жъ мы любимся. Обоимъ, съ дня рожденья,
Намъ человѣкъ — злодѣй,
Обоимъ лучше намъ — въ глуши уединенья,
Подальше отъ людей.

Немножко сходны мы: тебя зовутъ поэты
Порхающимъ цвѣткомъ,
Меня-жъ зовутъ они... читалъ ты ихъ куплеты?..
Сидячимъ мотылькомъ.

Я часто въ воздухѣ слѣжу твое мельканье
И, милаго любя,
Стараюсь, чтобъ и тамъ мое благоуханье
Достигло до тебя; —

Да нѣтъ! Къ другимъ цвѣткамъ умчишься ты далеко,
А я смотрю весь день
Все подъ ноги себѣ, по солнцу одиноко
Свою вращая тѣнь.

Богъ знаетъ, гдѣ ты тамъ, какъ время ты проводишь
Въ лазурныхъ небесахъ;
Лишь къ утру прилетишь — и на зарѣ находишь
Всегда меня въ слазахъ.

Чтобъ намъ не розниться, чтобъ намъ итти одною
Стезею бытія,

Иль крылья дай ты мнѣ, иль, чтобъ сидѣть со мною,
Укоренись, какъ я!»

IX.

ТЫ ЛЮБИШЬ?

Ты любишь, милая? Послушай же: любовь —
Сначала зеркало, гдѣ, въ трепетномъ движеньѣ,
Встрѣчаетъ дѣвушка свое изображенье,
Своею прелестью любуясь вновь и вновь; —
И лучше, и добрѣй она себя находитъ;
Мечтательность ее до тѣхъ высотъ возводитъ,
Гдѣ чистой благостью сіяетъ красота;
Любовью убѣлясь, она почти свята.
Потомъ—съ вершины спускъ; нога скользитъ все ниже,
Силъ удержаться нѣтъ, — и бухъ въ водоворотъ!

Такъ иногда къ рѣкѣ ребенокъ подойдетъ;
Вода заманчива, онъ къ ней все ближе, ближе:
Увидитъ въ ней себя, въ лицо себѣ плеснетъ
Водицей, голову наклонитъ,
И вдругъ — скользитъ, упалъ, — и бѣдное дитя
Въ одной же все рѣкѣ, невинно съ ней шутя,
Глядится, моется и тонетъ.

X.

НЕ БОЙСЯ.

Не бойся, добрая и любящая мать,
За сына своего, когда онъ понимать
Такъ рано началъ все! Не полагай, что это —
Недолговѣчности опасная примѣта.
Пускай твой маленькій — задумчивъ и угрюмъ,
Какъ будто ужъ его коснулся сумракъ думъ!
Кто знаетъ? Можетъ быть, подобно птичкѣ бѣлой,
Сидящей на скалѣ въ виду освирѣпѣлой
Пучины моря, онъ ужъ видитъ сквозь туманъ,
Какъ близится къ нему весь жизни океанъ.
Ребенокъ хмурится, какъ птичка хохлитъ перья; —
А ты, полна любви, исполнись и довѣрья
Къ святому Промыслу, и посмотри свѣтло
Ребенка милаго на умное чело.
Мечтаетъ онъ?—Такъ чтожъ? Къ мечтамъ такъ близокъ геній!
Мечты тѣ выжгутся въ горнилѣ размышленій;
Мыслитель будетъ онъ, а мысль — святой залогъ
Всего великаго; въ ней жизнь міровъ, въ ней Богъ,
Да! Пламенная мысль, сказавъ «твори!» таланту,
Даетъ Мильтону рай, адъ завѣщаетъ Данту.
Повѣрь: великая ребенка участь ждетъ,
Когда онъ жаждетъ знать, когда предузнаетъ.
Не даромъ дѣйствуетъ въ немъ Прометеевъ пламень.
Онъ вопросительно глядитъ теперь на камень,
А тамъ—съ рѣзцомъ въ рукѣ и съ мраморомъ въ борьбѣ,—
Онъ Микель-Анжело намъ воскреситъ въ себѣ
И дивный образъ дастъ порфирамъ и гранитамъ, —
Или воителемъ предстанетъ знаменитымъ,
И посреди царьковъ и поземельныхъ картъ
Въ немъ міру явится Францискъ иль Бонапартъ,

И царственный игрокъ, лишь славы отголоску
Внимая, міръ сочтетъ за шахматную доску,
Гдѣ будетъ раздвигать несмѣтныхъ пѣшекъ рядъ,
Пока ему судьба не скажетъ: шахъ и матъ!
Какъ знать? Пойдетъ съ трубой иль подъ компаснымъ румбомъ
Онъ въ небо Гершелемъ, иль въ океанъ Колумбомъ,
Схватить сквозь горы волнъ, или сквозь весь эѳиръ,
Иль новую звѣзду, иль новый чудный міръ.
Кто вѣдаетъ? Среди младенческихъ усилій
Растетъ, быть можетъ, въ немъ пѣвецъ пѣвцовъ,—Виргилій,
Стремящійся сорвать безсмертія вѣнецъ,
Стихомъ поколебать весь міръ и, наконецъ,
Крылатымъ геніемъ, подобно дивной тѣни,
Летѣть по головамъ грядущихъ поколѣній.

XI.

РОЗА И МОГИЛА.

Могила у Розы спросила:
«О Роза! Во что обратила
Тѣ слезы чистѣйшія ты,
Тотъ жемчугъ — сокровище взора,
Что каждое утро аврора
Роняла тебѣ на листы?» —
— Не тщетно тѣ слезы мной взяты,
Сказала царица красотъ:
Я, ихъ обративъ въ ароматы,
Творила и амвру и медъ.
А ты, роковая могила,
Зѣвая, глотая, губя,
Ты что изъ тѣхъ жертвъ сотворила,

Что̀ грудой валятся въ тебя? —
Могила отвѣтила смѣло:
«За каждое въ бездну мою
Упавшее мертвое тѣло
Я ангела небу даю».

XII.

БѢДНЫЕ ЛЮДИ.

Пустынный берегъ. Ночь. Шумъ бури. Темнота.
Убога и ветха, но крѣпко заперта
Рыбачья хижина. Въ дрожащемъ полусвѣтѣ
Рисуются вдоль стѣнъ развѣшенныя сѣти.
Отъ углей, тлѣющихъ въ высокомъ комелькѣ,
Мелькаетъ алый кругъ на сѣромъ потолкѣ,
И отблескъ кое-гдѣ играетъ красноватый
На бренныхъ черепкахъ посуды небогатой,
Въ березовомъ шкафу уставленной. За нимъ
Широкая кровать подъ пологомъ простымъ;
А дальше — на скамьяхъ, покрытыхъ тюфяками,
Спятъ дѣти малыя. Ихъ пятеро. Клубками
Свернулись, съежились. Отъ бурныхъ вьюгъ и стужъ,
Казалось, скрыто тутъ гнѣздо безперыхъ душъ.
Ктожъ эта женщина? — Она въ тѣни, съ тоскою,
Колѣни преклонивъ, поникла головою
На полускрытую завѣсами кровать
И тихо молится: о, это, вѣрно — мать!
Она одна, въ слезахъ, въ тревогѣ, въ страхѣ, въ горѣ, —
А тамъ — предъ хижиной — бушующее море.

Мужъ тамъ, средь ярыхъ волнъ. Съ младенчества морякъ,
Онъ презираетъ все — ревъ бури, ночи мракъ;

Онъ долженъ и въ грозу свои закинуть сѣти,
Онъ долженъ — потому что голодаютъ дѣти;
Онъ долженъ съ вечера, пока морской приливъ
Благопріятствуетъ, ладью свою спустивъ,
Четыре паруса, какъ слѣдуетъ, уставить,
А тамъ — изволь одинъ и дѣйствовать, и править!
Жена тогда чинить изорванную сѣть,
Да между тѣмъ должна и за дѣтьми смотрѣть,
И рыбный супъ сварить, глотая дымъ и копоть,
И разное старье домашнее заштопать.

Плыви, рыбакъ! Трудись! Ищи среди валовъ
Мѣстечка, гдѣ хорошъ бываетъ рыбный ловъ!
А мѣсто это какъ, вы-бъ думали, пространно?
Съ большую комнату; притомъ — непостоянно:
Оно то тамъ, то здѣсь; кругомъ же — океанъ!
Плыви! А тутъ и дождь, и холодъ, и туманъ, —
И волны вкругъ ладьи и надъ ея краями,
Клубясь, вращаются зелеными змѣями.
Онъ мыслитъ о женѣ, она его зоветъ
Среди своихъ молитвъ, — и пущены въ-разлетъ,
Ихъ мысли, какъ изъ гнѣздъ поднявшіяся птицы,
Крестъ-на-крестъ мечутся въ пространствѣ безъ границы.

Вотъ жребій рыбака! — А въ этотъ самый часъ
Танцуютъ гдѣ-нибудь: тамъ бархатъ и атласъ,
Цвѣты, гирлянды, блескъ. А тутъ — во тьмѣ беззвѣздной
Пловучая доска надъ разъяренной бездной,
Да жалкій лоскутокъ дыряваго холста,
На палку вздернутый: плыви! А тутъ — мѣста,
Гдѣ смерть со всѣхъ сторонъ, и мели, и утесы!
А дома — хлѣба нѣтъ, а дома — дѣти босы.
Тамъ гдѣ-нибудь — пиры; тамъ роскошь свыше мѣръ,
Мечты, и замыслы, и мало-ли химеръ, —
А тутъ одна мечта — въ разрѣзъ напорамъ водянымъ,

Добравшись къ берегу холоднымъ и голоднымъ,
Взглянуть у пристани дню свѣтлому въ лицо,
Причалить, вдѣть канатъ въ желѣзное кольцо,
И лишь до вечера вкусить покой желанный
Въ семействѣ, близъ своей хозяйки доброй — Жанны!

О Жанна бѣдная! Твой мужъ теперь одинъ
Подъ бурей на морѣ, средь бѣшеныхъ пучинъ!
Одинъ — въ глухую ночь! Хоть бы подмога въ сынѣ!
Да дѣти малы всѣ: такъ думаешь ты нынѣ,
А тамъ, какъ взрослые поѣдутъ съ нимъ, — повѣрь,
Ты скажешь: «лучше-бъ имъ быть малыми теперь»!
Она беретъ фонарь: «пойду! взгляну! Вѣдь вскорѣ
Вернуться долженъ мужъ. Не тише-ль стало море?
Пора бы утру быть»! — Пошла и смотритъ: нѣтъ!
Все бурно. Дождь идетъ. Въ слезахъ стоитъ разсвѣтъ.
Раждающійся день, какъ бы боясь явиться,
Расплакался о томъ, что надобно родиться.

Та въ трепетѣ идетъ. Хоть гдѣ-бъ-нибудь окно
Мелькнуло огонькомъ! Кругомъ все сплошь черно.
Дороги не видать. Вотъ, покривясь, горюетъ
Лачуга темная; сквозь щели вѣтеръ дуетъ,
Раскачивая дверь; а крыша... Боже мой!
Въ ней еле держится отвагой лишь одной
Злой бурей взрытая изгнившая солома.
Ужель живущіе тамъ говорятъ: «мы — дома»?

«Постой-ка! Дай — зайду»! подумала она —
Мимоидущая. «Вѣдь тамъ живетъ одна
Несчастная. О ней говаривалъ со мною
Мой мужъ. Намедни онъ нашелъ ее больною.
Она вдова. Узнать, что, какъ она теперь»!
И съ этой мыслію стучится Жанна въ дверь.
Отвѣта не дастъ пустынное жилище.

«Больна!.. А дѣти-то? Пожалуй, вѣдь, безъ пищи!
Ихъ двое. Безъ отца»! — Она еще стучитъ:
«Эй, отоприте мнѣ, сосѣдка»! — Все молчитъ.
«Впустите»! — Наконецъ невѣдомой судьбою
Дверь двинулась — и входъ открылся самъ собою.
И Жанна въ дверь вошла, лучами фонаря
Жилище страждущей вдовицы озаря,
Гдѣ тотъ же крупный дождь, холодный, сверху на полъ
Сквозь дырья потолка, какъ черезъ сито, капалъ, —
И что же? — Въ глубинѣ, въ углу — ужасный видъ! —
Навъ навзничь, женщина недвижная лежитъ
Въ лахмотьяхъ; обуви нѣтъ на ногахъ бѣдняги;
Въ глазахъ — безжизненность стоячей, мутной влаги.
Домохозяйка — мать! Ужели это ты?
Вѣдь это трупъ? — Да, трупъ почившей нищеты.
Вотъ все, что на землѣ отъ матери осталось!
Какъ передъ смертію страдалица металась,
Такъ и застыла тутъ. Рука, позеленѣвъ
И съ войлока спустясь, виситъ окоченѣвъ —
И пальцы скорчены, — и въ нѣмотѣ ужасной
Разомкнуты уста, отколь душа несчастной
Рванулась, испустивъ въ предсмертный, страшный мигъ.
Послѣдній, слышанный лишь вѣчностію крикъ.

Близъ мертвой матери сномъ счастья упивались
Младенцы нѣжные и сладко улыбались —
Два — въ общей люлькѣ ихъ. То были сынъ и дочь.

Мать, чувствуя ужъ смерть, старалась превозмочь
Еще сама себя: привставъ, на нихъ взглянула
И ножки имъ своей шубенкой обвернула,
А тѣльцо — юбками, чтобъ было имъ тепло,
Чтобъ смертнымъ холодомъ на нихъ не понесло
Отъ трупа матери; — ея покровъ пусть грѣетъ
Малюточекъ и тогда, какъ трупъ охолодѣетъ!

И какъ покоенъ сонъ согрѣвшихся дѣтей!
Тиха ихъ колыбель. Казалось, спящихъ въ ней
И страшнаго суда звукъ трубный не разбудитъ.
Пусть Судія придетъ! Вѣдь имъ суда не будетъ:
Невинны! — Не-зачѣмъ и пробуждаться имъ.

А дождь межъ тѣмъ грозитъ потопомъ міровымъ.
Порою съ потолка вдругъ капля дождевая
Летитъ — и на чело умершей упадая
И по щекѣ катясь, становится слезой.
А звонкая волна, подъ вихремъ и грозой,
Бьетъ въ берегъ и гудитъ, какъ колоколъ набатный.
Усопшая, сквозь мракъ и сонъ свой необъятный,
Какъ будто слушаетъ, что тѣни говорятъ,
Какъ будто хочется ей душу взять назадъ,
И, кажется, уста отверстыя и очи
Недвижныя — ведутъ бесѣду въ безднѣ ночи:
Дыханье ваше гдѣ? — глаза устамъ твердятъ,
Уста-жъ въ укоръ глазамъ: куда вашъ дѣлся взглядъ?

Любите! Радуйтесь! Живите! Веселитесь!
Ликуйте на пирахъ! На балъ въ цвѣты рядитесь!
Какъ ни блестящъ ручей — все въ темный океанъ
Ему назначенъ путь. Удѣлъ намъ общій данъ:
Забавамъ юности, всѣмъ пѣснямъ, играмъ, шуткамъ,
Улыбкѣ матери, любви ея къ малюткамъ,
Лобзанью страстному двухъ пламенныхъ особъ —
Всему одинъ конецъ: холодный, мрачный гробъ!

Чтожъ Жанна, хижину умершей оставляя,
Несетъ теперь съ собой, близъ сердца укрывая?
Какая ноша тутъ? Что такъ трепещетъ грудь
У Жанны? Что она свой ускоряетъ путь?
Что значитъ этотъ взглядъ, исполненный тревоги?
Зачѣмъ у ней дрожать, подкашиваясь, ноги?

Украла-ль что-нибудь у мертвой? Неужель?
Она пришла домой и на свою постель
Ту ношу бережно, при первомъ утра блескѣ,
Сложила — и спѣшитъ задернуть занавѣски.

И сѣла, блѣдная, у той постели. Страхъ
И внутренній укоръ во всѣхъ ея чертахъ;
Къ подушкамъ голова склонилась; въ членахъ трепетъ,
И на устахъ ея дрожитъ несвязный лепетъ:

«А онъ-то? — Боже мой! — Еще забота! Вотъ!
И такъ въ трудахъ всю ночь! Вонъ — море-то реветъ!
А онъ еще все тамъ! — И что на умъ мнѣ вспало!
Своихъ вѣдь пятеро: нѣтъ! Показалось — мало.
Что я надѣлала? Пусть онъ меня побьетъ!
Охъ, надо, надо бить — и больно. Чу!.. Идетъ?..
Нѣтъ! Нѣту никого. Тѣмъ лучше. Что отвѣтить?
Охъ, страшно, страшно такъ теперь его мнѣ встрѣтить
Входящаго!.. Нѣтъ! нѣтъ! Пусть онъ нейдетъ теперь!
А вотъ... мнѣ кажется... нѣтъ! Вѣтеръ стукнулъ въ дверь».

И вотъ — она сидитъ, поникла, еле-дышетъ,
И словно ничего не видитъ и не слышитъ.

Вдругъ распахнулась дверь — и съ парой добрыхъ словъ
Передъ своей женой явился рыболовъ;
Глядѣлъ онъ весело, а за его плечами
Съ увлаженныхъ сѣтей вода лилась ручьями.

И вспрянувъ, будто вдругъ отъ сна пробуждена,
Съ огнемъ любовницы такъ и впилась жена
Устами въ грудь его — и жаръ ея привѣта
Прогрѣлъ ему сукно измокшаго жилета:
»Морякъ мой»! — Твой морякъ. Да вотъ — со мной бѣда!
Совсѣмъ ограбленъ я. Грабитель — вѣтеръ. Да.

А море — это лѣсъ. Всѣ снасти поломались.
Рыбенки не привезъ: вотъ — сѣти изорвались.
Веревка лопнула, — и въ лодку-то волна
Хватила было такъ... Да что ты такъ блѣдна?
Перепугалась? Вздоръ! О Господи-Владыко!
Бѣда не велика. Поправимся! Скажи-ка:
Ну какъ ты безъ меня? Что дѣлала? — Кто? Я?
Да такъ, какъ и всегда. Вѣдь мало-ли шитья,
Вязанья? Между тѣмъ мнѣ было страшно: море
Шумѣло, выло такъ...» — Ну что же? Эко горе!
Вѣдь намъ не въ первый разъ. — Да... кстати... я попыда
Провѣдать... Знаешь что? Сосѣдка умерла —
Та бѣдная вдова... Теперь осталось двое
Сиротокъ... Мальчикъ-то... несчастіе такое! —
Еще почти грудной, — и дѣвочка мала.
Бѣдняжки! Мать-то ихъ вѣдь нищая была».

Задумался морякъ и, скомкавъ словно тряпку,
Швырнулъ онъ подъ скамью свою морскую шапку,
Наморщась, почесалъ затылокъ и вздохнулъ. —
Эхъ, трудно, — говоритъ, — а то ужъ я смекнулъ,
Что сдѣлать надобно. Да только... со своими
Едва справлялись мы. Тѣхъ пять, — а съ семерыми
Какъ справиться? Легко-ль вскормить да воспитать?
И такъ безъ ужина порой ложимся спать.
А впрочемъ... Божья власть! Его ужъ это дѣло!
У этой мелюзги, у мелочи незрѣлой,
Зачѣмъ Онъ отнялъ мать? Вѣдь это — пыль да пухъ!
Тутъ думать нечего: возьмемъ и этихъ двухъ!
Ступай, жена, бери, покуда не проснулись!
При нихъ вѣдь мертвая... Слышь: двери пошатнулись —
Покойница идетъ просить за нихъ. Возьмемъ:
Пусть заодно ростутъ всѣ дѣти всемеромъ!
Всѣ, вмѣстѣ съ нашими, пусть будутъ сестры, братья!
Вкругъ насъ пусть ползаютъ! Не сдѣлаемъ изъятья!

Богъ вѣрно сжалится, дастъ больше рыбы намъ,
Счастливѣй будетъ ловъ; вдвойнѣ я буду самъ
Трудиться... Что же ты такъ медлишь? Тратишь время?
Не сердишься-ли ты? Быть можетъ, это бремя
Тебя пугаетъ? А?

А та ему: «взгляни»!
Отдернувъ занавѣсъ, сказала: «вотъ они»!

XIII.

(Изъ А. Шенье).

I.

Зоилы! Критики вѣнчанные! Идите!
Вотъ вамъ мои стихи: браните! говорите,
Что Муза у меня дерзка иль холодна,
Что стихъ мой нехорошъ, что риѳма неполна!
Я съ умысломъ грѣшилъ. Мнѣ брань отъ васъ — отрада!
А ваша похвала была бы мнѣ досадна.
Въ академическихъ вѣнцахъ вы иногда
Похожи на царя фригійскаго, когда
Трещитъ у васъ въ рукахъ элегія иль ода,
О еслибъ демонъ — другъ всего людскаго рода —
Вамъ вздернулъ руку вверхъ въ то время, чтобы вы
Почуяли, своей коснувшись головы,
Какъ черствый педантизмъ, оцѣпенивъ вамъ души,
Межъ листьями вѣнцовъ вытягиваетъ уши.

2.

Красавицы! Мужскимъ оставьте головамъ
Науки тяжкій трудъ! А вы... Довольно вамъ
Занятій женственныхъ и легкихъ дарованій.
Какъ видѣть было-бъ жаль . . . . . созданій,
Съ математическимъ анализомъ въ борьбѣ,
Согбенныхъ надъ сухимъ, холоднымъ a + b!
И еслибъ ихъ уста тѣ формулы шептали,
То послѣ, ночью, врядъ они шептать бы стали,
Такъ нѣжно, сладостно и трепетно дыша
Средь вздрагиваній, ласкъ и стоновъ наслажденья:
«О ангелъ мой! Люблю... мой другъ!., моя душа» —
Всѣ эти имена послѣдняго томленья.

3.

Влюбленныхъ козъ супругъ брадатый и зловонный
Сатира поразитъ напрягъ свой лобъ наклонный.
Сатиръ, предусмотрѣвъ мигъ стычки роковой,
Сталъ противъ, упершись копытною ногой.
Намѣтились — и вдругъ — лобъ въ лобъ! Ударъ раздался —
И воздухъ застоналъ, и лѣсъ поколебался.

4.

Амуръ *взялся* за плугъ — и, земледѣлецъ новый,
Запрягъ въ ярмо воловъ, на нихъ взялъ бичъ суровый,

И чуть лишь свѣжая бразда проведена —
Онъ, щедрою рукой кидая сѣмена,
Властительно кричитъ къ Юпитеру: «послушай!
Не порти жатву мнѣ ни влагою, ни сушей!
Не то — съ Европой вновь явлюсь я — мститель твой —
И вновь ты склонишься мычащей головой!»

5.

Сѣдаго пастуха дочь юная! Слегка
Ты тридцать пребольшихъ кувшиновъ молока —
Что вечеръ — надоишь. Но тутъ одна изъ стада
Есть телка бурая: ея беречься надо;
Она такъ зло глядитъ, — пасется все дичась —
Поодаль отъ другихъ. Предъ нею наклонясь
Не тронь, не нажимай сосцовъ ея обильныхъ,
Пока одной изъ ногъ брыкающихъ и сильныхъ
Не стянутъ ловко ей, опасность отклоня,
Охранной петлею упругаго ремня!

6.

Разъ, луга злачнаго переходя границу,
Блуждающій сатиръ нашелъ въ травѣ цѣвницу:
Цѣвницу ту богъ стадъ случайно потерялъ,
А звуками ея онъ весь Олимпъ плѣнялъ.
Чтобъ показать себя въ искусствѣ мусикійскомъ,
Сатиръ созвалъ всѣхъ нимфъ на берегу Азійскомъ, —
И почему-жъ чудесъ ему не произвесть?

Ѣдь у него и ротъ и пальцы также есть,
. музыка сидитъ въ орудіи. Ни слова!
ся аудиторія внимать ему готова.
Сатиръ трудиться сталъ: приткнувъ мохнатый ротъ
Къ отверстью одному, по скважинамъ онъ бьетъ
Перстами, щеки вздулъ, въ поту, весь преданъ мукамъ —
И разразилась вдругъ какимъ-то дикимъ звукомъ
Цѣвница. Общій смѣхъ раздался. Пристыженъ
Вмигъ изъ собранія сатиръ далъ тягу; онъ
Бѣжать пустился въ лѣсъ, въ слезахъ, гонимъ судьбами,
Преслѣдуемъ собакъ и лаемъ и зубами.

7.

Измѣна милой намъ всегда горька, обидна,
Хотя-бъ тотъ избранный, что ею сталъ любимъ,
Достоинъ такъ, что ей возлюбленнымъ не стыдно
Признать его, а намъ — соперникомъ своимъ.
Но часто... о судьба!.. счастливецъ тотъ любимый
Таковъ, что за него краснѣть принуждены мы, —
А дѣлать нечего? Преданіе гласитъ,
Что соблазнителемъ не разъ бывалъ Ѳерситъ.
Порой для женщины причиною паденья
Бываетъ лишь одна приманка преступленья.

8.

Нѣтъ, гнѣвъ любовника не стоекъ. Еслибъ ты
Увидѣлъ милую, когда въ слезахъ сознанья

Она, горя огнемъ стыдливой красоты,
Сама себя винитъ и сыплетъ оправданья, —
Когда, безъ низкихъ просьбъ, твоей пощады вѣсть
Ей хочется скорѣй въ глазахъ твоихъ прочесть,
И, косы распустивъ, открывъ уста, безъ рѣчи,
Какъ будто невзначай пріобнажая плечи,
Повидимому, вновь еще сильнѣй любя,
Она возводитъ взоръ молящій на тебя, —
Ты-бъ вмигъ, чтобы ее избавить отъ терзаній,
Прощенье пролилъ ей потоками лобзаній.

9.

Приблизиться утромъ къ ней, когда Морфей снотворно
Свой подсыпаетъ макъ, цвѣты его и зерна,
Въ подушку мягкую, и томная рука
Красавицы, скользя, блуждаетъ, и слегка
Лучъ солнца крадется подъ пухъ рѣсницъ закрытыхъ,
И тѣни снова дрожатъ на розовыхъ ланитахъ!

10.

Мучительная ночь! Да скоро-ли заря
Взойдетъ? Скажите мнѣ: дождусь-ли утра я?
Подумайте, всю ночь ворочаться — какъ сладко!
Несносная тоска, истома, лихорадка!
Камилла! Это ты — всему виной. Ты спишь,
Камилла, — а меня безсонницей томишь,
Да, ты, моя любовь; — о, еслибъ ты хотѣла —

Ночь эта для меня-бъ, какъ птица, пролетѣла.
Средь сонныхъ грезъ твоихъ душа моя вiясь,
Летаетъ надъ тобой. Поутру пробудясь,
Прочтешь мои стихи — узнаешь все. О боги!
Съ тяжелой головой привставъ въ ночной тревогѣ,
Тобою полонъ весь, писалъ я; на меня
Смотрѣлъ унылый свѣтъ лампаднаго огня,
Когда со вздохами я слезъ обильныхъ влагу
И душу проливалъ и сердце на бумагу; —
А ты, Камилла, спишь; закрытъ твой ясный взоръ;
Чрезъ нѣжныхъ, алыхъ устъ нѣмой полурастворъ
Струится легкій паръ спокойнаго дыханья —
Паръ, полный теплоты и розъ благоуханья!
Но если ты не спишь, Камилла, и когда
Мнѣ сладость отдыха полночнаго чужда,
Ты въ это время... ты — средь счастія земнаго
Преступно бодрствуешь въ объятіяхъ другаго,
И между тѣмъ, какъ мнѣ безсонница горька,
Ты ночь бранишь за то, что слишкомъ коротка!..

О богъ забвенія! Приди, закрой мнѣ очи,
Задерни ихъ на вѣкъ завѣсой смертной ночи!
Она теперь... съ другимъ. Громъ! Молнія! Гроза!
О боги! для чего вы дали мнѣ глаза,
Способные судить о красотѣ? Напрасно
Вы сердце дали мнѣ, которое не властно
Предохранить себя отъ ядовитыхъ ранъ
И вводится легко въ прельстительный обманъ?
Другая—съ красотой скромнѣйшей—лучше любитъ,
И, дорожа своимъ возлюбленнымъ, не губитъ
Его такъ вѣтренно; ей можно довѣрять:
Она любовника боится потерять
За тѣмъ, что ей не такъ легко найти другаго.
Она вѣрна: предъ ней соблазна роковаго
Не ставятъ здѣсь и тамъ; — а кроткія черты,

Веселость, ровный нравъ — замѣна красоты.
Красавица-жъ, когда неугомонно всюду
О ней шумятъ, кричатъ: «вотъ красота! вотъ чудо!»—
Готова оскорблять святыню чувства — да!
Она становится капризна и горда;
Сегодня вамъ она оказываетъ нѣжность,
А завтра — явную, обидную небрежность, —
И коль у ней изъ рукъ иной и ускользнетъ —
Бѣда не велика: у ней толпа, народъ.
Она любуется наружностью своею
И чувствуетъ любовь, внушенную лишь ею.

II.

Всѣ страждутъ; но въ глазахъ другаго каждый радъ,
Въ притворствѣ горе скрывъ, стать веселѣй на взглядъ.
Жаль каждому себя, и втайнѣ всѣ находятъ,
Что прочіе свѣтлѣй и лучше жизнь проводятъ;
Имъ, при своихъ бѣдахъ, бѣдъ ближнихъ не видать, —
И всякъ свою печаль любя маскировать,
Себѣ лишь говоритъ при переводѣ вздоха:
Всѣмъ въ мірѣ хорошо, мнѣ одному лишь — плохо!
Всякъ жребій свой клянетъ и каждый бы хотѣлъ
На участь ближняго свой обмѣнить удѣлъ;
А между тѣмъ — все вздоръ! Исполнись ихъ желанье —
Что вышло-бы? — Промѣнъ страданья на страданье!

XVII.

ПОДРАЖАНІЯ СОНЕТАМЪ ШЕКСПИРА.

1. (CLIV).

Однажды крѣпко спалъ Амуръ, — любви божокъ,
Отбросивъ факелъ свой, для всѣхъ сердецъ опасный, —
И къ мѣсту этому вдругъ подлетѣлъ кружокъ
Нимфъ, давшихъ клятву жить въ невинности безстрастной.

И вотъ — одна изъ нихъ рукой своей прекрасной
Схватила факелъ тотъ, что множество поджегъ
Сердецъ, замученныхъ потомъ тоской напрасной,
И бросила его на дно въ рѣчной потокъ, —

И словно безъ меча, что полководцу нуженъ,
Влюбленныхъ армій вождь лежалъ обезоруженъ,
Потокъ же сталъ горячъ, цѣлебенъ навсегда, —

И я имъ излѣчить хотѣлъ любви невзгоду,
Но — нѣтъ! — Огонь любви разгорячаетъ воду,
А пламенной любви не холодитъ вода.

---

2. (CLIII).

Однажды Купидонъ, склонясь вѣнкомъ кудрей,
И факелъ опустивъ, уснулъ среди поляны;
Подкравшись къ сонному, одна изъ жрицъ Діаны
Взяла тотъ пламенникъ — и въ воду поскорѣй.

И хладнаго ключа вода теплѣй, теплѣй, —
И животворнаго потока бьютъ фонтаны,

И притекаютъ къ нимъ толпы больныхъ людей,
И язвы тамъ цѣля, излѣчиваютъ раны.

Проснувшись, факелъ свой схватилъ любви божокъ,
Коснулся Хлои глазъ и вновь его зажегъ —
И къ сердцу мнѣ поднесъ, а я не остерегся, —

И, страждущій, пошелъ къ цѣлебному ключу,
Но мнѣ не помогло: себя я излѣчу
Лишь влагою очей, гдѣ факелъ тотъ возжегся.

---

3. (CXXI).

Есть люди честные, а низкими слывутъ.
Не лучше-ль быть, чѣмъ слыть? Вѣдь чистыхъ наслажденій
И вовсе не найдешь, коль ихъ отдать подъ судъ
Не совѣсти своей, а постороннихъ мнѣній.

Толпа причудлива, но для моихъ причудъ
Не умягчитъ своихъ сердитыхъ убѣжденій.
Не стану же и я, — какъ я ни слабъ, ни худъ, —
Слабѣйшихъ, худшихъ, чтить, боясь ихъ осужденій.

Во мнѣ есть то, что есть. Свѣтъ судитъ вкривь и вкось.
Да, — онъ способенъ быть лазутчикомъ, шпіономъ,
Но не судьей. Онъ, мнѣ, лишь только-бъ довелось,

Свой приписавъ порокъ, сразитъ меня закономъ.
Чтобъ быть судьей грѣховъ, пусть онъ въ законъ бы ввелъ:
«Всякъ грѣшенъ; смертный — царь, а грѣхъ — его престолъ».

---

4. (LXVI).

Я жизнью утомленъ, и смерть — моя мечта.
Что вижу я кругомъ? Насмѣшками покрыта,
Проголодалась честь, въ изгнаньѣ правота,
Корысть — прославлена, неправда — знаменита.

Гдѣ добродѣтели святая красота?
Пошла въ распутный домъ: ей нѣтъ иного сбыта!..
А сила гдѣ была послѣдняя — и та
Среди слѣпой грозы параличемъ разбита.

Искусство сметено со сцены помеломъ:
Безумье каѳедрой владѣетъ. Праздникъ адскій!
Добро ограблено разбойнически зломъ;

На истину давно надѣтъ колпакъ дурацкій. —
Хотѣлъ бы умереть; но друга моего
Мнѣ въ этомъ мірѣ жаль оставить одного.

---

5. (XXVII).

Съ дороги — бухъ въ постель, а сонъ все мимо, мимо.
Усталый тѣломъ, я и радъ бы отдохнуть,
Но мысль не хочетъ спать, и къ той, что мной любима,
Сейчасъ пускается въ дальнѣйшій, трудный путь.

Мысль — эта странница, идетъ неутомимо
На поклоненіе къ тебѣ, и мнѣ уснуть
Минуты не даетъ; глазъ не могу сомкнуть,
Вперенныхъ въ тьму, во мракъ, въ то, что слѣпцами зримо.

И зоркостью души я, — безъ пособья глазъ,
Я — вижу тѣнь твою. Она — живой алмазъ
Во мракѣ полночи. Ночь эта блещетъ ею

И ею молодитъ свой черный старый ликъ.
Я-жъ отъ тебя ни днемъ, ни ночью, ни на мигъ —
Здѣсь — тѣломъ, тамъ — душой, покоя не имѣю.

---

6. (XXVIII).

Могу-ль я быть здоровъ, спокойствіе сгубя?
Отрады ночью нѣтъ мнѣ за дневныя муки,
На день грядущій сномъ не подкрѣпишь себя; —
Днемъ на ночь наберешь запасъ тоски и скуки.

День съ ночью — два врага, другъ друга не любя,
Союзно мнѣ вредить другъ къ другу тянутъ руки:
Днемъ мучусь я съ тобой, а ночью — безъ тебя;
Днемъ — трудъ свиданія, а ночью — скорбь разлуки.

Дню сѣрому я льщу: я говорю, что онъ
Тобою освѣщенъ, тобою изукрашенъ.
Я ночи также льщу: когда угрюмъ и страшенъ

Ея беззвѣздный видъ, — твержу, что небосклонъ
Блеститъ свѣтилами очей твоихъ, а очи
Твои мнѣ портятъ дни и отравляютъ ночи.

---

7. (CXLVI).

Душа моя! О Духъ! чистый въ сферѣ грѣшной!
Корою грубою ты обведенъ кругомъ.
Зачѣмъ же красишь ты, лощишь покровъ свой внѣшній
И въ роскоши такой содержишь этотъ домъ?

Ты ненадолго въ немъ. Ты дальній гость, не здѣшній,
А на отдѣлку стѣнъ все тратишься. Потомъ
Ты выѣдешь, а червь, — преемникъ твой поспѣшный, —
Сейчасъ на твой же счетъ и запируетъ въ немъ.

Пусть лучше этотъ домъ постраждетъ! Что въ немъ проку
А ты будь бережливъ, не траться, но копи!
Часть времени продай, часть вѣчности купи!

Что скорлупу беречь? Зерну дай больше соку!
Самъ смерть ты объѣдай, — ту смерть, что ѣстъ людей.
Перемоги ее, — чтобы не достаться ей.

---

8. (CXLVII).

Когда изъ хроники былыхъ временъ порою
Я описанія прекрасныхъ лицъ читалъ,
Я много алыхъ устъ, глазъ съ огненной игрою,
Красивыхъ ногъ и рукъ въ открывкахъ подмѣчалъ.

Вѣдь были-жъ древніе знакомы съ красотою!
Но въ этихъ очеркахъ я, кажется, встрѣчалъ
Намеки лишь на то, что нынѣ лишь тобою
Для насъ осуществлена чистѣйшій идеалъ.

Быть можетъ, древніе въ пророчество впадали
О нашемъ времени, и творческимъ чутьемъ
Въ грядущей красотѣ тебя предугадали, —

Но не могли воспѣть, чуть грезя о твоемъ
Существованіи; они тебя не знали...
Мы знаемъ, но и мы — глядимъ и не поемъ,

---

9. (LIX).

Коль правда, что ничто не ново, все обычно,
Что наше новое — лишь снова введено, —
Изволь изобрѣтать! Носи, рождай вторично
Дитя, которое ужъ было рождено!

Но нѣтъ! Исторія пусть мнѣ укажетъ лично
Твой образъ, бывшій тамъ — когда-нибудь давно,
И пусть исторія докажетъ мнѣ логично,
Что намъ твое лицо теперь повторено!

Коль такъ, хотѣлъ бы я знать древнихъ лѣтъ сужденье
О красотѣ твоей: я вразумился-бъ имъ,
Что на землѣ у насъ — прогрессъ или паденье,

Иль то-жъ все вторится путемъ чередовымъ.
Но, — я увѣренъ, — встарь рождало удивленье
И то, въ чемъ мы теперь несовершенства зримъ.

Забудь меня совсѣмъ! Любовь нарядишь въ ложь —
Себя лишь пристыдишь и трупъ мой въ стыдъ введешь.
Умру — не говори ни слова о покойномъ!

Обоимъ стыдно намъ: свѣтъ вѣрно-бъ такъ рѣшилъ.
Мнѣ стыдно: — въ мірѣ я такъ мало совершилъ,
Тебѣ: — твоя любовь жила на недостойномъ.

---

12. (LXXIV).

Когда мой часъ пробьетъ и въ положенный срокъ
Сорветъ меня съ земли неумолимый рокъ —
Я буду жить въ стихахъ; въ нихъ сохраненъ судьбою,
Всегда, мой вѣрный другъ, останусь я съ тобою.

Взгляни на нихъ и знай, что въ нихъ моя сполна
Существенная жизнь тебѣ посвящена.
Земля! Возьми мой трупъ! Свое своимъ зачисли!
Тыжъ лучшее возьмешь — свѣтъ разума, свѣтъ мысли.

Что потеряешь ты съ кончиною моей?
Мой неподвижный прахъ, горсть пыли, снѣдь червей —
Вѣдь памяти твоей прахъ этотъ недостоинъ.

А если цѣнное кой-что заключено
И было въ прахѣ томъ, то, милый другъ, оно
На вѣкъ останется съ тобою: будь спокоенъ!

XVIII.

ИДЕАЛЫ.

Итакъ — пробилъ намъ часъ разлуки!
О юность, пиръ моей весны!
Твои и радости и муки
И упоителаные сны —
Уходитъ все. Уныья полный,
Тебя зову: останься тутъ!
Вотще! — Твои стремятся волны
И въ море вѣчности текутъ.

Угасли яркія свѣтила,
Мнѣ озарявшія тотъ путь:
Пропала огненная сила
Мечтаній, наполнявшихъ грудь;
Исчезла сладостная вѣра
Въ мечтанья тѣ; — все, все взяла
Сухой существенности сфера,
Чѣмъ жизнь божественна была.

Какъ древле свой скульптурный камень
Пигмаліонъ въ объятьяхъ сжалъ, —
И вдругъ, почуя жизни пламень
Согрѣтый мраморъ задрожалъ, —
Природа камнемъ мнѣ предстала,
Но я простеръ объятья къ ней, —
И та зажглась, затрепетала
На творческой груди моей, —

Возбуждена моимъ воззваньемъ,
Нѣмая свой глаголъ нашла,
И мнѣ отвѣтяла лобзаньемъ,

И голосъ сердца поняла.
Все мнѣ откликнулось послушно, —
Кустъ розы, дерево, ручей,
И то, что было такъ бездушно,
Вдругъ жизнью вспыхнуло моей.

Все, все съ привѣтомъ жаркой ласки
Въ младую грудь втѣснилось вдругъ
И облеклось въ живыя краски,
Въ дѣянье, въ слово, образъ, звукъ.
Какъ міръ великимъ мнѣ казался,
Пока не вышелъ изъ зерна!
Въ развитьѣ-жъ какъ онъ малъ остался,
И эта малость какъ бѣдна!

Съ какою бодрою охотой,
Безумьемъ замысловъ богатъ,
Не взнузданъ тягостной заботой,
Я прянулъ въ жизнь и жить былъ радъ!
Все, — до блѣднѣйшихъ звѣздъ эѳира —
Мечтой тотъ юноша хваталъ,
И въ высь, и въ даль предѣловъ міра
На крыльяхъ мысли улеталъ.

Преградъ не зная, легкой птицей
Счастливецъ мчался, жизнь неслась,
А передъ жизни колесницей
Шла свита рѣзвая, кружась;
Любовь — съ гирляндой благовонной,
И *Счастье* съ золотымъ вѣнцомъ,
И *Слава* съ звѣздною короной,
И *Знанье* съ солнечнымъ лицомъ.

Увы! Тѣ спутники со мною
И полъ-пути не пронеслись,

Какъ другъ за другомъ чередою
Всѣ, измѣнивъ мнѣ, разбрелись:
Гдѣ Счастье? Гдѣ? — Безъ затрудненья
Съ дороги той свернуло вмигъ,
А Знанью — облако сомнѣнья
Закрыло свѣтоносный ликъ.

Корона Славы гдѣ? — Позорно
Бездарнымъ на чело легла.
Любовь? — И та во слѣдъ проворно
За легкой юностью ушла.
Вокругъ все стало тише, тише,
Пустыннѣй, и теперь чуть-чуть
Надежды лучъ мерцаетъ, свыше
Ложась на мой туманный путь.

Подъ всемертвящимъ жизни хладомъ
Кто-жъ нынѣ утѣшитель мой?
Кто въ даль идетъ со мною рядомъ,
Ведя меня туда — домой?
Ты — жизни высшая отрада
Средь трудныхъ ношъ и горькихъ золъ,
О Дружба, ты, кого измлада
Искалъ, искалъ я — и нашелъ!

И ты, о Трудъ, отъ треволненья
Хранящій мой безбурный путь,
Творящій тихо, но творенья
Не разрушающій отнюдь,
Кладущій въ вѣчный строй природы
Хоть по песчинкѣ вновь и вновь,
Но все-жъ вносящій дни и годы
Въ платежъ за тяжкій долгъ вѣковъ!

ТЫ ПРОСТО ДУРОЧКА.

Ты просто — дурочка, какъ по всему замѣтно.
Порою на меня ты смотришь такъ привѣтно
И улыбаешься: я думаю, что ты
Тогда погружена въ нѣжнѣйшія мечты —
И разгорается душа моя блажная
И вспыхиваетъ вдругъ, какъ груда насыпная
Сухаго хвороста, отъ искры лишь одной
Твоихъ волшебныхъ глазъ, и страстный пламень мой
Свой отблескъ, кажется, на цѣлый міръ наводитъ
И алымъ заревомъ по небесамъ проходитъ, —
Я знойнымъ трепетомъ проникнутъ весь, а ты —
Ты просто — дурочка, хоть — ангелъ красоты.
Когда я всю тебя разцѣловалъ бы жадно —
Ты отвернешься вдругъ: и больно, и досадно!
И подъ свирѣпостью сердечнаго огня
Грудь разрывается на части у меня; —
И вотъ, вдругъ ускользнувъ и выгнувъ станъ свой гибкой,
Ты издали меня лукавою улыбкой
Вновь дразнишь: самъ себя не въ силахъ превозмочь,
Я вновь лечу къ тебѣ, а ты скорѣе — прочь!
Что-жъ! Этихъ ангеловъ обычаи не новы:
Пока ограждены, — они любить готовы,
Они шалятъ съ огнемъ, но не пойдутъ въ огонь.
Люби ихъ издали, но только ихъ не тронь!

СМОТРЮ-ЛИ Я ВЪ ТВОИ ГЛАЗА.

Смотрю-ли я, прелесть-дѣвица,
Въ твои, голубыя глаза, —

Въ тебѣ мое счастье я вижу,
И взоръ мой туманитъ слеза.

Я понялъ, что въ мракъ непроглядный
Глубоко я былъ погруженъ,
Пока голубыхъ твоихъ глазокъ
Я не былъ огнемъ озаренъ.

Я чувствую: былъ я безжизненъ
И жизнь чрезъ тебя нахожу,
А все-жъ не могу я не плакать,
Когда тебѣ въ очи гляжу.

Такъ взоры слезятся, коль смотришь
На солнце средь яснаго дня,
А все-же свѣтъ солнца люблю я,
За тѣмъ, что онъ грѣетъ меня.

ДЖАФАРЪ.

(Skazka).

Въ незапамятные годы,
Покоривъ окрестъ народы,
На Востокѣ жилъ султанъ,
Обладатель многихъ странъ, —
И султанъ былъ строгихъ правилъ,
Неусыпно царствомъ правилъ;
Посреди-жъ обширныхъ дѣлъ
На подмогу онъ имѣлъ
Прозорливаго министра,
И дѣла вершились быстро; —

И министръ его — Джафаръ
Былъ Аллаха лучшій даръ,
Бодръ, уменъ и неподкупенъ,
Нравомъ тихъ и всѣмъ доступенъ,
На злодѣевъ лишь гремѣлъ,
И въ дѣлахъ собаку съѣлъ;
Не впускалъ въ казну изъяна,
И короче: для султана
Былъ онъ правою рукой;
Вообще — министръ такой
(Впрочемъ, это по секрету),
Что теперь такихъ и нѣту.
Ужъ за то онъ и любимъ
Былъ владыкою своимъ,
И отъ щедраго владыки
Были милости велики.
Не въ ряду онъ прочихъ слугъ:
Онъ султану просто — другъ;
Да за то кругомъ не мало
И завистниковъ жужжало.

Даже самые друзья,
Зависть хитрую тая
Подъ услужливой улыбкой
Подъ уклончивостью гибкой
Разъ Джафару дружно, въ ладъ:
Какъ ты счастливъ! — говорятъ.
«Полно, други; какъ не стыдно!
Гдѣ-жъ мое вамъ счастье видно»?
Вопрошаетъ ихъ Джафаръ. —
Ну, да какъ же? Ты не старъ,
А достигъ такого сана!
Почесть! милости султана!
Ты султану другомъ сталъ... —
«Тс!..» министръ ихъ перервалъ:

«Не завидуйте напрасно!
Гдѣ высоко, такъ опасно;
Тамъ смотри во всѣ глаза:
Возлѣ милости — гроза.
Говорите осторожно!
Дружба съ равнымъ лишь возможна.
Я владыкѣ лишь слуга —
Честь и эта дорога.
Нашъ султанъ есть тѣнь Аллаха;
Я же — рабъ, дрожу отъ страху,
А при страхѣ счастья нѣтъ». —
Ну, возьмемъ другой предметъ! —
Тѣ вскричали. — Ты всегдашнимъ
Счастьемъ и въ быту домашнемъ
Окруженъ. Твоя жена
Такъ добра, мила, скромна!
Вѣрь хвалѣ нелицемѣрной:
Это другъ твой самый вѣрный.
Съ ней, чтобъ душу усладить,
Можешь все ты раздѣлить.
А дѣтей нѣтъ? — Что за дѣло?
Есть воспитанникъ, — и смѣло
Почитай его своимъ
Сыномъ — дѣтищемъ роднымъ.
Весь онъ твой душой и кровью.
И какой къ тебѣ любовью
Дышитъ теплой и живой —
Твой Ахматъ, пріемышъ твой! —
«Да»! — сказалъ Джафаръ протяжно,
И сморгнулъ, и крякнулъ важно,
И пустилъ ручьемъ густымъ
Изъ кальяна синій дымъ,
Тихо бороду погладилъ
И такую рѣчь наладилъ:
«Да, конечно, такъ: жена

Мнѣ всѣмъ сердцемъ предана;
Съ ней мнѣ милы узы брака,
Я люблю ее... однако,
Хоть она вѣрна, скромна —
Все-жъ вѣдь женщина она!
И тяжелая случайно
Лягъ-ка мнѣ на сердце тайна,
И довѣрчивой душей
Подѣлись-ка я съ женой,
Такъ и выйдетъ все наружу
Громомъ на голову мужу.
И пріемышъ мой — Ахматъ —
Мнѣ не врагъ, не сопостатъ,
Даже такъ меня онъ любитъ,
Что безъ нужды не погубитъ,
Онъ — наслѣдникъ мой одинъ;
Но — пріемышъ... все не сынъ;
Онъ ужъ отжилъ годы дѣтства;
Сладко ждать ему наслѣдства,
Скучно пестуну беречь.»
И Джафаръ закончилъ рѣчь.
Тутъ друзья не соглашались,
Возражать еще сбирались,
Но министру дорогъ часъ,
И бесѣда разошлась,
Кто налѣво, кто направо.
Вотъ прошло, не знаю, право,
Сколько времени потомъ,
Да и дѣло-то не въ томъ:
Дѣло въ томъ, что повѣлитель,
Тѣнь Аллаха, всевластитель,
Вздумалъ выѣхать султанъ
Для обзора дальнихъ странъ,
Отъѣзжая-жъ, предоставилъ,
Чтобъ Джафаръ верховно правилъ,

И отправился; — а тотъ
Сталъ всѣмъ править. Только вотъ,
Какъ султанъ уже въ отлучкѣ,
Зависть строитъ закорючки,
И Джафаровы враги
Ловятъ всѣ его шаги,
Втайнѣ думая: постой-ка!
Чуть потѣшься слишкомъ бойко —
Мы къ султану и въ доносъ!
Наклеимъ тебѣ мы носъ.
Словомъ, — такъ дружка поддѣнемъ,
Что потомъ, авось, и смѣнимъ,
Только шею береги!
Такъ шипятъ друзья-враги,
Словно змѣи: это племя,
Знать, и въ то водилось время.

Разъ сидитъ Джафаръ одинъ
Въ мрачной думѣ, а причинъ
Нѣтъ, кажись... все такъ сподручно
Все идетъ благополучно.
Вдругъ предъ нимъ его жена,
Что предъ тучею луна,
Бровь дугой подъ чернымъ глазомъ,
Черный глазъ горитъ алмазомъ,
Рдѣютъ алыя уста,
Словомъ — чудо-красота:
«Другъ мой! Мужъ мой, Что съ тобою?
Пораженъ-ли ты судьбою?
Что такъ мраченъ? отчего?
Бремя сердца своего
Раздѣли съ своей женою —
Раздѣли его со мною!»
— *Такъ*, взгрустнулося какъ-то мнѣ, —
Отвѣчалъ Джафаръ женѣ. —

«Нѣтъ, не такъ», — унѣживъ голосъ,
Та ему, — и словно волосъ,
Павшій змѣйкой на високъ,
Вился тонкій голосокъ.
«Нѣтъ, ты былъ необычайно
Грустенъ». — Другъ мой, это — тайна! —
Тихо вымолвилъ Джафаръ.
«Тайна? А!» — и алый жаръ
Мигомъ вспыхнулъ на открытыхъ
Женскихъ съ ямками ланитахъ.
«Тайна? Какъ? И отъ меня?»
И ярчайшихъ два огня,
Что чуднѣе всякихъ сказокъ,
Такъ и брызнули изъ глазокъ.
«О, скажи, скажи скорѣй!
Неужель женѣ своей
Ты не скажешь, не откроешь
И меня не успокоишь?
Иль ты сталъ не вѣрить мнѣ?
Сталъ считать меня вполнѣ
Легкомысленной, болтливой?
Вотъ! А я себя счастливой
Признавала! Но теперь...
Это хуже всѣхъ потерь —
Вижу: ты меня не любишь.
Ты убьешь меня, погубишь.
Я и такъ ужъ вся въ жару; —
Захвораю и умру!»
— Ну, изволь; но только снова
Повторяю ни полъ-слова
Никому! Не то — бѣда!
Мы съ тобой бездѣтны, — да, —
Такъ вчера, о томъ жалѣя,
Призывалъ я чародѣя
Погадать мнѣ, какъ тутъ быть,

Чѣмъ бы горю пособить. —
«Ну, и чтожъ? Ахъ, я бы рада...»
— Чародѣй сказалъ, что надо,
Чтобъ ученый былъ соколъ
Поданъ жареный на столъ,
И чтобъ ты его поѣла, —
Что отъ этакого дѣла
Сынъ у насъ родится — сынъ,
Да какой же! Исполинъ,
Что и въ мірѣ нѣтъ такого! —
«Ну, такъ что же? Я готова;
Ты напрасно горевалъ».
— Да, — а гдѣ бы я досталъ
Сокола? Вѣдь онъ ученый
Долженъ быть. Вопросъ мудреный:
Гдѣ и какъ добыть его?
Здѣсь такого одного
Лишь султанъ имѣетъ только.
Дѣло трудное! — «Нисколько.
Не намѣстникъ-ли теперь
Ты султана? Всякій звѣрь,
Конь султана, песъ и птица
Подъ ключемъ твоимъ хранится.
Хотъ прибей, хоть убивай,
Только сокола подай!
Дорожи удобнымъ часомъ:
Покорми сокольимъ мясомъ!
О супругъ и государь!
Мнѣ султанскаго изжарь!»
— Охъ, жена, бѣда нахлынетъ!
Соколу тому цѣны нѣтъ.
Лишь узнаютъ — и бѣда!
Я пропалъ, мнѣ смерть тогда... —
«Не узнаютъ! Неужели
Такъ ты мало въ самомъ дѣлѣ

Дорожишь мной? — Съ этихъ поръ
Въ ротъ куска, тебѣ въ укоръ,
Не возьму; отъ всѣхъ обѣдовъ
Откажусь я, не отвѣдавъ
Сокола, не стану ѣсть,
И увидишь, такъ какъ есть,
Съ жаждой жизни, молодая,
Въ гробъ я лягу, голодая!
И теперь ужъ голодна!»
И прекрасная жена
Выражаетъ и глазами,
И подвижными чертами
Воспаленаго чела:
Подавай мнѣ сокола!
А потомъ — опять въ угрозы!
А потомъ — взяла, да въ слезы!
А потомъ — конецъ концовъ! —
Въ моихъ Джафаровыхъ усовъ
Какъ впилась она, злодѣйка,
Какъ свилась въ кольцо, какъ змѣйка,
Какъ прижала губы, грудь —
Тотъ не можетъ и дохнуть,
Отбивайся тутъ — изволь-ка!
Онъ мычитъ — мм! — мм! — и только,
Раскраснѣлся, щеки вздулъ,
И ужъ кое-какъ дохнулъ;
А дохнулъ — и ужъ готово
Обѣщательное слово,
И — да здравствуетъ любовь! —
Соколъ жареный готовъ. —
На! — сказалъ Джафаръ, украдкой,
Съ безпокойною оглядкой
Предложивъ женѣ потомъ,
На подносѣ золотомъ,
Въ отдаленнѣйшемъ покоѣ

Драгоцѣнное жаркое.
Та, сорвавъ съ себя платокъ,
Этотъ лакомый кусокъ
Торопливо завернула
И въ гаремъ — къ себѣ нырнула;
Ѣстъ и мыслитъ: — Погляжу,
Скоро-ль сына я рожу?
Да, соколикъ былъ искусенъ,
Говорятъ, — и очень вкусенъ!
Какъ и нѣженъ онъ притомъ!
(А соколъ — сказать тайкомъ —
Жестокъ былъ). Вотъ въ самомъ дѣлѣ
Вкусъ какой въ ученомъ тѣлѣ!
Вѣкъ-бы ѣла, какъ теперь»...
Ахъ! — но тутъ раскрылась дверь,
Входитъ гостья — да какая?
По душѣ почти родная,
Зюльма... точно такъ — она!
И Джафарова жена
Словно птичка встрепенулась
И кусочкомъ поперхнулась,
Вмигъ чадру свою взяла
И прикрыла сокола.
— Здравствуй! Это что такое?
Что ты прячешь? — «Такъ... жаркое...»
— Быть не можетъ: покажи!
«Это — тайна». — Разскажи!
Вѣдь у насъ всѣ тайны вмѣстѣ.
Ахъ, мой другъ, какія вѣсти!
Новостей какая тьма!
Тайнъ премного я сама
Принесла къ тебѣ въ надеждѣ
Раздѣлить съ тобой... но прежде
Ты откроешь мнѣ свою,
Иль и я все утаю! —

«Да — нельзя никакъ». — Да — можно!
Я, ты знаешь, осторожна,
Я не выдамъ ужъ никакъ. —
«Ну, такъ слушай: такъ и такъ...»
Зюльма стала только слушать,
Какъ и просить ужъ покушать
Сокола, да про запасъ
Ножку взять — и черезъ часъ
Понеслась къ другой подругѣ,
Тожъ нуждавшейся въ услугѣ
Соколиной. День прошелъ —
И изжареный соколъ
Былъ извѣстенъ симъ и онымъ —
И мужьямъ, не только женамъ;
При мужской ихъ простотѣ
Ужъ пронюхали и тѣ
Тайну женъ нечуткимъ носомъ, —
И — скорѣй — давай къ доносамъ
На Джафара! — И султанъ
Возвратился, обуянъ
Гнѣвомъ, изъ далекихъ странъ,
Обо всемъ тотчасъ развѣдалъ,
И суду Джафара предалъ,
И въ темницу заключилъ,
Да и судъ препоручилъ
Тѣмъ завистникамъ проклятымъ,
Что давно ужъ съ сердцемъ сжатымъ,
Наточивши зубы, ждутъ
Съѣсть Джафара. Что ужъ тутъ
И судить-то? Правъ-ли, нѣтъ-ли,
А ужъ вѣрно стоитъ петли!
И Джафаръ былъ осужденъ,
Приговоръ былъ утвержденъ;
Суды въ дѣлѣ были ловки:
Смерть Джафару отъ веревки!

Между тѣмъ, въ послѣдній разъ,
Осужденный, видя часъ
Съ грозной вѣчностью сосѣдній,
Просить милости послѣдней,
Чтобъ владыка оныхъ странъ,
Милосердый царь султанъ,
Службы старой въ уваженье,
Далъ Джафару дозволенье
Передъ ликъ его предстать,
Слова два ему сказать
Съ глазу на глазъ. По прошенью
Онъ допущенъ къ объясненью,
Принятъ, выслушанъ. О чемъ
Шла тутъ рѣчь у нихъ вдвоемъ —
Неизвѣстно; только дѣло
Облегченья не имѣло,
А осталось такъ, какъ есть:
Все Джафару въ петлю лѣзть;
Приговоръ остался въ силѣ;
Казни злой не отмѣнили;
Лишь дозволено ему
Передъ смертью на дому
У себя распорядиться
И со в[illegible]ми распроститься,
Да дозволено ему,
Въ милость, выбрать самому —
(Врядъ за этимъ дѣло станетъ)
Кто ему на шеѣ стянетъ
Смертный узелъ. Для него
Предовольно и того.

Часъ торжественный! Онъ дома.
Все, что родственно, знакомо
Или дружественно съ нимъ,
Собралось кружкомъ густымъ.

Посрединѣ столъ поставленъ
И чуть-чуть лишь не раздавленъ:
Столько золота на немъ.
Самъ хозяинъ за столомъ,
А вокругъ его родные
И друзья тѣ дорогіе,
Что когда-то въ спорѣ съ нимъ
Утверждали, что земнымъ
Онъ увѣнчанъ полнымъ счастьемъ;
Всѣ проникнуты участьемъ,
Но притворнымъ; всякій ждетъ —
Что ему перепадетъ
Что-нибудь изъ грудъ блестящихъ
И кому-бъ изъ предстоящихъ
Предназначена была
Груда та, что средь стола
Грудой злата пудовою
Высилась, блестя игрою.

«Вотъ, друзья, — Джафаръ такъ началъ: —
Мнѣ Аллахъ конецъ назначилъ —
Умираю. Предъ концомъ
Я дѣлюсь моимъ добромъ;
Свѣтъ меня чтобъ не злорѣчилъ.
Я жену ужъ обезпечилъ
И Ахмата. — Вотъ тебѣ,
Милый братъ! — Возьми себѣ
Эту груду, добрый шуринъ!
Вотъ и въ этой вѣсъ не дуренъ:
Ты возьмешь ее, своякъ!
Эти кучки — такъ и такъ —
Вамъ, друзья! — А эта груда
Посрединѣ... вамъ не худо
Присмотрѣться къ ней — она
Мной тому присуждена,

Кто изъ васъ рукой своею
Мнѣ затянетъ петлей шею.
Кто готовъ»? — Молчатъ друзья.
Каждый радъ бы крикнуть: я!
Да стыдятся. Члены круга
Изподлобья другъ на друга
Молча смотрятъ, и безъ словъ
Ясно всѣмъ, что всякъ готовъ.
Тишина хранится строго.
Вотъ, одинъ вздохнулъ немного;
Этотъ — кашлянулъ слегка;
Тотъ икнулъ вдругъ; но пока
Въ напряженномъ ожиданьѣ
Всѣ хранятъ еще молчанье,
Мысль лукавую тая. —
Вдругъ раздался вызовъ: я!
Всѣ невольно встрепенулись,
Содрогнулись, обернулись,
Съ изумленіемъ глядятъ...
Кто же вызвался? Ахматъ.
Избоченясь, стоя гордо,
Онъ сказалъ Джафару твердо:
«Чтожъ, отецъ! Не все ль равно?
Жить тебѣ не суждено.
Я все кончу, не желая
Чтобъ рука тебя чужая
Этотъ выполнила долгъ.
Я готовъ». — И онъ умолкъ. —

— Вотъ, друзья мои, — тутъ снова
Такъ Джафаръ возвысилъ слово: —
Вотъ вы спорили, друзья,
Говоря, что счастливъ я
Высшей почестью и саномъ,
Сближенъ дружбою съ султаномъ,

Счастливъ скромною женой;
Что Ахматъ, какъ сынъ родной,
Мнѣ душой и сердцемъ преданъ.
Мой удѣлъ теперь извѣданъ
Этимъ опытомъ: султанъ,
Давшій мнѣ столь важный санъ,
Посадилъ меня въ темницу
И казнить велѣлъ за птицу;
Министерскія дѣла
Не покрыли сокола.
Скромно-вѣрная супруга,
Искусивши мужа-друга,
Втайнѣ скушавъ сокола,
Тайны той не сберегла.
А пріемышъ мой, прельщаясь
Этой грудой, не смущаясь,
За мою къ нему любовь
Удавить меня готовъ. —
Чтожъ? Не кончилась ли сказка?
Нѣтъ; нужна еще развязка.
Вотъ развязка: не казненъ
Былъ Джафаръ, остался онъ,
Какъ и прежде, въ томъ же санѣ.
Все устроилъ онъ заранѣ,
Какъ для опыта хотѣлъ, —
И соколъ султанскій цѣлъ,
А женѣ онъ далъ другаго,
Неученаго, простаго,
А того, что дорогъ былъ,
Онъ султану возвратилъ
При дозволенномъ свиданьи
И секретномъ совѣщаньи,
Гдѣ склонился самъ султанъ
На придуманный имъ планъ,
Казнь какъ будто-бъ лишь отстрочилъ

И его уполномочилъ
Все устроить на дому,
И какъ будто бы ему
Только выборъ предоставленъ.
Кѣмъ онъ долженъ быть удавленъ.
Вотъ и все! И кончилъ я.
Чтожъ Джафаровы друзья?
По домамъ пошли безъ денегъ,
Говоря: Джафаръ — мошенникъ.
Всѣхъ надулъ! — А что Ахматъ?
Чай, и онъ не оченъ радъ.
А жена Джафара? рада?
Не рвала-ль ее досада,
Что подмѣномъ сокола
Такъ обманута была?
Не скажу. Кончаю смѣло.
Пусть ихъ ропщутъ! Что за дѣло?
Лишь доволенъ былъ бы тотъ,
Кто прослушаетъ, прочтетъ
Эту сказку, особливо
Тотъ, кто самъ ее такъ живо
Мнѣ разсказывалъ. Она
Мной ему посвящена.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ

СЛОВЪ СОЧИНЕННЫХЪ

В. Г. БЕНЕДИКТОВЫМЪ,

ВИДОИЗМѢНЕННЫХЪ ИЛИ НИКѢМЪ ПОЧТИ НЕУПОТРЕБЛЯЕМЫХЪ,—ВСТРѢЧАЮЩИХСЯ ВЪ ЕГО СТИХОТВОРЕНІЯХЪ

составленный Я. П. ПОЛОНСКИМЪ.

Б.

Безвѣрецъ.
Безмогильный (ая жизнь).
Безсвадебный (ая судьба);
Безотказно.
Безотъѣздный.
Безпоклонный.
Безпокровный (ая вмѣсто голая).
Безбранно.
Безглагольства.
Бранно-носица.
Вѣло-крайній (ая тучка)

В.

Вальсовое круженіе (вм. вальсъ).
Вскрѣпить.
Вѣнчательный (день).
Волнованье.
Волноборецъ-водорѣзъ (т. е. корабль).
Винно (т. е. пьяно).
Волнотечность.
Видозвѣздный (дворецъ).
Возмужествовать.
Возоблагодать.
Всезнаменитый.
Всеемлющій (ая душа).
Всесборный (ая Вѣна).
Всегрызущій (ее время)
(ій зубъ времени).
Всесвятыня.
Всеразгульно-плясовой (пѣсни).
Всекосящій (ая коса смерти).
Въ перерость.
Въ перекатку.
Водоскатъ.
Въ перегибъ.

Г.

Головосѣкъ (мечъ).
Громоглагольный.
Гудъ.
Глушиться.

Д.

Двураскатный (ая грудь).
Державно-псалмопѣвный (царь Давидъ).
Добавокъ (декорацій).

Ж.

Жирно-сладокъ.
Жертвоносецъ (ъ—музы).

З.

Запанцыриться.
Залюбовный.
Закрайна (вм. край платья—подолъ).
Затворный (ая тоска).
Защитный (мечъ).
Заѣздъ плавучій (корабль).

Зернометатель (вм. сѣятель).
Зачашный (привѣтъ).
Злоуправство.
Злосплетеніе.
Змѣедушный.
Зубодомный.

И.

Извинчивный (ыя кудри).
Изнесенный (звукъ).
Изготовка.
Игриво-гибкій.

К.

Каинство.
Кадильно.
Кроваво-богомольный (Иванъ Грозный.)
Круто-гнутый.

Л.

Льдяребрый.

М.

Мужественнѣть.
Много-разливный.
Мелко-занозный (ыя бѣды).
Мірохозяинъ (духъ зла).
Мраколюбецъ.

Н.

Наградный (ая милость).
Надонный.
Навыйный (ные кресты, т. е. ордена)
Нажженный (ая ланита).
Навстрѣчный (ая толпа).
Недолготечность.
Неумегчаемость (божественныхъ законовъ).
Нетоптатель.
Невставленный.
Неключимый (воротъ),

О.

Обезбоженный (ая природа)
Огнесердечный.
Огнеобразный.
Огнетворческій.
Огнеметный (ая мысль).
Отшибы (скалъ).
Отчужденецъ.
Осклабленье.

П.

Переливчато-цвѣтной.
Подскоки (рѣзвые).
Полутѣлесный.
Полурастворъ (устъ).
Похитительный.
Подутесный (ыя волны).
Подкраденный (ая *книжка*)
Перескокъ.
Переломка.
Пестромалеванный.
Подглядка.
Пламенить.
Предвкусіе (вм. *предвкушеніе*).
Предосвѣщенье (ья дня вм. *заря*).
Пигмаліоновски-живой.
Предбитвенный (мечъ).
Придверникъ.
Правозрѣнье.
Простонародство.
Просторожденецъ.
Прегармонический.
Прориѳмованный (стихъ насквозь).
Прорѣзъ (глазъ).
Пролетный (бытъ моряка).

Р.

Распѣвная (пѣсня).
Разсчетистый.
Раздолъ (вм. раздолье).
Разгульность (вмѣсто *разгулье*).
Развивъ.
Разбросъ.
Разволнованъ.
Ріѳмотворъ.
Ріѳмоплетствовать.

С.

Самопышный.
Сентябревый (ое чувство).
Свѣтодержецъ.
Свѣтовой (ая твердь)
Сердце-отвѣтный.
Согрѣва.
Селадонствовать.
Сникнуть.
Сладкопѣвность.

Сладколепетный (ая рѣчь).
Сорвиголовный.
Стервенить (богиню пѣсенъ).
Сшибка мыслей.
Свѣтлозеркальный.
Спальній (ая таинственность).
Сребреволнистый (потокъ).

У.

Уклонка.
Усѣсть.
Утишье.
Ущербы (мн. ч.)..
Уширять.

Ч.

Чужерѣчить.
Человѣчиться.

Ш.

Штыковой (частоколъ ружей).

Я.

Яичность.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРАГО ТОМА

стр.

Оригинальныя стихотворенія.

(1856—1858).

На новый 1857-й годъ 3
Къ портрету Государя Императора Александра Николаевича . . . 8
Къ портрету Государыни Императрицы Маріи Александровны. 9
Война и миръ 10
И туда 12
Я помню 13
Что шумишь? 14
Н. Ѳ. Щербинѣ 16
Улетѣла 17
Онъ. 20
Оставь 22
Вѣрю. 23
Входъ воспрещается 24
Плачъ остающагося въ городѣ при видѣ переѣзжающихъ на дачи. 27
Бездарный 32
Когда-бы. . . . . —
Современная молитва 34
Поэту. 35
При иллюминаціи 37
Липы-липки 38
При прочтеніи одного изъ твореній Шекспира 40
По синимъ волнамъ океана. 41
Старому пріятелю 43
Маша. 44
Современная идиллія 46
Къ лѣсу 49
Ваня и няня 51
Посѣщеніе 53

Сельскіе отголоски.

1. Переселеніе 67
2. Тишь 70
3. Маленькое желаніе 71
4. Вечернія облака. 72
5. Рожь и птичка . . . . . —

стр.

6. Близость. 74
7. Сѣнокосъ 75
8. Молитва природы 76
9. На сельскомъ кладбищѣ 77

Переводы.

I. Выходецъ изъ могилы 78
II. Призывъ 82
III. Теперь 83
IV. Книга 89
V. Мостъ 90
VI. Дерево 91
VII. У рѣки. 92
VIII. Матери, лишившейся ребенка-сына 93
IX. Къ дочери 95
X. Къ юности 96
XI. Боги Греціи 101
XII. Пѣснь радости. 106

Разныя стихотворенія.

Мысль 110
Переложеніе псалма CXXV. 111
Надъ гробомъ О. И. Сенковскаго. . 112
Къ новому поколѣнію. 114
Чтожъ дѣлать 115
Привѣтъ старому 1858-му 116
Бѣднякъ 118
Голубь 120
Запретный плодъ 121
Къ ней (старая пѣсня на новый ладъ) 122
Борьба 124
И нынѣ 125
Поздно 126
Могущество пѣсни 127
Безсонница. 128
Любовь музыканта (посвящ. А. Г. Рубинштейну) 129
Чортова башня (легенда) 130
Недоумѣніе. 132
Не долго 133

П 7609

ОГЛАВЛЕНІЕ

	стр.
Елка	134
Разбитый кумиръ	136
Разговоръ	137
Фантазія	139
Отплата	140
Упоеніе	141
Въ музеумѣ скульптурныхъ произведеній	—
И. А. Гончарову	144
Подражаніе псалму LXXXI	146
Люцернъ	147
Горная дорога	148
Чортовъ мостъ	150
Разговоръ на чужбинѣ	—
Ночью	155
Утромъ	—
Послѣ	156
Человѣчество	—
Добрый совѣтъ	157
Все люди	159
17 апрѣля 1859 г.	160
Свѣтлыя ночи	161
Образецъ смиренія	162
Гдѣ онъ? (посвящ. Пл. А. Кускову)	163
Тѣ мнѣ все	164
Мнѣ жаль	—
Подражаніе испанскому	165
Не тотъ	166
Риемоплетъ	—
Пѣсня	167
Пытки	168
Сонъ	169
Достань	170
Одно изъ двухъ	172
Казалось	173
Не вѣрю	—
Пора	174
Пляска смерти	175
Ночная бесѣда	178
А мы?	180
Искусство и природа	182
Возмутитель	185
Отвѣтъ	187
Вѣнокъ Кесаря	190
Затменіе	191
Локомотивъ	192
Ель и береза	194
Прочиталъ я книгу	195
Рыцарь	196
Деревенскій мальчикъ	198
Счастье-несчастье	199
Довольно!	200
Посмотри!	—
К...	201
Сонетъ св. Терезы	202
Вопросы	203
Перевороты	204
Разговоръ	207
Воскресная школа	213
На 1861	215
Леля	216
Ничего	219
Владычество моды	—
Любитъ	221
Великое дѣло	222
Не надо	223
Къ инокинѣ	224

Переводы и подражанія.

	стр.
I. Ребячество	227
II. Завтра	228
III. Капля	230
IV. Смерть	—
V. Роза въ рукахъ Инфанты	231
VI. Желанія	238
VII. Проснись!	239
VIII. Фіалка и мотылекъ	240
IX. Ты любишь	242
X. Не бойся	243
XI. Роза и могила	244
XII. Бѣдные люди	245
XIII. Изъ А. Шенье.	
1	252
2	253
3	—
4	—
5	254
6	—
7	255
8	—
9	256
10	—
11	258
XIV. Подражанія сонетамъ Шекспира.	
1	259
2	—
3	260
4	261
5	—
6	262
7	263
8	—
9	264
10	265
11	—
12	266
XV. Идеалы	267
Ты просто дурочка	270
Смотрю-ли я въ твои глаза	—
Джафаръ	271

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФ

поставщиковъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гост. Дв., 18. ✻ МОСКВА, Кузнецкій Мостъ,

ПРОДАЮТСЯ, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ:

АЛЬБОВЪ, М. Ряса. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

БАРАНЦЕВИЧЪ, К. С. Первый заработокъ и др. разсказы. Съ илл худ. Скиргелло и др. Цѣна въ богатомъ ко перепл. съ золототисненіями и золотообрѣзомъ, въ папочномъ футлярѣ,

ЕГО-ЖЕ. Порванныя струны и др. разсказы. Ц. 1 р. 50 к.

БИЛЬБАСОВЪ, В. А. Историческія монографіи. 5 большихъ томовъ. І 10 руб.

БѢЛИНСКІЙ, М. Бунтъ Ивана Ивановича. Всходы. Ц. 1 р 50 к.

ВЕГНЕРЪ, В., д-ръ. Римъ. Исторія и культура римскаго народа для л телей классической древности и для самообразов 3-е изданіе. Подъ редакціей проф. В. И. Модестова. Вып. I. Цѣна по подп на 12 вып. на лучшей веленевой бумагѣ 6 р., съ перес. 7 р.

ГОТТЕНРОТЪ, Ф. Исторія внѣшней культуры. Одежда, домашняя ут полевыя и военныя орудія народовъ древнихъ и но временъ. 80 листовъ текста съ 240 роскошно раскрашенными таблиц Вып. X. Подписная цѣна на 20 вып. (или 2 т.) 20 р., съ перес. 25 р.

КРУГЛОВЪ, А. В. Приключенія Спиридона. Повѣсть для юношества. С отл. карт. и 51 рис. въ текстѣ А. И. Сударушкина и Ц. въ богатомъ коленк. пер.пл. съ золототисненіями и золотообрѣзомъ, папочномъ футлярѣ, 3 р.

ЛАППО, И. И. Великое княжество Литовское за время отъ заключенія Л линской уніи до смерти Стефана Баторія. Опытъ изслѣдов политическаго и общественнаго строя. Т. I. Цѣна 5 р.

ЛѢСКОВЪ, Н. С. Разсказы кстати. Ц. 1 р. 50 к.

ЕГО-ЖЕ. Святочные разсказы. Ц. 1 р. 50 к.

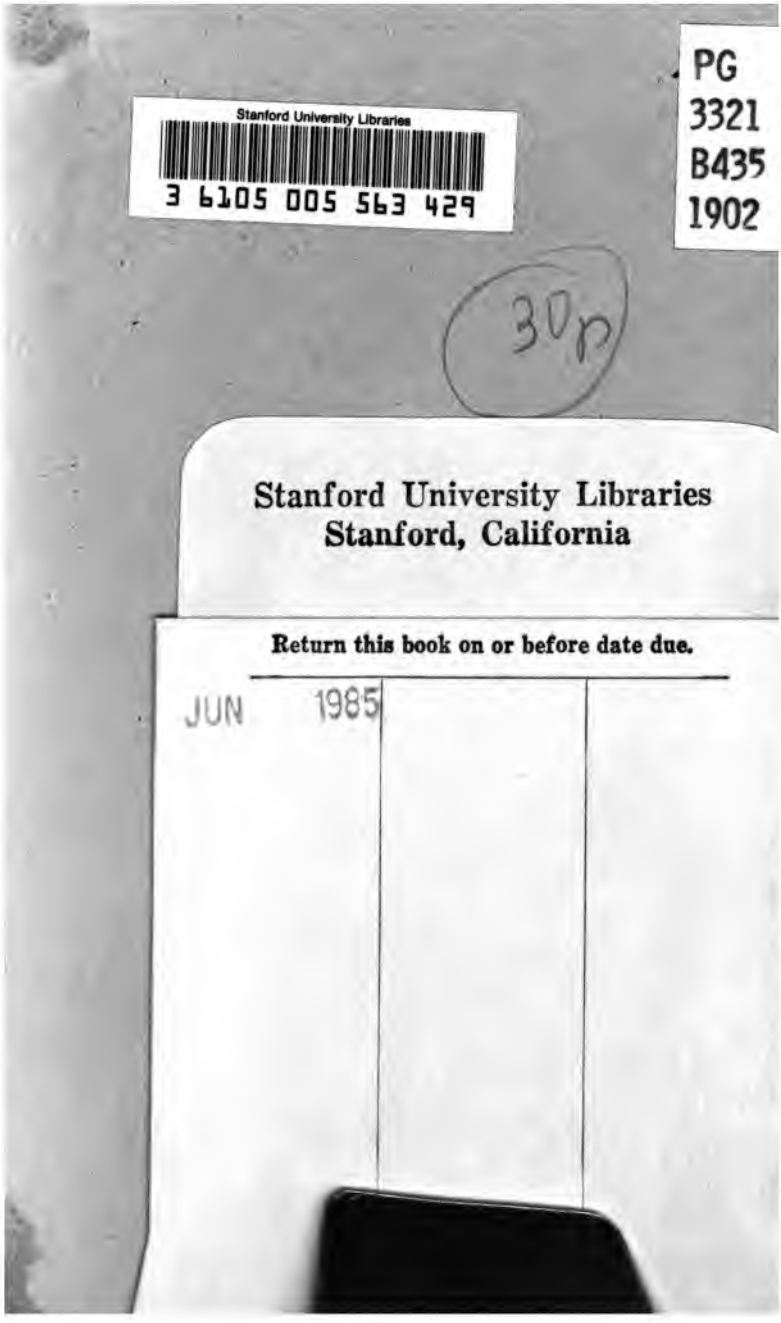
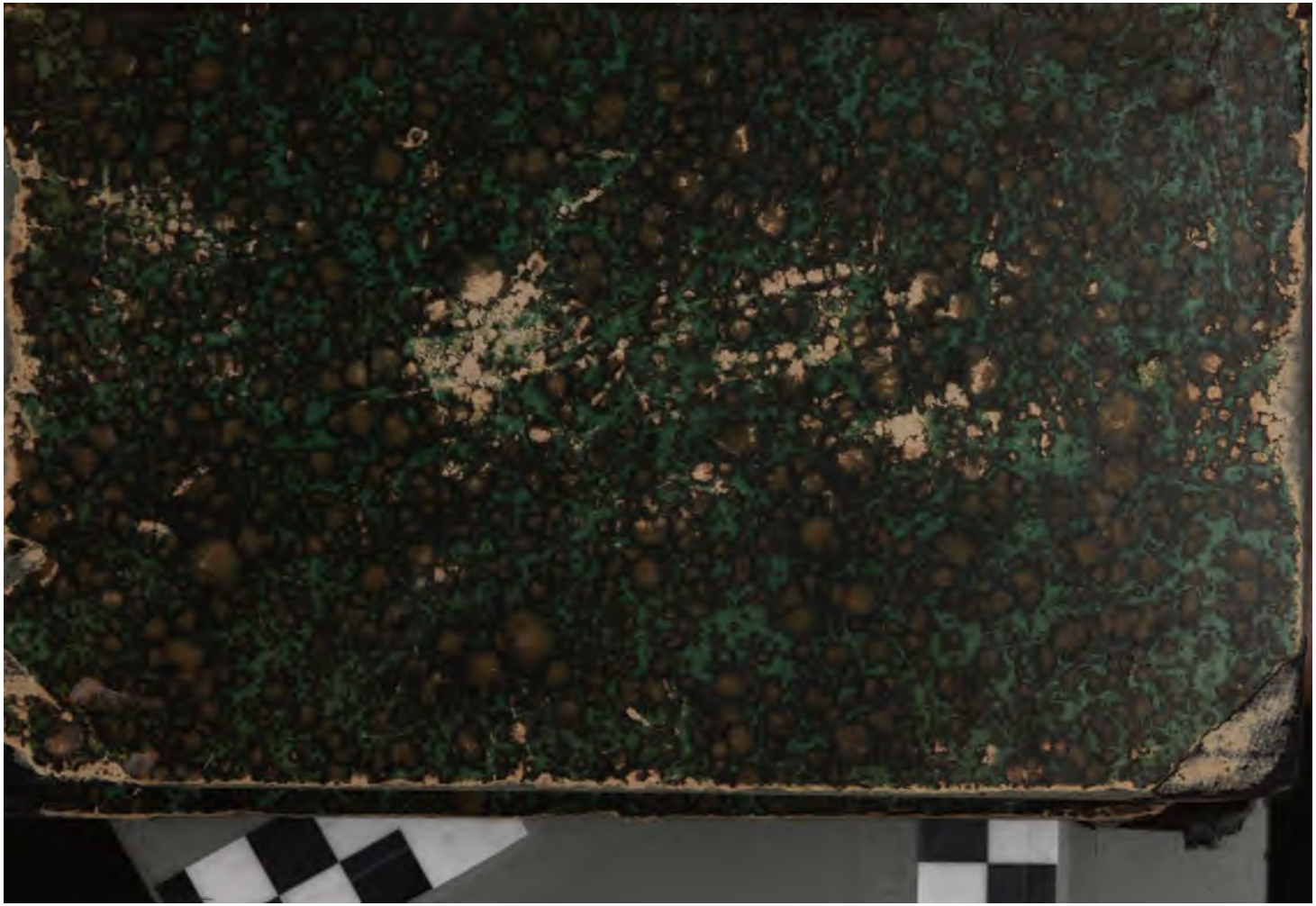
МЕРЕЖКОВСКІЙ, Д. С. Л. Толстой и Достоевскій. Т. I. Изданіе вт Ц. 2 р. 50 к.

МЕТЕРЛИНКЪ, М. Блаженство души. (Le trésor des humbles) (Сокровище р-нныхъ). Переводъ Л. Вилькиной подъ редакціей и предисловіемъ Н. Минскаго. Ц. 1 р.

РАФАЛОВИЧЪ, С. Весенніе ключи. Стихотворенія. Изящное изданіе. Ц.

САЛОВЪ, И. А. Ольшанскій молодой баринъ. Повѣсть. Ц. 1 р. 50 к.

ШУЛЬЦЪ, А. А. Сборникъ статей по нѣмецкому языку для военныхъ примѣчаніями и съ полнымъ нѣмецко-русскимъ сло словаремъ. Ц. 1 р. 75 к.


Stanford University Libraries
3 6105 005 563 429
PG
3321
B435
1902
30p
Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.
JUN 1985